

ЛЕТОПИСНЫЙ
«ИЗЯСЛАВЪ»

БОЛЬШОЕ
ШЕПЕТОВСКОЕ
ГОРОДИЩЕ

В СВЕТЕ
АРХЕОЛОГИИ

Том 1

МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК
М. К. КАРГЕРА
1957–1964 ГОДОВ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
1960–1980-Х ГОДОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for the History of Material Culture
Proceedings. Vol. LV

Medieval “Izyaslavl”
The Large Fortified Settlement
near Shepetovka,
in the light of archaeology

Volume I

Materials from the archaeological excavations
of Mikhail Karger 1957–1964
investigated in the 1960s–1980s

Nestor-Historia
St. Petersburg
2020

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории материальной культуры
Труды. Т. LV

Летописный «Изяславль»

Большое Шепетовское городище в свете археологии

Том I

**Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 годов
в исследованиях 1960–1980-х годов**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2020

УДК 90
ББК 63.4(2)2
Л52

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 20-19-00114, не подлежит продаже

Работа по подготовке издания выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 18-09-00753

Печатается по решению Ученого совета ИИМК РАН

Редколлегия: К. А. Михайлов, А. А. Пескова (отв. ред.-сост.), О. А. Щеглова

Рецензенты: д-р ист. наук С. В. Белецкий, д-р ист. наук А. Е. Мусин

Л52

Летописный «Изяславль»: Большое Шепетовское городище в свете археологии. Том I. Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 годов в исследованиях 1960–1980-х годов / ред.-сост. А. А. Пескова. — СПб. : Нестор-История, 2020. — 264 с., ил. — (Труды ИИМК РАН. Т. LV).

Medieval “Izyaslavl”: The Large Fortified Settlement near Shepetovka, in the light of archaeology. Volume 1. Materials from the archaeological excavations of Mikhail Karger 1957–1964 investigated in the 1960s–1980s / ed. by A. Peskova. — St. Petersburg : Nestor-Historia, 2020. — 264 p., il. — (Proceedings of IHMC RAS. Vol. LV).

ISBN 978-5-4469-1696-2

DOI 10.31600/978-5-4469-1696-2

Настоящее издание представляет собой I том материалов и исследований из раскопок Большого Шепетовского городища, широко известного специалистам как летописный «Изяславль» (1957–1964 гг., рук. М. К. Каргер). В нем собраны результаты изучения трех массовых категорий археологических находок — исследования А. Н. Кирпичникова, посвященные предметам вооружения, О. В. Овсянникова о керамике и В. И. Цалкина о фауне, проведенные в 1960-е гг. и не утратившие актуальности сегодня, которые вводят в научный оборот многотысячные археологические материалы, отражающие хозяйственный уклад и социально-культурный облик древнерусского города конца XII — первой половины XIII в. Публикуется также выполненный Г. А. Романовой краткий обзор материалов позднеимперского времени, относящихся к поселению, предшествовавшему на этом месте средневековому городу. Для археологов, историков, музейных работников, всех интересующихся историей Древней Руси и специалистов по истории Восточной Европы в позднеимперское время.

This publication presents readers with the results of the study of three mass-scale categories of archaeological finds from the excavations undertaken at the Bolshoye Shepetovka fortified settlement (1957–1964, led by Mikhail Karger), which is widely known among specialists as medieval “Izyaslavl”, referred to in the chronicles. Anatolii Kirpichnikov’s research was devoted to weaponry, that of Oleg Ovsyannikov to the pottery and that of Venyamin Tsalkin to the faunal remains — all in the 1960s, but they remain just as relevant and topical today. The publication introduces into the academic literature thousands of archaeological finds reflecting the working environment and socio-cultural character of an Early-Rus’ town at the end of the 12th century and during the first half of the 13th. It also includes a short survey, carried out by Galina Romanova, of materials dating from the Late Roman period and relating to the settlement which pre-dated the fortified settlement at this site. The book is intended for archaeologists, historians, museum staff and all those who are interested in the history of Early Rus’ and who specialize in the history of Eastern Europe during the Late Roman era.

ISBN 978-5-4469-1696-2

УДК 90
ББК 63.4(2)2

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Авторы статей, 2020
© Пескова А. А., научное редактирование, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

Предисловие

Городище у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области (Украина), известное на археологической карте Волынской губернии еще с конца XIX в., в 1957–1964 гг. было изучено широкомасштабными раскопками, проведенными совместной Галицко-Волынской архитектурно-археологической экспедицией Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР и Ленинградского государственного университета под руководством М. К. Каргера. Трагическая судьба древнерусского укрепленного городка, разгромленного и сожженного в результате татаро-монгольских набегов в середине XIII в., привела к формированию на этом месте уникального культурного слоя с многочисленными артефактами. За восемь лет была исследована почти вся площадь городища (3,6 га), собрана многотысячная коллекция археологических и антропологических материалов.

Уже в первый год раскопок М. К. Каргер отождествил изучаемое городище с летописным городом Изяславлем, погибшим при штурме войском хана Батые зимой 1240–1241 гг. Под этим именем памятник на долгие годы вошел в археологическую литературу. В настоящее время гипотеза ставится под сомнение. Поскольку новые версии названия не подкреплены достаточной аргументацией, в настоящем издании гипотетическое название памятника пишется в кавычках — «Изяславль».

По свидетельству современников тех событий, М. Каргер планировал издание коллективной монографии, посвященной городу и разным категориям находок. Эти исследования должны были провести основные участники раскопок. Отдельные разделы книги были написаны, но она так и не была опубликована.

К материалам из раскопок городища за истекшие десятилетия специалисты обращались не раз. Сегодня список литературы, касающейся публикации и анализа полученных при раскопках материалов, насчитывает уже свыше сотни статей (см. «Публикации, касающиеся материалов из раскопок Большого Шепетовского городища»). Однако разрозненность опубликованных материалов и их неполнота и случайность отбора не могут дать целостного представления о памятнике, что порождает весьма разноречивые интерпретации истории города.

К тому же значительная часть материалов из раскопок городища по сей день остается неизвестной даже специалистам. Среди них важнейшие и самые массовые на городище категории находок — керамические сосуды, предметы вооружения и остеологические материалы, которые были детально изучены еще в 1960-е гг. О. В. Овсянниковым, А. Н. Кирпичниковым и В. И. Цалкиным. Их дополняет статья о рыболовных принадлежностях, написанная в те же годы О. В. Овсянниковым.

Результаты упомянутых работ, несмотря на время их написания, представляют большой интерес для современных исследователей средневекового города вообще и особенно

данного памятника и региона. Эти труды, существенно расширяющие базу источников для понимания хозяйственной, социальной и культурной жизни укрепленного поселения, составили основу настоящего издания.

Кроме того, помимо исследований средневековых материалов в состав книги включена еще одна маленькая, но очень важная обзорная статья Г. А. Романовой, написанная в 1980-е гг. и дающая представление о наиболее ярких находках позднееримского времени. Эти находки являются свидетелями иной эпохи. Однако они как неотъемлемая часть изучаемого археологического памятника также заслуживают внимания специалистов.

Подготовка к изданию исследований 1960–1980-х гг. (I том) оказалась возможной благодаря содействию авторов, предоставивших свои рукописи и материалы из личных архивов, — А. Н. Кирпичникова, О. В. Овсянникова и Г. А. Романовой. Она была проведена в рамках гранта РФФИ, проект № 18-09-00753, имеющего целью максимально полное введение в научный оборот материалов из раскопок средневекового городища у с. Городище близ Шепетовки. В рамках этого же гранта в настоящее время продолжается работа по подготовке к публикации II тома, куда войдут новейшие исследования материалов из раскопок М. К. Каргера 1957–1964 гг.

Подготовка текстов к публикации и комментарии к ним осуществлены А. А. Песковой и К. А. Михайловым (рукописи А. Н. Кирпичникова, О. В. Овсянникова, В. И. Цалкина) и О. А. Щегловой (рукопись Г. А. Романовой). Рисунки находок в большинстве случаев сделаны самими авторами и подготовлены к печати Е. Ю. Кононович, чертежи обработаны Е. А. Никитиной. В издании широко используются фотографии из Фотографического отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН, сотрудникам которого приносим благодарность за помощь в работе, а также из личных архивов А. Н. Кирпичникова и М. К. Каргера.

А. А. Пескова

История изучения городища у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области, Украина

Обращаясь к истории изучения городища, раскопанного под руководством М. К. Каргера (рис. 1) в 1957–1964 гг., необходимо вначале сказать несколько слов о его наименовании. Широко известно, что исследователь отождествил изучаемый памятник с летописным городом Изяславем, оказавшимся зимой 1240/1241 гг. на пути войск Батые, двигавшихся на Запад после взятия Киева (ПСРА II: 786; Каргер 1958А: 16–17). Под этим именем городище продолжает фигурировать в литературе по сей день, несмотря на то что гипотеза М. К. Каргера давно оспорена. Он и сам отмечал, что ее правомерность будет зависеть от наличия или отсутствия культурного слоя, синхронного городищенскому, в находящемся неподалеку районном центре Изяслав на Горыни: «Для того, чтобы высказанная здесь гипотеза превратилась в научно-обоснованное положение, необходимы дополнительные археологические исследования на территории современного Изяслава» (Каргер 1958А: 17). Спустя лет двадцать (1980–1990-е гг.) такие раскопки были проведены украинскими археологами в городе Изяславе на Горыни, было установлено наличие на его территории в урочище «Рогнеда» городского слоя XII — первой половины XIII в. Тем самым подтверждена возможность прямой исторической преемственности летописного Изяслава и современного города Изяслав (Никитенко, Осадчий, Полегайлов 1985: 270–274; Никитенко 1999: 547–552; Прищепа 2016: 130; Демидко 2017: 144–149). Трудно сказать, что повлияло на живучесть гипотезы М. К. Каргера, то ли открытый археологами масштаб разрушения древнего городка, то ли масштаб личности самого исследователя, скорее всего то и другое вместе взятое. Тем более что вероятность гибели этого городка, расположенного на пути движения войск Батые, вследствие монголо-татарского нападения весьма высока вне зависимости от его наименования.

В настоящее время поиски летописного имени раскопанного М. К. Каргером городища продолжают, но ни одна из новых гипотез не подкреплена достаточной аргументацией. В этих условиях приходится использовать нейтральное географическое наименование археологического памятника, а при необходимости упоминания емкого летописного имени Изяславль заключать его в кавычки.

Рис. 1. Портрет М. К. Каргера
1960-х гг. (НА ИИМК РАН,
ФО, негатив I 76721)

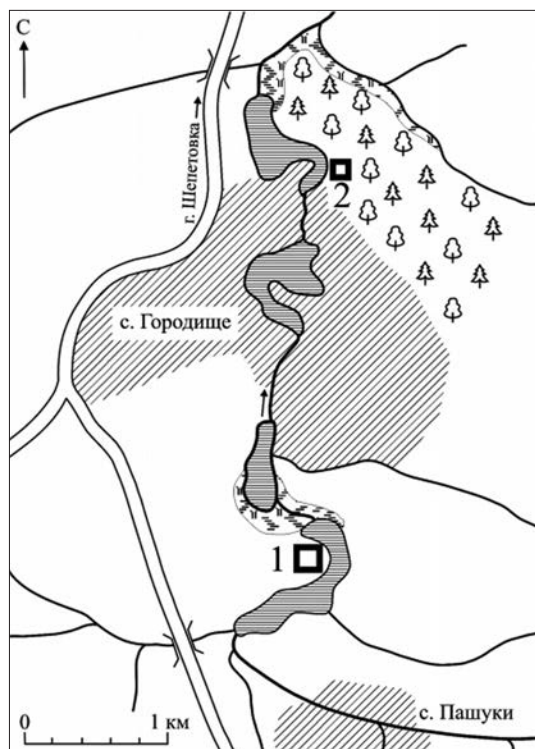

Рис. 2. Схема расположения городищ у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области, Украина:
1 — большое городище в урочище Валы (летописный «Изяслав»);
2 — малое городище в урочище Высокое (по Пескова 2009: ил. 1)

Но и называть городище по названию близлежащего села Городище было бы недостаточно точно, поскольку сёла с таким названием в регионе встречаются довольно часто. Ближайшим к селу Городище населенным пунктом с неповторяющимся названием является районный центр Шепетовка, на который и приходится ориентироваться, тем более что другие городища в его округе неизвестны. При этом надо учитывать, что около села Городище расположены два городища разного размера: большое в урочище Валы, находящееся к югу от села, и малое в урочище Высокое на его северной окраине (Антонович 1901: 104; Третьяков 1949А: 8–9; Пескова 2008: 74–79) (рис. 2). С учетом указанных обстоятельств мы и называем раскопанный под руководством М. К. Каргера памятник Большое Шепетовское городище (рис. 3).

Известно оно уже с конца XIX в. В сборнике топографических сведений о курганах и городищах Волынской губернии Д. Я. Самоквасова описано одно большое городище, расположенное «в 1 версте от с. Городище на высоких берегах двух прудов „Погорелого“ и „Валового“, омывающих это городище с юв и с», там же отмечается, что «часть внешних укреплений

Рис. 3. Вид на Большое Шепетовское городище с северо-востока (фото из личного архива М. К. Каргера)

разрушена при распашке в 1823 г. бывшими владельцами этого городища — монахами-кармелитами» (Самоквасов 1888: 51). На археологической карте Волинской губернии В. Б. Антоновича помещены и кратко описаны уже два городища, в том числе малое: «На северной стороне села есть круглое городище, 33 саж. в окружности, обнесенное двойными: валом и рвом» (Антонович 1901: 104). В 1929 г. оба городища были обследованы сотрудником Шепетовского межрайонного музея М. Д. Савицким, проводившим регистрацию археологических памятников в Судилковском районе на Шепетовщине (Савицкий 1929А; Яненко 2016: 70–71, 75, 359).

В середине XX в. оба городища посетили, проводя разведки в этом регионе, ленинградские археологи — П. Н. Третьяков, руководивший тогда Славянской экспедицией (1949 г.), и М. К. Каргер, планировавший работы будущей архитектурно-археологической Галицко-Волинской экспедиции (1954 г.). Оба исследователя высоко оценили научное значение большого городища, один датировал его XI–XIII вв., другой — концом XII — XIII в. (Каргер 1957А: 2–3). Для археолога-слависта П. Н. Третьякова древнерусский памятник не представлял специального интереса, хотя он отмечал исключительную насыщенность площадки городища подъемным материалом и полагал, что «памятник может оказаться чем-то вроде Райковецкого городища» (Третьяков 1949А: 9). Возможно, именно П. Н. Третьяков заразил М. К. Каргера идеей раскопать это городище. М. К. Каргер, всю жизнь занимавшийся изучением культуры древнерусского города, но в первую очередь древнерусской архитектуры, оценив значимость и большую перспективность полевых исследований этого памятника, принял решение обратиться к его раскопкам, несмотря на то что планы архитектурно-археологических исследований из-за этого пришлось серьезно корректировать. В 1957 г. совместная Галицко-Волинская архитектурно-археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР и Ленинградского государственного университета под руководством М. К. Каргера приступила к широкомасштабным раскопкам на городище, завершившимся только в 1964 г. (рис. 4). Начиная с этого времени и до конца исследований памятника каждый полевой сезон Каргера состоял из двух частей — археологической и архитектурно-археологической; основным объектом раскопок в эти годы было, конечно, Большое Шепетовское городище (рис. 5). В раскопках принимали участие не только студенты, археологи и искусствоведы из ЛГУ, но и местное население, главным образом старшие школьники из с. Городище (рис. 6).

Малое Шепетовское городище в эти годы досконально не исследовалось, хотя был снят топографический план, который сохранился в личном архиве М. К. Каргера, и проведена шурфовка (Пескова 2008: 74–79). К сожалению, в полевых отчетах об этих работах даже не упоминается, возможно, из-за отсутствия ярких находок. Еще П. Н. Третьяков отмечал, что на площадке малого городища, возвышающейся на 30 м над поймой реки, есть отдельные находки средневековой керамики, но выраженного культурного слоя нет (Третьяков 1949А: 8). Параллельно с раскопками на большом городище предпринимались попытки поисков синхронного ему могильника, не увенчавшиеся успехом.

Через девять лет после окончания раскопок М. К. Каргера на Большом Шепетовском городище, в 1973 г., там побывал М. П. Кучера, возглавлявший археологический отряд ИА АН УРСР по обследованию городищ в Житомирской, Хмельницкой и Тернопольской областях. Результаты обследования получили отражение в статье 1979 г., где, в частности, впервые¹

¹ План городища, созданный в экспедиции М. К. Каргера в 1957 г., был опубликован только в 1981 г. (Пескова 1981: 67, рис. 1).

Рис. 4а. Экспедиционные будни. Раскоп на детинце, 1957 г.
(на первом плане справа Марьяна Малевская)

Рис. 4б. Экспедиционные будни. На расчистке костиц

Рис. 4в. Экспедиционные будни. Мытье и упаковка костей

Рис. 4г. Экспедиционные будни. Расчистка деревянных конструкций, 1957 г.

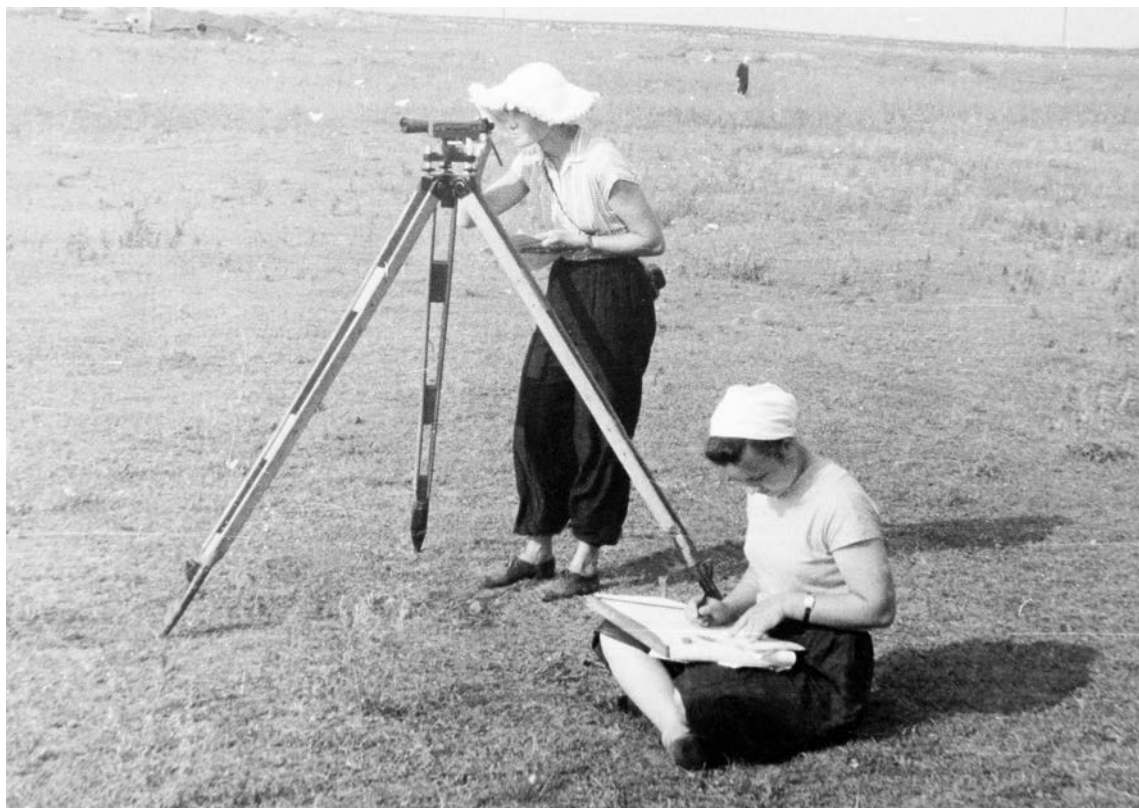

Рис. 4д. Экспедиционные будни. Топоъемка (фото из личного архива М. К. Каргера)

Рис. 4е. Экспедиционные будни. Анатолий Кирпичников фотографирует печь, 1958 г.

Рис. 5а. М. К. Каргер на раскопках городища. Руководитель думает...

Рис. 5б. М. К. Каргер и А. Кирпичников

Рис. 5в. М. К. Каргер на раскопках городища. Руководитель фотографирует

Рис. 5г, д. М. К. Каргер показывает, как держать лопату, и в выходной день перед выездом на экскурсию в Изяслав (?) (фото из личного архива М. К. Каргера)

Рис. 6а. Участники экспедиции 1957 г. (в первом ряду третий слева Марк Миролюбов)
(фото из личного архива М. К. Каргера)

Рис. 6б. Участники экспедиции 1964 г. (в верхнем ряду в центре слева направо:
Леонид Флигельман, Валентин Булкин, Олег Овсянников, Анатолий Кирпичников;
в нижнем ряду первый слева Василий Булкин) (фото из личного архива М. К. Каргера)

был опубликован топографический план городища с многоярдной системой валов и рвов у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области (Кучера 1979: 69–70, рис. 6).

В 1983–1984 гг. Шепетовским отрядом Архитектурно-археологической экспедиции² была проведена шурфовка в поле за валами городища (в 20 м к западу от внешнего рва), частично вскрыто жилище с глинобитной печью, датированное по найденным в печи фрагментам керамики XII — первой половиной XIII в. (Пескова 1983А: 13; 1984А: 9–10). Большая часть обнаруженной постройки оказалась уничтоженной современной сельскохозяйственной деятельностью (прокладкой траншеи для хранения свеклы). Также были обследованы оба берега р. Гуски поблизости от городища, в трех пунктах собран материал древнерусского и позднееримского времени; за валами в сторону поля древнерусский подъемный материал распространялся примерно на 0,5 км, черняховская керамика — не далее чем на 100 м от укреплений и преимущественно в прибрежной полосе (Пескова 1983А: 13).

В 2006–2007 гг. сотрудниками Хмельницкого областного краеведческого музея было проведено повторное обследование территории городища и прилегающей местности в верхнем течении р. Гуска в районе сел Городище и Пашуки (Демидко 2008; 2017). На момент обследования площадка городища частично заросла кустарником (в основном детинец), валы и рвы в южной и юго-восточной частях оказались разрушены. Разведками было выявлено 14 мест компактно расположенных разновременных открытых поселений, но в основном с древнерусскими материалами второй половины XII — второй половины XIII в., которые были выделены исследователем в отдельный археологический «Изяславский» микрорегион (Демидко 2008: 105, рис. 1; 2017: 148–149, табл. 2, рис. 4) (рис. 7). Попытка сравнения выделенного микрорегиона с археологическим микрорегионом около современного Изяслава на Горыни привела С. Ю. Демидко к неутешительному выводу о том, что при нынешнем неудовлетворительном состоянии изученности последнего «из-за отсутствия необходимого минимума данных» такое сопоставление «возможно лишь на уровне гипотез» (Демидко 2017: 148–149). Тем не менее он отмечает существенные отличия от «Изяславского» микрорегиона территории, примыкающей к городищу «Рогнеда» в Изяславе, по характеру и размерам освоения в XII–XIV вв. Речь идет о четырех ближайших к городищу «Рогнеда» поселениях, два из которых исследователь предположительно называет посадами. Относя начало освоения этой территории ко времени в пределах первой половины XII в., С. Ю. Демидко допускает, что данный комплекс поселений относительно плавно перерастал в позднесредневековый город в течение XIV в. А вокруг городища «Валы» (Большого Шепетовского), по его наблюдениям, во второй половине XII — начале XIII в. «образуется достаточно плотная по заселенности округа», что было связано «с формированием Волинско-Киевского порубежья и проходило целенаправленно и в довольно сжатые сроки» (Там же: 148). Хочется надеяться, что исследования в этом направлении будут продолжены.

На момент раскопок площадка Большого Шепетовского городища, состоящая из двух частей, обозначенных М. К. Каргером как детинец и посад (правильнее — окольный город)³, общей площадью около 3,6 га внутри укреплений, была окружена внушитель-

²Руководитель экспедиции П. А. Раппопорт, начальник отряда А. А. Пескова.

³Непонятно, почему М. К. Каргер назвал посадом, а не окольным городом укрепленную часть площадки городища, примыкающей к детинцу. Тем не менее, оперируя материалами из раскопок городища, мы вынуждены продолжать часто использовать этот термин, заключая его в кавычки, поскольку именно посад (ГП) присутствует в шифре находок наряду с детинцем (ГД).

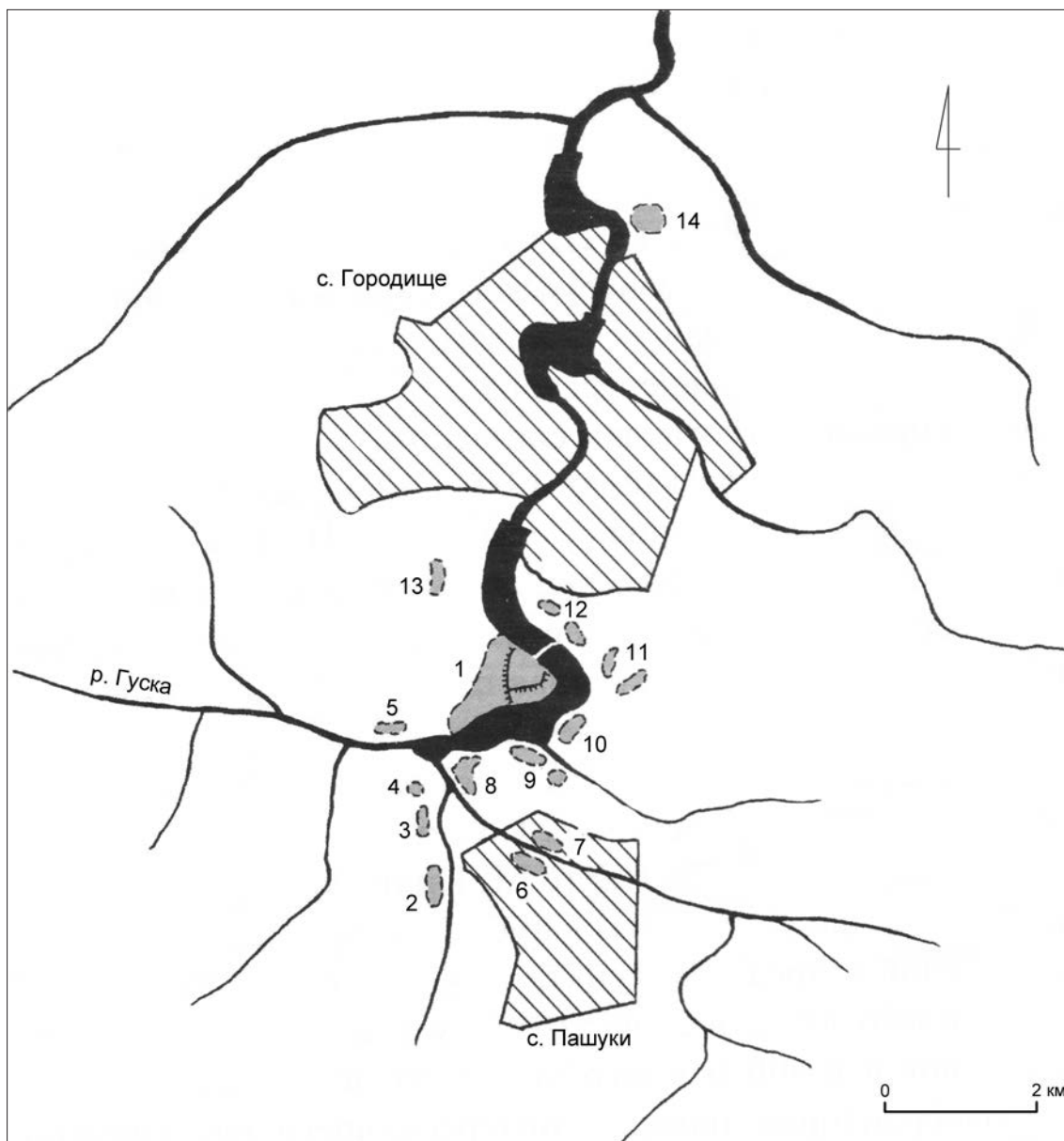

Рис. 7. «Изяславський» археологічний мікрорегіон (по Демидко 2017: рис. 4).

Археологічні об'єкти у сел Городище і Пашуки Хмельницької області. 1 — городище «Вали» («Большое»); 2 — поселення Пашуки 1; 3 — поселення Пашуки 2; 4 — поселення Пашуки 3; 5 — поселення Городище 1; 6 — поселення Пашуки 4; 7 — поселення Пашуки 5; 8 — поселення Пашуки 7; 9 — поселення Пашуки 8, 9; 10 — поселення Пашуки 10; 11 — поселення Городище 2, 3; 12 — поселення Городище 4, 5; 13 — поселення Городище 6; 14 — городище «Малое»

ной многорядной системой валов и рвов, характерной для группы городищ летописной Болоховской земли, расположенной в непосредственной близости (Раппопорт 1955⁴: 52–59) (рис. 8). В течение восьми полевых сезонов (1957–1964 гг.) городище было почти полностью раскопано в пределах, ограниченных внутренним валом (рис. 9). Под полою

⁴Раппопорт П. А. Города Болоховской земли // КСИИМК. Вып. 57. С. 52–59.

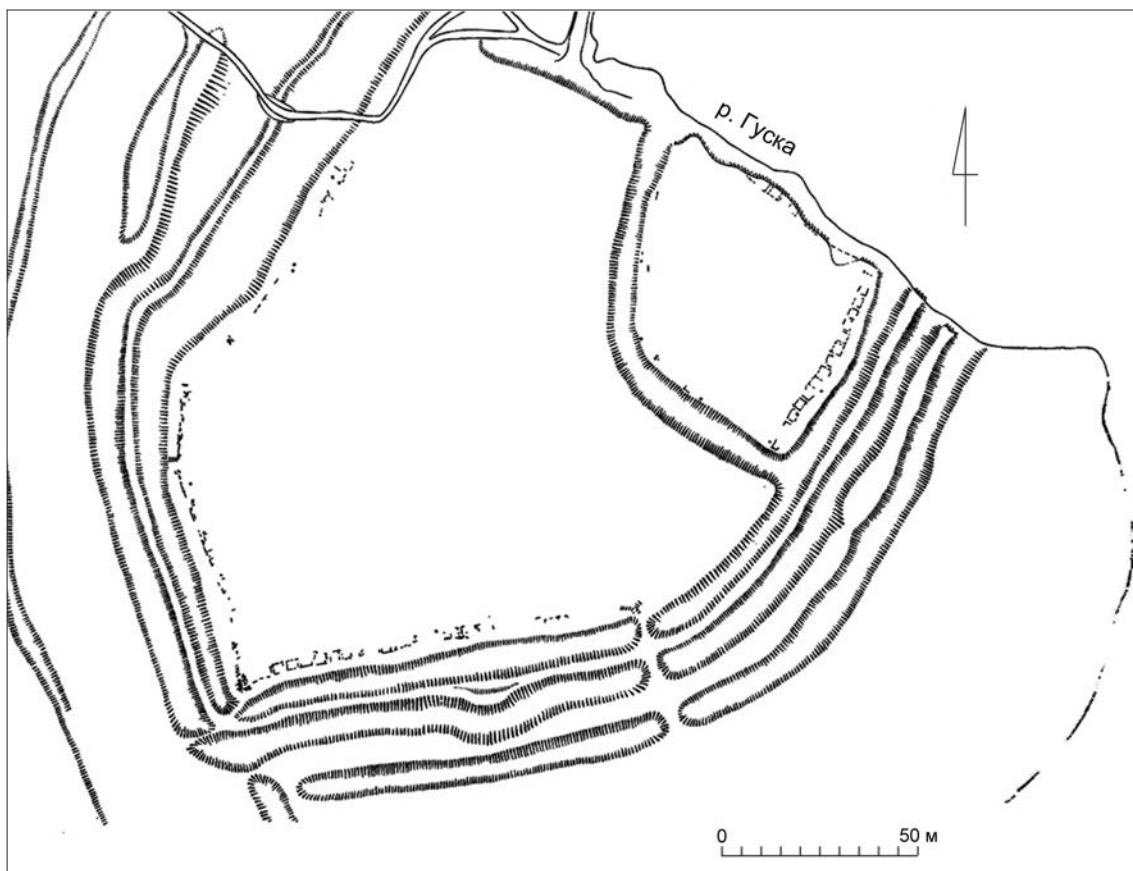

Рис. 8. План городища с нанесением клеток, расположенных под внутренним валом городища (по Пескова 2009: ил. 11)

внутреннего вала почти по всему периметру были вскрыты остатки сгоревших пустотелых срубов — клеток (рис. 10) (Пескова 2009).

Городище оказалось уникальным по насыщенности культурного слоя артефактами и останками человеческих костяков, грудами разрозненных человеческих костей и костей животных. Перед археологами открылась чудовищная картина гибели небольшого укрепленного городка, разгромленного и сожженного в результате внезапного военного нападения, но при этом почти не разграбленного. Рядом с человеческими костяками лежали не только предметы домашнего обихода (целые и раздавленные керамические сосуды, замки, ключи, ножи, ножницы и прочее), многочисленные сельскохозяйственные орудия, кузнечные и ювелирные инструменты, но и фрагменты колоколов, дорогое оружие и наспех спрятанные серебряные украшения (клады) (рис. 11). Увиденное ассоциировалось участниками раскопок с гибелью Помпей и Геркуланума. Неслучайно одна из статей М. К. Каргера в университетской газете тех лет вышла под заголовком «Русская Помпея» (Каргер 1962а).

Говоря о жилых и хозяйственных сооружениях на городище, исследователь в полевых отчетах неоднократно отмечал, что единственным хорошо фиксируемым признаком жилищ являются остатки глинобитных печей с провалившимся сводом: «Несмотря на самые тщательные исследования всех, даже самых ничтожных следов сооружений, проследить точный план жилых и хозяйственных построек не удастся < ... > план жилищ удастся восстановить лишь в известной степени по распространению предметов, обнаруживаемых возле

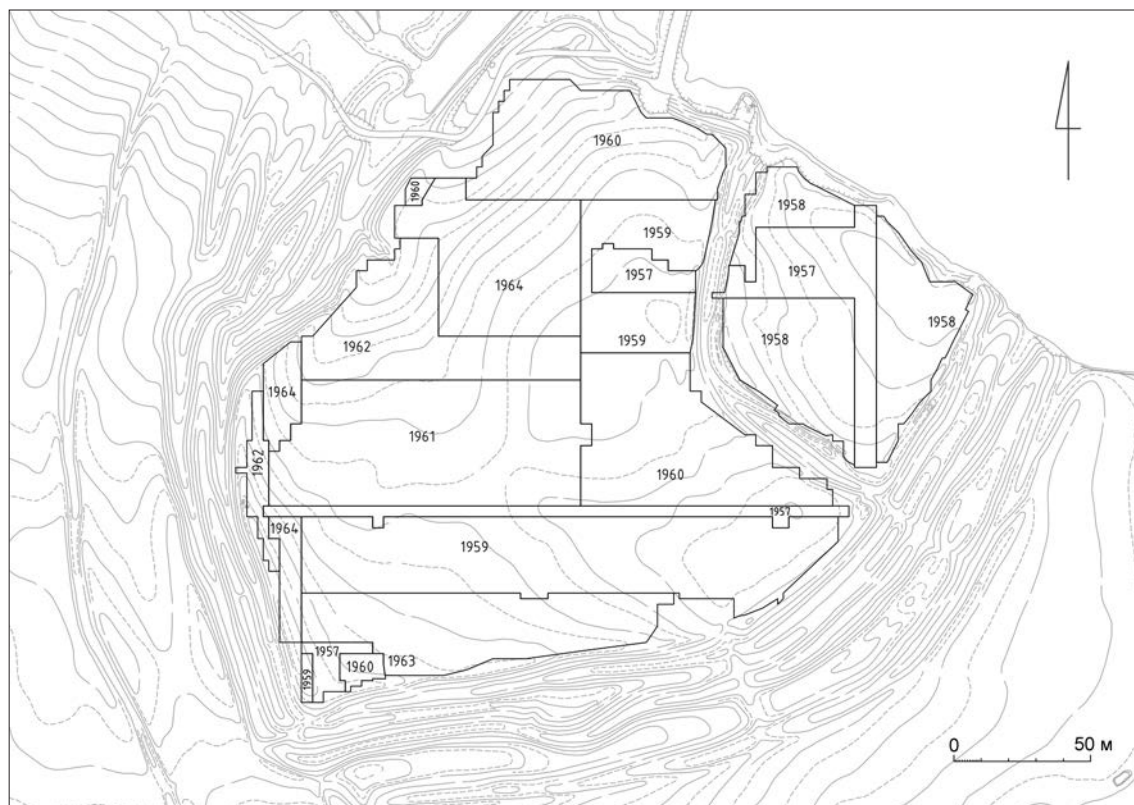

Рис. 9. План городища с указанием раскопов по годам исследования (обработка Е. А. Никитиной полевого чертежа)

Рис. 10. Остатки сгоревших пустотелых срубов — клеток на западной линии укреплений (фото из личного архива М. К. Каргера)

Рис. 11. Следы разгрома города:
а (сверху) — скелеты погибших;
б (внизу) — костище (санитарное
захоронение) (фото из личного архива
М. К. Каргера)

остатков печей, а иногда и по расположению человеческих скелетов вдоль стенок» (Каргер 1961А: 3). Исходя из этих наблюдений, он считал, что жилища на данном поселении были наземными постройками «типа мазанок без вертикально врытых опорных столбов» (Там же). На полевых чертежах и фотографиях около печей в ряде случаев действительно зафиксировано большое количество предметов домашнего обихода (керамических сосудов, иногда целых, жерновых камней, ножей, кресал, замков, ключей и т. д.), подтверждающих, что на этом месте было жилище (рис. 12). В таких случаях планиграфия находок давала представление о размерах жилища. Однако чаще на полевых чертежах зафиксированы одни только печи (или поды печей). Нанесение на план всех индивидуальных находок, о котором сообщал М. К. Каргер в полевых отчетах, на деле не было осуществлено. В итоге плановая структура поселения осталась невыясненной.

Изучение полевых фотографий, которых в личном архиве М. К. Каргера сохранилось великое множество, к сожалению, в основном неаннотированных⁵, наводит на мысль, что какая-то часть сооружений на городище осталась недоисследованной — на некоторых фотографиях читаются пятна построек (?), незафиксированные на чертежах и, соответственно, неразобранные до конца (рис. 13). Аналогичное наблюдение в полевых условиях сделал С. Ю. Демидко в 2007 г. во время визуального обследования траншеи, выкопанной для хранения свеклы в центральной части окольного города (называемого М. К. Каргером посадом), где им были «выявлены пятна заполнения как минимум двух полуземлянок. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с остатками недокопанных (невыявленных?) подвалов так называемых „наземных“ сооружений» (Демидко 2008: 106).

Исследуемое древнерусское городище М. К. Каргер считал «в основном однослойным памятником» и датировал его, исходя из анализа археологических материалов, концом XII — первой половиной XIII в. (в итоговых тезисах относил возникновение городка ко второй половине XII в.) (Каргер 1965: 40). Отдельные находки позднееримского времени сначала он считал случайно занесенными на городище с соседнего поселения или могильника. И только в последние годы раскопок исследователь признал, что более древнее поселение существовало на этом месте задолго до появления здесь древнерусского населения, но древний культурный слой, по его наблюдениям, был разрушен древнерусскими постройками. В отчете за 1962 г. он уже отмечал, что «в прибрежной части детинца и посада местами сохранился слой с остатками значительно более древнего поселения, относящегося, судя по керамике, бронзовым фибулам и римским монетам, к первым векам нашей эры» (Каргер 1963А: 2–3). А в 1963 г. на мысу за пределами укреплений с помощью магнитометра с последующей шурфовкой были обнаружены остатки производственного комплекса того же времени, интерпретированного как двухъярусный горн для обжига серолощеной черняховской керамики (Там же: 6; Шилик 1965: 265–269).

О результатах раскопок на городище их руководитель охотно и ярко рассказывал и жителям с. Городище (рис. 14), и в университете, выступал с докладами на пленумах ИИМК, посвященных результатам полевых исследований (Каргер 1959: 17–20; 1960: 100–101; 1962: 59–61). Однако итоговое авторское представление о памятнике в целом было изложено им лишь однажды в тезисной форме на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве (Каргер 1965: 39–41). В нем он дал общую характеристику памятника и кратко описал основные категории находок, акцентируя внимание на исключительном

⁵ На фотоотпечатках есть номера, указывающие на то, что М. К. Каргер вел журнал фотофиксации, который, увы, в его архиве обнаружить не удалось.

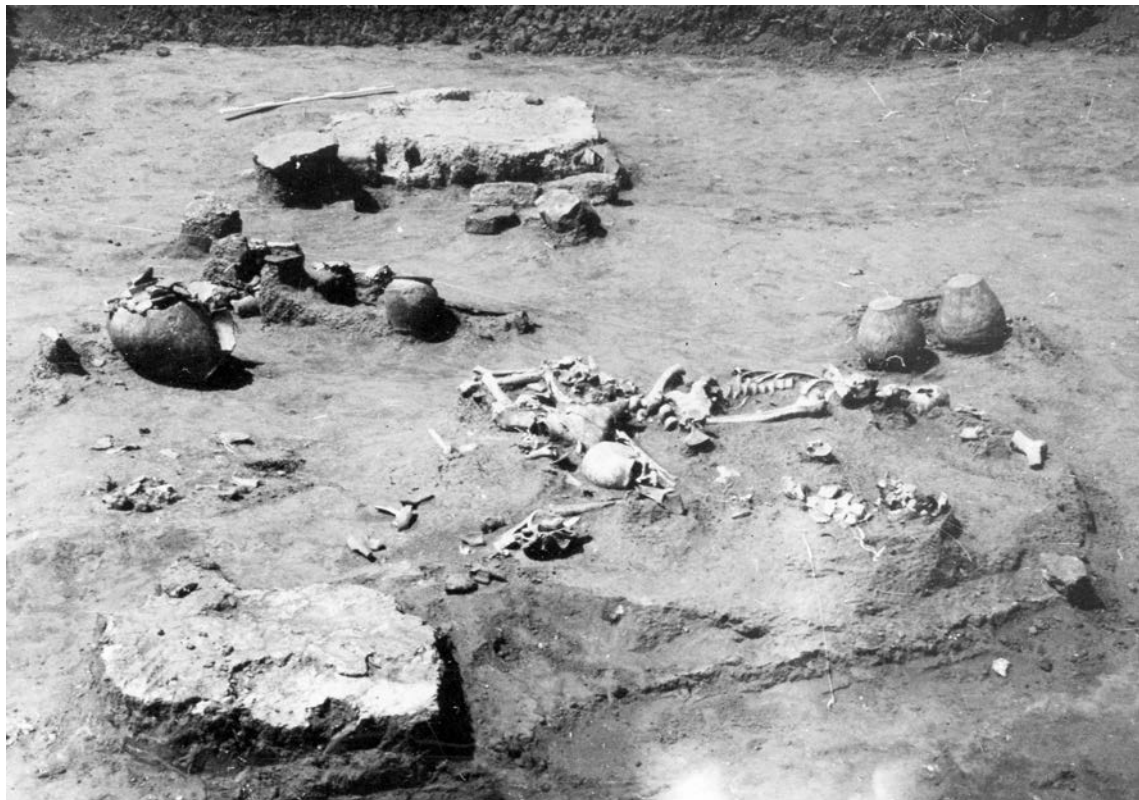

Рис. 12а. Открытые комплексы. Остатки жилых сооружений

Рис. 12б. Открытые комплексы. Бытовая утварь

Рис. 13. Пятно не докопанной постройки
(фото 6 из альбома к отчету М. К. Каргера 1962 г., хранящемуся в Киеве)

Рис. 14. Экскурсии на городище (из личного архива М. К. Каргера)

значении памятника для истории древней Руси: «Это единственный древнерусский город, раскопанный полностью и потому позволяющий с небывалой полнотой представить все стороны его материальной и духовной жизни» (Там же: 41).

На основе этих данных памятник был включен практически во все обобщающие археологические труды, касающиеся древнерусских укрепленных городских поселений вообще и особенно южнорусских. Открытие поселения позднеимского времени, предшествовавшего на этом месте древнерусскому, осталось почти незамеченным. Еще в годы проведения раскопок на городище, когда оно было у археологов, что называется, на слуху, древнее поселение все же вошло в каталог черняховских памятников, обнаруженных на территории Украины (Махно 1960: 54, кат. 37). Тогда же одна из найденных при раскопках городища римских монет была включена в сводку кладов римских монет на территории СССР (Кропоткин 1961: 84, кат. № 1124). И это все, что известно в настоящее время археологическому сообществу о поселении позднеимского времени в бассейне р. Горынь.

Собранная в результате полевых исследований многотысячная коллекция археологических и антропологических материалов, костей животных и обугленного зерна была распределена с целью специального изучения и хранения между несколькими научными учреждениями. Основной массив археологических находок в 1971–1976 гг. был передан на хранение в Государственный Эрмитаж, где в январе 1984 г. даже была организована временная выставка и издан каталог «Древнерусский город Изяславль» (Миролюбов 1983), вышедший в свет перед ее открытием. В настоящее время яркие находки из раскопок городища составляют значительную часть постоянной экспозиции в Эрмитаже, посвященной древнерусской культуре.

Небольшая часть находок попала в фонды Артиллерийского музея в Ленинграде и в Хмельницкий областной краеведческий музей (Украина). Графическая и фотодокументация находятся в ИИМК РАН. Полевые отчеты, тождественные по содержанию, но не полнокомплектные, есть в научных архивах Москвы, Киева и Петербурга⁶; полевые дневники отсутствуют.

Антропологические материалы, собранные на городище в гигантском количестве, были переданы для изучения частично в 1-й Ленинградский медицинский институт, частично в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (далее МАЭ). В первые годы раскопок (1957–1958 гг.) находки человеческих костей экспедиция передавала на кафедру рентгенологии и радиологии 1-го Ленинградского мединститута, где они сразу же были подвергнуты изучению группой сотрудников под руководством заведующего кафедрой Д. Г. Рохлина. Определяя половозрастной состав, исследователи также делали акцент на выявление палеопатологических изменений и травматических повреждений костей, не имеющих следов заживления. Часть этой совместной работы была кратко опубликована руководителем группы в его книге «Болезни древних людей» (Рохлин 1965: 208–211, рис. 100). Из нее мы узнаем, что полученные от археологов скелеты и разрозненные человеческие кости были рассортированы, и среди них ученым удалось выделить останки 242 человек (55 мужчин, 64 женщины, 59 детей, у 64 индивидов половая принадлежность не определена) (Там же: 209). Часть костей имела травматические повреждения, свидетельствующие о насильственной смерти людей.

⁶ В НА ИА НАНУ в Киеве хранятся оригинальные отчеты М. К. Каргера за 1957–1963 гг., в НА ИА РАН в Москве — копии отчетов за 1957–1959 гг., в НА ИИМК РАН в Санкт-Петербурге — только копия «предварительного отчета» за 1964 г. Также копии отчетов за все восемь лет раскопок содержатся в составе личного архива М. К. Каргера, находящегося на временном хранении в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН.

Антропологические материалы из раскопок последующих шести лет поступали в МАЭ, но за истекшие 60 лет их след затерялся в недрах фондов музея. И только совсем недавно, благодаря усилиям научного сотрудника МАЭ Ивана Широбокова, удалось разыскать в фондохранилище музея ящики с материалами из раскопок 1959–1964 гг. Значимость этой находки для полного и всестороннего изучения раскопанного М. К. Каргером памятника трудно переоценить.

Кости животных и растительные остатки (главным образом обугленное зерно) экспедиция отправляла для определения в московскую лабораторию ИИМК АН СССР (ныне Институт археологии РАН, Москва) В. И. Цалкину (палеозоология) и А. В. Кирьянову (палеоботаника). Вопрос о том, в каком объеме и по какой методике отбирались образцы для исследования, пока остается невыясненным. В научном архиве ИИМК РАН сохранилось заключение В. И. Цалкина о результатах исследования (Цалкин б/г А), в личном архиве М. К. Каргера в Отделе славяно-финской археологии — фрагменты переписки с А. В. Кирьяновым, кратко упомянутые в свое время в диссертации А. А. Песковой (1988).

Результаты этих исследований в целом так и не были опубликованы, хотя выводы А. В. Кирьянова частично привлекались для сопоставлений с изучаемыми материалами в работах Н. А. Кирьяновой (Кирьянова 1979: 75 (прим. 20), 81), а также С. А. Беяевой и Г. А. Пашкевич (Беляева, Пашкевич 1990: 42). Некоторое количество образцов обугленного зерна из раскопок городища было самостоятельно проанализировано и опубликовано З. В. Янушевич с целью сопоставления с материалами из раскопок городищ Екимавцы и Петруха в Молдавии (Янушевич 1976: 86–89, табл. 15, 16, рис. 42).

Один из авторов данной книги, постоянный участник экспедиции и один из ближайших помощников М. К. Каргера О. В. Овсянников (рис. 15) рассказывает, что М. К. Каргер планировал подготовку большой коллективной монографии, авторами которой, по мнению М. К. Каргера, должны были стать: «М. К. Каргер (общее руководство, жилищно-хозяйственные комплексы, оборонительные сооружения, ювелирные изделия), А. Н. Кирпичников (рис. 16) (предметы, связанные с вооружением), М. А. Миролюбов (рис. 6А) (сельскохозяйственные орудия), О. В. Овсянников (керамика)»⁷. Добавим к этому, что потенциальные авторы будущей монографии были постоянными участниками экспедиции.

Исследование городищенских находок большим авторским коллективом при жизни М. К. Каргера не состоялось, однако отдельные категории находок были изучены и введены в научный оборот. Предметы, связанные с вооружением, как и предполагалось, были проработаны А. Н. Кирпичниковым и в основном опубликованы как в составе сводов археологических источников, так и отдельными статьями (Кирпичников 1966–1973; 1971; 1973;

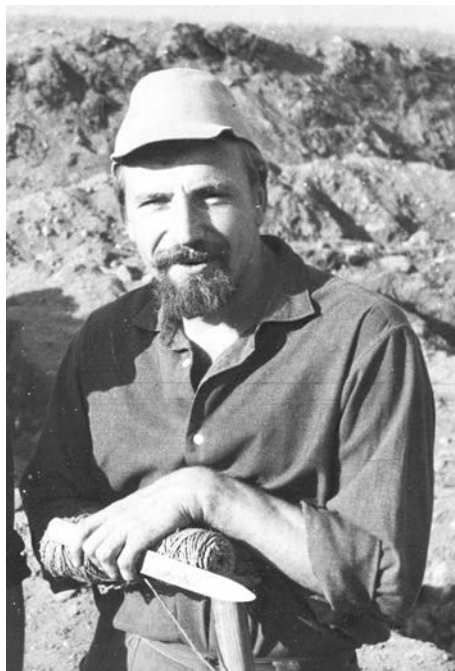

Рис. 15. Олег Овсянников, начало 1960-х гг. (из личного архива О. В. Овсянникова)

⁷ Подробнее об этом см. в соответствующем разделе настоящего издания.

Рис. 16. Анатолий Кирпичников, начало 1960-х гг. (из личного архива А. Н. Кирпичникова)

1975; 1976; 1978), но большая часть этой работы все же оказалась неизданной. Осталось неопубликованным и посвященное керамике исследование О. В. Овсянникова, выполненное к 1968 г. Названные работы, несмотря на их почтенный возраст, представляют большой интерес для современных исследователей древнерусского города вообще и особенно данного памятника и региона прежде всего исчерпывающей полнотой и целостностью представленных материалов и тотальной их проработкой.

Осталась неопубликованной еще одна маленькая, но очень важная, на наш взгляд, обзорная статья Г. А. Романовой (1980-е гг.), дающая представление о наиболее ярких находках позднеримского времени. М. К. Каргер, как мы уже упоминали, относил их к сильно разрушенному слою черняховской культуры, отмечая при этом, что

«особый интерес представляет синхронная лепная керамика» (Каргер 1965: 41). Именно наличие характерной лепной керамики (в сочетании с другими признаками) позволило Г. А. Романовой отнести данное поселение к группе памятников вельбаркской культуры, которые на позднем этапе трансформируются в черняховские поселения⁸.

М. А. Миролюбов — первый хранитель городищенской коллекции и организатор посвященной ей выставки 1983 г. в Эрмитаже — спустя годы все же опубликовал очень краткий (тезисный) обзор коллекции сельскохозяйственных орудий, а также кузнечных изделий различного назначения и ремесленный инструментарий (Миролюбов 1983; 1984; 1988; 1988а; 1995). Разбирая архив Миролюбова в ОИРК Эрмитажа вместе с сотрудниками отдела, мы надеялись найти исследование, посвященное сельскохозяйственным орудиям «Изяславля», но такового не оказалось.

К материалам из раскопок городища за истекшие 60 лет специалисты обращались не раз. Отдельные категории вещей, как, например, каменные иконки, серебряные с чернью украшения (колты и перстни), фрагменты колоколов, бронзовые кацеи, кресты-энколпионы, бронзовая иконка-подвеска, продолжали изучаться специалистами и публиковаться по отдельности и в работах сводного характера (Николаева 1983; Макарова 1986; Шашкина, Галибин 1986; Банк, Залеская 1995; Корзухина, Пескова 2003; Чуракова 2017). Были опубликованы 17 кладов серебряных украшений (Пескова 1988), уникальный для древнерусского города комплекс паломнических реликвий (Пескова 1994: 64–66; 1997: 48–50; 2001: 113–126) и фрагменты киотного креста (Пескова 1998: 238–252), подвесные печати и пломбы (Пескова, Белецкий 1997: 129–138).

Две статьи были посвящены публикации оборонительных сооружений: большого городища в урочище Валы («Изяславля» М. К. Каргера) и расположенного на северной окраине с. Городище малого, возможно сторожевого, городища (Пескова 2008; 2009).

⁸ Подробнее об этом см. в соответствующем разделе настоящего издания.

Киевскими специалистами проводилось изучение технологии производства отдельных групп изделий из черного металла (ножи, ножницы, косы, серпы), выявившее в их составе клинки с дамаскированным лезвием (Вознесенская 1989; 1990; 1992). На основе анализа особенностей в изготовлении серебряных с чернью колтов были выделены две технологические традиции, указывающие на возможность функционирования на поселении двух ювелирных мастерских (Корниенко 2017: 229–240).

В недавнее время на новом уровне были проведены исследования уникальной находки, вошедшей в литературу как древнерусское платье из «Изяславля» (Сабурова 1997: 102, табл. 68: 6), показавшие, что это, судя по крою, вероятнее всего мужской кафтан, ближайшие параллели которому находятся в половецком костюме (Орфинская, Михайлов 2013).

Сегодня список литературы, в той или иной степени касающейся осмысления добытых при раскопках городища материалов, насчитывает уже свыше сотни статей, мы упомянули здесь далеко не все. Они свидетельствуют о неослабевающем к нему исследовательском интересе. При этом разрозненность и фрагментарность опубликованных материалов, случайность выборки и неполнота охвата изучаемых материалов не могут дать целостного представления о памятнике. Это порождает весьма разноречивые интерпретации в отношении не только его летописного имени, но и социального облика, историко-географической принадлежности, в определении его места и роли в истории юго-западных областей Древней Руси.

Историческую судьбу региона, в котором расположен интересующий нас город, во многом определяло, во-первых, его пограничное положение на стыке Киевской, Волынской, Галицкой и Болоховской земель и в опасной близости к Степи. Во-вторых, тот факт, что через эту территорию проходило как минимум два отмечаемых летописью традиционных пути сообщения, ведущих из Киева на Запад (через Владимир и через Галич). Чаще всего эти пути прослеживаются по летописным сообщениям о движении боевых отрядов враждовавших между собой князей, хотя эти пути, несомненно, были в то же время и торговыми, и паломническими путями. Строительство укрепленных центров в регионе было вызвано в том числе и необходимостью обеспечить безопасность этих важнейших путей сообщения.

Этими же дорогами двигалось из Киева и войско Батые зимой 1240/1241 гг. через Колодяжин, Каменец, Изяславль, Кременец и Данилов (ПСРЛ II: 786). Из названных городов только летописный Колодяжин бесспорно отождествляется с городищем, раскопанным на р. Случь у с. Колодежное Житомирской области Украины (Юра 1962: 57–130). Летописный Изяславль, как уже отмечалось выше, с большой долей вероятности может быть назван предшественником современного города Изяслава, расположенного на р. Горынь. Летописный Каменец в таком случае должен был находиться в междуречье Случи и Горыни и может быть отнесен к одному из городищ, расположенных на этом отрезке пути. Вопрос о локализации летописного Каменца имеет очень долгую историю и несколько вариантов ответов. Один из них допускает возможность расположения Каменца у с. Каменка на р. Цветохе, правом притоке Горыни (Грушевский 1891: 43–44, прим. 5). Село Каменка расположено при впадении в Цветоху реки Гуски, но поблизости от него нет ни одного городища. Ближайшим к Каменке является раскопанное Каргером городище в верхнем течении Гуски, что позволяет рассматривать и его в качестве одного из претендентов на летописный Каменец. Археологические материалы из раскопок городища в целом соответствуют летописным упоминаниям Каменца как значительного укрепленного центра, расположенного на границе Волынской и Киевской земель и в непосредственном соседстве с Болоховской землей (Пескова, Белецкий 1997: 132–137). Однако и эта гипотеза должна пройти проверку

дальнейшими более детальными исследованиями как материалов самого городища, так и его окружи.

Большое значение и перспективы в этом отношении имеют упоминавшиеся выше сравнительные исследования микрорегионов современного Изяслава на Горыни и городища на Гуске, планомерно проводящиеся С. Ю. Демидко (Демидко 2008; 2017). Возможно, дальнейшие исследования в этом направлении помогут оценить и состоятельность гипотезы Е. И. Осадчего, локализирующего Каменец на месте современного Изяслава. Автор гипотезы считает, что Каменец Изяславль — название одного города, а именно Каменца, владельцем или строителем которого был князь Изяслав. А города, называемого Изяславль, по мнению исследователя, просто не было (Осадчий 2011).

После тезисов М. К. Каргера 1965 г. следующим опытом обобщения накопленных к концу 1980-х гг. исследований о памятнике была кандидатская диссертация А. А. Песковой «Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. (по материалам городища у с. Городище близ Шепетовки)» (Пескова 1988). Раскопанное М. К. Каргером городище интерпретировалось в ней как военно-феодалный укрепленный центр с ярко выраженной городской культурой, построенный по единому плану как форпост власти волынского князя Романа Мстиславовича на восточной окраине Волыни в 90-е гг. XII в. и просуществовавший до середины XIII в. (Пескова 1981; 1988; 1988а). Со временем были выявлены немногочисленные предметы, вошедшие в обиход древнерусского населения примерно в середине XIII в. и широко бытовавшие в основном во второй половине XIII — XIV в., а также отдельные находки XIV–XVI вв. В связи с этим высказано предположение о том, что гибель поселения могла быть связана не только с нападением войск Батые в 1241 г., но, возможно, и Бурундая в 1259 г. (Медведев, Пескова 2008: 311–315). Этот вопрос тоже остается открытым, как и тесно связанный с ним вопрос о локализации летописных городов, разгромленных в 1241 г. Батыем.

В настоящее время ряд исследователей, и особенно те, кто проводит раскопки в данном регионе, все чаще включают «Изяславль» М. К. Каргера в состав городов летописной Болоховской земли и даже считают его главным административным центром земли Болоховом (Якубовский 1997; Винокур и др. 2004). Это неудивительно, поскольку общность черт материальной культуры в междуречье Случи, Горыни и в верховьях Южного Буга действительно очень высока. В чем причина этой общности, насколько она глубока? Сегодня на эти вопросы еще нет готовых ответов.

Если реконструировать территорию Болоховской земли по немногим упоминаниям в летописи, то легко заметить, что данное городище находится хоть и в непосредственной близости, но все же за пределами летописной Болоховской земли (ПСРА II 1908: 398, 767, 774, 791, 792). Однако, исходя из археологических данных, исследователи значительно расширяют гипотетические границы загадочной Болоховской земли в первой половине XIII в. На археологических картах эти границы простираются от Дорогобужа и Возвягля на севере (в междуречье Случи и Горыни) до Межибожья и Бужска на юге (в верховьях Южного Буга), до Котельнича и Райковецкого городища на востоке (в верховьях Тетерева). Шепетовское городище на этой карте оказывается на западной границе ареала (Моргунов 2009: рис. 89). При этом Ю. Ю. Моргунов отмечает сосуществование на очерченной территории синхронных городищ как с нетипичной планировкой укреплений (городищ болоховского типа), так и обычных общерусских (Там же: 196). Появление в этом регионе нетипичных городищ Ю. Ю. Моргунов объясняет участием в строительстве укреплений выходцев из степей, а конкретно — переселившейся сюда группы «диких» половцев,

кочевавших в верховьях Южного Буга (Плетнёва 1975⁹: 280, 282; Моргунов 2009: 196–197). Совместное проживание разноэтничных групп населения должно было найти отражение не только в характере возводимых укреплений, но и в других элементах местной материальной культуры. Отдельные «степные» элементы наблюдаются в материалах Шепетовского городища, однако их полный объем, а значит, и степень присутствия бывших степняков в составе населения еще предстоит выяснить. Значительная роль в решении этого вопроса принадлежит, конечно, антропологическим исследованиям.

Круг вопросов, связанных с изучением раскопанного М. К. Каргером городища, очень широк, здесь мы отметили только основные. Полноценное исследование такого памятника возможно только совместными усилиями.

Коллективный проект по изучению и изданию материалов из раскопок городища, задуманный М. К. Каргером, как мы знаем, остался неосуществленным. Но спустя 60 лет после начала раскопок, в конце 2017 г. был выделен грант РФФИ на подготовку к публикации исследований и материалов из раскопок Большого Шепетовского городища. Грант выделен на три года (2018–2020 гг.) группе исследователей из Петербурга и Москвы (рук. проекта А. А. Пескова). Целью проекта является максимально полное введение в научный оборот материалов из раскопок городища, а первым шагом к его осуществлению — настоящее издание I тома: материалы из раскопок М. К. Каргера 1957–1964 гг. в исследованиях 1960–1980-х гг. По окончании работы над проектом планируется издание II тома, куда войдут новейшие исследования.

⁹ Плетнёва С. А. Половецкая земля // Бескровный Л. Г. (ред.). Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 260–300.

Публикации, касающиеся материалов из раскопок Большого Шепетовского городища¹

- 1000-летие русской художественной культуры 1988 — *Белецкий В. Д.* (авт.-сост.). 1000-летие русской художественной культуры. Каталог выставки. М.: б. и., 1988. 446 с.
- Амброз 1966 — *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. 112 с. (САИ. Вып. Д1–30).
- Антонович 1901 — *Антонович В. Б.* Археологическая карта Волынской губернии // Труды XI АС. Т. I. М.: Типография Г. Лесснера и А. Гешеля, 1901. С. 1–133.
- Банк, Залеская 1995 — *Банк А. В., Залеская В. Н.* Кацея XII века из Изяславля // Сапунов Б. В. (ред.). У истоков русской культуры XII–XVII века. СПб.: Славия, 1995. С. 80–87.
- Беляева, Пашкевич 1990 — *Беляева С. О., Пашкевич Г. О.* Зернове господарство Середнього Подніпров'я X–XIV ст. // Археологія. 1990. № 3. С. 37–47.
- Брайчевська 1993 — *Брайчевська О. А.* Вироби дрібної пластики, монети і актові печатки як джерело для вивчення чоловічих головних уборів давньоруського часу // Толочко П. П. (відп. ред.). Старожитності південної Русі: Матеріали III історико-археологічного семінару «Чернігів и його округа в IX–XIII ст.». Чернігів: Сіверянська думка, 1993. С. 112–117.
- Брайчевський 1980 — *Брайчевський М. Ю.* Про інтерпретацію так званого «давньоруського Изяславля» // Тези доповідей п'ятої Подільської історико-краєзнавчої конференції. Кам'янець-Подільський, 1980. С. 35.
- Винокур 1985 — *Винокур І. С.* Історія лісостепового Подністров'я та Південного Побужжя від кам'яного віку до середньовіччя. Київ; Одеса: Выща школа, 1985. 128 с.
- Винокур и др. 2004 — *Винокур І. С., Журко О. І., Мегей В. П., Якубовський В. І.* Літописний Губин XII–XIII ст. Болохівська земля. Вип. I. За матеріалами археологічних досліджень 1997–2003 років. До 800-річчя Губина. Київ; Кам'янець-Подільський; Хмельницький; Старокостянтинів, 2004. 208 с., ил.
- Винокур, Телегін 2008 — *Винокур І. С., Телегін Д. Я.* Археологія України. Тернопіль: Навчальна книга-Богдан, 2008. 480 с.
- Вознесенська 1989 — *Вознесенська Г. О.* Технологія виробництва жнивварських знарядь праці із стародавнього Изяславля // Археологія. 1989. № 3. С. 95–105.
- Вознесенская 1989а — *Вознесенская Г. А.* Технология производства ножей в древнерусском Изяславле // Проблемы истории та археології давнього населення Української РСР. Тези доповідей XX республ. конф. Одесса, жовтень 1989 р. Київ, 1989. С. 42–43.

¹ Список публикацій підготовлен А. А. Песковой.

- Вознесенская 1990 — *Вознесенская Г. А.* Технология производства древнерусских ножей в первой половине XIII в. // Толочко П. П. (отв. ред.). Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Киев: Наукова думка, 1990. С. 83–91.
- Вознесенська 1992 — *Вознесенська Г. О.* Технологія виробництва ножниць у давньоруському Изяславлі // Стародавнє виробництво на території України. Київ: Наукова думка, 1992. С. 88–94.
- Вознесенська и др. 1996 — *Вознесенська Г. О., Недопако Д. П., Паньков С. В.* Чорна металургія та металообробка населення східноєвропейського лісостепу за доби ранніх слов'ян і Київської Русі. Київ: Інститут археології, 1996. 192 с.
- Войтович 1991 — *Войтович А.* Волинська земля князівських часів (X–XII ст.) // Шевченко Ф. П. (відп. ред.). Проблеми історичної географії України: Збірник наукових праць. Київ: Наукова думка, 1991. С. 10–23.
- Гегельська 2011 — *Гегельська І. В.* Кам'яні іконки, знайдені в археологічних комплексах на території Південної Русі // Строкова Л. В. (відп. ред.). Музейні читання: Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». 15–17 листопада 2010 р. Музей історичних коштовностей України. Київ: Фенікс, 2011. С. 205–212.
- Грушевский 1891 — *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира В. И. Завадского, 1891. 520 с.
- Грушевський 1992 — *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. II. Київ: Наукова думка, 1992. 634 с.
- Гурулева, Мусин, Остапюк 2017 — *Гурулева В., Мусин А., Остапюк А.* Находки латинских и «болгарских» имитаций византийских монет на Волини и проблемы денежного обращения XIII — начала XIV в. в Восточной Европе // Остапюк О., Силюк А. (відп. ред.). Любомль та Любомльщина в українській та європейській історії: Матеріали Міжнародної історико-краєзнавчої конференції, 24–25 жовтня 2017 року, м. Любомль. Луцьк, 2017. С. 281–292. (Минуле і сучасне Волині та Полісся. Науковий збірник. Вип. 63).
- Гуцал, Сльозкін 2017 — *Гуцал А. Ф., Сльозкін М. О.* Давньоруський «Изяславль» через призму публікацій і матеріалів із розкопок 1957–1964 рр. // Копилов С. А. (ред.). Матеріали XV Подільської наукової історико-краєзнавчої конференції. Кам'янець-Подільський: ФОП Син О. В., 2017. С. 138–143.
- Даркевич 1966 — *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). М.: Наука, 1966. 112 с. (САИ. Вып. Е 1–57).
- Демидко 1994 — *Демидко С. Ю.* Освоєння межиріччя Горині і Південного Бугу в XI–XIII ст. // Велика Волинь: Матеріали міжнар. наук.-краєзнавч. конф. (жовтень 1994 р.). Хмельницький, Изяслав; Шепетівка, 1994. С. 446–449.
- Демидко 2008 — *Демидко С.* Давньоруський «изяславльський» мікрорегіон // Моця О. П. (гол. ред.). Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 1. Коростень: ИА НАНУ, МПП «Триада С», 2008. С. 105–112.
- Демидко 2009 — *Демидко С. Ю.* Давньоруський «Изяславльський» мікрорегіон // Археологічні дослідження в Україні у 2006–2007 роках. Київ: Інститут археології НАН України, 2009. С. 94–95.
- Демидко 2017 — *Демидко С. Ю.* Микрорегионы «Изяславля»-Изяслава и «Изяславля»-Городища: попытка сравнения // Мусин А. Е., Щеглова О. А. (ред.-сост.). В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН, Невская Книжная типография, 2017. С. 141–150. (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII).

- Дорофеева 2017 — *Дорофеева Т. С.* Комментарии к некоторым редким находкам из раскопок последних лет // Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 244–256. (Труды ИИМК РАН. Т. XLIX).
- Каргер 1959 — *Каргер М. К.* Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957–1958 гг. // XV Научная сессия Ленинградского университета 1958–1959 гг. Секция ист. наук. ТД. Л.: б. и., 1959. С. 17–20.
- Каргер 1960 — *Каргер М. К.* Галицко-Волынская экспедиция [в 1957 г.] // КСИИМК. 1960. Вып. 79. С. 100–101.
- Каргер 1962 — *Каргер М. К.* Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957–1961 гг. // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М.: АН СССР, 1962. С. 59–61.
- Каргер 1962а — *Каргер М. К.* Русская Помпея // «Ленинградский университет». № 36. 5 июня 1962 г.
- Каргер 1965 — *Каргер М. К.* Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957–1964 гг. // ТД советской делегации на I международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М.: Наука, 1965. С. 39–41.
- Кирпичников 1966–1973 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие / Археология СССР. САИ. Е1–36.
- 1966 — Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. 176 с., ил.
- 1966 — Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. 147 с., 34 л. ил.
- 1971 — Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука. 92 с., 28 л. ил.: ил.
- 1973 — Вып. 4: Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 138 с., ил.
- Кирпичников 1971 — *Кирпичников А. Н.* Крюк для натягивания самострела (1200–1240 гг.) // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 100–102.
- Кирпичников 1973 — *Кирпичников А. Н.* О времени появления шпоры со звездочкой на территории Древней Руси // *Kwartalnik historii kultury materialnej*. Rok 21. 1973. № 2. С. 299–304.
- Кирпичников 1975 — *Кирпичников А. Н.* Мечи из раскопок древнего Изяславля // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 30–54.
- Кирпичников 1976 — *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XIV вв. Л.: Наука, 1976. 104 с.
- Кирпичников 1978 — *Кирпичников А. Н.* Массовое оружие ближнего боя из раскопок Изяславля // КСИА. 1978. Вып. 155. С. 30–37.
- Кирпичников, Медведев 1985 — *Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф.* Вооружение // Колчин Б. А. (ред.). Археология СССР. Город, замок, село. М.: Наука, 1985. С. 298–363.
- Кирпичников, Коваленко 1993 — *Кирпичников А. Н., Коваленко В. П.* Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья (по находкам в России, на Украине и в Татарстане) // Археологические вести. 1993. Вып. 2. С. 120–134.
- Кирьянова 1979 — *Кирьянова Н. А.* О составе земледельческих культур Древней Руси X–XV вв. (по археологическим материалам) // СА. 1979. № 4. С. 72–85.
- Коваленко, Пуцко 1995 — *Коваленко В. П., Пуцко В. Г.* Фрагмент бронзової кацеї з Чернігова // Моця О. П. (відп. ред.). Археологічні старожитності Подесення: Матеріали історико-

- археологічного семінару, присвяченого 70-річчю від дня народження Г. О. Кузнецова. Чернігів: Сіверянська думка, 1995. С. 83–86.
- Коваль 2014 — *Коваль В. Ю.* Ростиславль Рязанский — «малый город» средневековой Руси // Толочко П. П. (ред.). Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А. В. Кузи. Київ: Стародавній Світ, 2014. С. 279–286.
- Кононович 2019 — *Кононович А. Ю.* Глиняная фигурка с городища близ Шепетовки // Родинкова В. Е. (отв. ред.). Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных: Материалы V Международной конференции молодых ученых. М.: ИА РАН, 2019. С. 157–159.
- Корзухина, Пескова 2003 — *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы: Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 432 с. (Труды ИИМК РАН. Том VII; Archaeologica Petropolitana, XIV).
- Корниенко 2017 — *Корниенко А. И.* К вопросу о ювелирных мастерских древнего Изяслявля (по материалам коллекции серебряных колтов с чернью из собрания Государственного Эрмитажа) // Мусин А. Е., Щеглова О. А. (ред.-сост.). В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН, Невская Книжная типография, 2017. С. 229–240. (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII).
- Котляр 1985 — *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов в Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев: Наукова думка, 1985. 180 с.
- Кочубей 1929 — *Кочубей В. І.* До реєстрації археологічних першоджерел Шепетівщині. Шепетівка: б. и., 1929. 7 с.
- Кропоткин, 1961 — *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 135 с. (САИ. Вып. Г4–4).
- Кропоткин 1962 — *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 64 с. (САИ. Вып. Е4–4).
- Куза 1989 — *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 166 с., ил.
- Куза 1996 — *Куза А. В.* Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М.: Христианское изд-во, 1996. 256 с.
- Кучера 1975 — *Кучера М. П.* Городище поблизу с. Городище на Волині // Археологія УРСР. 1975. Т. III. С. 276–277.
- Кучера 1979 — *Кучера М. П.* Дослідження городищ на Волині й Поділлі // Археологія. 1979. Вип. 29. С. 62–72.
- Кучера 1999 — *Кучера М. П.* Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. Київ: Інститут археології НАН України, 1999. 200 с., ил.
- Ліпська 2017 — *Ліпська Ю. В.* Актуальні питання щодо давньоруського поселення Городище Ізяславського району Хмельницької області // Копилов С. А. (ред.). Матеріали XV Подільської наукової історико-краєзнавчої конференції. Кам'янець-Подільський: ФОП Сисин О. В., 2017. С. 133–137.
- Макарова 1986 — *Макарова Т. И.* Черное дело древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с., ил.
- Махно 1960 — *Махно Е. В.* Памятники черняховской культуры на территории УССР (Материалы к составлению археологической карты) // Рыбаков Б. А. (отв. ред.). Черняховская культура. М.: Наука, 1960. С. 9–83. (МИА. № 82).

- Медведев, Пескова 2008 — *Медведев М. Ю., Пескова А. А.* Геральдическая накладка из раскопок М. К. Каргера на городище у с. Городище близ Шепетовки (к вопросу о времени гибели поселения) // Коцур В. П. (отв. ред.). Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький: Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет, 2008. С. 305–318.
- Миролюбов 1983 — *Миролюбов М. А.* (сост.). Древнерусский город Изяславль. Каталог выставки. Гос. Эрмитаж. Л.: ГЭ, 1983. 63 с.
- Миролюбов 1983а — *Миролюбов М. А.* Древний Изяславль как археологический памятник // Труды ГЭ. 1983. XXIII. С. 139–143.
- Миролюбов 1984 — *Миролюбов М. А.* Сельскохозяйственные орудия древнего Изяславля (XI–XIII вв.) // Толочко П. П. (ред.). Древнерусский город. Киев: Наукова думка, 1984. С. 82–84.
- Миролюбов 1988 — *Миролюбов М. А.* Орудия обработки почвы среднего Поднепровья XII–XIII вв. (по материалам древнего Изяславля) // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». 26–28 сентября 1988 г. ТД. Чернигов, 1988. С. 95–97.
- Миролюбов 1988а — *Миролюбов М. А.* Ремесленный инструментарий древнерусского Изяславля // Толочко П. П. (отв. ред.). Труды V Международного конгресса археологов-славистов в Киеве. Т. 2: секции III–IV. Киев: Наукова думка, 1988. С. 107–110.
- Миролюбов 1995 — *Миролюбов М. А.* Кузнечные изделия древнего Изяславля из собрания Государственного Эрмитажа // Сапунов Б. В. (ред.). У истоков русской культуры XII–XVII века. СПб.: Славия, 1995. С. 33–40.
- Миролюбов 2004 — *Миролюбов М. А.* Памятники письменности и религиозного культа из раскопок древнего Изяславля // Вилинбахов Г. В., Принцева Г. А. (ред.). Труды ГЭ. Т. XXX: Из истории русской культуры. Вып. 5. СПб.: ГЭ, 2004. С. 5–24.
- Михайлов, Пескова 2019 — *Михайлов К. А., Пескова А. А.* «Витязь у ворот», или реконструкция воинского комплекса из раскопок Большого Шепетовского городища // *Stratum plus*. 2019. № 5. С. 77–92.
- Михайлов, Пескова 2019а — *Михайлов К. А., Пескова А. А.* Находки защитного вооружения из раскопок древнерусского Шепетовского городища (заметки к трудам А. Н. Кирпичникова) // Белецкий С. В. (отв. ред.). Земля наша велика и обильна: Сборник статей к 90-летию А. Н. Кирпичникова. СПб.: Невская Типография, 2019. С. 286–297.
- Моргунов 2009 — *Моргунов Ю. Ю.* Древо-земляные укрепления Южной Руси. М.: Наука, 2009. 304 с., ил.
- Мусин 2003 — *Мусин А. Е.* «Камень аспиден зелен». Об одной группе древнерусских крестов из порфирита // РА. 2003. № 3. С. 145–155.
- Мусин 2009 — *Мусин А. Е.* Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии // Беляев Л. А. (ред.-сост.). *Archeologia Abrahamica*: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.: Индрик, 2009. С. 231–272.
- Нечитайло 1980 — *Нечитайло В. В.* Про час заснування Изяславля // Український історичний журнал. 1980. № 11. С. 117–120.
- Никитенко, Осадчий, Полегайлов 1985 — *Никитенко М. М., Осадчий Е. И., Полегайлов А. Г.* Древнерусское жилище в г. Изяслав Хмельницкой области // СА. 1985. № 1. С. 270–274.
- Никитенко 1999 — *Никитенко М. М.* Летописный Изяславль на реке Горыни // Князевская Т. Б. (сост.). Памятники культуры. Новые открытия. 1998. М.: Наука, 1999. С. 547–552.

- Николаева 1983 — Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. М.: Наука, 1983. 163 с., ил. (САИ. Вып. Е1–60).
- Овсянников 1971 — Овсянников О. В. О замках «болгарского» типа // СА. 1971. № 1. С. 258–260.
- Овсянников, Пескова 1982 — Овсянников О. В., Пескова А. А. Замки и ключи из раскопок Изяславля // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 93–99.
- Орфинская, Михайлов 2013 — Орфинская О. В., Михайлов К. А. Древнерусское «платье» из Изяславля: новая атрибуция // РА. 2013. № 4. С. 75–85.
- Осадчий 2011 — Осадчий Е. Ще раз про проблему історичних назв волинських міст, згаданих у статті 1240 р. Іпатіївського літопису // Ruthenica. Т. Х. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2011. С. 78–90.
- Пескова 1981 — Пескова А. А. Древний Изяславль // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 66–73.
- Пескова 1988 — Пескова А. А. Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. (по материалам городища у с. Городище близ Шепетовки). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Пескова 1988а — Пескова А. А. Древнерусский Изяславль в истории юго-западной Руси (по материалам городища у с. Городище близ Шепетовки) // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.»: ТД. Чернигов, 1988. С. 32–34.
- Пескова 1994 — Пескова А. А. Археологические свидетельства связей Южной Руси с католическим миром (на примере одного памятника) // Новосельцев А. П. (отв. ред.). Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти В. Т. Пашуто: ТД. М.: ИРИ, 1994. С. 64–66.
- Пескова 1997 — Пескова А. А. Паломнические древности в древнерусском городе // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: СИААМЗ, 1997. С. 48–50.
- Пескова 1998 — Пескова А. А. Херсонесский крест и его место среди синхронных памятников древнерусской культовой пластики // Мусин А., диакон (отв. ред.). Церковная археология. Вып. 4. Материалы второй всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского. СПб.: ИИМК РАН, СПбДА, 1998. С. 238–252.
- Пескова 2001 — Пескова А. А. Паломнические реликвии Святой земли в древнерусском городе // Залесская В. Н. (отв. ред.). Пилигримы. Сборник ГЭ к XX конгрессу византинистов (Париж, 2001 г.). СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 113–126.
- Пескова 2008 — Пескова А. А. Большое и малое древнерусские городища у села Городище близ Шепетовки // Моця О. П. (гол. ред.). Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень: ІА НАНУ, МПП «Триада С», 2008. С. 74–79.
- Пескова 2009 — Пескова А. А. Оборонительные сооружения древнего «Изяславля» // Архитектура и археология Древней Руси. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. К. Каргера (1903–1976). СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. С. 150–172. (Труды ГЭ: Т. 46).
- Піскова 1988 — Піскова Г. О. Скарби стародавнього Ізяславля // Археологія. 1988. Вип. 61. С. 16–35.
- Піскова 2003 — Піскова Г. О. Скарби стародавнього Ізяславля // Якубовський В. Скарби Болохівської землі. Кам'янець-Подільський: Медобори, 2003. С. 111–126.

- Пескова, Белецкий 1997 — *Пескова А. А., Белецкий С. В.* Древнерусские печати Шепетовского городища и поиски его летописного имени // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. Памяти В. Д. Белецкого (1919–1997). СПб.; Псков: ИИМК РАН, ПГОИАХМЗ, 1997. С. 129–138.
- Пескова, Рябцева 2018 — *Пескова А. А., Рябцева С. С.* Медальоны с хрустальными вставками в составе социально-престижного убора населения юго-западных регионов Древней Руси // *Stratum plus*. 2018. № 5. С. 281–298.
- Петров 1997 — *Петров Ю. Ю.* Древнерусские шлемы с полумасками // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. Памяти В. Д. Белецкого (1919–1997). СПб.; Псков: ИИМК РАН, ПГОИАХМЗ, 1997. С. 139–143.
- Пинягина 2017 — *Пинягина Н. С.* Археологические шелковые ткани Древней Руси XII–XIII вв., извлеченные из монолитов (Кат. №№ 39–62) // Спиридонова Л. В. (ред.). Эрмитажная энциклопедия текстиля. Реставрация. Каталог выставки. СПб.: Изд-во ГЭ, 2017. С. 104–111.
- Полегайлов, Осадчий 1988 — *Полегайлов А. Г., Осадчий Е. И.* Свинцовая гирька из Изяслава на р. Горыни // *СА*. 1988. № 3. С. 253–254.
- Прищеп 2016 — *Прищеп Б. А.* Погоринські міста в Х–ХІІІ ст. Рівне: ПП Дятлик М., 2016. 297 с., ил.
- Прищеп 2019 — *Прищеп Б. А.* Погориння у середньовіччі: населення, системи заселення, урбанізаційні процеси. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук. Київ, 2012.
- ПСРА II 1908 — *Ипатьевская летопись* // Полное собрание русских летописей. Том II. 2-е изд. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908.
- Пуцко 1997 — *Пуцко В. Г.* Киевская медная ладоница с золотой наводкой // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. Памяти В. Д. Белецкого (1919–1997). СПб.; Псков: ИИМК РАН, ПГОИАХМЗ, 1997. С. 179–185.
- Рохлин 1965 — *Рохлин Д. Г.* Болезни древних людей. М., Л.: Наука, 1965. 305 с., ил.
- Сабурова 1997 — *Сабурова М. А.* Древнерусский костюм // *Древняя Русь. Быт и культура*. Серия «Археология». Т. 16 (20). М.: Наука, 1997. С. 93–109.
- Самоквасов 1888 — *Самоквасов Д. Я.* Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России. Волынская губерния. СПб.: Изд-во имп. Археологической комиссии, 1888. 99 с.
- Сотникова 1974 — *Сотникова М. П.* Серебряный слиток с Изяславля-городища // Кирпичников А. Н., Раппопорт П. А. (отв. ред.). Культура средневековой Руси: Сборник статей, посвященный 70-летию М. К. Каргера. Л.: Наука, 1974. С. 64–66.
- Спиргис 2017 — *Спиргис Р.* Паломнический контекст находок перламутровых крестиков XIII–XV вв. на территории современных Латвии и Литвы // Мусин А. Е., Щеглова О. А. (ред.-сост.). В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН, Невская Книжная типография, 2017. С. 561–582. (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII).
- Терещук 1995 — *Терещук К. І., Терещук Л. К.* На міжнародному шляху // *Дивокрай*. Науково-краєзнавчий альманах. Вип. 1: Хмельниччина волинська. Хмельницький: Еврика, 1995. С. 32–35.

- Терський 2012 — *Терський С. В.* Східний кордон Волинського князівства у XII–XIII ст. (за даними археологічних досліджень) // Вісн. Нац. ун-ту «Львів. Політехніка». Львів, 2012. С. 16–25.
- Толочко 1975 — *Толочко П. П.* Киевская земля // Бескровный Л. Г. (отв. ред.). Древнерусские княжества. М.: Наука, 1975. С. 5–56.
- Томсинский 2019 — *Томсинский С. В.* Каменные иконки из раскопок древнерусского «Изяславля» // Белецкий С. В. (отв. ред.). Земля наша велика и обильна. Сборник статей к 90-летию А. Н. Кирпичникова. СПб.: Невская Типография, 2019. С. 423–432.
- Чуракова 2017 — *Чуракова А. Ю.* Подвеска-иконка «Чудо св. Георгия о змие» с городища близ Шепетовки // Мусин А. Е., Щеглова О. А. (ред.-сост.). В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН, Невская Книжная типография, 2017. С. 611–614. (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII).
- Шашкина 1987 — *Шашкина Т. Б.* Древнерусские колокола домонгольского времени // Раушенбах Б. В. (отв. ред.). Колокола: история и современность. М.: Наука, 1993. С. 128–142.
- Шашкина, Галибин 1986 — *Шашкина Т. Б., Галибин В. А.* Памятники древнерусского колокольного литья (результаты химико-аналитического исследования) // СА. 1986. № 4. С. 236–242.
- Шилик 1965 — *Шилик К. К.* Опыт применения магниторазведки на древнерусском городище // Колчин Б. А. (ред.). Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965. С. 252–256. (МИА. № 129).
- Щапова 1972 — *Щапова Ю. А.* Браслеты Изяславля // Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во Московского университета, 1972. С. 160–165.
- Щапова 1974 — *Щапова Ю. А.* Стекланные браслеты Изяславля // Кирпичников А. Н., Раппопорт П. А. (отв. ред.). Культура средневековой Руси: Сборник статей к 70-летию М. К. Каргера. Л.: Наука, 1974. С. 85–87.
- Энговатова и др. 2010 — *Энговатова А. В., Осипов Д. О., Гончарова Н. Н., Бужилова А. П.* Массовое средневековое захоронение в Ярославле (предварительные результаты) // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 106–114.
- Юра 1962 — *Юра Р. О.* Древній Колодяжин. АП УРСР. Т. XII. Київ, 1962. С. 57–130.
- Якубовский 1983 — *Якубовский В. И.* Древнерусские памятники XII–XIII вв. верховьев рек Южного Буга и Случи: дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983.
- Якубовский 1984 — *Якубовский В. И.* Древнерусские памятники XII–XIII вв. в верховьях Южного Буга и Случи. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1984.
- Якубовський 1997 — *Якубовський В. І.* Основні центри Болохівської землі // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного педагогічного університету. Історичні науки. Т. 1 (3). Кам'янець-Подільський, 1997. С. 14–32.
- Якубовський 2000 — *Якубовський В. І.* Західноєвропейські пам'ятки в матеріалах болохівського городища поблизу м. Шепетівки // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного педагогічного університету. Історичні праці. Т. 4 (6). Кам'янець-Подільський, 2000. С. 108–112.
- Якубовський 2003 — *Якубовський В.* Скарби Болохівської землі. Кам'янець-Подільський: Медобори, 2003. 158 с., ил.

- Якубовський 2010 — *Якубовський В. І.* Про християнські реліквії з давньоруських городищ межиріччя верхів'їв річок Случа і Горині // Вісник Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Історичні науки. Вип. 3: До 20-річчя кафедри історії України. Кам'янець-Подільський, 2010. С. 235–241.
- Якубовський 2011 — *Якубовський В. І.* Про сільську округу Болохівської землі // Освіта, наука і культура на Поділлі. Збірник наукових праць. Т. 18. Кам'янець-Поділ. нац. ун-т ім. І. Огієнка. Кам'янець-Подільський, 2011. С. 377–387.
- Яненко 2016 — *Яненко А.* Історія музейної археології УСРР (1919–1934). Київ: Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник, 2016. 368 с.
- Янушевич 1976 — *Янушевич З. В.* Культурные растения Юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев: Штиинца, 1976. 214 с., ил.
- Kirpichnikov 1986 — *Kirpichnikov A. N. Kirpichnikov A. N.* Russische Waffen des 9.–15. Jahrhunderts // *Waffen und Kostümkunde.* Jahrgang 1986. Deutscher Kunstverlag München–Berlin. S. 85–128.
- Peskova, Mikhaylov 2018 — *Peskova A., Mikhaylov K.* The Large Fortified Settlement Near Shepetovka: History of the Medieval Settlement — History of the Archaeological Site // *Florkiewicz I., Wołoszyn M. (eds.). Analecta Archaeologica Ressoviensia.* Vol.13. Rzeszów, 2018. S. 417–440.
- Sainte Russie 2010 — *Sainte Russie. L'art russe des origines à Pierre le Grand. Catalogue de l'exposition.* Paris, muse du Louvre, 5 mars — 24 mai 2010. Paris, 2010.

Архивные источники

- Каргер 1957А — *Каргер М. К.* Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Ленинградского гос. университета в 1957 г. // НА ІА НАНУ. 1957/27а. Ф. експ. 2985-2986.
- Каргер 1958А — *Каргер М. К.* Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Ленинградского гос. университета в 1958 г. // НА ІА НАНУ. 1958/36. Ф. експ. 3221-3222.
- Каргер 1959А — *Каргер М. К.* Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Ленинградского гос. университета в 1959 г. // НА ІА НАНУ. 1959/33. Ф. експ. 3421-3422.
- Каргер 1960А — *Каргер М. К.* Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Ленинградского гос. университета в 1960 г. // НА ІА НАНУ. 1960/49. Ф. експ. 3570–3571.
- Каргер 1961А — *Каргер М. К.* Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Ленинградского гос. университета в 1961 г. // НА ІА НАНУ. 1961/49. Ф. експ. 3802.
- Каргер 1962А — *Каргер М. К.* Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Ленинградского гос. университета в 1962 г. // НА ІА НАНУ. 1962/45. Ф. експ. 3978.

- Каргер 1963А — *Каргер М. К.* Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Ленинградского гос. университета в 1963 г. // НА ІА НАНУ. 1963/46. Ф. эксп. 4244–4245.
- Каргер 1957Ак — *Каргер М. К.* Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г. (копия отчета, представленного в ИА АН УССР) // НА ИА РАН. Р-1. № 1668, № 1668а.
- Каргер 1958Ак — *Каргер М. К.* Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Ленинградского университета в 1958 г. (копия) // НА ИА РАН. Р-1. № 1836, № 1836а.
- Каргер 1959Ак — *Каргер М. К.* Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Ленинградского гос. университета в 1959 г. (копия) // НА ИА РАН. Р-1. № 2071, № 2071а.
- Каргер 1964Ак — *Каргер М. К.* Предварительный отчет о работе по исследованию древнерусского городища близ с. Городище Хмельницкой обл. УССР в 1964 г. (копия) // НА ИИМК РАН. Ф. 35. 1964 г. Д. 177.
- Каргер 1957Ак, 1958–1964Ак — *Каргер М. К.* Отчеты (копии отчетов) о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции ЛОИИМК АН СССР и ЛГУ за 1957–1964 гг. // Личный архив М. К. Каргера в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН.
- Пескова 1983А — *Пескова А. А.* Отчет о работе Владимиро-Волынского отряда Архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1983 г. в г. Владимире-Волынском и на городище у с. Городище близ Шепетовки Хмельницкой обл. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1983 г. Д. 3. Л. 12–15.
- Пескова 1984А — *Пескова А. А.* Отчет о работе Владимиро-Волынского отряда Архитектурно-археологической экспедиции в 1984 г. в г. Владимире-Волынском и на городище у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой обл. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1984 г. Д. 2. Л. 9–10.
- Савіцький 1929А — *Савіцький М.* Археологічна рекогносцировка 1929 р. Обстеження Судилківського району на Шепетівщині // НА ІА НАНУ. Фонд ВУАК. № 309/17, 11 арк.; № 309/20, 13 арк.; № 556, 44 арк.
- Третьяков 1949А — *Третьяков П. Н.* Отчет об археологических разведках в Житомирской и Каменец-Подольской областях в 1949 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1949 г. Д. 126. Л. 1, 8–9.
- Цалкин б/г А — *Цалкин В. И.* Фауна из раскопок на Изяславле (неопубликованная рукопись). 25 маш. с. // НА ИИМК РАН: Р-3.

Позднеримский слой древнерусского городища у с. Городище близ Шепетовки¹

Древнерусское городище у восточной окраины с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области (Украина) — памятник давно известный в археологической литературе. Впервые оно упоминается в 1888 г. (Самоквасов 1888: 51), позже его многократно обследуют археологи-слависты, и затем на городище в 1957–1964 гг. ведет раскопки экспедиция под руководством М. К. Каргера. На протяжении восьми лет работы экспедиции были почти полностью исследованы детинец и посад древнерусского поселения.

Если древнерусские материалы городища сразу вызвали интерес обилием и разнообразием вещей XII–XIII вв. — свидетельствами быстрого и беспощадного уничтожения поселения и его жителей в XIII в., то следы более древнего поселка почти затерялись в массе древнерусских находок. Отчасти этому способствовало мнение М. К. Каргера о том, что ранний слой на городище был уничтожен строительными работами в древнерусское время.

Однако начиная с первого года работ на городище в отчетах о раскопках М. К. Каргер регулярно упоминает о находках позднеримских вещей. При всей краткости сведений о древнем поселении на городище оно было занесено в каталог черняховских памятников на территории УССР (Махно 1960: 54, кат. 37). Одна из найденных в раскопках городища римских монет включена в сводку римских монет на территории СССР (Кропоткин 1961: 84, кат. № 1124).

В то время как различные категории древнерусских находок городища были изучены и частично опубликованы, данные о позднеримском слое памятника исчерпываются приведенными выше упоминаниями Е. В. Махно и В. В. Кропоткина. Незаслуженно забытая позднеримская часть коллекции городища представляет не меньший интерес для исследователей культур первой четверти I тыс. н. э., чем материалы древнерусского городища для археологов, занимающихся эпохой Древней Руси.

В результате просмотра иллюстративной части архива М. К. Каргера, альбомов к ежегодным отчетам о раскопках и на основании описей материалов городища, а также самой коллекции, можно попытаться реконструировать типы жилых построек древнего поселения, его территорию, характер застройки².

¹ Подготовка текста и комментарии О. А. Щегловой. Благодарим О. В. Шарова за помощь в атрибуции иллюстраций и консультации.

² За пределами заметки остались находки оружия римского времени и снаряжения всадника — шпоры (см. текст А. Н. Кирпичникова в наст. издании, с. 57–58), находки амфор, которые также могут повлиять на датировку. Невозможно уточнить, о каких очагах и о какой полуземлянке говорит автор. Некоторые материалы (костяные проколки и глиняные пряслица), относящиеся к позднеримскому времени, были выявлены в коллекции ГЭ и представлены на рис. 10 (1–4) и 11. — *Прим. О. Щегловой.*

До 1960 г., когда в северной части посада был выявлен участок культурного слоя с явными следами древнего поселения, М. К. Каргер считал находки «черняховского» типа случайными. В отчете о раскопках городища в 1960 г. упоминается, что «По-видимому, именно в этой части холма, занятого в XII–XIII вв. древнерусским городом, в первые века н. э. было расположено древнейшее поселение, от которого на берегу р. Гуски сохранилась лишь весьма незначительная часть. Тщательные поиски остатков жилых и хозяйственных построек не увенчались успехом» (Каргер 1960А: 13).

Планиграфия индивидуальных находок позднеримского времени, остатков глинобитных очагов с керамикой «черняховского» и «пшеворского» типов (по именованию описи) показывает, что заселена была не только северная часть посада, но и восточная, а также территория детинца (рис. 1). Основная масса находок позднеримского времени стратиграфически не отделяется от древнерусских материалов и зафиксирована на глубине 0,2–0,6 м от современной дневной поверхности.

К первому комплексу относится развал обломки наземного глинобитного жилища (рис. 1: 1; 3: 1), от которого сохранился северо-западный угол и более 40 грузиков от вертикального ткацкого станка, вместе с фрагментами — 73 экз. (рис. 3: 2)³. Возможно, к нему следует отнести два глинобитных очага, расчищенных на том же уровне, что и грузики. Другой комплекс состоит из трех лепных реконструированных сосудов (рис. 2), в третьем рядом с керамикой была найдена фибула (рис. 7: 4; 8: 3).

В тех случаях, когда опись находок была составлена подробно, удалось даже разделить лепную и гончарную керамику (рис. 5). На детинце лепная керамика концентрируется в южной и юго-восточной частях. Среди лепной посуды есть фрагменты с лощением (рис. 5: 4, 5), хряпчатой поверхностью, ногтевыми вдавлениями (рис. 2: 3).

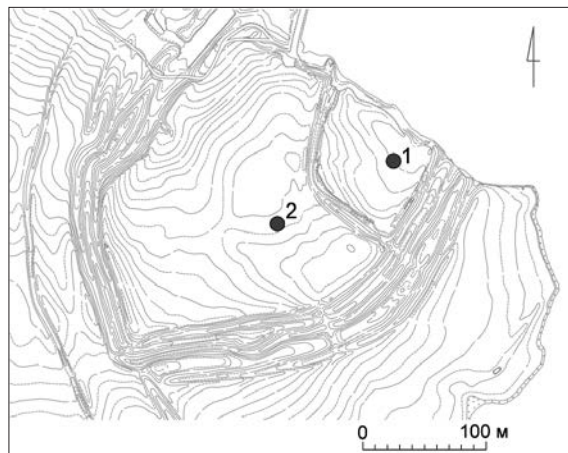

Рис. 1. Расположение построек римского времени № 1 и 2 на площадке городища.
Чертеж Е. А. Никитиной

³ Грузики ткацкого станка, найденные в постройке *in situ*, представляют собой довольно редкую находку на вельбаркских и черняховских поселениях позднеримского времени. находка комплекса в постройке на площадке Шепетовского городища в 1958 г. по времени совпала с аналогичными на поселении Лепесовка, которое в это время изучала М. А. Тиханова (Тиханова 1963: 182). Однако все эти находки не были введены в научный оборот, хотя являлись до последнего времени уникальными материалами к реконструкции ткачества на поселениях позднеримского времени в междуречье Днестра и Припяти. В коллекции ГЭ А. С. Литвиненко удалось выявить лишь семь из 40 упомянутых в полевой документации целых грузил. Все они имеют пирамидальную форму с округлой или срезанной вершиной (рис. 4). Грузила были изготовлены из глины с органическими примесями, были слабо обожжены или просто подсушены. По сравнению с лепесовскими, грузила с городища представлены довольно массивными экземплярами. Средний вес грузика составляет 1,376 кг, при этом самое тяжелое грузило весит 1,899 кг, а самое легкое — 1,006 кг. Средняя величина диаметра отверстия — 1,9 см, средняя высота грузил — 14,3 см (Литвиненко, в печати). — Прим. О. Щегловой.

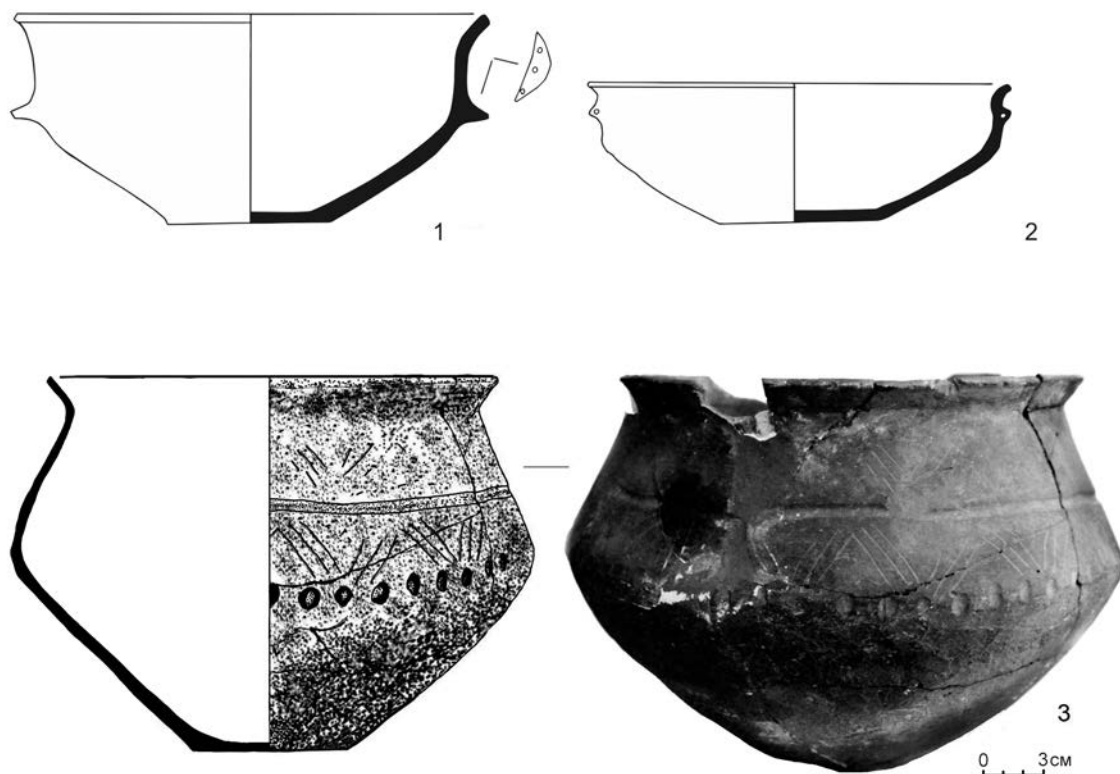

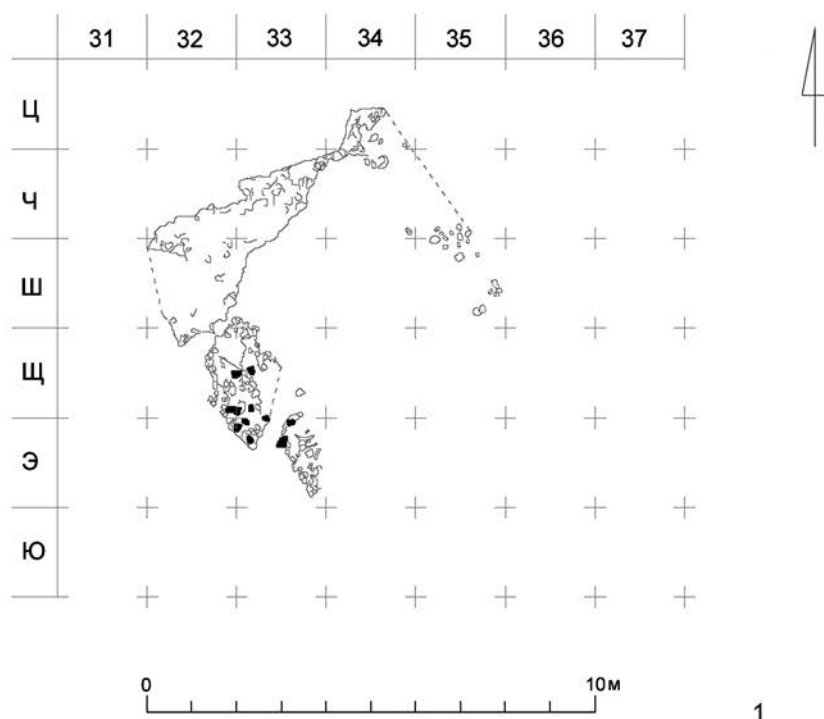
Рис. 2. Лепные сосуды, обнаруженные в скоплении керамики в кв. Г-9 на площадке городища: 1 — миска (ГД-58/5890); 2 — миска (ГД-58/5891); 3 — горшок (ГД-58/5889). Фото А. Ю. Кононович, рис. Е. Ю. Кононович по эскизу Г. А. Романовой. Здесь и далее номера соответствуют современному хранению

Иная картина выявилась на территории посада, где в северной части лепная керамика раннего горизонта найдена на всех уровнях и по всей прибрежной зоне поселения. В южном и западном направлениях находки раннего слоя встречены единично, в центральной части зафиксированы скопления керамики, одно из которых находилось у северно-западной части развала обмазки глинобитного сооружения длиной более 24 м (рис. 6). Возможно, на посаде к раннему слою относятся также остатки четырех очагов, яма с обломками амфор в заполнении и полуземляночная постройка невыясненного характера⁴.

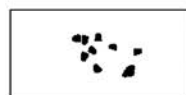
Таким образом, несмотря на то что строительные остатки древнего поселения действительно пострадали в древнерусское время, в пределах площадки городища XII–XIII вв. н. э. сохранились две наземные глинобитные постройки (рис. 1; 3; 1; 6), предположительно остатки шести очагов, хозяйственная яма и полуземляночное сооружение.

За пределами укреплений в одном из шурфов на южной стороне мыса были также отмечены развалы сооружения с очагом и керамикой позднееримского времени. Кроме того, с помощью магнитометра был открыт развал керамической обжигательной печи, относящейся по керамике к раннему поселению (Шилик 1965: 265–269). Вероятно, древнее поселение было вытянуто вдоль всей прибрежной части мыса, не намного уступая размерами древнерусскому поселку. Судя по радиальным разведкам, значительная часть раннего

⁴ Расположение этих объектов установить не удалось. — Прим. О. Щегловой.

— разрушенные глинобитные стены

— глиняные грузики для ткацкого станка

Рис. 3. Остатки глинобитной постройки № 1 с развалом грузиков от ткацкого станка:
1 — план глинобитной постройки № 1; 2 — глиняные грузики от ткацкого станка
из постройки № 1. Чертеж Е. А. Никитиной, фото: НА ИИМК РАН, ФО, О.2567.69

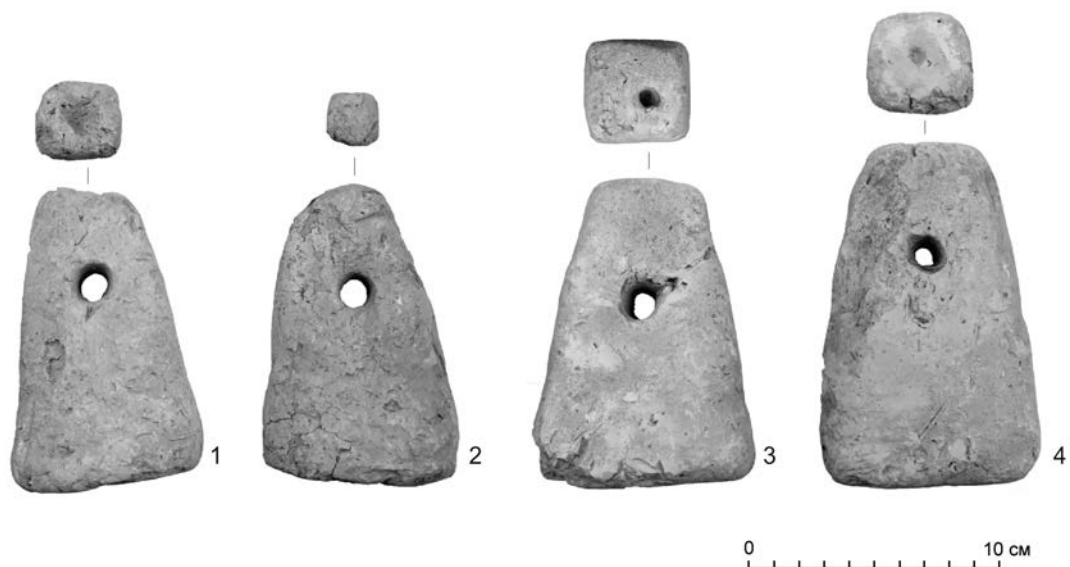

Рис. 4. Грузики от ткацкого станка из постройки №1 из коллекции ГЭ: 1 — ГП-58/5510; 2 — ГП-58/5509; 3 — ГП-58/5513; 4 — ГП-58/5510. Фото А. С. Литвиненко

поселения осталась нераскопанной, так как выходы позднееримского слоя были отмечены и вниз по течению реки, сразу за валами посада.

Коллекция вещей и керамики раннего слоя городища резко отличается от черняховских памятников этого района наличием в керамическом комплексе характерной лепной посуды. Формы лепной керамики находят аналогии в посуде любовидзской и цецельской стадий вельбаркской культуры. Реконструированы пять лепных, три гончарных сосуда (рис. 2, 5), частично восстановлена форма двух кубков со штампованным орнаментом⁵. Большую часть керамики еще предстоит реконструировать, но даже по отдельным фрагментам гончарной лощеной и лепной лощеной посуды с углубленным геометрическим, ногтевым орнаментами, с хрупчатой поверхностью поселение у с. Городище относится к памятникам вельбаркской культуры.

На городище были найдены 10 экземпляров фибул (1 железная и 9 бронзовых) (рис. 7; 8; 12: 1–3; цв. вклейка 4: 1). Наиболее ранний этап жизни поселения датирует находка бронзовой фибулы (А.126), у которой отсутствует пружина и игла (рис. 12: 3; цв. вклейка 4: 1), относящейся к типу гребенчатых фибул (период В2/С1 — Godłowski 1974). Синхронна ей или несколько моложе бронзовая фибула (А.178) периода С1а общеевропейской хронологии (рис. 12: 2). Обе фибулы относятся к кругу северо-европейских фибул. Суммарно к периоду С1 относится железная шарнирная фибула с дугообразной спинкой и незначительно расширенной ножкой причерноморско-дунайского типа (рис. 7: 1; 8: 1). Бронзовая фибула с гладкими обернутыми кольцами имеет также северо-европейское происхождение, более длительный период существования — от С1 до конца С3 (рис. 7: 2; 8: 2). С памятниками вельбаркской культуры связано распространение подвязных фибул с треугольным или ромбическим в сечении корпусом, пуансонным орнаментом на спинке (4 бронзовых экземпляра), бытовавших в период С2, С3 (рис. 7:

⁵ В коллекции не обнаружены. — Прим. О. Щегловой.

Рис. 5. Керамика позднеримского времени: 1, 2 — гончарные миски (б/н); 3–5 — лепные кубки (3 — ГП-59/2956; 4 — ГД-58/5762; 5 — ГП-60/4472). 1, 2, 3, 5 — фото: НА ИИМК РАН, ФО, О.2567; 4 — фото А. Ю. Кононович

3–6; 8: 3–5, 7). К наиболее поздним типам, период С3, относятся две бронзовых фибулы с фасетками на спине (рис. 7: 7). Одна из них, длиной свыше 8 см, возможно, прибалтийского происхождения, и тогда может быть датирована периодом С1 (рис. 12: 1). Опираясь на хронологию городищенских фибул (по: Амброз 1966; Almgren 1923; Godłowski 1970; 1974), можно определить время существования древнего поселения от конца II в. н. э. — IV в. н. э.⁶

⁶ В связи с уточнением датировки определенных типов фибул, которая произошла уже после того, как была написана эта статья (Гороховский 1988; Шаров 1992; Петраускас 2010 и др.),

Подтверждают обоснование датировки поселения роговые гребни — одночастный периода В2/С1, типа I (рис. 9: 6) и трехслойный периода С2/С3, типа Iв (рис. 9: 7) (Thomas 1960; Никитина 1969)⁷.

Из раннего слоя городища происходят два римских денария — Тита (79–82 гг.) и Марка Аврелия (монета чеканена в 145–160 гг.) (рис. 10). Определения выполнены А. М. Гилевич по каталогу Матингли (Mattingly 1927: Tabl. 2, 4).

В коллекции городища среди обломков стеклянных сосудов есть несколько фрагментов позднееримского стекла⁸. Неплохо сохранился фрагмент стенки фиалы, украшенной шлифованными овалами, кругами, углубленными линиями (рис. 12: 4). Фиала происходит из кельнских мастерских, отличается от сходных с ней сосудов причерноморского изготовления лучшим качеством токарной работы, более сложным орнаментом. Датируется периодом С1, С2 (Fremerisdorf 1967: Bd. I, 87, Abb. 9)⁹.

намечается возможность в материалах городища близ Шепетовки выделить два горизонта древностей позднееримского времени: раннего, связанного с фазой европейской хронологии В2/С1 (конец II — начало III в.), и более позднего, уходящего уже в IV в., относящегося к фазе С2. Однако отсутствие достоверных комплексов не позволяет двигаться в этом направлении дальше предположений. — Прим. О. Щегловой.

⁷ Обзор находок костяных гребней в Днестро-Припятском междуречье был представлен львовскими коллегами Я. Онищуком и В. Прокофьевым (Онищук, Прокопів 2012). Так же как и в случае с фибулами, опираясь на хронологические признаки, выявленные для гребней Р. С. Шишкиным (Шишкин 1999; 2002), можно сказать, что два гребня из рассматриваемой коллекции представляют собой самые ранний и самый поздний типы вельбаркских гребней. — Прим. О. Щегловой.

⁸ В коллекции не выявлены. — Прим. О. Щегловой.

⁹ В архивных записях Г. А. Романовой также значилось 12 экспедиционных номеров керамических пряслиц (некоторые из них схематично зарисованы), которые могут быть связаны с позднееримским горизонтом памятника (рис. 11). В тексте они не описаны. Керамические пряслица являются частой находкой на поселениях вельбаркской и черняховской культур, как на поселениях, так и в могильниках, однако даже в специальных публикациях они обычно описываются и систематизируются по формальным основаниям (Maik 2012: 55).

Исключение представляет недавняя работа Б. В. Магомедова, где автор нащупал принцип классификации пряслиц, выводящий в результате на этнокультурные закономерности (Магомедов 2015). Десять пряслиц из нашей коллекции относятся к виду А по Магомедову — биконическим пряслицам, из них шесть имеют углубленные площадки и острое ребро — принадлежат варианту А111а (рис. 11: 1–3, 5, 6, 10).

Этот вариант является ведущим как в вельбаркской и пшеворской, так и в черняховской культурах (Магомедов 2015: 18). Три пряслица относятся к варианту 121а с прямыми боковыми площадками и узким отверстием (рис. 11: 4, 8, 11), который занимает второе место по численности среди черняховских и также является ведущим для вельбаркской и пшеворской культур (Магомедов 2015: 18). Биконическое пряслице со скругленным ребром и углубленной площадкой (рис. 11: 9) относится к типу А212, который представлен в черняховской культуре единичными экземплярами, но распространен в вельбаркской (Там же: 20). Одно пряслице, цилиндроконическое (рис. 11: 12), близко по форме варианту В122b, который Б. В. Магомедов считает редким для черняховской культуры, но находит ему аналогии в сарматских памятниках (Там же: 22). И наконец, одно пряслице, близкое шаровидным (рис. 11: 7), по форме принадлежит виду С, также распространенному как на памятниках черняховской, так и вельбаркской и пшеворской культур. Но его характерная орнаментация продольным рифлением отмечается

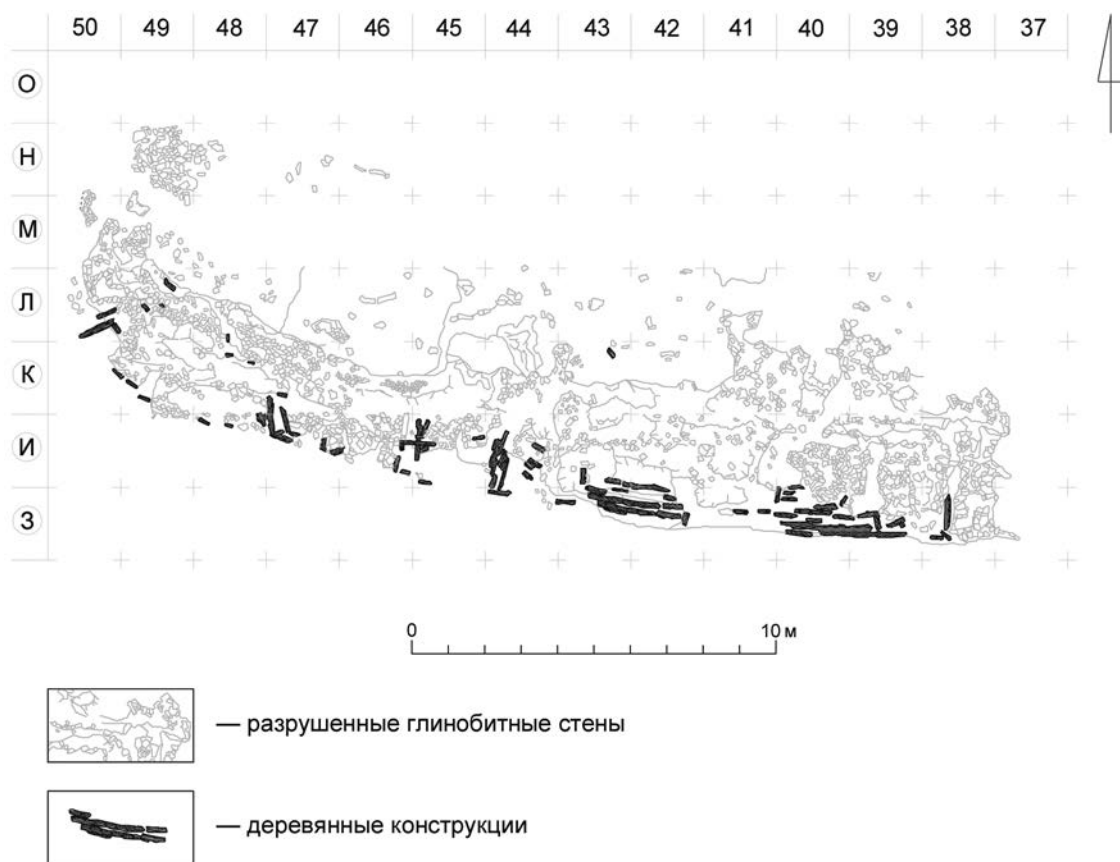

Рис. 6. Остатки глинобитной постройки № 2. Чертеж Е. А. Никитиной

Находки позднеримского времени из раскопок городища имеют аналогии прежде всего среди германских древностей Севера Европы. Тип постройки, открытой на территории посада городища (рис. 6), широко распространен на черняховских поселениях, но впервые встречена постройка такой длины — 24/26 м. Ее восточная часть имеет ширину 5,5 м, западная несколько уже — 4,5 м. Аналогии подобным жилищам известны только на Севере Европы на памятниках Поморья, Ютландского полуострова. Вокруг постройки были найдены многочисленные фрагменты амфор, возможно, она предназначалась для собраний и пиров¹⁰. Много сходных черт древнего поселения у с. Городище обнаруживается с известными в литературе памятниками у сел Викнины Великие и Лепесовка (Смішко 1947;

исключительно на экземплярах, происходящих с вельбаркских памятников, например, могильника Брест-Тришин (Кухаренко 1980: 99, рис. 5 е) и поселения Хренники (Козак, Прищепа, Шкоропад 2004: 179, рис. 7).

Таким образом, комплекс пряслиц с Шепетовского городища характерен для традиции, которую Б. В. Магомедов связывает с восточно-германскими культурами позднеримского времени и соответствующим компонентом черняховской культуры (Магомедов 2015: 40). — Прим. О. Щегловой.

¹⁰ Вопрос о соотношении находок фрагментов амфор, найденных вокруг постройки, с позднеримским или древнерусским периодом на городище не прорабатывался. — Прим. О. Щегловой.

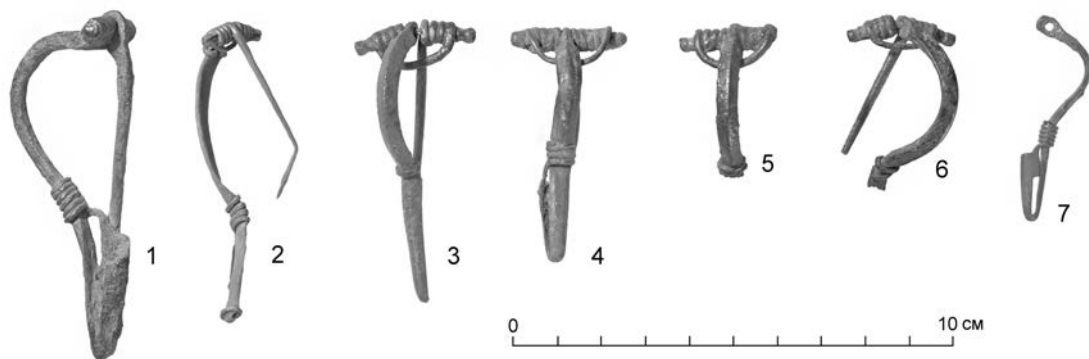

Рис. 7. Фибулы: 1 — ГД-58/7880; 2 — ГД-58/896; 3 — б/н; 4 — ГД-58/7881; 5 — ГД-58/7882; 6 — ГД-58/7879; 7 — б/н. 1 — железо, 2-7 — бронза. 1-7 — фото: НА ИИМК РАН, ФО: П78796

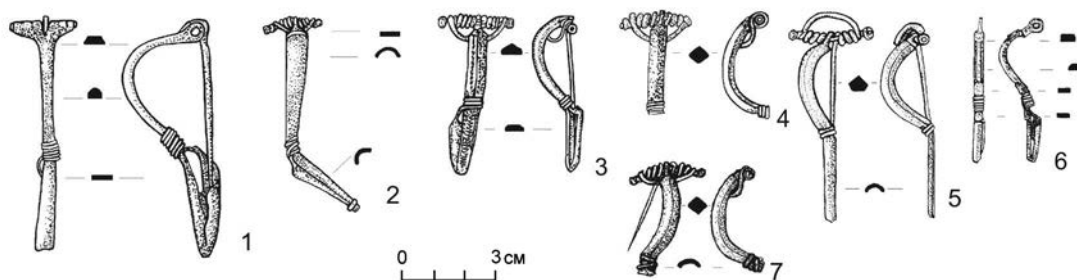

Рис. 8. Фибулы: 1 — ГД-58/7880; 2 — ГД-58/896; 3 — ГД-58/7881; 4 — ГД-58/7882; 5 — б/н; 6 — б/н; 7 — ГД-58/7879; 1-7 — рисунки Е. Ю. Кононович по эскизам Г. А. Романовой

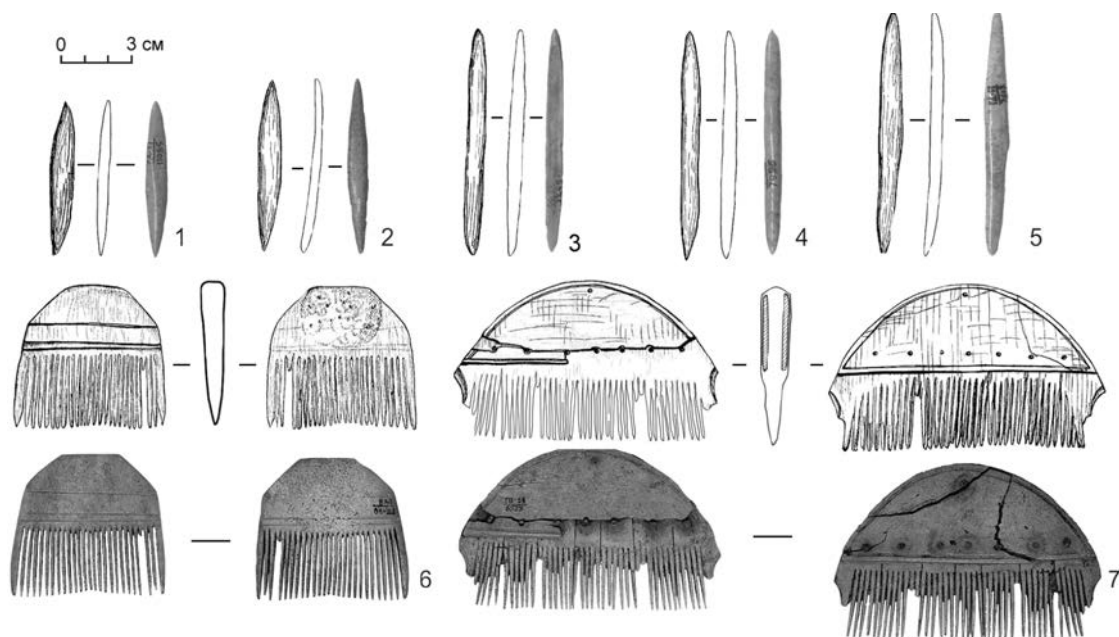

Рис. 9. Изделия из кости: 1-5 — стили и ложила; 6, 7 — гребни. Рисунки Е. Ю. Кононович по эскизам Г. А. Романовой; фото А. Ю. Кононович

Рис. 10. Римские монеты: 1 — денарий Тита (79–82 гг.); 2 — денарий Марка Аврелия (145–160 гг.).
1–2 — серебро. Фото: НА ИИМК РАН, ФО: I 54379, I 54380, I 54964, I 54965

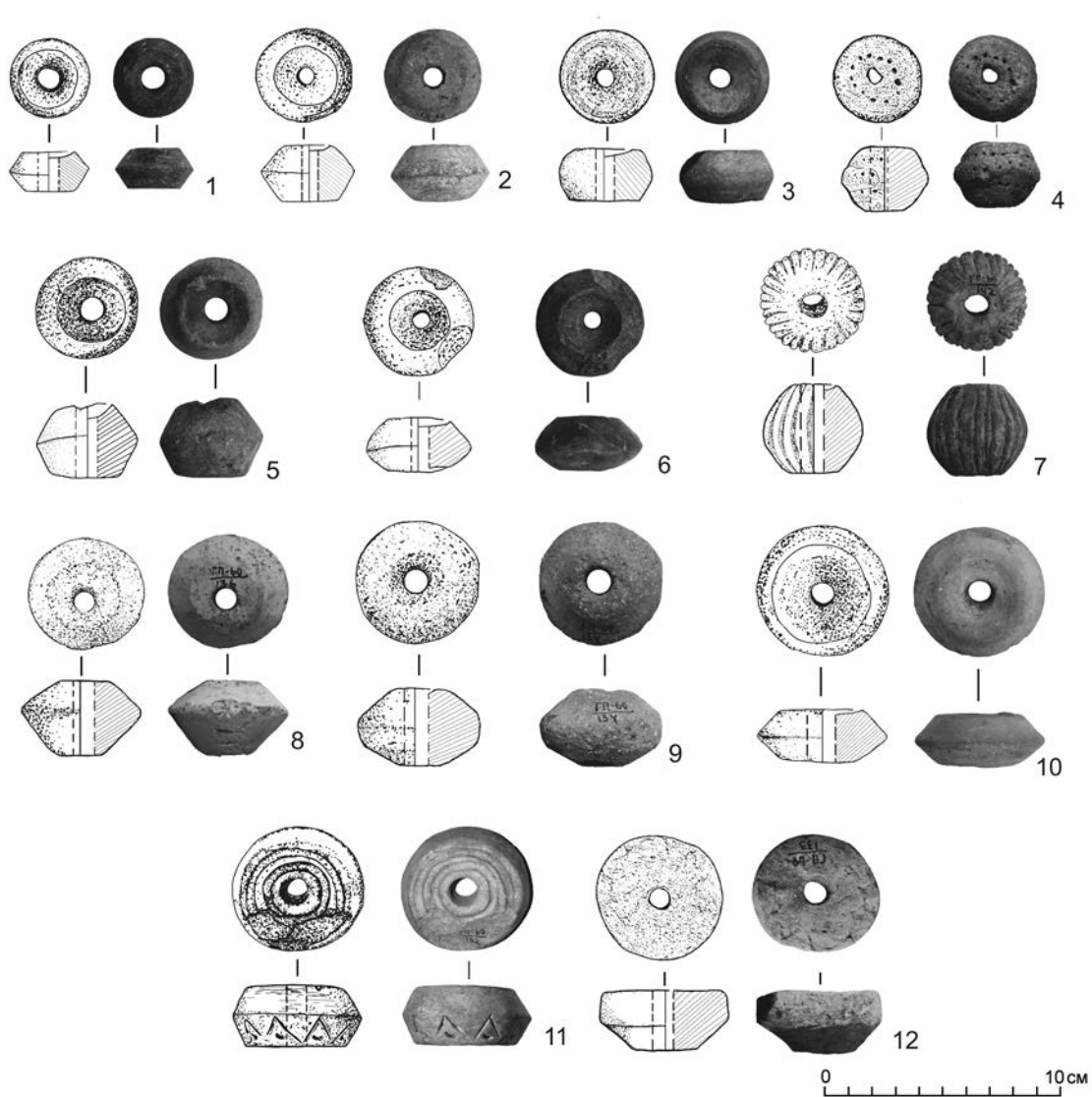

Рис. 11. Глиняные пряслица. Фото А. Ю. Кононович, рис. Е. Ю. Кононович

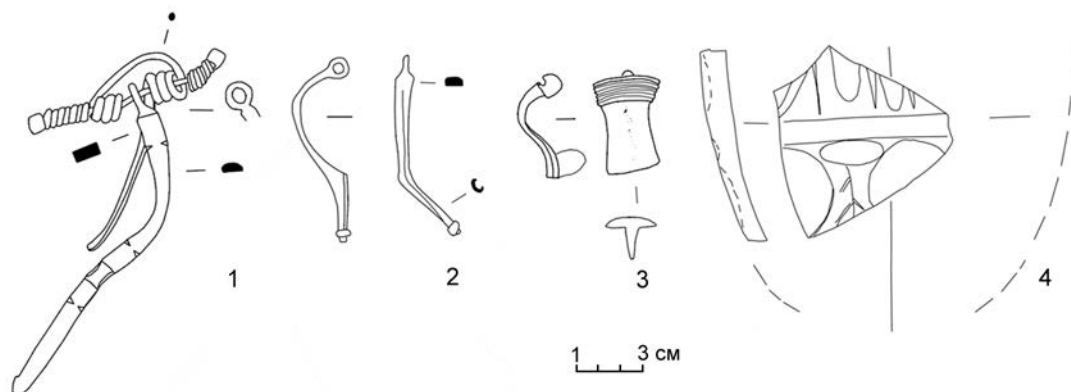

Рис. 12. Датирующие вещи: 1–3 — фибулы (1 — ГП-61/200; 2 — ГП-60/10; 3 — ГП-61/169); 4 — фрагмент стенки фиалы ГП-64/965. 1–3 — бронза, 4 — стекло. Рисунки Г. А. Романовой

Тиханова 1963; 1971; Шукин 1989). В том числе эти поселения отличает наличие среди посуды вельбаркской лепной керамики, вещей североευропейского происхождения, а также типичных для германской традиции длинных домов.

Граница распространения памятников вельбаркской культуры на территории Украины проходит на востоке по линии Горынь — Южный Буг (Русанова 1993: 184). Поселения Викнины Великие и Лепесовка расположены на Горыни, городище у с. Городище тоже находится в бассейне Горыни, являясь одним из самых восточных памятников вельбаркской культуры. Все три поселения возникают не позже начала III в. н. э. и существуют до середины IV в. н. э., на позднем этапе они полностью трансформируются в черняховские поселения.

Литература

- Амброз 1966 — Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. 112 с. (САИ. Вып. Д1–30).
- Гороховский 1988 — Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V МКАС. Киев, 1988. Т. 4. С. 4–6.
- Козак и др. 2004 — Козак Д. Н., Прищепя Б. А., Шкоропад В. В. Давні землероби Волині (пам'ятки археології на Хрінницькому водоймищі). Київ: ІА НАНУ, 2004. 300 с.
- Кропоткин 1961 — Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 135 с. (САИ. Вып. Г4–4).
- Кухаренко 1980 — Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин. М.: Наука, 1980. 130 с.
- Литвиненко, в печати — Литвиненко А. С. Текстильное производство на поселении Лепесовка. В печати.
- Магомедов 2015 — Магомедов Б. В. Керамические пряслица черняховской культуры. Київ: ІА НАНУ, 2015. 170 с.
- Махно 1960 — Махно Е. В. Памятники черняховской культуры на территории УССР (Материалы к составлению археологической карты) // Рыбаков Б. А. (отв. ред.). Черняховская культура. М.: АН СССР, 1960. С. 9–83. (МИА. № 82).

- Никитина 1969 — *Никитина Г. Ф.* Гребни черняховской культуры // СА. 1969. № 1. С. 147–159.
- Онищук, Прокопів 2012 — *Онищук Я., Прокопів В.* Кістяні гребені в археологічних комплексах культур першої половини I тисячоліття н. е. Дністро-Прип'ятьського межиріччя // Археологічні дослідження Львівського університету. 2012. Вип. 14–15. С. 30–45.
- Петраускас 2010 — *Петраускас О. В.* Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України) // Козак Д. Н. (відповід. ред.). Археологія Правобережної України. Київ: ІА НАНУ, 2010. С. 191–206.
- Русанова 1993 — *Русанова И. П.* Вельбаркская культура // Русанова И. П. (отв. ред.). Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М.: Наука, 1993. С. 182–191. (Археология СССР).
- Самоквасов 1888 — *Самоквасов Д. Я.* Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России. Вольнская губерния. СПб.: Изд-во ИАК, 1888. 99 с.
- Смішко 1947 — *Смішко М.* Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих // Археологія. Т. I. Київ, 1947. С. 111–122.
- Тиханова 1963 — *Тиханова М. А.* Раскопки на поселении III–IV вв. у с. Лепесовка в 1957–1959 гг. // СА. 1963. № 2. С. 178–191.
- Тиханова 1971 — *Тиханова М. А.* Раскопки поселения у с. Лепесовка (К вопросу о происхождении черняховской культуры) // Actes du 7-me Congrès inter. De sciences préhist. Et protohist. Vol. 2. Prague, 1971. S. 1059–1063.
- Шаров 1992 — *Шаров О. В.* Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Шукин М. Б. (отв. ред.). Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.: Научно-археологическое объединение «Ойум» ВМЦ, 1992. С. 158–207.
- Шилик 1965 — *Шилик К. К.* Опыт применения магниторазведки на древнерусском городище // Колчин Б. А. (ред.). Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965. С. 252–256. (МИА. 129. 1965)
- Шишкин 1999 — *Шишкин Р. Г.* Классификация и типология трехслойных гребней черняховской культуры // Сто років вивчення культури полів поховань на Україні: тези доповідей семінару (Київ, 14–16 грудня 1999 р.). Київ, 1999. С. 43–47.
- Шишкин 2002 — *Шишкин Р. Г.* Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Сучасні проблеми археології. Київ, 2002. С. 244–246.
- Шукин 1989 — *Шукин М. Б.* Поселение Лепесовка: вельбарки или черняхов? // Kultura wielbarska w mlodszyim okresie rzymskim. Т. II. Lublin, 1989. S. 195–215.
- Almgren 1923 — *Almgren O.* Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig, 1923.
- Godłowski 1970 — *Godłowski K.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego in Kraków, 1970. 126 p.
- Godłowski 1974 — *Godłowski K.* Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce północno-wschodniej // Rocznik Białostocki. Т. XII. Białystok, 1974. S. 9–109.

Fremersdorf 1967 — *Fremersdorf F.* Die Römischen Glassen mit Schlif, Bemalung und Goldauflagen aus Köln. Bd. I, II. Köln, 1967.

Maik 2012 — *Maik J.* Włókiennictwo kultury wielbarskiej. Łódź, 2012. 231 s.

Mattingly 1927 — *Mattingly H.* Roman coins from the earliest times to the fall of the Western empire. London: Methuen and CO. Ltd., 1927.

Thomas 1960 — *Thomas S.* Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit // Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. Bd. 8. Leipzig, 1960. S. 54–215.

Архивные источники

Каргер 1960А — *Каргер М. К.* Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Ленинградского гос. университета в 1960 г. // НА ИА НАНУ. 1960/49. Ф. експ. 3570-3571.

А.Н. Кирпичников

ВООРУЖЕНИЕ ДРЕВНЕГО «ИЗЯСЛАВЛЯ»¹

От автора

Автор этих строк был участником раскопок городища у с. Городище Хмельницкой области (возле г. Шепетовка, Украина) — летописного Изяславля по версии руководителя раскопок М. К. Каргера, в течение всех полевых сезонов (1957–1964 гг.). На пленуме Института археологии АН СССР в 1958 г. в Москве и Ленинграде мною был прочитан доклад «Вооружение из раскопок в 1957 г. городища возле Шепетовки Хмельницкой области». Предметы, добытые во время раскопок 1957–1962 гг., с разрешения М. К. Каргера, были использованы в кандидатской диссертации «Русское оружие ближнего боя X–XIII вв.» (Кирпичников 1963). В этой работе некоторые «изяславльские вещи» (далеко не все) вошли в состав только статистически, поэтому она не может считаться исследованием по интересующему вопросу. Позднее все предметы были учтены в составе свода археологических источников по древнерусскому оружию и снаряжению всадника и верхового коня (Кирпичников 1966; 1966а; 1971; 1973). Комплексное и целостное исследование вооружения древнерусского «Изяславля», написанное в 1966–1967 гг. и не опубликованное тогда по независящим от автора причинам, сегодня впервые представлено читателям.

Вступление

Русское оружие XII–XIII вв. известно хуже, чем вооружение эпохи возникновения Киевского государства. Образцы боевой техники периода удельной Руси в раскопках вообще большая редкость. Их обнаруживают главным образом в южнорусских городах, катастрофически погибших во время монгольского нашествия 1237–1241 гг. Среди всех до сих пор известных особое значение по своей целостности и величине приобретает коллекция военных древностей, обнаруженная при раскопках городища у с. Городище Хмельницкой области (возле г. Шепетовка, Украина). Этот древний населенный пункт, состоящий из детинца и посада, общей площадью 36 000 м², сопоставленный М. К. Каргером с волинским летописным городом Изяславлем, ныне раскопан полностью. В ходе исследования было выяснено, что поселение, представлявшее собой в основном однослойный памятник²,

¹ Подготовка текста и комментарии К. А. Михайлова. Рисунки к разделу выполнены А. Н. Кирпичниковым, компьютерная обработка Е. Ю. Кононович. Фотографии: НА ИИМК РАН, ФО: О.2570; О.2571.

² Отдельные находки III–IV вв. н. э. не меняют этого заключения.

просуществовало примерно сто лет, после чего жизнь на нем была внезапно и насильственно оборвана около 1241 г. вследствие осады и разрушения монгольскими полчищами, двигавшимися от Киева на Запад (Каргер 1965: 39–41).

Относительно короткая продолжительность существования городка, катастрофическая гибель, археологическое вскрытие всей площади городища — все это вместе взятое создает особые по своей определенности и законченности условия для комплексного изучения предметов материальной культуры древнего «Изяславля»³, в том числе и военных. Среди найденных здесь металлических вещей предметов, связанных с военным делом, насчитывается свыше 1500 единиц, они составляют одну из самых значительных и заметных категорий городищенских находок. По количеству предметов вооружения XII–XIII вв. древний «Изяславль», насколько нам известно, среди одновременных памятников Руси и Центральной и Западной Европы представляет собой выдающееся явление. Найденное на городище оружие и снаряжение всадников выражается в следующих цифрах⁴:

Наконечники копий	40
Наконечники дротиков	2
Боевые топоры	12
Клинки мечей, частично с рукоятями	4
Навершия от мечей	3
Перекрестья от мечей	4
Наконечники ножен мечей	14
Часть сабельного клинка с рукоятью	1
Клинки сабель (обломки)	3
Навершия от сабель	4
Перекрестья от сабель	13
Манжеты для скрепления верхней части клинка с перекрестьем	3
Кольца от сабельных ножен	3
Стержни для удержания колец на ножнах	9
Наконечники сабельных ножен	3
Кинжал	1
Булавы бронзовые и железные	22
Кистени бронзовые, железные, костяные и каменные	9
Наконечники железных стрел	977
Наконечники костяных стрел	17
Костяная накладка от рукояти лука	1

³ Отождествление с летописным волынским Изяславом раскопанного М. К. Каргером городища в настоящее время оспаривается рядом исследователей, поэтому данное название берется в кавычки. — Прим. К. Михайлова.

⁴ Учтены целые вещи и их обломки. Такие изделия, как подковы (32 экз.), удила (195 экз.) и втулки копий или, скорее, оковки шестов можно отнести к вооружению лишь условно. При классификации мечей и сабель навершия и перекрестья целых вещей рассматриваются вместе с таковыми же, но найденными отдельно. Отсюда некоторая разница в цифрах приводимого перечня и типологических таблиц.

Петля костяная от колчана	1
Кольцо для натягивания тетивы	1
Наконечники арбалетных болтов	17
Крюк для натягивания арбалета	1
Шлемы	2
Маска-наличник	1
Кольчуга целая	1
Кольчужные обрывки	10
Шпоры	270
Стремена	44
Навершия костяные и бронзовые от плетей	3

Из перечня видно, что большинство найденных военных предметов не единичны. Их классификация имеет дело не с отдельными разрозненными находками, а с целыми сериями изделий, нередко массовыми, однотипными по формам и изготовленными во множестве в непродолжительный отрезок времени. В этом составе доля уникальных вещей и индивидуальных характеристик невелика. В настоящий момент, по нашему мнению, вряд ли какой-нибудь другой раннесредневековый русский памятник может дать историку оружия столь массовый и разнообразный материал для уверенных типологических построений. Достаточно сказать, что обработка почти всех категорий «изяславльского» вооружения может быть выражена в схематических обобщениях. В истории отечественного оружия, да и не только отечественного, исследование такой массы более или менее одновременного и четко определенного материала поможет установить точные технические эталоны, наконец, лучше проследить, как видоизменялись важнейшие средства борьбы.

Агония города оставила хаос вещей. Оружие оказалось разбросанным по всей площади городища довольно бессистемно. Характерно, однако, что оно почти ни разу не найдено вместе с достаточно частыми здесь орудиями сельского хозяйства. По составу и типам оружия резко не выделялись ни детинец, ни посад, не было обнаружено кузнечных, в том числе оружейных, мастерских. Военные находки, как правило, не удавалось связывать с определенными жилыми, складскими или производственными сооружениями, за исключением привальных клетей. Находки отдельных вещей тяготеют к этим последним как по условиям хранения, так и использования в критическое время защиты и штурма. В районе оборонительных сооружений (представленных в своей нижней части цепочкой клетей) обнаружены все целые мечи, наконечники ножен мечей, также копья, самострельные болты, парные шпоры, некоторые булавы и кистени, множество стрел. В руинах воротной башни посада, на которую было направлено острие неприятельского штурма, было встречено до десятка обгорелых копий и останки сгоревшего воина в кольчуге, посеребренном шлеме с копьём, мечом и, видимо, арбалетом. Судя по экипировке, речь идет о знатном воине, возможно, командире и предводителе, погибшем на передовом и в тот момент самом важном участке обороны города. Неподалеку от ворот в завале одной из клетей был открыт меч и рядом скелет человека, некогда одетого в одежду. Во всех остальных случаях топографическое распределение оружия мало что говорит о его конкретных владельцах и часто свидетельствует о своем смещении по отношению к предполагаемым местам первоначального расположения.

Оружейные находки напоминают разбитую мозаику, в которой уцелели немногие составляющие, а мы пытаемся представить себе все изображение. Найденные предметы не составляют и не составляли полного городского арсенала, и объясняется это обстоятельствами военной катастрофы. Оставшимся после побоища оружием могли воспользоваться те, кто осуществил поверхностную очистку городской территории. Несомненно, однако, что боевая техника побежденных стала первой добычей татар, которые всегда (за исключением разве лука и стрел) испытывали нужду в металлическом оружии, железе, кузнечных инструментах, мастерах-оружейниках и не гнушались сбором криц и топоров в качестве трофеев (Плано Карпини, Рубрук 1911: 67; Владимирцов 1934: 43; Мункуев 1965: 76, 139). Характерно, что завоевателей, по-видимому, не прельщали орудия сельского хозяйства (они дошли до нас в большом количестве, группами, в нетронутном виде), гончарная посуда, некоторые бытовые вещи. Вероятно, равнодушны были монгольские всадники и к орудиям войны, чуждым их тактике, например, шпорам и таким средствам ограниченного боевого действия, как булавы и кистени. Вряд ли представляли для них ценность военные вещи, негодные к практическому использованию. Неслучайно поэтому археологам достались по большей части изломанные или случайно уцелевшие в руинах и завалах построек вещи. Неслучайно также, что среди городищенских находок самыми массовыми после стрел оказались шпоры (последние не были нужны и осажденным, сражавшимся на стенах крепости).

Историко-техническая и источниковедческая ценность городищенского вооружения не умаляется, однако, тем, что оно найдено, так сказать, в неполном составе. Совокупность находок открывает возможность не только для формально типологических штудий, но для познания таких явлений, как тенденции и темп развития, степень распространенности и использования тех или иных технических средств, социальный состав и вооруженность «изяславского» гарнизона.

Что можно сказать о защитниках «Изяславля»?

Вся раскопанная внутренняя территория города представляла, по-видимому, не поле брани, а место казни и избиения в основном мирного населения. Первые антропологические наблюдения и характер обнаруженных костных травм показали, что захватчики, очевидно, уже после взятия крепости методически убивали не оказывавших сопротивление безоружных людей: «значительная часть ранений была нанесена сзади и сбоку. Такие ранения холодным оружием могут быть нанесены уже раненому, поверженному и даже связанному пленному. Рубили лежавших ничком стариков, старух, детей» (Рохлин 1965: 209–210). Предполагаемое нами количество человеческих жертв превышало 2500, общая же численность населения, учитывая жителей окрестного загорожья и приселков, погибших вне крепостных стен, угнанных и избежавших гибели, вероятно, могла быть более 3000–3500 человек. После погрома немногие, вероятно, случайно уцелевшие люди собрали тела мертвых и, как могли, их присыпали. Эта «санитарная» уборка коснулась всей площади, где прежде был город. Отныне «Изяславль» представлял сплошное кладбище с сотнями братских могил, в буквальном смысле «город мертвых». О наличии бойцов остается судить не по руинам домов и могильным холмам, а по разбросанному и случайно не подобранному врагом оружию. Здесь, однако, простые цифровые сопоставления не всегда принесут верный результат. Приведем, например, некоторые цифры о соотношении целых и ломаных вещей. Из 40 копий неповрежденными оказались 30, из 12 топоров хорошими — 7 (у остальных сплюснен обух или обломано лезвие). Все найденные сабли достались археологам в частях и обломках, а из 8–12 реконструируемых мечей

действующими в древности были четыре. Среди 280 шпор только четыре найдены попарно, 73 были целыми; из 44 стремян полностью сохранились 11; из 14 наконечников ножен мечей девять были в обломках. Часть вещей была повреждена в момент битвы и пожара (от пожара и обрушения построек гнулись стрелы, копья, плавилась булава и из них вытек свинец, расстрескался шлем, спеклась кольчуга), другая часть подверглась постепенному коррозионному разрушению (особенно небольшие, delicate вещи — шпоры, стрелы). Следует при этом отметить, что в городищенской почве металл сохраняется относительно неплохо. Некоторые топоры после очистки обрели хороший рубящий край, задвигались кольца удила, пики обнаружили первозданную остроту, а стрелы — лезвия, заточенные напильником.

Часть металлического лома и боя может быть приурочена не ко времени погрома и действию последующих веков⁵, а к периоду мирной жизни до 1241 г. Эти вещи носят следы многократного использования, изношены, испорчены, иногда это готовые детали или же брак производства. Таковы шпоры с обрубленными дугами, обломанные петли и шипы от шпор, сработанные топоры, обрубки клинков, невыделанные стрелы, сломавшиеся и затупленные лезвия от копий, сабельные перекрестья, лишенные приспособлений для крепления на полосе, несмонтированные на мечах детали рукоятей. Поврежденные вещи и их детали для нас иногда не менее важны, чем хорошо сохранившиеся, так как свидетельствуют о местном производстве, о быте «мирного времени», заселенности земли. У нас нет точных критериев для определения времени поломки и повреждения всех вещей, однако ясно, что многие из них уже не использовались в момент осады, и мы должны исключить их при определении численности наличного состава местного военного контингента в 1241 г. Дошедшим до нас холодным оружием ближнего боя (копьями, мечами, булавами, кистенями, топорами), с учетом высказанных выше оговорок, можно было вооружить примерно 35–40 человек. Судя же по количеству целых шпор (видимо, наиболее вероятный, с точки зрения истинности и сохранности, показатель), число профессиональных конных воинов могло составлять около 100–150 человек, что по отношению к общей численности равняется 3–5 %. Приведенный процент военизации общества примерно соответствует проценту, вычисленному нами на основании анализа древнерусских могильников XI–XII вв., содержащих оружие (2–6 %). Ввиду чрезвычайных обстоятельств в обороне «Изяславля» наряду с конными дружинниками, скорее всего, участвовали и простые пехотинцы и ополченцы, которые не имели шпор. Какими бы ни были силы горожан, они исчислялись максимально, по-видимому, немногими сотнями и не могли долго противостоять многочисленной орде монголов (Плано Карпини, Рубрук 1911: 39)⁶. Переходим теперь непосредственно к обзору археологического материала.

Оружие позднееримского времени

Далеким предшественником «Изяславля» было располагавшееся на его месте поселение первых веков н. э., и среди городищенского оружия удалось выделить ряд форм

⁵ В связи с поверхностным залеганием находок некоторые повреждения могли быть сделаны в недавнее время при распашке.

⁶ Плано Карпини, чрезвычайно точный и наблюдательный разведчик военного искусства завоевателей, в качестве обычной численности осадной армии монголов, направленной против одного города или крепости, называет «три или четыре тысячи людей и больше» (Плано Карпини, Рубрук 1911: 38).

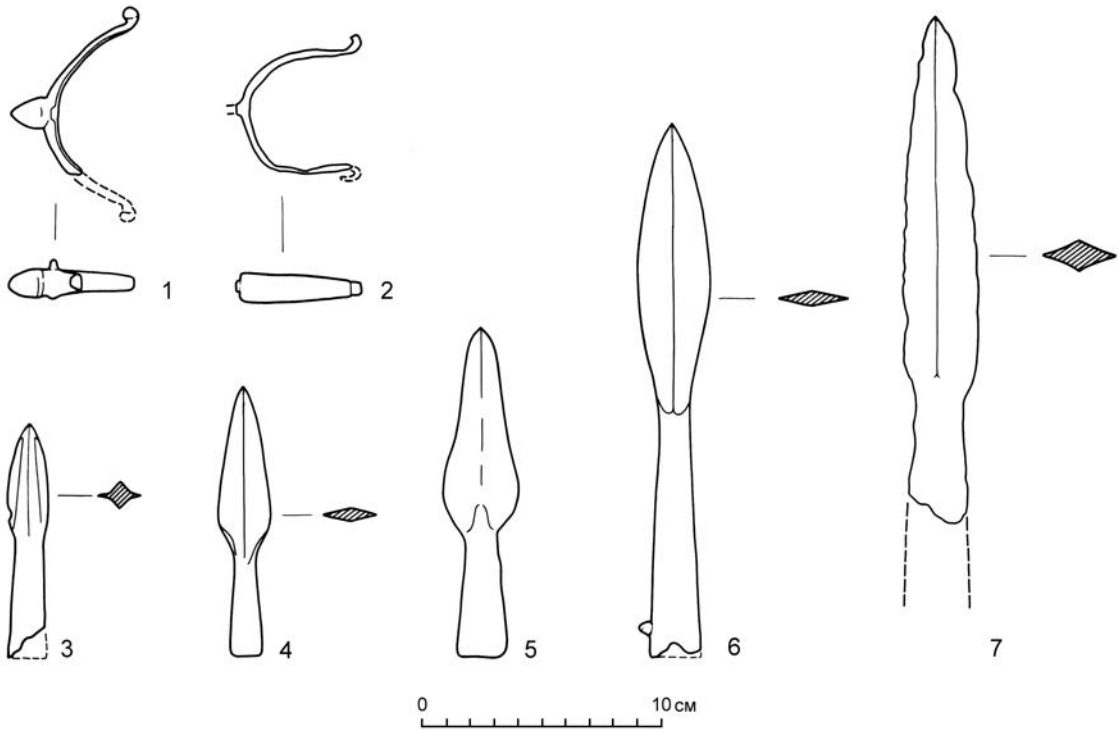

Рис. 1. Предметы вооружения и шпоры позднееримского времени: 1–2 — шпоры; 3–7 — наконечники копий. 1–7 — железо

этого времени. Таковы наконечники стрел, дротик, три копья⁷ и две шпоры (рис. 1). Все они найдены в одном слое с вещами XII–XIII вв., и, возможно, некоторые находились уже во вторичном использовании⁸. «Архаические» стрелы, дротик и копья отличаются главным — обтекаемыми формами без резких изломов и перегибов. Относительная легкость, небольшая ширина втулок, изящество линий отличают эти вещи от форм более позднего времени. Оружие римского времени на территории Восточной Европы принадлежит к числу редчайших находок. Наиболее близкие аналогии найденным предметам встречены в некоторых близких волынских памятниках, и особенно в Польше в зоне распространения пшеворской культуры, и относятся к позднему римскому периоду, точнее к III в. н. э. (Kostrzewski 1947: рис. 12: 4 и сл.; Kietlińska, Dąbrowska 1963: tabl. VI, 17 и сл.; Jacobi 1897: Taf. XXXVIII, 22). Впрочем, шпоры, стрелы, копья, сходные с нашими, распространены на обширном пространстве всей Европы. Формы этого оружия достаточно стабильны, они восходят к кельтским образцам и сформировались еще в позднелатенский период. Таким образом, открытое городищенское вооружение III в. н. э. демонстрирует многовековые традиции кельтской и римской оружейной культуры. Разумеется, с историей русской техники оно непосредственно не связано.

⁷ Одно копье найдено на территории современного с. Городище и находится в местном школьном музее.

⁸ В «Изяславле» найдены также и другие вещи позднееримского времени: керамика, фибулы, гребни, монеты и др. Возможно, что кое-чем из этого случайного набора пользовались жители русского города.

Средневековое вооружение

Копья

Наконечники копий количественно стоят на одном из первых мест (табл. 1). Они были, видимо, самым популярным и массовым средством ближнего боя, что полностью соответствовало военной практике XII–XIII вв.

Таблица I. Наконечники копий

Типы	«Архаический»	I	II	II A	II B	III	Тип неопределим	Всего
Количество	2	29	4	2	1	1	1	40

Обращают на себя внимание прежде всего довольно стандартные наконечники длиной 24–29 см (чаще 23–26 см) с узким четырехгранным лезвием (обычная ширина 1,3 см, толщина 1,0 см)⁹, воронковидной тульей диаметром 3,5–3,8 см и обычным весом 150–200 г (от 130 до 225 г). Точное наименование этой формы — пики (тип I, 29 экземпляров) (рис. 2; 3: 2–3, 5–6, 9). У некоторых образцов нижний край тульи снабжен пояском или украшен косой нарезкой, а место перехода лезвия к втулке обозначено утолщением (зародыш «яблочка», характерного для наконечников XVI–XVII вв.). Один наконечник по незначительности размеров и веса (длина 14,5 см, ширина втулки 3 см, вес 75 г) следует причислить к юношеским. Другой, являющийся обломком лезвия, доказывает местное производство пик, так как представляет собой «брак производства». Это верхушка пики длиной 14 см (ширина лезвия 1 см), но скована она неровно, как бы вчерне — видны вмятины, грани не выровнены, края лезвия тупые.

Среди всего набора копий пики самые легкие и маневренные, однако ширина их втулок свидетельствует о прочном скреплении с толстым древком и большом упоре при ударе. Это неслучайно. Пики служили специализированным кавалерийским боевым инструментом, рассчитанным на пробивание доспеха. Находки пик указывают на присутствие воинов с предохранительным вооружением и конные стычки с таранными ударами. Пики известны на Руси с X в. и особенно широкое применение нашли в XII — первой половине XIII в. в районах, близких кочевой степи (Кирпичников 1966а: 15–17). В южнорусских городах (Княжая Гора, Сахновка, Райки) пики неизменно преобладают среди наконечников других форм. В «Изяславле» они составили 76 % всего количества копий, относящихся к древнерусскому периоду.

Итак, преобладание пик отчетливо свидетельствует о сугубо боевой направленности бывшего в употреблении колющего оружия. Что касается других форм копий, то они могли служить и боевым, и охотничьим целям. К этой категории отнесены наконечники удлиненно-треугольной формы длиной до 40–50 см, шириной лезвия до 4–6 см (при толщине 0,7–1,0 см) и весом 400–700 г. Копья удлиненной формы имеют множество аналогий в русских древностях X–XIII вв. и подразделяются на три разновидности (рис. 2; 3: 1, 4, 7–8). Наиболее традиционными (тип II, 4 экз.) являются наконечники с широким листом и низко опущенными плечиками (угол, образованный изгибом боковой части лезвия и тульей, равен 140°). К следующему виду (тип II A, 2 экз.) относятся копия со скошенными плечиками (угол скошенности около 155°), что позволяло, не меняя веса, несколько вынести вперед

⁹ В двух случаях ширина лезвия составила 1,7–2,0 см.

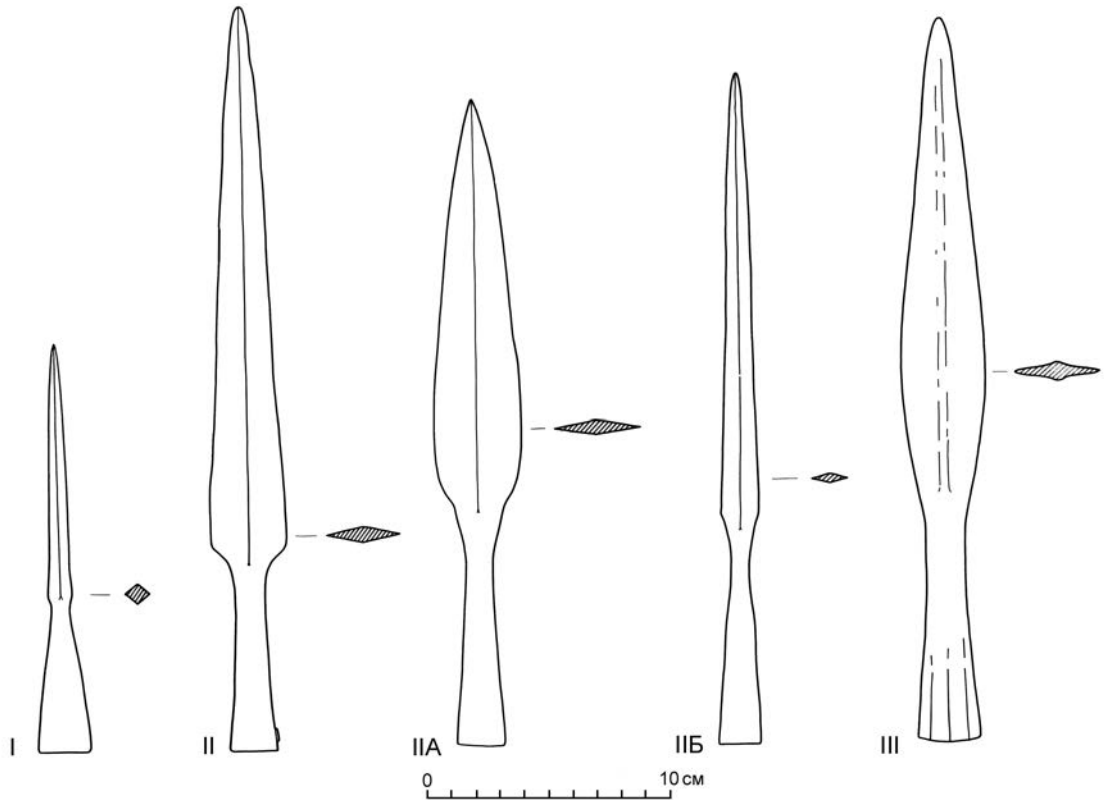

Рис. 2. Типология наконечников копий. Типы I–III

центр тяжести лезвия. Сужение листа и подъем плечиков привели к созданию узколистного наконечника, приближающегося к пику, только более длинного (тип II Б, 1 экз., длина 44 см, ширина лезвия 2,5 см, вес 300 г, угол скошенности 160°). Если первые две разновидности находятся и в городах, и в деревнях, часто среди промыслового и хозяйственного инвентаря, то последняя типична для замков, жилищ феодалов, погребений воинов. Следовательно, речь идет о боевом оружии, трансформировавшемся из универсального оружия (Кирпичников 1966а: 14).

Особняком среди городищенских находок стоит тяжелая лавролистная рогатина (тип III, 1 экз., согнувшийся в пожаре). Рогатины всюду опознаются своей тяжестью, массивностью, прочностью и крупной граненой втулкой (рис. 2; 3: 1). Столь же типичны измерения городищенской находки: длина 48 см, ширина лезвия 5,5 см (при толщине 1,1 см), ширина втулки 4,1 см, вес 1050 г. Рогатина — нововведение XII в. и единственный вид копья, упомянутый в летописи. В древнейшем упоминании (1149 г.) это оружие боевое (ПСРА II 1908: стб. 390)¹⁰, но употреблялось и для охоты на крупного зверя. Так, в 1255 г. Даниил Галицкий, охотясь на вепрей, «сам же уби их рогатиною три» (ПСРА II 1908: стб. 830). Тяжелые лавролистные рогатины найдены в нескольких пунктах XII–XIII вв. и всегда по одной или по две. Принадлежность рогатин феодальному охотничьему хозяйству очень правдоподобна, так как на войне, особенно в конной схватке, они были неудобны

¹⁰ Я не могу отрицать, что в качестве рогатин употреблялись и длиннолезвийные (около 50 см) наконечники удлинненно-треугольной формы.

Рис. 3. Наконечники копий: 2–3, 5–6, 9 — пики; 1, 4 — деформированные наконечники копий; 7–8 — наконечники копий. 1–9 — железо

вследствие своей тяжести и необходимости держать их двумя руками. Домонгольские рогатины из «Изяславля», а также Княжей Горы и Колодяжина во всем соответствуют образцам XV–XVII вв. (Городцов 1913: 29, рис. 85). Видимо, развитие этих копий в средневековой Руси начиная с XII в. имело длительные устойчивые традиции.

Итак, весь набор колющего оружия указывает на присутствие конных людей, прежде всего воинов, а затем охотников. В условиях осады копьё могли иметь значение и в рукопашных схватках и вылазках, поэтому традиционные конные и охотничьи приемы использования этого оружия могли несколько изменяться в руках спешившихся бойцов и ополченцев, оказавшихся в тесной схватке.

Боевые топоры

Двенадцать найденных боевых топоров следует причислить в основном к пехотному оружию (табл. II). Лишь один из предметов — топорик-чекан, специально боевой, мог использоваться в конной борьбе (тип I, длина 15 см, ширина лезвия 4 см, размер обушного отверстия 2,4 × 2,1 см, вес 240 г). В отличие от своих предшественников X–XI вв., наш образец имеет молотовидный выступ обуха (квадратный, а не круглый в поперечном сечении) и треугольные, а не полукруглые боковые щекавицы (рис. 4; 5: 4). Налицо мелкие детальныe изменения конструкции, исключающие хронологическую путаницу.

Таблица II. Боевые топоры

Типы топоров	I	II	III	Всего
Количество	1	6	5	12

Топоры с «бородовидным» или вытянутым, несколько расширяющимся к острию лезвием являлись универсальным походным и боевым средством (тип II — 6 экз. и тип III — 5 экз.) (рис. 4; 5: 1–3). Обухи этих топоров снабжены характерными для XII–XIII вв. мысками с жолобообразными выступами для лучшего держания топорича. Топоры двух

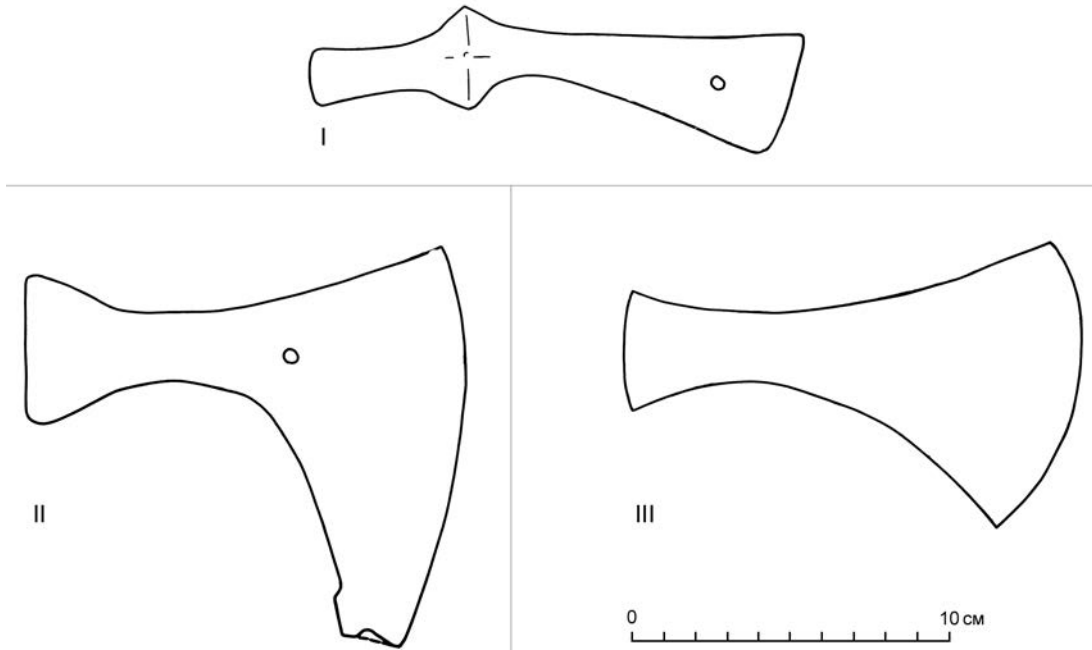

Рис. 4. Типология боевых топоров. Типы I–III

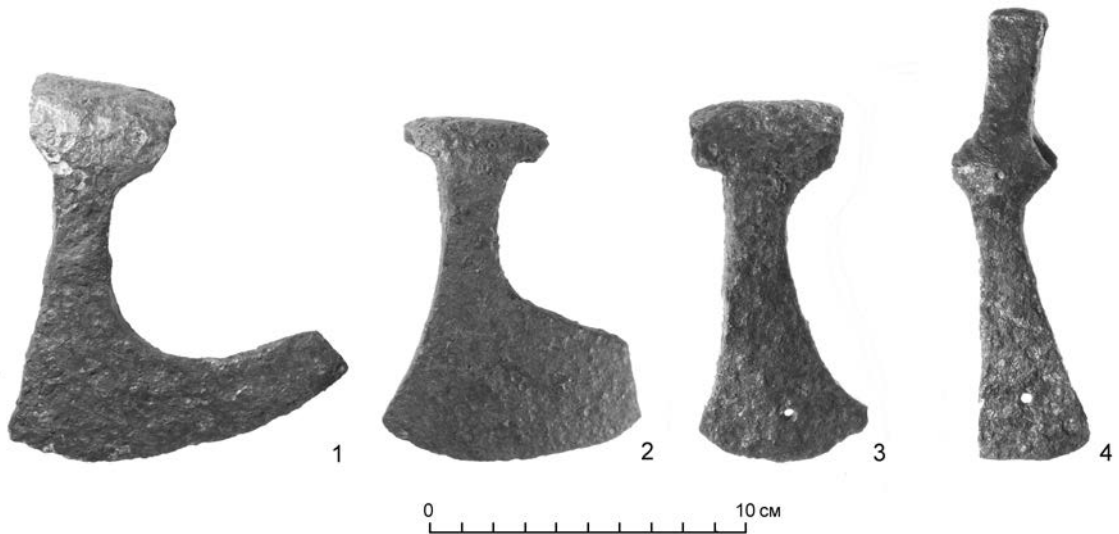

Рис. 5. Боевые топоры: 1–3 — тип II; 4 — тип I. 1–4 — железо

упомянутых типов полностью повторяют богато представленные в городищенских находках формы рабочих топоров¹¹, отличаясь от последних меньшим размером, весом, а также наличием дырочки¹² на лезвии, предназначенной для крепления чехла. Типичные размеры походно-боевых топоров следующие: длина лезвия 12–14 см, его ширина 9,0–13,5 см

¹¹ Все рабочие топоры, найденные на городище, по своим очертаниям соответствуют выделенным нами II и III типам походно-боевых секир.

¹² Из 12 топоров дырочка открыта на шести, и в одном случае (тип II) она представляла собой крестообразную прорезь.

(для типа II) и 7,0–8,5 см (для типа III), размер обушного отверстия 2,5–3,0 см, вес 320–380–400 г. Для сравнения отметим, что обычный вес рабочего топора составляет 700–800 г, следовательно, чекан весил в четыре раза меньше производственного топора, а универсальная секира — в два раза меньше. Военные топоры подолгу носились при себе, что и определило их относительно малый вес. О разнообразии в применении походно-боевых топоров свидетельствует высокий процент их поврежденности (5 экз. из 11 топоров относятся ко II и III типам). Эти повреждения сопровождались отломом стальной наварки лезвия, сплющиванием и обломом обуха, они могли возникнуть при очень сильных ударах (как острием, так и обухом) и отнюдь не обязательно в боевой обстановке. Все это лишний раз убеждает, что в употреблении основных групп средневековых секир не существовало пропасти, нельзя также исключить того, что в минуту опасности наряду с военными в ход шли обычные топоры лесорубов и плотников. Полная идентичность в выработке городищенских универсальных и производственных топоров свидетельствует в пользу местного производства тех и других. В целом боевые топоры, встреченные в «Изяславле», представляют три основные формы этого оружия, частично типологически связанного с рабочими образцами (для типов II и III) и распространенного в XII–XIII вв. на всей древнерусской территории.

Мечи¹³

Судя по клинкам и отдельно найденным перекрестьям, минимальное количество несомненно существовавших в «Изяславле» мечей достигало восьми. Если же учесть не менее 14 наконечников ножен (девять из них обломки), то возможное количество соответствующих этим наконечникам клинков можно поднять до 10–12. Фрагментарность материала и его некомплектность¹⁴ заставляют обсуждать не столько целые образцы, сколько их части: лезвия, навершия, крестовины, а также наконечники ножен (табл. III). Однако и эти цифры, вероятно, являются слабым отражением реальной действительности 1241 г.

Таблица III. Детали рукоятей и ножен мечей

Детали	Типы	I	II	III	Всего
Навершия		2	1	3	6
Перекрестья		1	4	1	6
Наконечники ножен		2	12		14

Четыре сохранившихся клинка побывали в огне, они согнуты и сломаны, но для изучения вполне пригодны и сопоставимы между собой. Все клинки одинаковы по ширине (у перекрестья 5 см) и различаются длиной (97–117 см, собственно лезвие 81–98 см) и весом (хорошо сохранившееся лезвие длиной 94 см, не имевшее рукояти, весит 745 г). У трех клинков рукояти сохранились или их можно реконструировать по остаткам (рис. 6: 1, 3; 7: 1, 3), у четвертого рукоять или вовсе отсутствовала, или была сделана из органического материала (кость, дерево, кожа) и не сохранилась¹⁵.

¹³ Раздел опубликован в: Кирпичников 1975: 30–54. — Прим. К. Михайлова.

¹⁴ Нельзя полностью исключить того, что некоторые детали происходят от одного экземпляра.

¹⁵ На рис. 6 и 7 не показан сильно разрушенный меч с дисковидным навершием и прямым перекрестьем, аналогичный мечу, изображенному на рис. 6: 3 и 7: 3. Его длина не менее 100 см, ширина перекрестья 15 см.

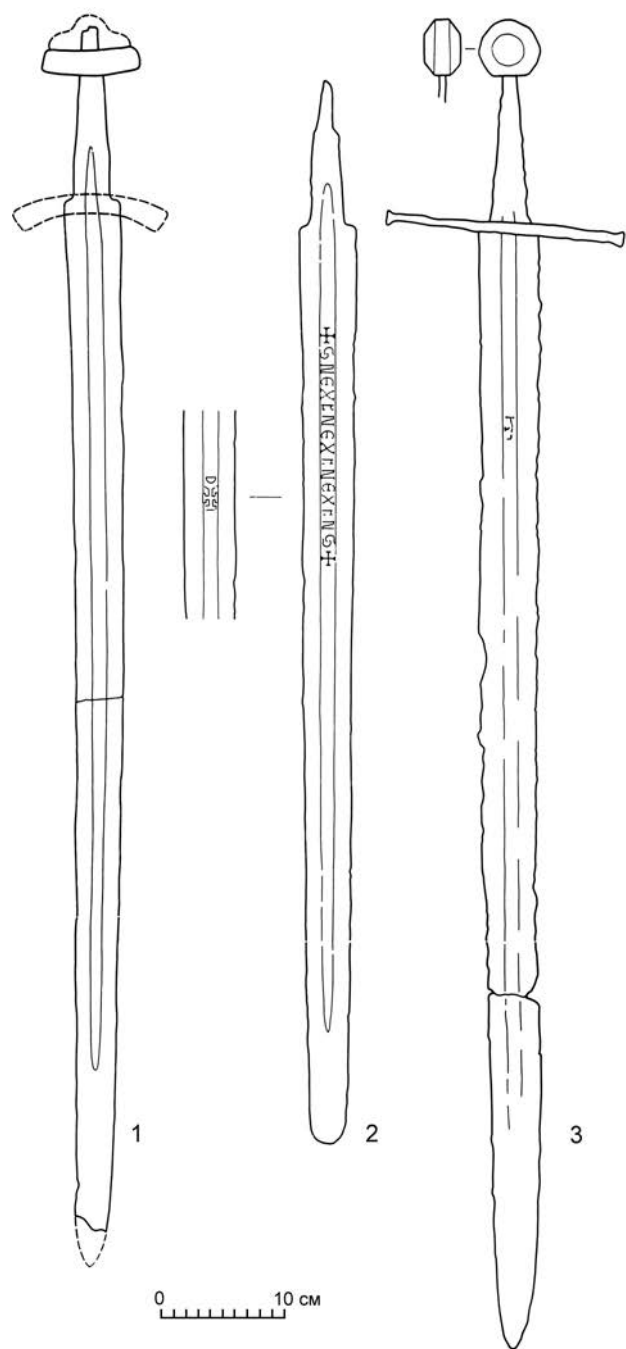

Рис. 6. Мечи:
1 — восточноевропейского происхождения;
2, 3 — западноевропейского происхождения
(2 — клинок с латинской надписью);
1–3 — сталь

Рис. 7. Те же мечи до реставрации

Все клинки были, несомненно, рубящими, а у того, что без рукояти, оконечность была, по-видимому, нарочно укорочена и округлена. Именно этот клинок был первым, с которого начиналась расчистка древнерусских мечей. После механической очистки поверхности на одной из его сторон проявилась инкрустированная желтым металлом¹⁶ латинская надпись SNEX . NEX . NEX . NS, а на другой стороне, по-видимому, изображение сферы и креста (рис. 6: 2; 7: 2). Поначалу казалось, что надпись состоит из трехкратно повторенного слова NEX — смерть. Однако филолог-классик А. И. Зайцев расшифровал и, думается, убедительно нашу надпись как сокращение, звучащее в полном виде так (восстановленный текст заключен в скобках): S (anctum) N (omen) E (terni) X (risti), N (omen) E (terni) X (risti), N (omen) E (terni) X (risti), N (omen) S (anctum)¹⁷. Польский профессор А. Гейштор предположил, что частично сохранившийся знак, принятый нами за разделитель между частями надписи, является ничем иным, как буквой E. По его мнению, надпись разворачивается следующим образом: S (anctum) N (omen) E (ius) X (ristus), E (t) N (omen) E (ius) X (ristus), E (t) N (omen) E (ius) X (ristus), E (t) N (omen) E (ius) X (ristus), E (t) N (omen) E (ius). Предложенные трактовки надписи в сущности не отличаются друг от друга и вполне соответствуют духу крестовых походов, очень сильно проявившемуся в надписях на таком привилегированном и «богоизбранном» оружии, как мечи (Кирпичников 1966: 53).

На доле другого меча из «Изяславля» открылись остатки инкрустированной золотом фигуры — по-видимому, креста (рис. 6: 3). Третий расчищенный меч (рис. 6: 1) никакого клейма не выявил¹⁸. Открытие латинской надписи и знаков на городищенских мечах было несколько неожиданным, так как свидетельствовало о том, что, как и в X в., на Русь эпохи развитого городского ремесла продолжали ввозиться западноевропейские мечи. Несомненно, что именно к таким чужеземным изделиям и принадлежал наш клинок с надписью NEX.

О месте изготовления меча, выложенного золотым крестом, судить не берусь. Что касается клинка, не обнаружившего клейма, то он был снабжен рукоятью, характерной для Восточной Европы (рис. 6: 1; 7: 1). Здесь имеется в виду полое внутри трехчастное навершие типа II и несколько изогнутое, также полое, перекрестье (рис. 8). Пять мечей XI — первой половины XIII в. с аналогичными рукоятями обнаружены в разных местностях древней Руси (Там же: 53–54).

К мечам XII–XIII вв., чье распространение также ограничивается Восточной Европой, относятся два городищенских полых бронзовых пятичастных навершия (тип I) (рис. 8; 9: 1–2), один, лучше сохранившийся, шириной 5,4 см, высотой 3,2 см, весит 90 г, и полое бронзовое слегка изогнутое перекрестье (тип I, рис. 4; ширина 8,7 см, высота 1,3 см, вес 40 г). Описанные бронзовые детали неоднократно были найдены в юго-восточной Прибалтике, Волжской Болгарии и на Руси (Там же: 53), но лишь в «Изяславле» они происходят из хронологически четкого комплекса.

К мечам с трех- и пятичастными навершиями и небольшими изогнутыми крестовинами относились, по-видимому, два орнаментированные бронзовые наконечника

¹⁶ Инкрустация почти не сохранилась. От нее остались бороздки, напоминающие гравировку. Надпись и изображение располагались в верхней трети дола клинка и сделаны, судя по почерку, опытной, натренированной рукой.

¹⁷ Перевод: «Святое имя вечного Христа, имя вечного Христа, имя вечного Христа, имя святое».

¹⁸ Четвертый меч, отмеченный как плохо сохранившийся и не помещенный на рис. 6, не расчищался.

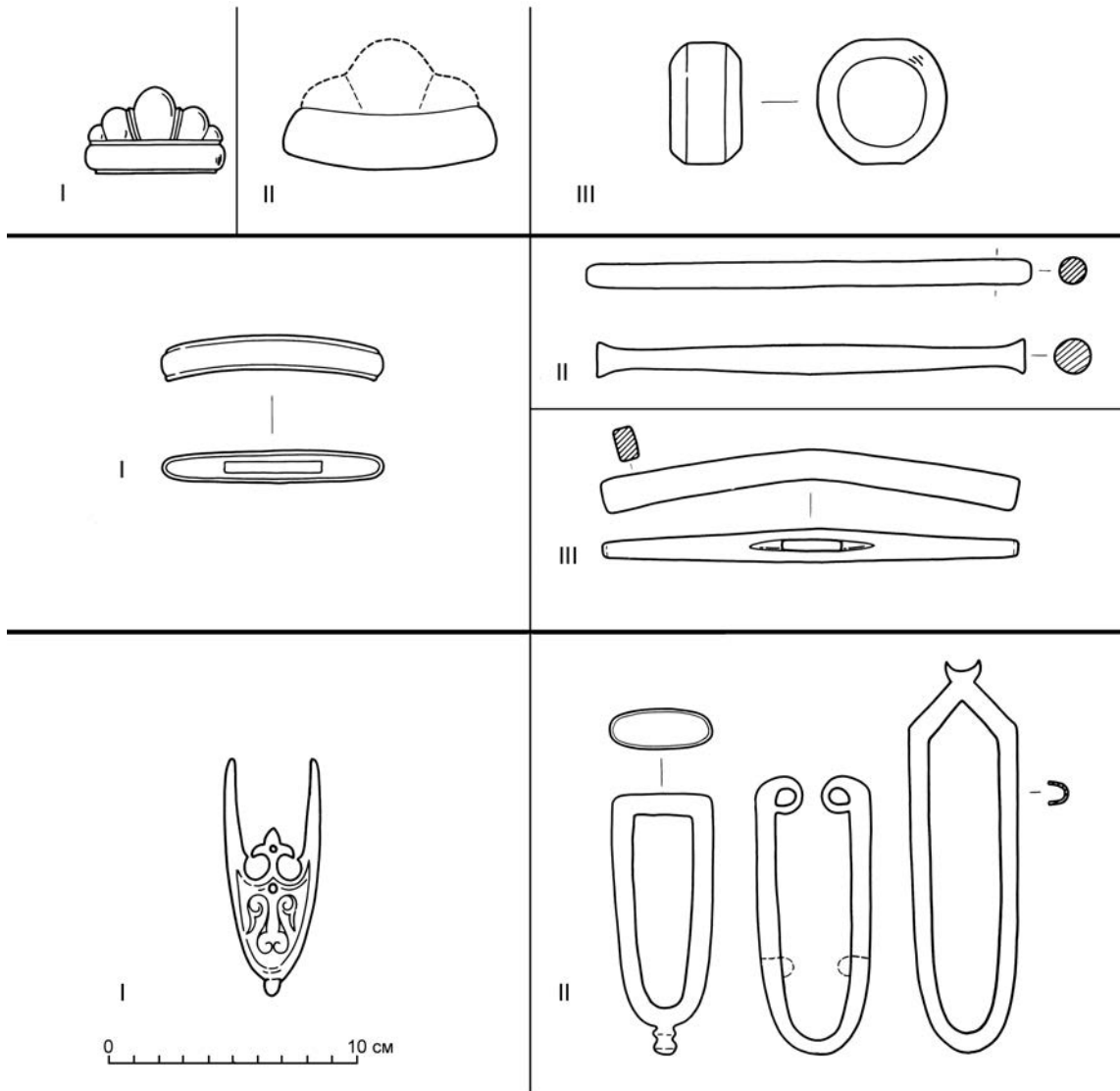

Рис. 8. Типология деталей мечей: навершия (верхний ряд), перекрестья (средний ряд), наконечники ножен (нижний ряд)

ножен (тип I); высота лучше сохранившегося 8,4 см, ширина 4 см, вес 70 г. Форма наконечников одинакова, но орнаментация различна. В первом случае это растительный побег, во втором — схематическая, небрежно выполненная композиция, центром которой является крест (рис. 8; 9: 5, 6). Наконечники первого вида найдены в юго-восточной Прибалтике, Калининградской области, в западной Белоруссии и Киеве и относятся к XI–XII вв. Наконечники второго вида (группа *a*, подгруппа *c* по классификации Паульсена) обнаружены в Финляндии, Эстонии, Латвии, Польше, Калининградской области, по одному в Киеве и Подолии и датируются XI–XIII вв. (Paulsen 1953: 107 и сл.; Корзухина 1950: 68, табл. 1, 54–59). В этом же ряду находятся городищенские находки — одни из самых поздних по дате.

Больше всего наконечников ножен XI–XIII вв. с трилистником, расходящимися растительными побегами и «крестом и усиками» зарегистрировано в Латвии. Здесь и, в частности,

Рис. 9. Детали мечей: 1–2 — навершия мечей I типа; 3–4 — наконечники ножен мечей II типа; 5–6 — наконечники ножен мечей I типа. 1–2, 5–6 — бронза; 3–4 — железо

в известном Пассельском могильнике обнаружены отливки, наиболее близкие городищенским (Мугуревич 1965: табл. VI, 2, 5, 6; Paulsen 1953: Abb. 164, 167, 168, 170). На основании географической приуроченности значительного количества находок упомянутые наконечники, а равно и клинки с трех- и пятичастными набалдашниками (рассмотренные выше типы I и II) получили название куршских. Курши (их языческие древности обильны) действительно производили многое из своего оружия, но связывать обязательно с их именем похожие формы ножен, встреченные в разных концах Восточной Европы, вряд ли правильно. У нас, в частности, нет оснований все бронзовые детали «изяславльских» мечей и наконечников ножен обозначать как куршский импорт. Скорее речь идет о родственных типах оружия, выработанных и распространенных в ряде соседствующих балто-славянских стран.

В отличие от предыдущих находок, нижеследующие представляют собой рыцарские романские мечи, имевшие общеевропейское распространение. К таким предметам относятся два клинка с сохранившимися рукоятями (один, длиной 117 см, весит 1200 г, см. примечание 15), дисковидные наверхия (два на упомянутых двух мечах, третье отдельно, тип III, в поперечнике 5 см, вес 275 г) и стержневидные прямые или с расширяющимися концами и коленчато изогнутые крестовины (два на упомянутых двух мечах, три отдельно, типы II и III, длина 16,5 и 17,2 см, высота около 1 см, вес 95–98 г) (рис. 6: 3; 7: 3). Из приведенных данных следует, что романские мечи были довольно длинными и массивными, а их рукояти были в три раза тяжелее восточноевропейских (общий вес набалдашника типа III и перекрестья типа II или III — 370–380 г против 130 г у наверхия типа I и перекрестья типа I). Речь, следовательно, идет о тяжелом и мощном оружии с ощутимым наверхием-противовесом, позволявшим выполнять простейшие фехтовальные манипуляции, и длинным перекрестьем (в наших примерах — до 20 см), приспособленным для парирования сильных встречных ударов.

Детали романских мечей, аналогичные нашим, в европейской оружейведческой литературе датированы довольно точно. Дисковидные со срезанными краями увенчания мечей появились около 1180 г. (Oakshott 1960: 225, fig. 106)¹⁹, сам же диск, первоначально плоский, возник в начале XII в. Таковы все три набалдашника (тип III), встреченные в «Изяславле». Судя по западноевропейским примерам, стержневидное, круглое в поперечном сечении перекрестье типа II характерно для первой половины XIII в. (Ibid.: 232)²⁰, а стержневидное перекрестье с расширяющимися концами, также круглое в поперечном сечении типа II, было особенно популярно в 1200–1270 гг. (Ibid.: 233–234)²¹. Коленчато изогнутая крестовина типа III появляется в Западной Европе в позднем XII в., а около 1250 г. приобретает квадратное или прямоугольное сечение (рис. 8). Таким образом, все перечисленные детали романских мечей являлись техническими нововведениями примерно 1200–1250 гг. и существовали в волыньском «Изяславле» приблизительно в то же время, что и в рыцарской Европе. А перекрестье типа III с прямоугольным поперечным сечением у нас появляется даже раньше принятой Оукшотом даты, являя собой показательный пример удивительной быстроты распространения и восприятия средневековых оружейных изобретений.

К общеевропейским рыцарским мечам относились железные довольно простые и утилитарные наконечники ножен в виде U-образных желобчатых окантовок типа II, не менее 14 экземпляров, высота 3,8–12,4 см, ширина 4,0–4,5 см, вес 15–40 г (рис. 8; 9: 5–6). Даже самые крупные из этих наконечников в два раза легче бронзовых, то есть они не должны были отягощать и без того тяжелый меч. Наконечники-окантовки были довольно хрупкими и, судя по находкам, часто ломались. Подобные формы в простейшем виде появляются на западноевропейских изображениях рыцарей середины XII в., а в последующие два века приобретают ряд усложнений в местах соприкосновения желобков (London Museum 1954: 230, fig. 36: 1, 2, 5, 7). Таковы и «изяславльские» наконечники ножен с выступом-шариком на оконечности и завитками или полумесяцами сверху. Подобные вещи, если не считать одного экземпляра первой половины XIII в. из Смоленской области (Седов 1960: рис. 37: 7), впервые встречены на Руси и доказывают, что общеевропейская рыцарская мода

¹⁹ На Руси XII–XIII вв. мечи с дисковидными наверхиями были самыми распространенными.

²⁰ Тип этого перекрестья оставался в употреблении до 1350 г.

²¹ Эта форма, по указанию автора, также удерживается до 1350 г.

проявлялась в общности форм не только самого оружия, но и всего портупейного гарнитура и, очевидно, способа пристегивания и ношения ножен.

Итак, рассмотрение городищенских мечей выявило существование двух разных по форме и происхождению²² наборов деталей мечей. Столь своеобразное сочетание, объясняемое контрастами русской военной практики, известное нам раньше лишь по разрозненным находкам, в комплексном виде предстало впервые.

Сабли

Количество сабель, если судить по обломкам лезвий и перекрестьям, приближалось к 14, то есть почти в два раза превышало твердо установленное количество городищенских мечей. Общее преобладание сабель над мечами, видимо, типично для «Изяславля» как южнорусского и близкого к степи города, однако в точных сравнениях следует быть осторожным. Мечей в «Изяславле», как упоминалось выше, было, вероятно, больше восьми, а сабельные перекрестья, которые главным образом использовались для подсчетов, не всегда эквивалентны своим клинкам. Эти перекрестья менее прочно, чем у мечей, скреплялись с основой и чаще могли ломаться и заменяться при ремонтах. В этой связи отметим, что из найденных 13 перекрестий одно обломано, а у девяти не сохранились поперечные овальные пластинки с прорезьями, служившие для соединения гарды с полосой.

Все сказанное касается надежности цифр и не отрицает очевидного факта большой популярности сабельного боя в «изяславльских» местах.

Все сабельные полосы (их четыре) дошли обломанными, наилучшими были те, у которых отсутствовала нижняя треть (длина двух из них 64–65 см, ширина лезвия у перекрестья 3,2 см, вес 445–560 г) (рис. 10). Один клинок (длина 70 см, ширина 4,2 см, оконечность обломана) сохранил навершие, одну скобу для привешивания и наконечник ножен. Этот образец был на 1 см шире других и, следовательно, тяжелее (вес 720 г, первоначально не менее 1000 г) (рис. 10: 2; 11)²³. Все клинки немного и плавно искривлены и снабжены рукоятями, несколько наклоненными в сторону острого края лезвия, а некоторые имеют односторонний дол. Сабли, подобные описанным, не редкость в раннесредневековых русских и кочевнических древностях с той поправкой, что тяжелые и широкие полосы появились, по-видимому, в последнее столетие домонгольской Руси (Кирпичников 1966: 61–72).

К сабельным лезвиям имеют отношение три манжета, прикреплявшиеся у эфеса и служившие подпорками для перекрестий (рис. 12, нижний ряд, среднее изображение).

«Изяславль» — пока единственное место, где найдены все формы перекрестий, известных на Руси в XII–XIII вв. (рис. 12, средний ряд, табл. IV). Таковы, прежде всего, восемь популярных в XI–XIII вв. гард ромбической формы (тип I, длина 7,2–11,5 см, высота 1,2–2,2 см, вес 15–50 г, в среднем около 35 г). Мысовидные щитки этих крестовин останавливали удар, скользящий вдоль широкой стороны клинка. Несколько видоизмененной формой является гарда с ромбической серединой и опущенными вниз концами (тип IA, 2 находки, длина 6,9–8,9 см, высота 1,8–2,5 см, вес 25–55 г). Эти перекрестья противостояли вражескому удару независимо от того, с какой стороны он шел вдоль полосы защищавшегося. Описанная конструкция найдена на Руси и в Волжской Болгарии в многочисленных экземплярах, она возникла где-то в первой половине XIII в. (Там же: 70). Приблизительно к этому же времени относятся и два городищенских перекрестья

²² Здесь я имею в виду не места изготовления конкретных вещей, а районы сложения самих типов.

²³ Сабля опубликована в: Кирпичников, Коваленко 1993: 127, рис. 3: 1. — Прим. К. Михайлова.

с пластинчатыми расширениями на концах (тип ІБ, длина 12,1–12,4 см, высота 1,4–1,7 см, вес 40 г). Что касается крестовины с ромбически расширенной серединой и прямыми стержневидными концами (тип ІІ, 1 экз., длина 13,5 см, высота 2,5 см, вес 45 г), то здесь встречный удар противника приходился не на изогнутую, а на прямую плоскость, то есть так же, как у крестовины романского меча. Такого рода перекрестья, выдающие влияние меча (Медведев 1959: рис. 1: 8)²⁴, встречены кроме «Изяславля» на Княжей Горе, в Воинской Гребле и Волжской Болгарии и сформировались, по-видимому, в 1200–1240 гг. (Кирпичников 1966: 72) в зоне, где тесно переплетались борьба прямой и искривленной полос.

Таблица IV. Сабли (детали рукоятей)

Детали \ Типы	I	IA	ІБ	II	Всего
Навершия	5				5
Перекрестья	8	2	2	1	13

Сочетание всех описанных перекрестий свидетельствует об активных поисках оружейников в создании конструкции, лучше защищавшей руку бойца, и о распространении приемов многоактной рубки в кавалерийском бою. Если при исследовании мечевых перекрестий мы часто искали западные прототипы, то преобразование сабельной конструкции лучше, видимо, связать с восточноевропейской или русской военной практикой. Важно отметить, что появление большинства описанных выше сабельных гард заведомо не связано с монголами, так как аналогичные находки частично встречены в городских слоях домонгольского времени, не затронутых погромом 1237–1241 гг. (например, в Новгороде).

Различные сабельные перекрестья годились для клинков и легких, и тяжелых. В отличие от мечевых, сабельные гарды всегда отличают легкость и деликатность в изготовлении. Однако даже среди этих небольших форм встречены совсем незначительные по своим размерам, можно сказать, карликовые. Таковы две гарды типов I и IA, длиной 6,9–7,2 см, высотой 1,8 см, весом 15–25 г, предназначавшиеся для полос (судя по внутренним прорезям) около 2,5 см шириной. В этом случае подразумевается очень легкое, возможно, юношеское оружие.

Перекрестья были самым подвижным элементом сабельной конструкции. Все другие детали отличались большой стабильностью. Назовем пять наверший (тип I, высота 1,5–4,2 см, ширина 2,5–4,0 см, вес 13–25 г) (рис. 12, верхний ряд) и 3 наконечника ножен (высота 4,2–7,4 см, ширина 4,1–4,5 см, вес до 55 г) (рис. 12, нижний ряд, правое изображение). И те и другие имеют уплощенно-цилиндрическую форму и выглядят очень утилитарно. Все украшения сводились к омеднению поверхности (то же можно предполагать и по отношению к некоторым из перекрестий) или фигурному вырезу краев. К ножнам относились кольца (3 экз.) и особые стержни с коленчато-загнутыми концами (9 экз.). Последние обеспечивали неподвижное крепление колец к деревянной основе ножен (рис. 12, нижний ряд, среднее изображение).

Галерею белого оружия из «Изяславля» включает редкий и нетипичный для своего времени двулезвийный кинжал, общая длина 21,2 см, ширина лезвия 3,2 см, вес 80 г (рис. 13). Среди городищенских ножей есть довольно длинные (свыше 20 см), которые могли

²⁴ В Новгороде несколько измененное перекрестье описанного типа относится к мечу XII в.

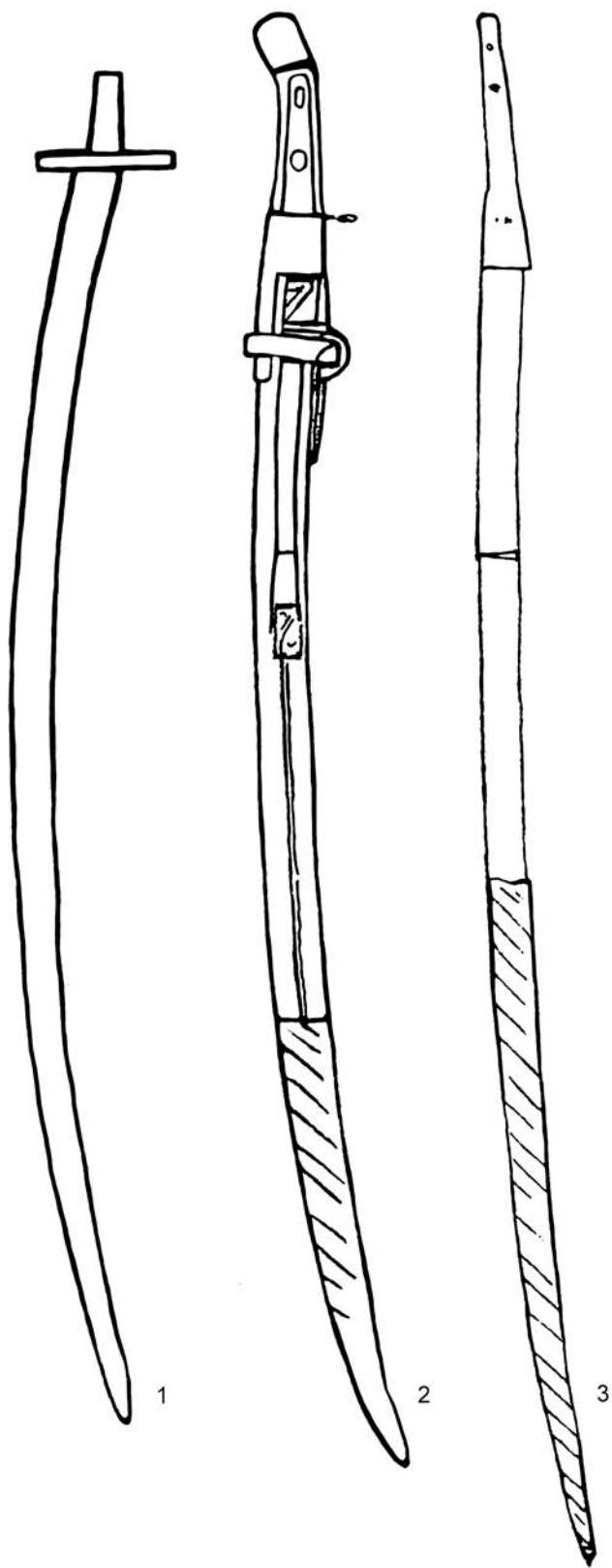

Рис. 10. Образцы сабель (рисунок из личного архива А. Н. Кирпичникова)

Рис. 11. Сабля с орнаментированным клинком. Сталь

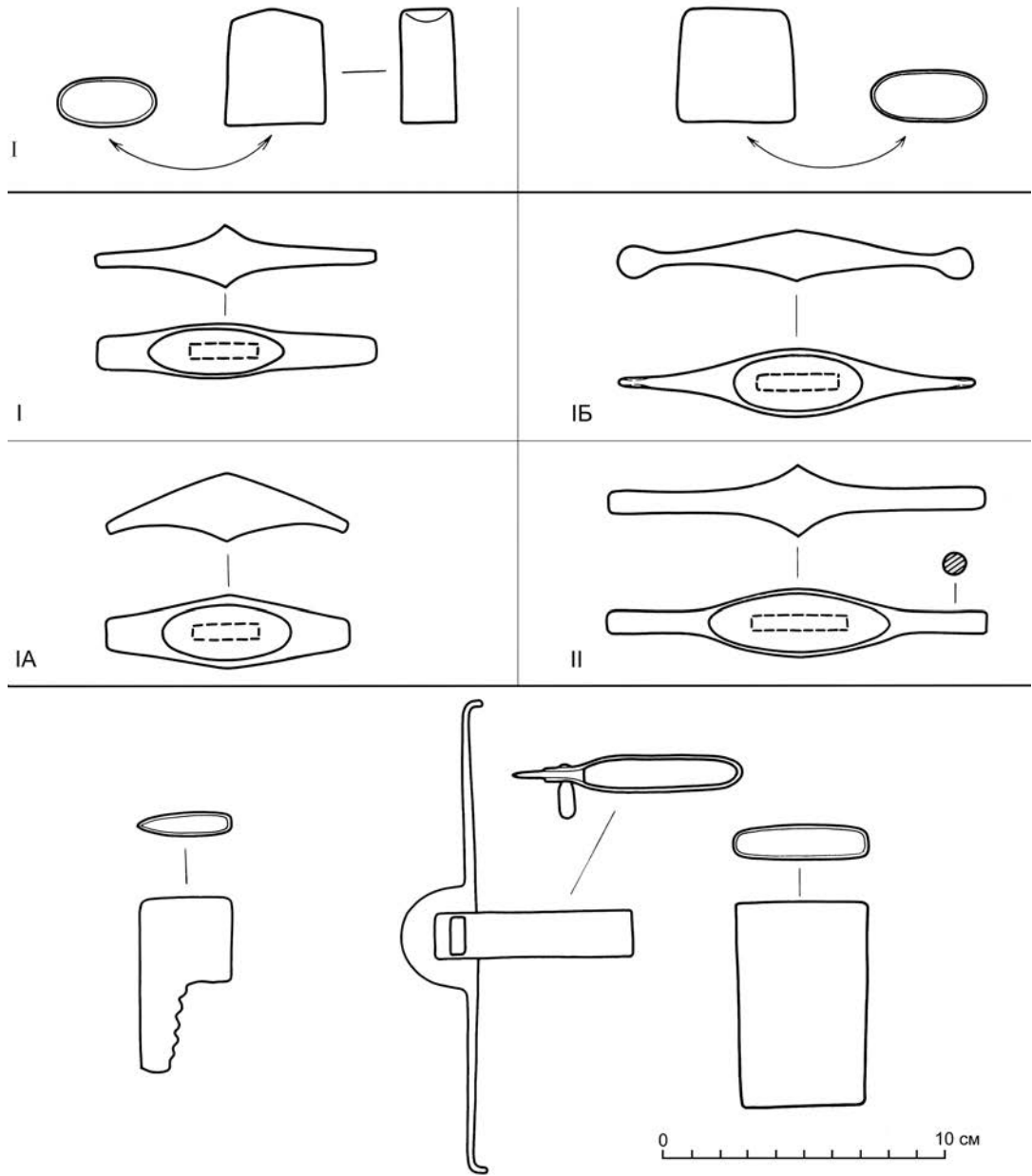

Рис. 12. Типология деталей сабель: навершия (верхний ряд), перекрестья (средний ряд), деталь подвеса и наконечники ножен (нижний ряд)

использоваться в рукопашном бою. Однако основное назначение всех древнерусских ножей отнюдь не было связано с военными целями.

Булавы

Ударное оружие представлено почти всеми типовыми образцами, существовавшими на Руси в XII–XIII вв. (рис. 14, табл. V). Самую массовую категорию находок составляют железные булавы в виде куба со срезанными углами (тип I, 14 экз., ширина 2,8–4,5 см, высота 3,2–4,2 см, диаметр втулки 1,7–2,4 см, вес 200–350 г) (рис. 14; 15: 1–2). Таких наверший

много встречено в ряде южнорусских городов, а также в Волжской Болгарии, Латвии и Самбии, они несомненно принадлежат к простонародному оружию. Об этом же говорит порой грубая и небрежная обработка самих вещей.

Видоизменением описанной конструкции являются кубовидные навершия с односторонним клювовидным выступом (тип IA, 2 экз., ширина вместе с клювом 6,2–6,8 см, высота 2,1–2,8 см, диаметр втульчатого отверстия 1,3–1,4 см, вес 100–160 г) (рис. 14; 15: 3). Булавы этого типа на Руси найдены впервые и, кроме того, известны также в Волжской Болгарии. Приваренный к ним клювовидный отросток указывает, видимо, направление удара, но он мог использоваться и для подвешивания как крюк. Булавы-клевец свидетельствовали о стремлении оружейников создать ударное оружие, у которого травмирующая сила сконцентрирована в одном месте. Эти образцы предвосхищают молоты с клювом сокола и булавы-топоры, распространившиеся в XV в. как средство дробления тяжелого стального защитного доспеха (Медведев 1959: 132–137, рис. 5: 5–6). На примере наших клювовидных наверший видно, что соответствующая тактическая необходимость начала проявляться уже в первой половине XIII в. Другой пример формы, возникшей, по-видимому, в тот же период, представляет железное округлое навершие с восемью плавно выступающими гранями (тип IV, 1 экз., ширина 4,6 см, высота 3,8 см, диаметр втулки 2,4 см, вес 180 г) (рис. 14; 15: 6). Такие образцы найдены также в Райках и Сахновке (Кирпичников 1966а: табл. XXV, 5), они фиксируют начальную стадию сложения многолопастных наверший-шестоперов. В целом оба вышеописанные типа булав, хотя и кажутся экспериментальными, но закономерно могли возникнуть только в эпоху активного соревнования наступательных и защитных средств.

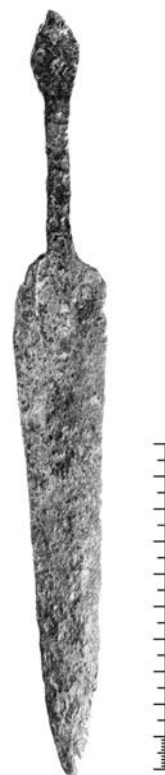

Рис. 13. Кинжал.
Железо

Таблица V. Навершия булав и гири кистеней

Детали \ Типы	I	IA	II	III	IV	Всего
Булавы	14	2	2	3	1	22
Кистени	5		2	2		9

Состоятельные дружинники, вероятно, предпочитали не железные, а более нарядные и изысканно отделанные бронзовые навершия с восемью или двенадцатью пирамидальными шипами (тип II, 2 экз., ширина 4,6–6,5 см, высота 4,4–5,5 см, диаметр втулок 1,7–1,8 см, вес одной булав 200 г; тип III, 3 экз., включая один в обломках, ширина 4,5–6,7 см, высота 4,5–5,6 см, диаметр втулок 2,0–2,4 см, вес 150–170 г) (рис. 14; 15: 4)²⁵. Все найденные отливки деталями отличались друг от друга и, следовательно, изготовлены в разных формах,

²⁵ При исчислении веса следует учесть, что все бронзовые булавы побывали в огне, и из них вытек заполнявший внутреннюю полость свинец. Первоначальный вес бронзовых булав мог достигать 300 и более граммов.

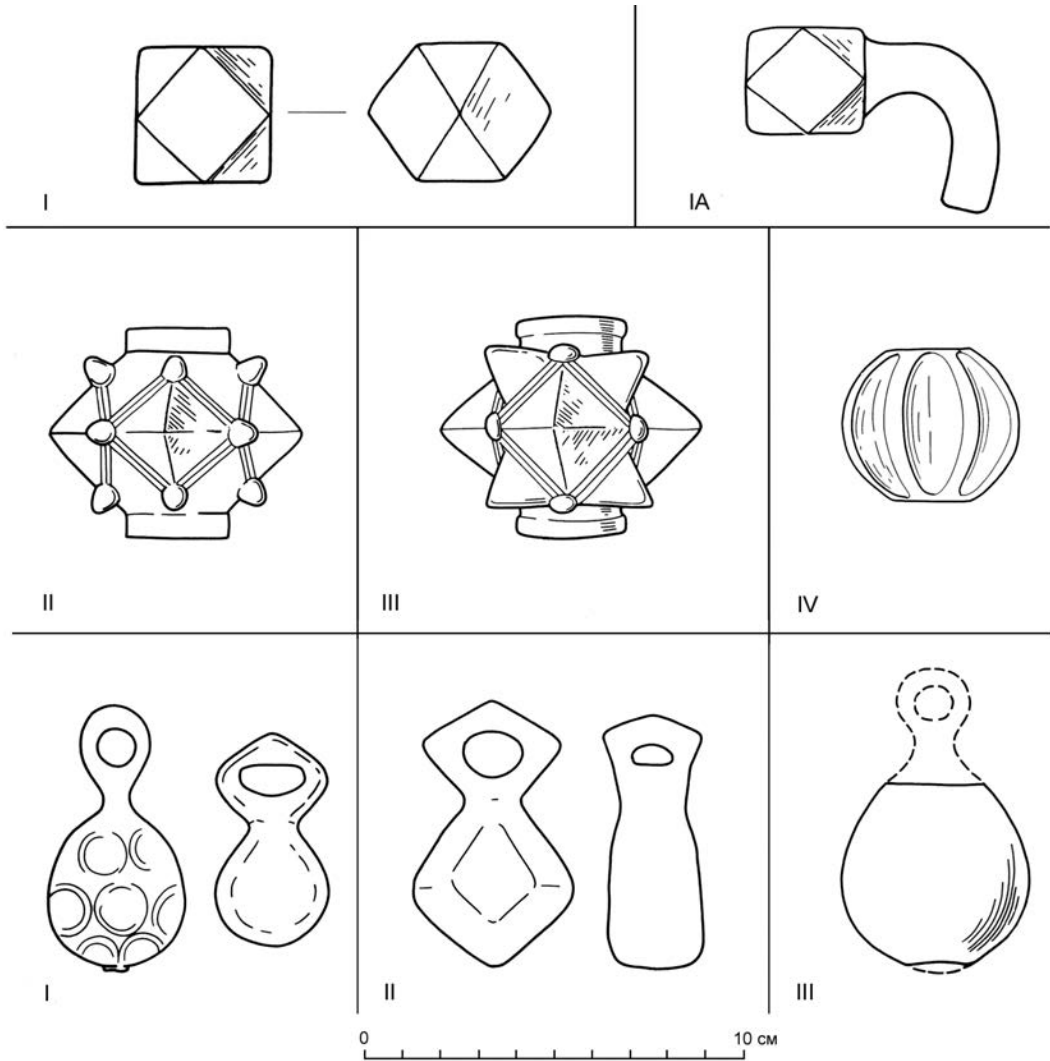

Рис. 14. Типология булав и кистеней: булавы (верхний и средний ряды), кистени (нижний ряд)

а может быть, и мастерских. Анализ форм и поиск аналогий могут приоткрыть местоположение этих мастерских.

Одно из четырехшипных наверший (тип II) сделано довольно грубо, с примитивной по рисунку моделировкой частей и представляет собой, по-видимому, образец какого-то местного «самодеятельного» искусства. Напротив, другая, ныне искусно реставрированная булава типа II похожа на киевскую, найденную в «землянке художника» (Каргер 1950: рис. 23), но она меньше и с частными отличиями в декорировании. Вероятно, речь идет о двух различных сериях высококачественных столичных отливок, близких друг другу по времени своего изготовления²⁶.

В иных случаях о центрах производства можно говорить очень обобщенно. В Южной Руси найдено немало бронзовых 12-шипных булав (тип III), но самые близкие одной из городищенских булав происходят из Асотского городища и могильника (Шноре 1961:

²⁶ Высказываясь в пользу киевского происхождения этой «изяславльской» булавы, я отнюдь не исключаю возможности местного литья по привозным высококачественным образцам.

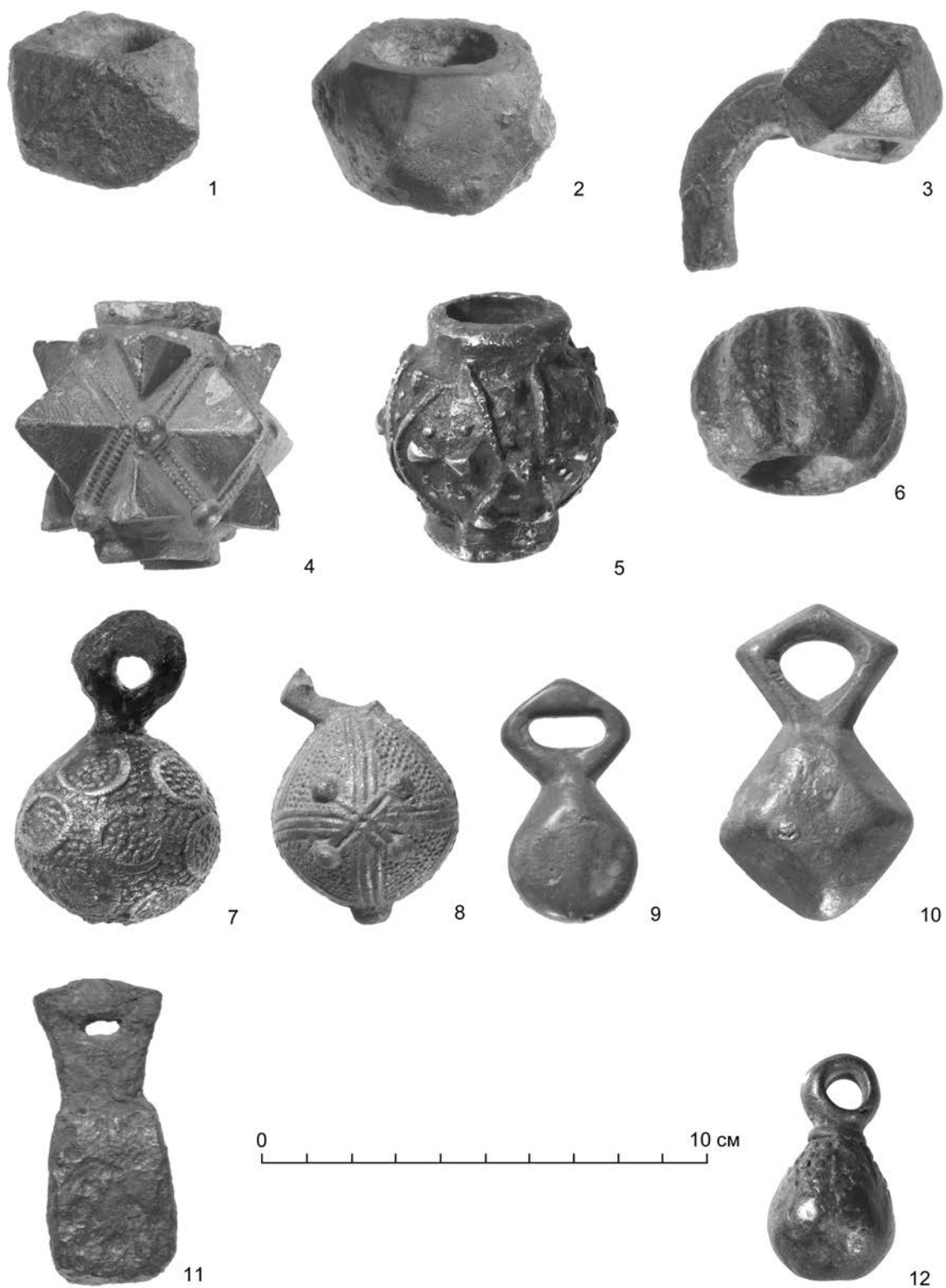

Рис. 15. Образцы булав и кистеней: 1-6 — булавы; 7-12 — кистени.
1-3, 6, 11 — железо; 4-5, 7-10, 12 — бронза

табл. X, 17 и 19; Мугуревич 1965: 54). В этих изделиях латышские археологи справедливо видят русский импорт. Было бы преждевременно утверждать, что асотские навершия отлиты именно в «Изяславле», а не в каком-либо другом русском городе. Будущие исследователи должны уточнить этот вопрос.

«Изяславльцы» не только были знакомы с продукцией киевских булаводельцев, но и, по всей вероятности, могли подражать увиденным образцам. Одна из городищенских булав типа III имеет сглаженные грани, нечеткий орнамент, притупленные края шипов — словом, это явно серийное, не первоначальное изделие. Еще более упрощенная реплика того же типа, что и городищенская, найдена в Оланде (Seitz 1965: Abb. 305, нижний ряд, правый рисунок). «Изяславльская» и шведская булавы предполагают один и тот же недошедший, возможно киевский, оригинал и в таком случае демонстрируют, как огрубление и схематизация литья нарастают по мере удаления изделий от их родины.

Независимо от того, где изготовлены «изяславльские» бронзовые булавы, идет ли речь о привозных предметах или об их копиях, они отражают влияние киевского ремесла и характеризуют русское серийное литье и пути распространения готовой продукции²⁷.

Кистени

Булавы использовались и конниками, и пехотинцами, то же относится и к кистеням. Судя по городищенским находкам, последние были несколько легче булав (средний вес булав 200–300 г, кистеней 100–160 г). И те и другие, однако, употреблялись на войне для того, чтобы оглушить и ошеломить противника.

Все найденные кистени делятся на три типа, между которыми не всегда есть резкая разница (рис. 14; 15: 7–12, табл. V). Наиболее многочисленны бронзовые и железные гири округлых форм (тип I, 5 экз., ширина 2,8–3,5 см, высота 5,3–7,0 см, вес 90–165 г). Они гладкие, граненые или декорированы «крупной зернью», кругами и полосками и увенчаны круглой или продолговатой петлей (рис. 14; 15: 7–9). Описанные образцы имеют в русских древностях целый ряд приблизительных аналогий (Кирпичников 1966а: 59, рис. 12).

Зато бронзовые и железные уплощенные гири угловатых очертаний с продолговатыми петлями (тип II, 2 экз., ширина 2,5–4,1 см, высота 6,5–7,0 см, вес 100–120 г)²⁸ пока нигде не найдены и изготовлены, очевидно, на месте (рис. 14; 15: 10–11). Вне описанных двух типов оказались: костяной яйцевидный кистень с петлевидным орнаментом на поверхности и шиферный — со следами намеченного, но незавершенного орнамента (условно отнесены к типу III, ширина 4,6–5,0 см, высота 4,5–4,6 см, вес шиферного кистеня 165 г). У обоих образцов просверлено отверстие для вставки металлического стержня с петлей (в типологической схеме тип III проиллюстрирован реконструированным шиферным кистенем) (рис. 14; 15: 12). Если костяные кистени обычны в русских древностях X–XIII вв., то шиферный встречен впервые и обнаруживает черты неоконченной, вероятно, местной работы. В целом местный характер многих городищенских кистеней, особенно с редкой в находках XIII в. продолговатой петлей, едва ли может оспариваться. Характерно, что в «Изяславле» не выявлено образцов вооружения ясно выраженного среднеднепровского изготовления, например, грушевидных гирек с черневым орнаментом.

²⁷ На рис. 15: 5 изображена орнаментированная литая булава округлой формы без ярко выраженных выступов и граней. Эта находка не подпадает под типологическую схему древнерусских булав, предлагаемую А.Н. Кирпичниковым. — Прим. К. Михайлова.

²⁸ В последнем случае имеется в виду гирька с вытопленным от жара свинцом, ее первоначальный вес около 160 г.

Лук и стрелы

Переходя к оружию дальнего боя, отметим, что в «Изяславле» найдены костяные: срединная накладка от рукояти лука, костяная петля колчана и довольно редкое для своего времени кольцо для натягивания тетивы. Перечисленные предметы представляют собой типичный для Восточной Европы гарнитур сложного лука. Как эти изделия, так и большая часть рассмотренных до сих пор других вещей хорошо сопоставляются с формами, распространенными на Руси. Или монголы не оставили в «Изяславле» своего оружия, или мы не можем его опознать, настолько близко оно было древнерусскому. Исключением являются стрелы. Приблизительно две трети всех наконечников стрел найдены сконцентрированными в районе воротной башни посада. Исходя из того, что стрелы, судя по их распределению в культурном слое, не составляли какого-то военного запаса защитников, не происходили из брошенных колчанов, лежали в верхней части слоя с остатками обгорелого дерева, угля и пачины, были обожжены и некоторые погнуты, локализовались в углу посада — на месте древнего въезда, куда монголы, как правило, направляли острие штурма при захвате русских городов, можно думать, что эти наконечники пущены вражеской рукой в стены города, то есть они татарские.

Монголы были отличными стрелками, они не любили штурмовать сразу напролом и ввязываться в рукопашный бой («мечами и копьями они, по слухам, бьются менее искусно» (Аннинский 1940: 87)), и возвели лук и стрелы как средство ведения боя на расстоянии в степень своего главного наступательного оружия (Анна Комнина 1965: 406). По сообщению Фомы Сплитского, «страшные стрелы татар неминуемо пробивают и приносят верную смерть. Не имеется панциря, щита и вооружения, которые не мог бы пробить выстрел, пущенный татарской рукой» (Strakosch-Grassman 1893: 28).

Действие монгольских стрел, которые, по отзывам современника, «не летят, а как бы ливнем льются» (Аннинский 1940: 87), запечатлено в руинах «Изяславля» с беспрецедентной выразительностью. Насыщенность стрел в районе въезда на городище оказалась настолько велика, что могла бы служить буквальным подтверждением слов летописца «идяху стрелы аки дождь», «стрелы омрачиша свет побежденным» (ПСРА II 1908: 6748 (1240), стб. 784).

Судя по количеству добытых наконечников, по городищенским укреплениям в месте штурма было произведено не менее 700–800 выстрелов, а в действительности, вероятно, много больше, так как часть стрел позже наверняка собрали. Массированный, скорее залповый огонь монгольских всадников, по-видимому, буквально изрешетил всю зону воротной башни. Судя по равномерной густоте находок, стрелы не только были направлены в смотровые отверстия заборол, но попадали рядом, в стену. Видимо, особая меткость при штурме была излишней, брали количеством выстрелов и быстротой стрельбы. По сообщению одного восточного источника, кочевнических стрел «в десять раз больше теряется в воздухе или ломается о землю, чем попадает в цель» (Гордлевский 1960: 181).

Наконечники стрел, сходные с теми, что найдены у ворот, оказались и на внутренней территории города, включая детинец. Стрелы нападающих в отдельных случаях, видимо, попадали значительно дальше линии укреплений. Несколько раз на площадке городища были найдены кости и черепа, пробитые стрелами. Эти погибшие, очевидно, оказались жертвами стрелометной подготовки, предшествовавшей началу штурма. Возможно, что вражеская стрела сразила уже упомянутого выше витязя в полном вооружении, так как он, судя по всему, погиб, находясь в башне или на стене.

Надежным критерием принадлежности городищенских стрел монголам (помимо топографии находок) следует считать их повторяющуюся и устойчивую по месту расположения деформацию. Здесь имеется в виду такое существенное повреждение, как резкий перегиб

лезвия стрелы пополам. При этом учитывался и сгиб черешка, но последнее могло произойти и при обстоятельствах, связанных с последующей сохранностью вещи в земле. Из 977 найденных на городище стрел 157 оказались согнутыми (кстати, все они из района ворот), причем 144 наконечника имели устойчиво расположенный перегиб лезвия и часто следы обжига. Места сгиба лезвий удалены от оконечности обычно на 3,5–4,5 см и указывают не что иное, как глубину проникновения стрелы в конструкцию стены (вероятно, дерево-глинобитную). Можно представить, что стрелы были пущены в стену из мощных луков (по указаниям современников Чингис-хана, татарский лук «всегда бывает свыше одной силы») (Васильев 1857: 231) приблизительно с одинакового расстояния; при последующем пожаре и обрушении они сгибались в том месте, откуда торчал свободный конец (рис. 16–17)²⁹.

Стрела, наполовину вонзившаяся в жесткую конструкцию стены, действительно могла пробить, как писал в 1307 г. армянский царевич Гайтон, «почти все виды защитных средств и панцири» (Strakosch-Grassman 1893: 27) и была страшна для всего живого.

Деформированные стрелы чаще всего обнаруживают свое бесспорно неприятельское происхождение. Поврежденные городищенские стрелы относятся к типам, включающим 748 наконечников и практически исчерпывающим основное количество обнаруженных штурмовых стрел (рис. 16–17, табл. VI). Этот набор почти точно соответствует стрелам монгольского Кара-Корума и образцам, найденным при раскопках потерпевших от монголо-татар древнерусских городов (Княжая Гора, Райки, Колодяжин и др.).

Таблица VI. Деформированные и целые наконечники стрел

Количество стрел \ Типы	I	IA	II	IIA	IIБ	III	IV	XII	Всего
Количество деформированных стрел	23	5	58	8	2	19	41	1	157
Общее количество стрел данного типа	267	17	206	44	3	62	147	2	748

Попытку выделения восточных и монгольских стрел предпринял еще Л. Нидерле (Нидерле 1956: 377, рис. 120). На русских и монгольских памятниках эти наконечники начали изучать Н. И. Шендрик, А. Ф. Медведев, С. В. Киселев и Н. Я. Мерперт (Шендрик 1958: 166 и сл.; Медведев 1959: 167; Киселев, Мерперт 1965: 190 и сл.)³⁰, но лишь «изяславльские» материалы принесли самое полное на сегодняшний день решение вопроса.

В большинстве древнерусских городов монгольские стрелы если и узнавались до сих пор, то с трудом. Этому есть свое объяснение.

Монголы не были изобретателями своего оружия, а заимствовали его у других, в основном более цивилизованных народов. Для нас существенно следующее высказывание археологов, изучавших Кара-Корум: «Основные формы наконечников монгольских стрел середины XIII в. появились задолго до монгольских походов. Они были известны

²⁹ В пожаре, конечно, могли согнуться не только залетные, но и любые стрелы. Однако у стрел, просто побывавших в огне, мы не могли бы так часто найти постоянный по месту расположения резкий перегиб лезвия.

³⁰ Начало выделения «изяславльских» монгольских стрел было положено нами в докладе 1958 г. Однако тогда не был учтен «фактор деформации» и ряд сравнительных материалов. (Типология стрел, выполненная с учетом городищенских материалов, опубликована в: Kirpichnikov 1986: 100, таб. XIII. — Прим. К. Михайлова.)

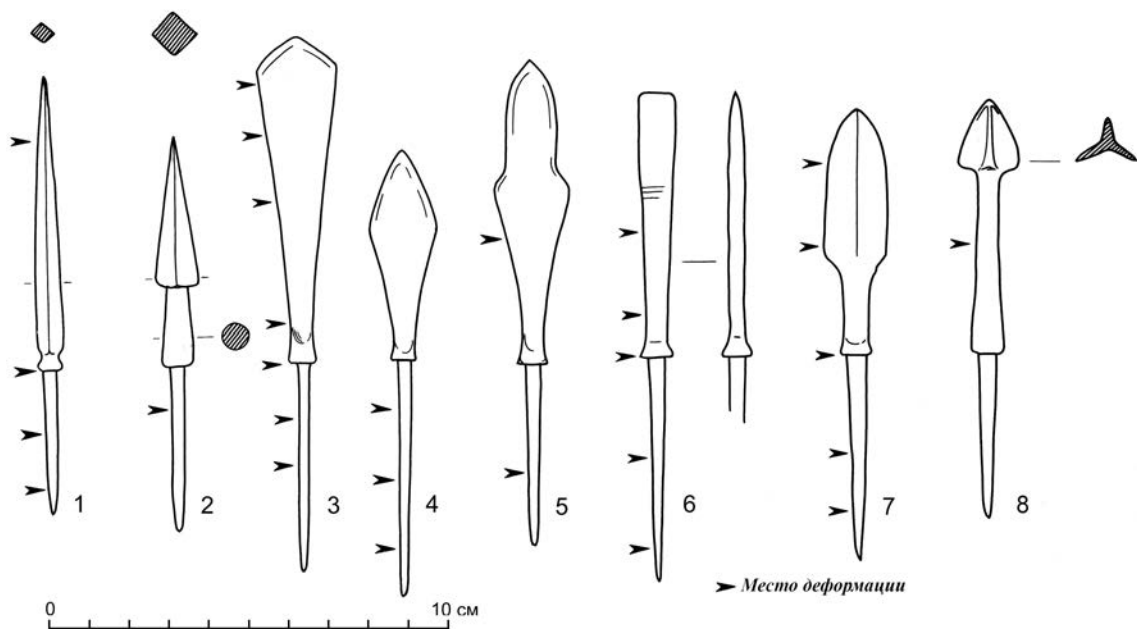

Рис. 16. Основные типы стрел с указанием мест деформации

и на севере Китая, и у племен Южной и Восточной Сибири. Заимствовав эти формы, собирав им специфические пропорции, монголы в свою очередь широко распространили их по обширным просторам Азии и Восточной Европы» (Древнемонгольские города 1965: 200). Это суждение можно подтвердить и дополнить на отечественных материалах. Монголы пришли из Азии с уже выработанным ассортиментом стрел. Однако некоторые формы, сходные с монгольскими (и шире — с азиатскими), существовали в Восточной Европе и до прихода монголо-татарских полчищ. Тем самым этнические признаки монгольских стрел зачастую оказались стертыми. Априори подтверждают это и городищенские находки. Ниже будет показано, что одни и те же по типу наконечники использовали как русские, так и монголо-татары, различие если и существовало, то часто выражалось в мелких конструктивных деталях. Развалины волынского городка сохранили коллекцию стрел, которую нельзя рассматривать в рамках какой-либо одной «национальной» культуры, для ее характеристики требуется евразийский масштаб.

Среди обнаруженных в «Изяславле» наконечников стрел существовали и русские. К таковым, например, относились спекшиеся вместе стрелы из одного колчана (рис. 18). Удалось «разлепить» эти стрелы, и оказалось, что они хоть и близки тем, которые хотелось бы назвать монгольскими, но отличаются от последних по пропорциям и очертаниям пера. Как будет показано ниже, захватчики пользовались русскими стрелами, взятыми, очевидно, как трофеи или изготовленными пленными ремесленниками. Все это подводит к выводу, что многие стрелы были монгольскими не по форме и происхождению, а лишь по использованию. Опознание наконечников в целом как штурмовых, так сказать, залетных от татар, не заканчивает, а только открывает их изучение. На вопрос о различии и сходстве между монгольскими, вообще азиатскими и русскими наконечниками лучше ответить при анализе конкретных типов этого оружия.

Всего в «Изяславле» найдено 977 железных и 17 костяных наконечников стрел. По форме лезвия и другим особенностям они подразделены на десять основных типов

Рис. 17. Образцы деформированных стрел. 1-20 — железо

(I–X, включая разновидности) и четыре редких типа (XI–XIV); наконец, два типа (А и В) учитывают костяные изделия (рис. 19, табл. VII).

Таблица VII. Наконечники стрел (I–XIV — железные; А, В — костяные)

Типы	I	IA	IB	II	IIA	IIB	III	IV	V	VA	VB	VI
Количество	267	17	5	206	44	3	62	147	42	19	28	32

Таблица VII (окончание)

Типы	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	Тип неизвестен	Всего	А	Б	Всего
Количество	8	16	33	12	2	4	3	2	25	977	12	5	17

Тип I — один из наиболее многочисленных. Лезвие узкое, четырехгранное, специальное бронебойное, отделено от черешка фигурной шейкой. Размеры: длина с черешком 6,0–15 см, чаще 8,0–10 см, ширина лезвия 0,6–0,8 см, иногда до 1 см. Вес 9–17 г, наиболее обычный 10–12 г. Эти наконечники восходят к формам X–XI вв., но наиболее специфичны для XII–XIII вв., когда они приобретают особое значение как средство противокольчужной борьбы. Никогда еще в раннем средневековье наконечники (на примере типа I) столь явно не обозначали своей боевой специализации и наступательной направленности. Наконечники описанного типа постоянно встречаются в южнорусских городах, разрушенных монголами, а в Новгороде и памятниках Золотой Орды продолжают фиксироваться и в XIV в. (Медведев 1959: 170, рис. 13: 46–47; Кушева-Грозевская 1928: 28). При определении бронебойных стрел важно учитывать поперечное сечение лезвия. Ромбовидное сечение характеризует русские и кочевнические образцы XI–XIV вв., квадратное, кажется, характерно для форм XIII в., преимущественно монгольских. Четырехгранные стрелы были широко использованы монголо-татарами при штурме города. Две заготовки (длиной 6,1–8,6 см, шириной 0,6–0,9 см), обнаруженные на городище, свидетельствуют о том, что они изготовлялись и русскими. В общем, широкое распространение в Восточной Европе бронебойных наконечников и некоторые их особенности, несомненно, связаны с монголами.

Типы IA и IB (модификации типа I). Этим стрелам присуще четырехгранное пирамидальное лезвие, назначение бронебойное. Размеры: длина 7–9 см, ширина лезвия 0,7–0,9 см, вес 12–15 г. У образцов типа IA между лезвием и черешком наблюдается резко отделенная круглая шейка, у наконечников типа IB также имеется шейка, но ее сочленение с лезвием плавное. Описанные различия мелкие, но для этноса существенные. Наконечники типа IA редко встречаются в Восточной Европе³¹, зато они выявлены в монгольских древностях Центральной Азии и в золотоордынских погребениях XIII и XIV вв. (Stein 1928: pl. XXIV, L.R.iii. 08)³², что в основном и определяет их принадлежность. Пять «изяславльских» наконечников этого типа были найдены деформированными. Представители типа IB, напротив, известны только по русским памятникам XI–XIV вв. (Медведев 1959: 170, рис. 13: 50).

³¹ Мне известен пример из Новогрудка (раскопки Ф. Д. Гуревич).

³² Раскопки С. В. Киселева в низовьях реки Хирхиры в Читинской области в 1960 г. Материалы выставки Пленума ИА АН СССР в 1961 г.

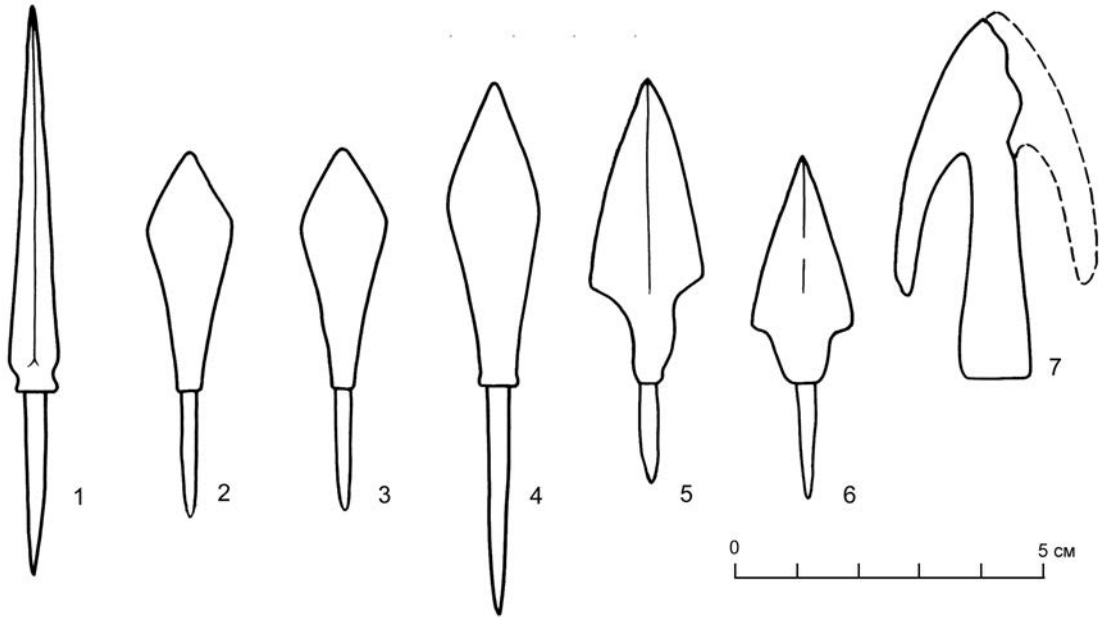

Рис. 18. Древнерусские стрелы из одного колчанного набора. 1–7 — железо

Тип II (с разновидностями) принадлежит к срезням. Для них характерно плоское, расширяющееся к оконечности лезвие. Тип II один из самых многочисленных. Размеры наконечников: длина 8,7–11,5 см, чаще 9–10 см, ширина 1,7–2,3 см (имеются и довольно неширокие 1,3–1,5 см). Вес 12–15 г. Края лезвия обычно сходятся под тупым углом (100–140°). При переходе лезвия к черешку видно отчетливо выраженное утолщение для упора древка. Наконечники типа II в своих специфических формах и пропорциях распространены от Китая и Сибири до Венгрии и всюду обнаруживаются как след монгольских походов или их позднейшего владычества³³. Характерно, что в Кара-Коруме эти стрелы составляют большинство находок (Древнемонгольские города 1965: 192 и сл., рис. 107: 1 и 108: 1). В Восточную Европу стрелы типа II стали проникать, кажется, незадолго до монголо-татарского вторжения, но их основное распространение связано с монгольской оккупацией и осадами крепостей (Шендрик 1958: 166, табл. IV, 4–13). Во второй половине XIII в. эти наконечники появляются в русских городах, переживших 1237–1241 гг. (Медведев 1959: 167, рис. 13: 32). В «Изяславле» эти стрелы использовались для штурма и чаще, чем другие, носят следы ударов и повреждений. Срезни типа II являются видоизменением более древней азиатской формы, обладавшей лезвием, более приземистым и широким (рис. 19, тип II, правое изображение). Эти наконечники зародились не позже VI–VIII вв. где-то в Центральной Азии, включая Китай и Южную Сибирь, и затем проникли в Восточную Европу, где стали особенно характерны для кочевнических древностей IX–XIV вв. (Древнемонгольские города 1965: 195–196; Медведев 1959: 166, рис. 13: 24)³⁴. Десять таких наконечников найдены в «Изяславле». Их размеры: общая длина 8,5–9,0 см (редко больше), ширина лезвия 2,6–3,7 см, у большинства наконечников режущий край полукруглый. Широколезвийные срезни наносили широкую рану и использовались на охоте и в бою. Совершенно

³³ Было бы бесцельно перечислять множество аналогий.

³⁴ На Руси подобные наконечники относятся к IX–XIII вв.

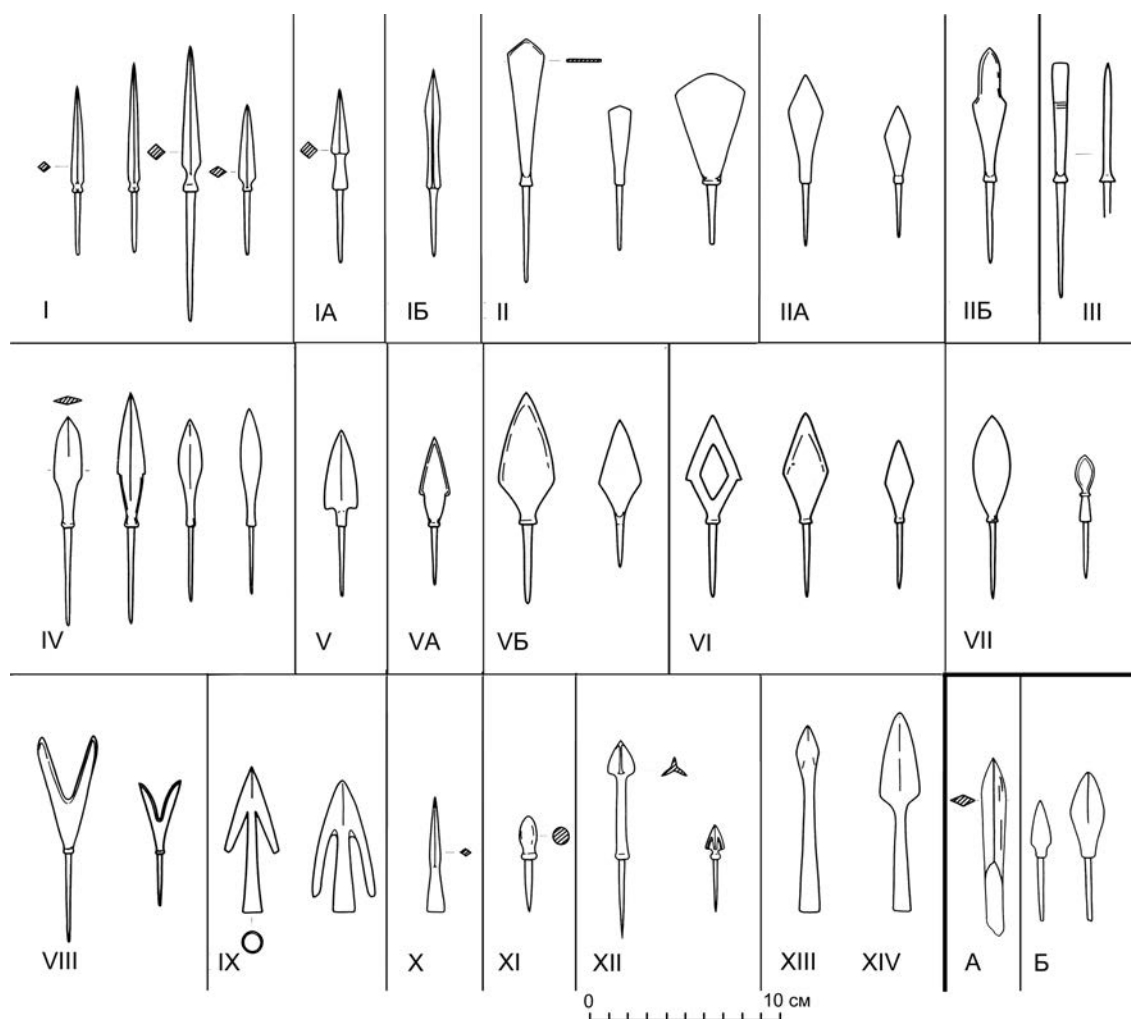

Рис. 19. Типология наконечников стрел: I–XIV — железные; А–Б — костяные

точно они узнаются по описанию Платона Карпини: «Есть у них (то есть у татар. — А. К.) стрелы для стрельбы птиц, зверей и безоружных людей в три пальца ширины» (Платон Карпини, Рубрук 1911: 29). Итак, большая часть образцов типа II являются монгольской переработкой азиатского срезня, заключавшейся в сужении и удлинении лезвия. Это пример превращения универсального охотничьего и военного оружия во все более боевое. Военное действие узколезвийных срезней было ограничено стрельбой в первую очередь по незащищенным целям и объектам с большой площадью поражения, например, городским укреплениям и коням (Древнемонгольские города 1965: 198).

Тип IIA. Сходен с предыдущим, но режущий край более заострен и сходится под острым углом (обычно 45–55°). Размеры: общая длина 6,0–11,0 см, чаще 7–9 см, ширина лезвия 1,2–2,3 см, чаще 1,8–2,1 см, вес 10–12 г. Эти наконечники найдены среди штурмовых, но имелись они и у местных жителей. К числу последних относились небольшие стрелы почти без древкового упора (этот упор отчетливо выражен у монгольских форм), образцы из колчана, возможно, некоторые другие. По форме и территории распространения стрелы типа IIA являются евразийскими. Они, в частности, найдены в Монголии, а на Руси отмечаются с IX по XIV в. (Там же: 199, рис. 108: 6; Медведев 1959: 166–167, рис. 13: 20, 33). Употреблялись одновременно с узколезвийными срезнями типа II как в бою, так и на охоте.

Тип IIБ. Эти стрелы имеют очень характерный фигурный режущий край лезвия в виде кунжутного листа. Размеры: длина 11,5–12,0 см, ширина острия 1,7–2,0 см. Из трех найденных нами наконечников один снабжен сквозной дырочкой для свиста в период полета. Происхождение кунжутolistных срезней специфически кочевническое, восточное (по видимому, еще домонгольское). Распространены они в основном в XIII–XIV вв., от Монголии до Северного Причерноморья и Северной Болгарии, а в Средней и Западной Европе вовсе неизвестны (Древнемонгольские города 1965: рис. 108: 5; Гаврилова 1965: 46, табл. XXV, 5; Бобчева 1958: 52, обр. 15: 1–3). В русских городах XIII–XIV вв. кунжутolistные стрелы если и встречены, то прямо или косвенно они были занесены монголами (как воинами, так и, по предположению А. Ф. Медведева, ханскими послами, баскаками, вообще людьми, ездившими в Золотую Орду) (Медведев 1959: 166–168, рис. 13: 34–35).

Тип III. Характерно вытянутое прямоугольное лезвие, как бы в виде стамески. Острый край обычно усилен, вероятно, стальной наваркой. Размеры: 8,3–12,3 см, чаще 9,0–9,5 см, ширина лезвия 0,6–0,9 см. Вес 14–16 г. Одна из городищенских стрел имеет прорезь для пропуска поперечки. Обращает на себя внимание особая прочность конструкции, явно рассчитанной на проникновение не в мягкие, а в жесткие ткани. На это указывает и всегда ясно выраженный упорный валик. По версии А. Ф. Медведева, эти наконечники хороши для пробивания и раскалывания щитов (Там же: 169). Таким же целям служили наборные пластинчатые доспехи, шлемы, возможно дощатые козырьки или ставни заборол. Стрелы описанного типа не были в Восточной Европе чужеземной новинкой в XIII в., так как в русских памятниках они фиксируются еще двумя столетиями ранее (Там же: 169, рис. 13: 42). Выступают эти формы и в сибирских древностях монгольского времени (Талько-Гринцевич 1902: табл. VIII (могильник Хойцегор)). Удалось заметить, что у русских наконечников боковые стороны слегка вогнуты, а у кочевнических они строго прямолинейны. Судя по многочисленным деформациям, «стрелы-стамески» в двух своих разновидностях были употреблены монголами при штурме «Изяславля». Не указывает ли это сочетание на разновременный состав оружейников, обслуживавших монгольскую армию? В целом наконечники типа III следует рассматривать как русские и монгольские.

Тип IV. В нашей классификации он последний из наиболее многочисленных; отличается пером ланцетовидной формы, переходящим в длинную шейку. Выделяются две разновидности (кроме того, отмечен ряд нестандартных отклонений, выраженных в низкой или высокой шейке и уступах на плечиках).

Около 130 более крупных и тяжелых наконечников с резко очерченными плечиками принадлежат к первой разновидности (рис. 19, тип IV, левое изображение). Размеры: длина 10,0–12,5 см, ширина лезвия около 1,5 см, его толщина 0,3–0,4 см, обычно заметна грань, вес около 16 г. На Руси подобные наконечники появились еще в IX в. (Ляпушкин 1958: табл. XCIII, 16–17) и широко употреблялись в XII в. и позже (Медведев 1959: 166, рис. 13: 21, 54; Седов 1960: 81, рис. 37: 3). Находки этих стрел сделаны в Прикамье, а также в Кара-Коруме и Китайском Туркестане (Древнемонгольские города 1965: 199, рис. 108: 8–9; Stein 1928, pl. LXXI, Као. III.0180). Речь, следовательно, идет о евразийской форме, которую могли воспроизводить разные народы. Судя по ряду производственных признаков — широкому упору, огранке шейки, массивности — городищенские стрелы вышли из монголо-татарских рук³⁵. Стрелы именно этой формы стоят ближе всего к тем, которые описаны

³⁵ Одна из стрел рассматриваемого вида была у конца обломана и вновь заточена. Ремонт наконечника свидетельствует о том, что его однажды подобрали и вновь использовали.

Плано Карпини в следующих словах: «железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча» (Плано Карпини, Рубрук 1911: 29). Среди штурмовых городищенских стрел ланцетовидные, с резко очерченными плечиками, по количеству стоят на третьем месте после броневой и узколезвийных срезней, многие из них согнуты.

Ко второй разновидности типа IV относятся около 30 наконечников, более легких и с более плавными очертаниями (рис. 19, тип IV, правое изображение). Размеры: вся длина 6,0–11,0 см, ширина лезвия около 1,3 см, грань часто неразличима, вес 6,0–14,0 г. Черешковое утолщение невелико. Эти образцы восходят к европейским ланцетовидным стрелам IX–X вв., для более позднего времени они известны в Новогрудке³⁶, Райках и Княжей Горе (Гончаров 1950: табл. XIII, 20; Шендрик 1958: табл. III, 1, 9, 12). Русское изготовление этих наконечников весьма вероятно. Среди них мы не встретили поврежденных экземпляров.

В целом ланцетовидные стрелы были достаточно универсальны, что и соответствовало их евразийской популярности.

Типы V, VA и VB имеют общую черту — удлиненно-треугольное лезвие, различие состоит в деталях, прежде всего в оформлении плечиков. Повреждений почти нет, если не считать семи стрел типов V и VB, у которых согнуты черешки. Основное назначение скорее охотничье.

Тип V. Изгиб плечиков почти прямоугольный, при переходе к упорному валику виден иногда полукруглый вырез. У большинства легкая грань. Размеры: общая длина 6,7–9,3 см (редко длиннее), ширина лезвия 1,6–2,3 см, чаще около 1,8–1,9 см. Вес около 12 г. Одна стрела длиной 3,2 см и шириной 1 см кажется детской, у другой заточен сломанный конец, то есть починка, очевидно, произошла уже после того, как стрелу однажды использовали. Наконечник типа V оказался также среди стрел упомянутого выше колчанного набора. Стрелы IX–XI вв. с круто изогнутыми плечиками найдены в Венгрии и Болгарии (Бобчева 1958: 47, обр. 9: 1–2). Для более позднего времени они известны в домонгольских поросских курганах, на Кубани (раскопки проф. Веселовского) (ОАК 1898: 18–19, рис. 97), а также в Минске, Старой Рязани, Княжей Горе, Райках и Колодяжине (Монгайт 1955: рис. 143: 5 и 143а: 20; Гончаров 1950: табл. XIV, 14; Шендрик 1958: табл. I, 8–9)³⁷. Все это склоняет к выводу о том, что рассматриваемые наконечники были известны в Восточной Европе и до появления монголов. Возможно, что некоторые из городищенских стрел с заметно изогнутыми краями лезвия (приближаются к типу IV) принадлежали монголо-татарам. Для уверенных этнических разграничений, однако, данных недостаточно.

Тип VA. Плечики при переходе к нижней части лезвия образуют прямоугольные уступы. Все наконечники выглядят довольно стандартно, как будто сделаны в одной мастерской. Размеры: общая длина 5,6–7,7 см (редко длиннее), ширина лезвия обычно 1,5–1,7 см, вес около 7 г. Перо обычно плоское. Одна из этих стрел происходит из колчана, другая, видимо, в спешке была забита во время починки во втулку копья (типа IIА). На Руси аналогичные наконечники зарегистрированы в Новогрудке, Колодяжине и Княжей Горе (Юра 1962: рис. 35: 10; Шендрик 1958: табл. IV, 17). В Прикамье и Дунайской Болгарии эти формы датируются XIII–XIV вв. (Генинг 1954: рис. 61: 2; Бобчева 1958: 51, обр. 13: 1–5), об их монгольском происхождении пока ничего сказать нельзя.

³⁶ Раскопки Ф. Д. Гуревич.

³⁷ Образцы из Поросья, Минска и Колодяжина не опубликованы.

Тип VB. Переход плечиков к черешковому упору постепенный без уступов. У некоторых образцов упорного валика нет вовсе. Крупных стрел только две, остальные невелики. Размеры: общая длина обычно 6,7–7,7 см (редко 10,3–11,0 см), ширина лезвия 1,3–1,5 см (иногда до 2,3–3,0 см). Грани пера почти неразличимы. Средний вес около 8–10 г. Две стрелы длиной 4,3 и 4,5 см, при ширине лезвия 1,1–1,4 см кажутся детскими. Наконечники опisanного вида восходят к древним славянским прототипам и территориально и хронологически распространены очень широко. Некоторые из городищенских образцов со слабо изогнутыми краями лезвия имитируют формы X в., другие отличаются более прямолинейным контуром, и с раннекиевскими их не спутаешь (Медведев 1959: 165, рис. 13: 15–17; Бобчева 1958: 47, обр. 8: 1–2). И те и другие изготавливались, однако, одновременно и постоянно встречаются в русских городах и курганах предмонгольской поры³⁸. Рассматриваемые наконечники всюду в Восточной Европе исследователи связывают с охотничьими занятиями оседлого земледельческого общества, татарам и другим азиатским народам они не свойственны.

Тип VI. У этого типа наконечников перо ромбовидной формы, всегда плоское, у большинства из них обозначен упор для черешка. Размеры: общая длина 7,7–11,3 см, ширина лезвия 1,7–2,9 см, вес около 10 г. У стрел поменьше черешкового валика нет, их размеры: длина 5,7–6,7 см, ширина лезвия 1,3–2,5 см. Ромбовидные стрелы очень древние, они были в ходу в Восточной Европе еще в середине I тыс. н. э. (Медведев 1959: 166, рис. 9: 1–2). Позднее они используются как на Руси, так и у кочевников (Бобчева 1958: 46–47, обр. 6: 1–2; Макаренко 1911: рис. 78: 7; ОАК 1898: 9, рис. 55, третий справа). В XIII–XIV вв. эти формы нигде не преобладали, некоторые кажутся архаичными. Назначение ромбических стрел в основном промысловое, но и на войне им нашли особое применение. Дважды в «Изяславе» и по одному разу в Колодяжине (Юра 1962: 10, рис. 35: 9) и на Княжей Горе найдены наконечники с ромбической прорезью в середине. В эту прорезь могли вставлять зажигательную паклю. Если это верно, то прорезные стрелы являлись средством поджога деревянных построек. Общая характеристика ромбических наконечников как восточноевропейских и домонгольских не отрицает их ограниченного использования монголо-татарами.

Тип VII. Выделяется по плоскому перу лавролистной формы. Крупные наконечники преобладают. Размеры: общая длина 6,2–11,5 см, ширина лезвия 1,8–2,7 см (редко бывают уже), вес 6–10 г. К этим стрелам приложимо то, что сказано о предшествующих. Лавролистные стрелы изредка находят в русских городах XII–XIII вв., для этого времени в целом они нетипичны³⁹. Трактовка этих наконечников как преимущественно русских и восточноевропейских не будет неожиданной.

Тип VIII. Перо раздвоено на два острия. Называются двурогими или вильчатыми срезнями. Режущий край лезвия серповидно изогнут и способен причинить глубокую и мучительную рану. Размеры: длина 6,1–15,8 см, разлет острия 2,0–3,5 см, вес 12–22 г. Вильчатые срезни найдены во многих древнерусских городах X–XIII вв. (Медведев 1959: 167, рис. 13: 26–28). Отчетливое изображение такого наконечника помещено на полях Изборника Святослава (1073 г.). Двурогие срезни в раннем средневековье распространены от Кара-Ко-

³⁸ Такие стрелы найдены в Новогрудке, Гродно, Минске, Старой Рязани, Новгороде, Плеснеске, черноклобуцких курганах Поросья.

³⁹ Основное развитие лавролистных стрел приходится на вторую половину I тыс. н. э. (ср.: Excavations 1961: pl. 40: 11, 14).

рума до Британии, и, судя по письменным и изобразительным материалам, они связаны с охотой (Литвинский 1965: 90–91). Хотя эти стрелы изображены на миниатюрах Радзивилловской летописи в сценах борьбы за города и встречены в составе воинских колчанов, однако их боевое использование сомнительно. Городищенские находки не имеют деформаций, следовательно, их применение при штурме прямо не подтверждается.

Тип IX. В него входят двушипные наконечники, с подавляющим преобладанием втульчатых над черешковыми. Как и предыдущие, это главным образом охотничьи стрелы, рассчитанные на застревание при помощи шипов в теле раненого зверя. Шипы прямые (древняя традиция) или слегка изогнутые (наподобие сабельной полосы). Размер: общая длина 6,0–10,1 см, разлет шипов 2,2–3,8 см, диаметр втулки 1,0–1,1 см, вес 16–18 г. Одна происходит из колчанного набора. Описанные стрелы связаны в первую очередь с европейским миром и начиная с меровингского времени популярны на всем континенте (Чеботаренко 1960: 143, рис. 1: 25). Восприняты славянами как западное заимствование (Sós 1961: 270). В Новгороде эти формы исчезли после 1100 г., а в Южной Руси бытовали и после 1200 г. (Медведев 1959: 161, рис. 13: 1). Производство двушипных стрел было трудоемким, что ограничивало их массовое употребление. Стрельба по боевым целям этими наконечниками не исключена (особенно образцами с короткими шипами), но, кажется, не была эффективной. Среди городищенских находок есть образцы с обломанными шипами, однако отнести все эти повреждения на счет осадной стрельбы было бы неосторожно. К востоку за пределы Восточной Европы двушипные стрелы не выходят. Они очень редки у европейских кочевников⁴⁰ и не известны у азиатских.

Тип X. Втульчатые наконечники с узким четырехгранным пером. Назначение броневой. Размеры: длина 5,1–8,6 см, ширина пера 0,4–0,6 см, диаметр втулки 0,9–1,1 см, вес 12 г. Первый случай массовой находки броневых втульчатых стрел был зарегистрирован на Екимауцком городище, погибшем где-то в начале XI в. С последующим развитием типа екимауцкие стрелы, приписываемые кочевникам, очевидно, не связаны. К тому же стрелы типа X, распространившиеся в XIII в., в первую очередь в западнорусских регионах, и конструктивно и по происхождению отличны от своих предшественников начала XI в. Речь идет о наконечниках, которые в XIII и XIV вв. стали излюбленными у центрально- и западноевропейских рыцарей. Мне известны стрелы типа X из рыцарских замков Англии (дата 1241–1263 гг.), Швейцарии (вторая половина XIII — XIV в.), Чехии (около 1300 г.) и Польши (первая половина XIII в.) (London Museum 1954: 67, typ 8, no 7; Schneider 1960: 8 и сл., taf. 12; Hejna 1962: 462, obr. 4: 8; Sarnowska 1956: 213–214, t. XLIII, 7). По-видимому, с Запада эти стрелы проникли на Русь, они открыты на Княжеской Горе, в Плеснеске, Минске, Новогрудке, Бородине (Шендрик 1958: 171, табл. VI, 7–9; Кучера 1962: рис. 12: 14; Седов 1960: 55: 3). Втульчатые броневые наконечники по своей тактической направленности близки к самострельным болтам.

Нижеследующие типы XI, XII, XIII, XIV по незначительности находок принадлежат к редким.

Тип XI. Наконечники сфероконической формы, у оконечности несколько вытянуты, но не заострены. Размеры: длина 5,5 см, ширина ударной части 1 см. Это специализированно охотничья стрела, которой убивали мелких пушных зверей, например соболя, не портя

⁴⁰ Мне известна единственная стрела типа IX из черноглобуцкого кургана у с. Пешки быв. Киевской губ.

дорогой шкурки. В московское время она называлась «томар стрельный» (Медведев 1959: 161–164, рис. 13: б). «Изяславль» — третий город после Новгорода и Киева, где были найдены два раннесредневековых томара.

Тип XII. Лезвие треугольных очертаний, трех- или четырехлопастное. Шейка длинная или отсутствует вовсе, чем и объясняется разница в длине. Размеры: длина с черешком 4,5–10,0 см, ширина лезвия 1,0–1,5 см, вес до 12 г. Один из наконечников деформирован при штурме. Эти стрелы по одной найдены также в Райках и Княжей Горе, но они не русские, а азиатские. В Китае и Монголии найдены совершенно аналогичные и при этом более древние образцы (Stein 1928: t. LXXI, Као IV. 01; Чжоу Вэй 1957).

Многолопастные стрелы свойственны предшествующим эпохам и для XIII в. архаичны. Судя по находкам, монголы в основном отказались от производства этих наконечников, очевидно по причине трудоемкости. Городищенские образцы лишней раз обнаруживают знакомство монголов с древними азиатскими формами стрел, использование которых, однако, все более сокращалось.

Типы XIII и XIV. Все наконечники втульчатые и снабжены пером ромбовидной (тип XIII) или удлинненно-треугольной формы (тип XIV). Размеры: общая длина 5,5–9,7 см, ширина лезвия 0,8–2,2 см, диаметр втулки около 1 см. Стрелы этих типов изредка попадают в западнорусских городах: Новогрудке, Гродно, Минске и Плеснеске (Воронин 1954: рис. 22: 8; Кучера 1962: рис. 12: 8)⁴¹. Происхождение этих форм в широком смысле слова западное, основанное на старых местных традициях (Nadolski 1954: 64, t. XXX, 7–8).

Ниже следуют *костяные наконечники стрел*, служившие как охотничьим, так и боевым оружием. Использование кости для стрел было знакомо и русским, и их противникам монголо-татарам. Последнее подтверждает Фома Сплитский своим замечанием о том, что монгольские стрелы были из железа и кости (Фома Сплитский 1997: 114).

Городищенские костяные наконечники подразделяются на два типа (А и Б).

Тип А. Перо ланцетовидной формы, в сечении ромбовидное. Место крепления черешка стрелы к древку имеет шероховатую поверхность. Средний размер: длина 9,5 см, ширина пера 1,3 см, его толщина 0,6 см (рис. 19: А; 20: 1–3). Стрелы описанного типа обнаружены во Вщиже, Княжей Горе, Райках, Колодяжине, а также в Прикамье и нижневожских и западносибирских кочевнических курганах XIII–XIV вв. (Спицын 1902: табл. XXVI, 11, 15; Кушева-Грозевская 1928: 27, табл. IV; Басандайка 1947: табл. 83). Вполне возможно, что монголы, не имевшие избытка железа, дополнительно прибегали и к подобного рода костяным наконечникам. Ланцетовидные костяные стрелы изготовлены очень профессионально, тщательно отшлифованы и стандартны. По затратам труда обходились они, очевидно, не дешевле, а скорее дороже железных наконечников. Версию о том, что костяные стрелы — это оружие только бедных, «которые не могли купить железных наконечников стрел ввиду их дороговизны» (Чеботаренко 1960: 149), принять нельзя.

Тип Б. Костяные наконечники различных листовидных форм. Явно подражают железным изделиям и даже снабжены круглыми тонкими черешками. Размеры не унифицируются (рис. 19: Б; 20: 4–6). Нет противопоказаний для отнесения этих стрел к русскому охотничьему оружию. В отечественных раннесредневековых древностях наконечники такого рода известны (Воронин 1954: рис. 88: 15).

⁴¹ Стрелы из Новогрудка и Минска не опубликованы. А. Ф. Медведев приводит стрелу типа XIII из Новгорода, относящуюся к первой половине XIV в. (Медведев 1959: 161, рис. 13: 2).

Рис. 20. Костяные наконечники стрел: 1–3 — тип А; 4–6 — тип Б; 7–16 — обломки наконечников

Какие общие заключения следуют из приведенной классификации наконечников стрел?

Городищенские стрелы демонстрируют впечатляющее разнообразие форм и функций. В изготовлении стрел существовала развитая специализация. Лучники-воины и охотники одновременно имели в своих колчанах и использовали разнообразный набор стрел. Ряд форм типичен для XIII в. (типы IA, II, IIБ, VA, X, A, частично типы I, VI, IX). Признаком XIII в. является массовое применение бронебойных стрел, узколезвийных срезней, стрел-стамесок, наконечников ланцетовидной формы. К XIII в. относятся также большинство особых мелких конструктивных деталей и угловатость в очертании пера и плечиков. Одним словом, россыпь «изяславльских» стрел современна своей эпохе технических исканий и нововведений.

По своим этногеографическим признакам (табл. VIII) к специально монгольским и азиатским отнесены наконечники типов IA, II, IIБ, XII, возможно типа A и части типов I, IIА, III, IV, V, VI и VIII. Все перечисленные формы были либо в неизменном виде заимствованы в Азии (иногда и в Восточной Европе), либо в соответствии с боевыми задачами несколько переработаны (типы I, II, IV). Видоизменение выразилось в сужении и удлинении лезвия, в заострении пера и придании ему повышенной проникающей и режущей способности. Основой для такого видоизменения послужили в большинстве листовидные охотничьи стрелы, веками существовавшие у разных народов до начала монгольской агрессии.

Таблица VIII. Стрелы древнего «Изяславля». Географические и этнические признаки

Типы	Азиатско-монгольские стрелы	Русские и восточноевропейские стрелы
I	Поперечное сечение лезвия квадратное	Поперечное сечение лезвия ромбовидное
IA	Полностью монгольские	
IB		Полностью русские
II Срезни узколезвийные	Полностью монгольские	
II Срезни широколезвийные		Евразийские, преимущественно азиатско-монгольские
IIA		Евразийские, в том числе русско-монгольские
IIB	Полностью монгольские	
III	Лезвие прямолинейное	Боковые стороны лезвия вогнуты
IV с резко подчеркнутыми плечиками	Преимущественно азиатско-монгольские	Частично русские и восточноевропейские
IV плавных очертаний		Русские — ?
V	Монгольские	Русские
VA		Русские — ?
VB		Русские
VI	Лезвие имеет ромбическую прорезь	Преимущественно русские и восточноевропейские
VII		Преимущественно русские и восточноевропейские
VIII	Евразийские, в том числе русско-монгольские	Евразийские, в том числе русско-монгольские
IX		Русские
X		Западноевропейские и западнорусские
XI		Русские
XII	Монгольские	
XIII–XIV		Западнорусские и западноевропейские
A	Монгольские — ?	
B		Русские

Мы не располагаем сейчас доказательствами того, что именно монголы во время европейских походов, в том числе и при штурме «Изяславля», явились изобретателями какого-либо наконечника принципиально новой формы. Однако они преобразовали боевую стрельбу из луков, сделали ее более массивной, целенаправленной и смертоносной.

Развитая специализация стрел, которая существовала на родине монгольского общества⁴², получила в эпоху внешних походов исключительно военное развитие. Сопоставляя штурмовые наконечники из «Изяславля» и Княжей Горы, можно видеть, что совпадают не только их формы, но и их количественные пропорции. Около четверти всех «изяславльских» и княжегорских стрел составили бронебойные, другую четверть образовали узколезвийные срезни, далее в равных отношениях следуют ланцетовидные и стамесковидные наконечники и затем различные листовидные формы. Из этого можно заключить, что стрельба по крепостным стенам намеренно велась стрелами разного назначения, в особенности захватывавшими большую площадь поражения и предназначенными против людей, не защищенных доспехом, но скрытых заборолами. Монголо-татары, видимо, нацеливали свое оружие как против воинов, так и в основном против наиболее многочисленных и плохо защищенных ополченцев.

Большинство найденных наконечников составляют заведомо боевые (в «Изяславле» типы I–IV, X, X, A, всего не менее 775 экз.), они обладают большой поражающей и проникающей силой. Именно эти боевые типы стрел включают самые большие серии одинаковых форм. Речь идет о массовой продукции, судя по всему, изготовленной в непродолжительный отрезок времени профессиональными оружейниками. Общими признаками боевых стрел серийного производства являются: всегда ясно выраженный упор для черешка, значительная длина и вес (в среднем 12–16 г, иногда и больше), крупный черешок, усиленная наварка края лезвия, хорошо выраженная заточенность режущего края, наконец, отчетливо различимые на пере и шейке следы зажима в тисках. Монголы со свойственной им дисциплиной и методичностью наладили в больших масштабах «конвейерное» производство стрел, при штурме городов пользовались стандартным набором наконечников и, очевидно, определенным порядком их пускания.

К городищенским русским наконечникам относятся типы IB, VI и VII и часть типов I, II, III, IV, V, VA, VB, VIII, IX, XI и Б. Многие из этих стрел типичны для охоты (типы V–IX, XI и Б) и характеризуют занятия мирного земледельческого оседлого населения.

Следует отметить также чуждые монголо-татарам стрелы западноевропейского и западноевропейского происхождения (типы X, XIII и XIV). Некоторые из этих европейских и русских стрел найдены в общей массе штурмовых и имеют деформации, полученные вследствие осадной стрельбы. Проходя по русской земле, монголо-татары, видимо, пользовались и захваченным оружием.

Итак, монгольские стрелы не были для защитников русской земли абсолютной технической новинкой. Победу принесли монголам не диковинные формы стрел, а прежде всего массовость и организованность их изготовления и применения. Городищенские находки бесспорно являются эталоном, с помощью которого и дальше будут изучать монгольские и русские стрелы.

Самострел

Среди массы городищенских стрел оказалось 17 самострельных болтов (рис. 21; табл. IX). К неприятельскому оружию их причислить нельзя. Монголы, по сообщению Платона Карпини, очень боялись баллист (Платон Карпини, Рубрук 1911: 40). Для всадников

⁴² «Сокровенное сказание» 1240 г. упоминает восемь специальных наименований стрел, соответствующих их разному назначению (Сокровенное сказание 1941: 90 и сл.; ср.: Платон Карпини, Рубрук 1911: 29).

самострелы, менее скорострельные и более громоздкие, чем луки, были неудобны⁴³. Арбалеты в первую очередь появились в странах, где были сильны тяжеловооруженные мало-подвижные строи и отсутствовала легкая конница. За этим оружием стоит европейская рыцарская традиция. На Руси самострелы впервые упомянуты в 1159 г., а примерно сто лет спустя они начали регулярно использоваться при защите городов (Кирпичников 1958: 13, 20). В отличие от Центральной и Западной Европы в русских землях самострелы всегда уступали тактическое первенство луку и стрелам. Подтверждают это и скромные по своему количеству городищенские наконечники, которые для Южной Руси сегодня являются одними из древнейших и надежно датированных.

Таблица IX. Самострельные болты

Типы	I	II	III	Всего
Количество	11	5	1	17

Болты отличаются от стрел как формой, так и их массивностью. Если обычный вес городищенских наконечников стрел 12–15 г, то вес болтов 27–55 г. Многие первые европейские арбалетные наконечники имели квадратное в поперечном сечении перо бипирамидальной формы, черешок и иногда огранку нижней части лезвия. Именно таково большинство городищенских форм (тип I, 11 находок; размеры: общая длина 9,0–12,3 см, ширина лезвия 1,1–1,4 см, вес 17–55 г, чаще около 25 г; один наконечник имеет не черешок, а втулку).

Бипирамидальные болты XIII и XIV вв. найдены в Киеве, Княжей Горе, Гродно (Шендрик 1958: 170, табл. V, 21–22; Воронин 1954: рис. 88: 2, 4, 6), они часты на поселениях Латвии и Литвы, многократно осаждавшихся крестоносцами (Шноре 1961: 46, табл. X, 13, 14), много их в Польше и Чехии (Nadolski 1954: tabl. XXXII, 6; Cofta 1953: 44–45, tabl. VI, 2). Западное происхождение этих форм на Руси, по-видимому, неоспоримо.

Особую группу составили пять втульчатых пиковидных наконечника (тип II, общая длина 11,5–13,5 см, ширина лезвия 0,9–1,5 см, сечение пера квадратное, диаметр втулки 1,3–1,4 см, вес 27–40 г). Наконечники этой формы отличались повышенной бронейбойностью, они появились в XIII в., на Руси и на Западе очень редки (London Museum 1954: 68–69, fig. 8)⁴⁴.

Один из найденных втульчатых болтов имеет обтекаемо-ромбовидное перо, в поперечном сечении также ромбовидное (тип III). Его размеры: длина 9,3 см, ширина лезвия 2,2 см, диаметр втулки 1,3 см, вес 70 г. Эта форма появилась после 1100 г. и полное развитие получила в XIV столетии (Nadolski 1954: 65, tabl. XXXII, 4; Hejna 1962: 462, obr. 4: 9–13; Sarnowska 1956: tabl. XLIII, 11, 16, 17; Бобчева 1958: 53, obr. 17: 1–3). Болты этого типа сохраняются вплоть до XVI в. и при этом вытесняют другие конструкции. Немногочисленные древнерусские аналогии из Львова и Гродно указывают на западные пути проникновения наконечников этого типа на Русь (Уваров 1910: 22 и сл., табл. XX, № 45; Воронин 1954: рис. 88: 7–8).

Витязь, погибший в районе воротной башни, стрелял из арбалета. О присутствии этого оружия свидетельствует поясной железный крюк для натяжения тетивы (длина 26 см, ширина 6,5 см, вес около 200 г, расстояние между зацепами около 3,5 см (рис. 21, справа; 22).

⁴³ Хороший арбалетчик стрелял в 3–5 раз медленнее лучника. Первые, очень редкие упоминания арбалета у монголов пехотинцев относятся к последней четверти XIII в. (Книга Марко Поло 1956: 102).

⁴⁴ Наконечник происходит из замка 1241–1263 гг.

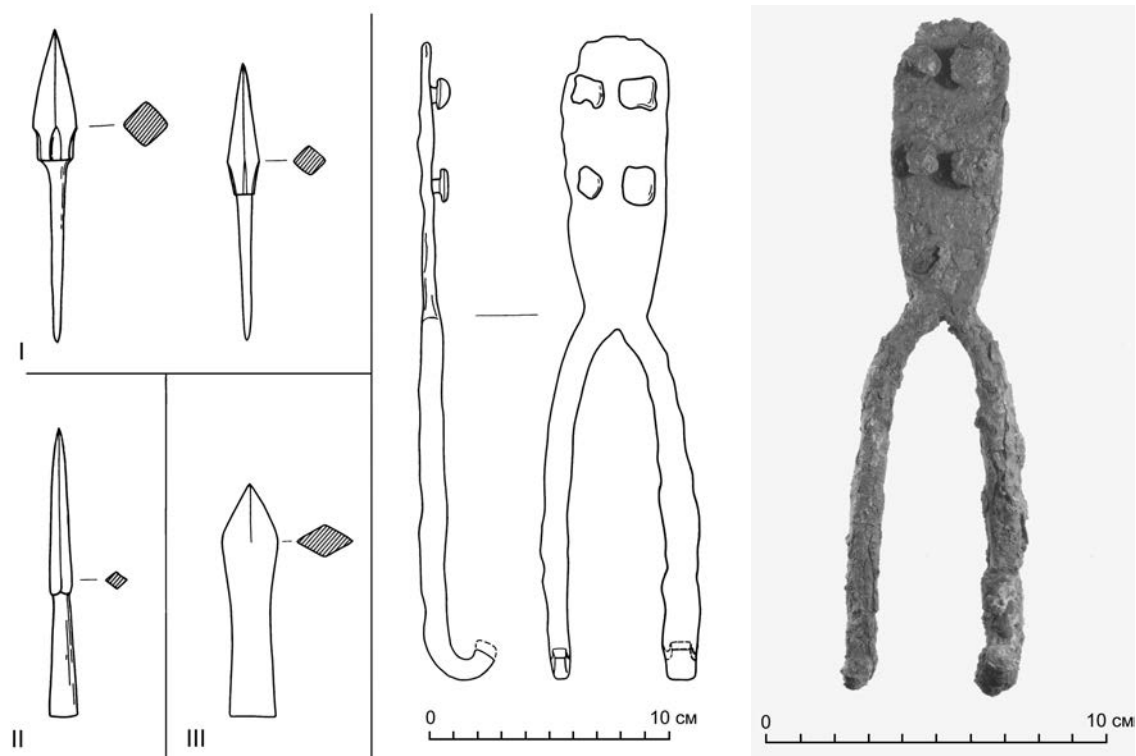

Рис. 21. Типология наконечников арбалетных болтов и арбалетный крюк

Рис. 22. Арбалетный крюк. Железо

Один конец крюка крепился к поясу, другой, раздвоенный на зацепы, скользил вдоль це-
вья. Стрелок, упершись ногой в стремя на конце ложа и поддев крюком тетиву, подтягивал
ее и зацеплял за спусковой орех⁴⁵. В европейских, в том числе русских раннесредневеко-
вых древностях «изяславльский натяжной крюк» уникален. Механическое натяжение ар-
балета начало применяться не позднее начала XIII в. (Blair 1962: 36). Старейшие натяж-
ные крюки пока найдены в шведском замке Арена, разрушенном вскоре после 1305 г.
(Alm 1947: 248).

Все известные мне изображения европейских арбалетных крюков (все с одним заце-
пом) дошли до нас в миниатюрах XIV в. (Willemin, Pottier 1839: pl. 140; Schneider, Heid
1946: taf. 11, a; Gaier-Lhoest 1962: 85). В свете этих сопоставлений «изяславльский» по-
ясной крюк, во-первых, является технической новинкой примерно первой половины XIII в.
и, во-вторых, древнейшим дошедшим до нас натяжным устройством европейского средне-
вековья. Общеευропейское значение этой находки не подлежит сомнению.

Кольчуги и шлемы

Оборонительное вооружение представлено десятью обрывками и одной целой кольчу-
гой (во фрагментах), двумя шлемами и маской-наличником, тоже во фрагментах⁴⁶.

⁴⁵ Viollet-le-Duc 1875: рис. 1 на с. 23; ср. рис. 2 на с. 25. Рисунки являются свободной авторской трактовкой изображений XIII–XIV вв., оригиналы не приводятся.

⁴⁶ Оборонительное вооружение «Изяславля» вошло в 3-й выпуск Свода древнерусского оружия: Кирпичников 1971. — Прим. К. Михайлова.

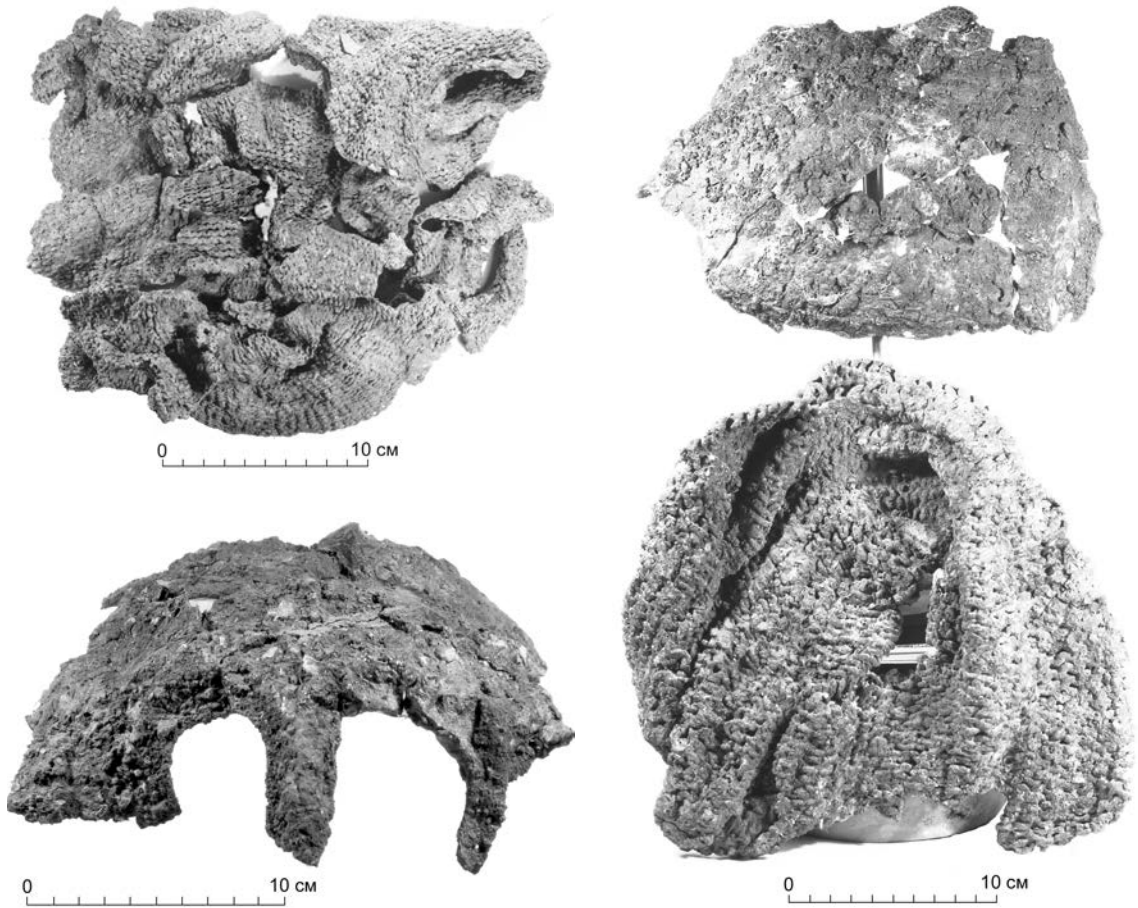

Рис. 23 (сверху слева). Кольчуга с крестом-энколпионом внутри. Железо

Рис. 24 (справа). Шлем с бармицей. Железо

Рис. 25 (внизу слева). Боевая полумаска с клювовидным носиком. Железо

Целая кольчуга (вес вместе с бармицей 21 кг, эта цифра преувеличена, так как доспех ныне представляет собой окаменевшие и спекшиеся в пламени фрагменты кольчуги вместе с приставшей землей, костями и проч.) (рис. 23) и шлем (вес 1 кг 300 г) принадлежали воину, погибшему в районе ворот (рис. 23–25)⁴⁷. Покрой перегоревшей в огне кольчуги понять не удалось. Видно, что она сплетена из плоских колец диаметром 1,5–1,6 см, шириной 0,34–0,40 см и толщиной 0,8 см. На территории городища найдены еще 95 подобных колец, включая 5 обрывков. На внешней поверхности колец иногда оттиснуты две радиальные бороздки — следы штампа. Помимо «Изяславля» плоские кольчужные кольца обнаружены в Лыкове у г. Юрьева-Польского (Гордеев 1954: рис. 9) и на Княжей Горе. По нашим наблюдениям, они были новинкой, появившейся около 1200 г. Достоинство плетения из плоских расплюснутых колец состояло в том, что они, по сравнению с обычными кругло-проволочными кольцами, в полтора-два раза расширяли сплошное железное поле доспеха, почти не увеличивая его вес. Кольчуги из плоских колец, появившиеся незадолго до монгольского нашествия, перейдут в позднее средневековье под названием байдана.

⁴⁷ К комплексу «витязя» относятся: обломки железного шлема с кольчужной бармицей, обломки железной полумаски и кольчуга с крестом-энколпионом внутри. — Прим. К. Михайлова.

Для кольчуг X–XIII вв. были типичны не плоские, а круглые проволочные кольца, наполовину склепанные, наполовину сваренные. Таких колец диаметром 1,1–1,3 см и толщиной 0,01–0,02 см в «Изяславле» оказалось около 60, включая пять обрывков. Им, кроме того, сопутствовали шесть более мелких колец диаметром 0,7–0,8 см, при толщине 0,01 см. Если первые, более крупные, были основой плетения, то вторые, более мелкие, шли на подол, бармицу, оторочку воротника и рукавов.

Что касается шлемов, то один из них (от витязя) сохранился плохо и сильно деформирован. Снаружи этот образец сплошь плакирован позолоченным серебром и снабжен полумаской и клювовидным наносником (рис. 24–25). По своему типу шлем принадлежит к куполовидным боевым наголовьям, изобретенным и существовавшим на Руси в последнее столетие перед монгольским нашествием (Кирпичников 1958а: рис. 8: 3–5).

Рассматриваемые боевые наголовья полностью скрывали голову воина и для своего времени являлись своеобразным русским эквивалентом рыцарского горшковидного шлема. Второй шлем (еще не реставрирован) имеет куполовидную форму, окологлазные и наносные пластины (в обломках, система прикрепления неясна) и, вероятнее всего, относился к тому же типу, что и первый.

Интереснейшей находкой является пришлемный железный наличник (высота 11 см, ширина 15 см, края обломаны) (рис. 26)⁴⁸. Эта маска, с портретной реалистичностью передающая черты человеческого лица, служила художественно оформленным забралом шлема. Помимо защитных свойств данная принадлежность доспеха, возможно, наделялась свойствами апотропея и в бою выделяла командира и устрашала неприятеля. Сделана личина как боевая достаточно прочно и закономерно могла родиться в эпоху, когда оружейники искали полной защиты головы.

Очертания губ, носа и глаз, окологлазные валики, подчеркнутость ноздрей, восемь носовых отверстий для дыхания — все это роднит нашу маску с такими же двумя образцами первой половины XIII в., происходящими из черноклобуцких курганов Киевского Поросья (Там же: рис. 7: 1–3). Подобные личины приписывали кочевникам. Однако однотипные маски за пределами Среднего Приднепровья найдены в Херсонесе (Пятышева 1964: табл. 1)⁴⁹ и в 1958 г. в «Изяславле». Зона распространения антропоморфных боевых масок все больше раздвигается. У русских, кочевников, в том числе монголов, существовали свои формы прикрытия лица (полумаски, носовые стрелки), поэтому вышеназванные изделия по происхождению не связываются ни с Русью, ни с ее соседями и врагами. Изготавливались ли эти личины в причерноморских или восточносредиземноморских городах, ответят будущие исследования.

Итак, подбор городищенского защитного вооружения свидетельствует о существовании состоятельных тяжеловооруженных воинов, снаряжавшихся в специфических условиях русской и восточноевропейской военной практики XIII в. все более закрыто и надежно.

⁴⁸ На фотографии из архива ИИМК РАН и на рисунке из личного архива А. Н. Кирпичникова антропоморфная боевая маска зафиксирована после первой реставрации 1960-х гг. В настоящее время внешний облик маски, находящейся в экспозиции Государственного Эрмитажа, заметно отличается от первоначального, вероятно, вследствие повторной реставрации. — *Прим. К. Михайлова.*

⁴⁹ Не проверив фактов, Н. В. Пятышева безосновательно отнесла «изяславльскую» маску к позднеантичному времени (Пятышева 1964: 24). С основными взглядами Н. В. Пятышевой относительно пришлемных масок раннего средневековья я не согласен (Кирпичников, Черненко 1966: 214–217).

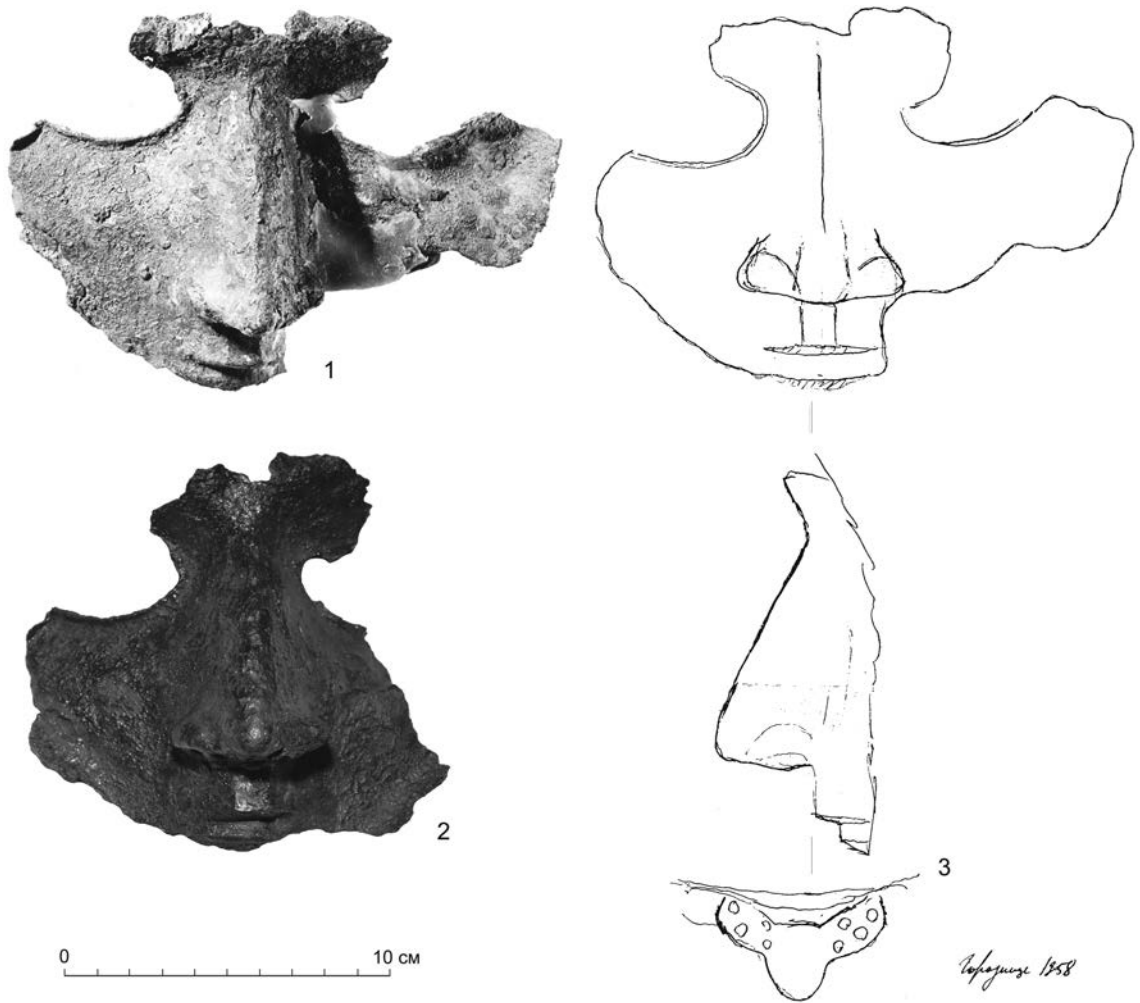

Рис. 26. Антропоморфная боевая маска: 1 — фото: НА ИИМК РАН, ФО, I 54213; 2 — фото К. А. Михайлова (современное состояние); 3 — рисунок из архива А. Н. Кирпичникова

Удила и подковы

Об «изяславльской» конной дружине свидетельствуют как отдельные виды оружия, так и все, связанное со снаряжением боевого коня. В ряду таких изделий удила, подковы, скребницы, пряжки от подпружных ремней, которые универсально использовались и в мирном, и в военном быту. Специально эти вещи лучше рассмотреть в другом месте, здесь же ограничимся краткими замечаниями об удилах и подковах. Всего было найдено 193 однотипных целых (15 экз.) и сломанных удил, обычных для всего раннего средневековья⁵⁰, с двумя составными звеньями и двумя кольцами, чаще всего расположенными симметрично⁵¹. Выделяются два экземпляра с одним слегка изогнутым звеном. Удилами без перегиба

⁵⁰ У городищенских находок преобладают звенья, квадратные в поперечном сечении. Возможно, это датирующий признак.

⁵¹ Встретились следующие исключения: одно удило неравноплечное, одно — с кольцами разной величины. Упомянем также два характерных для XIII в. прямых стержневидных псаля (ср.: London Museum 1954: 80, fig. 19a).

русские пользовались лишь изредка, более свойственны они кочевникам (типичные комплексы X–XI вв.) (Плетнева 1958: 156).

На «изяславльском» городище открыто 32 подковы (лишь одна целая) и много подковых гвоздей. Подковы несколько различны по размеру, но сходны по типу. Пластинчатое полукружие оканчивается шипами, имеет волнистый наружный край и пробито шестью, реже восемью отверстиями для пропуска гвоздей (рис. 27: 1–7). Еще недавно русские раннесредневековые подковы рассматривались как диковинка и анекдотически приписывались рогатому скоту (Гончаров 1950: 89).

Благодаря новгородским раскопкам выяснилось, что на Руси коней стали подковывать не позже XI в. (Медведев 1959: 190, рис. 22: 8). Состояние этого дела у нас не так уж отличалось от общеевропейского. В Западной и Южной Европе подковы появились после долгого перерыва в VIII–X вв. и столетием позже стали регулярно использоваться в ряде мест (Vikić, Walter 1955: 23)⁵². Эта конская принадлежность характерна для земель с торговыми городами, твердо накатанными дорогами и тяжелогруженными купеческими караванами. Для дорожных коней, идущих с поклажей, подковы были необходимы. Военное назначение раннесредневековых подков дискуссионно. Высказано мнение, что дружинники, а также смерды своих лошадей не подковывали (Musianowicz 1959: 259–264). Исключение могли составлять кони, предназначенные для тяжеловооруженных всадников. Легендарный конь князя Олега на миниатюре Радзивилловской летописи изображен подкованным. Характерно, однако, что ни в погребениях раннекиевских дружинников, ни в сельских поселениях подковы не обнаружены. Степняки, в том числе монголы, не употребляли подков вплоть до XIV в. (Strakosch-Grassman 1893: 28; Сборник материалов 1941: 102). Переходим теперь к всадническому снаряжению боевого класса.

Шпоры

Ни в одном средневековом европейском пункте, насколько мне известно, не найдено столько более или менее одновременных шпор, как в «Изяславле». Признаться, было неожиданным найти 270 шпор в городке, расположенном не в рыцарской Европе, а не так далеко от края восточной степи. Совокупность этих городищенских находок может конкурировать с коллекциями национального масштаба. К примеру, во всей Польше, по недавним данным, было изыскано 218 шпор X–XIII вв. (Hilczarówna 1956). «Изяславльский рекорд», разумеется, не принижает способности других народов к верховой езде, он лишь иллюстрирует небывалую полноту материала и богатые исследовательские возможности.

Средневековые шпоры — признак феодально-организованных конных воинов, знак рыцарского ранга и достоинства. В Западной Европе эта всадническая принадлежность по своему символическому и общественному значению конкурировала с мечом. Шпоры (вместе с мечом) надевались при посвящении в рыцари, жаловались вассалам и преподносились в знак особого расположения. Наоборот, разжалование рыцаря сопровождалось снятием шпор. По наименованию шпор назывались рыцарские ордена и битвы (например «дни шпор» под Куртрэ в 1302 г.) (Ibid.: 128–131).

⁵² Авторы указывают, что подковы с волнообразным краем, подобные городищенским, доживают до XIV в.

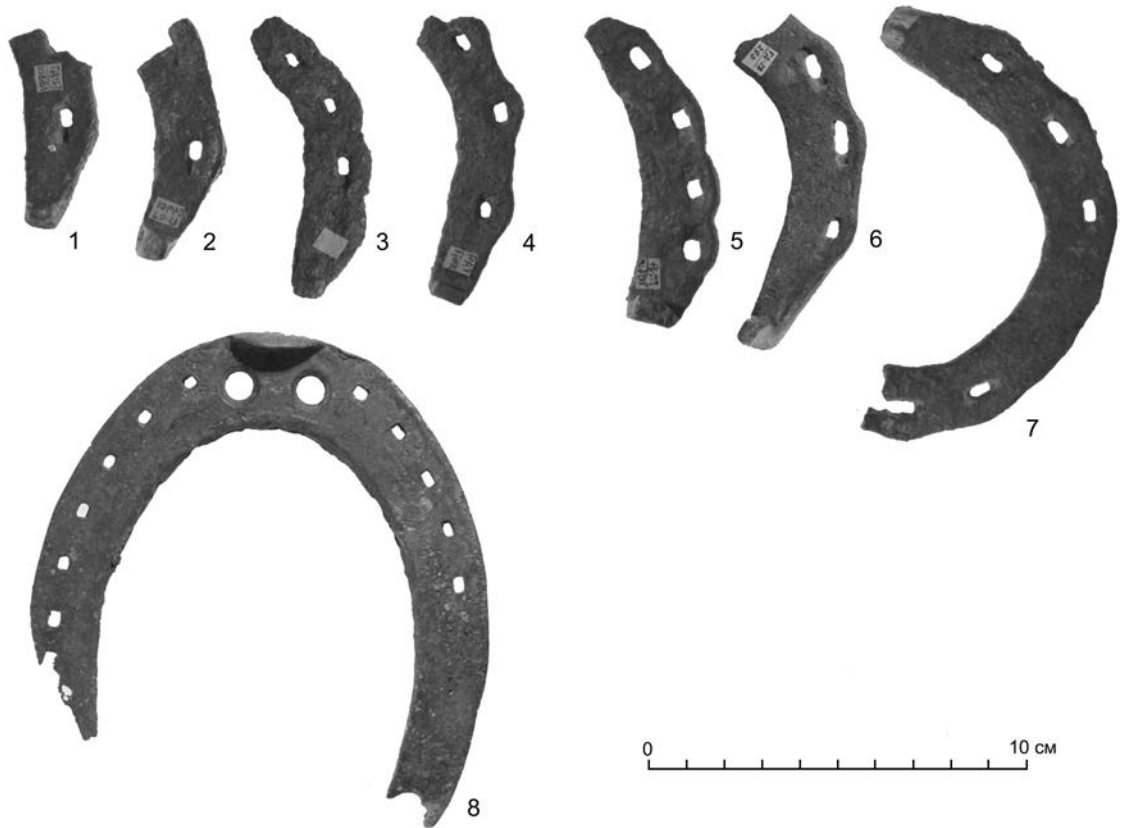

Рис. 27. Разновидности подков: 1–7 — подковы с волнистым краем; 8 — подкова с гладким краем. Железо

Культ шпор в древнерусском воинском быту проявлялся, по-видимому, не так сильно, как на Западе. Однако как в рыцарских замках, так и в русских городах, в том числе и «Изяславле», по находкам шпор можно подсчитать количество находившихся там привилегированных конных воинов. Итак, шпора была неперменным атрибутом профессионального кавалериста, но нельзя ли пойти дальше и определить по этой принадлежности войсковую и тактическую спецификацию последнего? «Изяславльские» материалы впервые позволяют предпринять попытку такого рода.

В Европе шпора как средство понуждения и наказания коня особенно распространилась в эпоху выделения конницы в качестве главного рода войск. Следует отметить, что для боевого коня XII–XIII вв., часто закрытого защитными приспособлениями, ни шенкель⁵³, ни уклады корпуса, ни поводья не были таким сильно и точно действующим сигналом, как шпоры.

Эволюция шпор связана с вооружением всадника, его посадкой, седловкой, способами борьбы. Каролингские шпоры имели дугу и шип, расположенные в горизонтальной плоскости. Нога кавалериста с таким приспособлением в несколько согнутом виде была свободно опущена вниз и касалась бока лошади по линии седла (Müller-Hickler 1923: 6–13). Со второй половины XI, особенно в XII в. в связи с появлением копейного тарана, сплошь бронированных частей и усилением устойчивости в седле при сшибках, одетая в стремя

⁵³ Шенкелем называется внутренняя, обращенная к лошади, сторона ноги всадника от колена до щиколотки.

прямо нога бойца выносится вперед для упора и вместе с тем изгибается сначала шип, затем дуга, причем шип получает заостренно-пирамидальную форму (Zschille, Forrer 1891: 11–12; Hilczerówna 1956: 125–126). Отныне шпора своей закругленной частью надевается несколько выше уровня пяточного выступа, а ее прилегающая к ноге часть (если смотреть сверху) становится похожей не на букву U, как прежде, а на букву V. При ношении такой шпоры шип направлен вниз, а дуги (если смотреть сбоку) изогнуты по направлению от щиколотки к подошве. Чем дальше вперед выставлялись ноги, упирающиеся в стремяна (носки достигали линии передних ног лошади), тем более ограничивалась свобода движения шпор, тем круче (в XII в. еще волнообразно) изгибались их дуги и шип. В XIII в. этот процесс породил целый ряд сложно и круто изогнутых форм с сильным уклоном шипа, что в конечном итоге явилось следствием прогрессирующей мощи ударного напора пиконосной конницы в бою. С удлинением и заострением шипа появилась опасность травм коня при прищипывании. Оружейники борются с этим сначала при помощи шарообразных утолщений шипов, манжетов-ограничителей и, наконец, предлагают великое, простое, для коня действенное и в то же время гуманное изобретение — шпору с колесиком. Описанное выше развитие раннефеодалных шпор до сих пор считалось действительным для Центральной и Западной Европы. И вот оказывается, что городищенские находки представляют это же развитие и притом значительно детальнее.

При классификации наших шпор учитывалось не только устройство их рабочей части — шипа, но и форма петель, отделка, вес, сечение и изгиб дуг. Детали разных типов шпор оказались взаимопереходящими, среди них по возможности отыскивались характерные и преобладающие. Излюбленным украшением городищенских шпор была серебряная, медная, реже золотая инкрустация в виде рядов небольших точечных выпуклостей. Эта декорация, по-видимому, специфически русского происхождения и указывает на местный характер изделий. Западный по возникновению способ, заключающийся в равномерном распределении полос цветного металла (особенно меди), на городищенских изделиях редок. По-видимому, довольно часто употреблялось полное серебрение наружной поверхности шпор. Покрытие, выполненное часто в технике амальгамирования, а не в технике насечки, было недолговечным и быстро разрушалось в неблагоприятных условиях. Вот почему вместо сверкающих золотом и серебром изделий в раскопках нам достались часто прозаические, неприкрыто железные вещи.

Только четыре городищенские шпоры были найдены попарно. Не исключено, что среди одиночек, оказавшихся в разбросе, существовали комплектные экземпляры. Утверждать, что древнерусские всадники пользовались одной шпорой, вряд ли верно. Каковы же типы городищенских шпор (рис. 28; 29, табл. X)?

Таблица X. Шпоры

Типы	Архаические (III в. н. э.)	I	II	III	IV	IVA	V	Тип неопределим	Всего
Количество	2	2	50	103	61	35	2	15	270

Наиболее древними и архаическими кажутся: одна горизонтальная посеребренная шпора с притупленным шипом и другая такого же вида, только несколько изогнутая посередине длины (тип I, длина 14,1–16,1 см, ширина 7,3–7,8 см, длина шипа 2,5–5,0 см, его ширина 0,5–1,0 см) (рис. 28). Первая форма называется викингской, а точнее каролингской, и в Средней

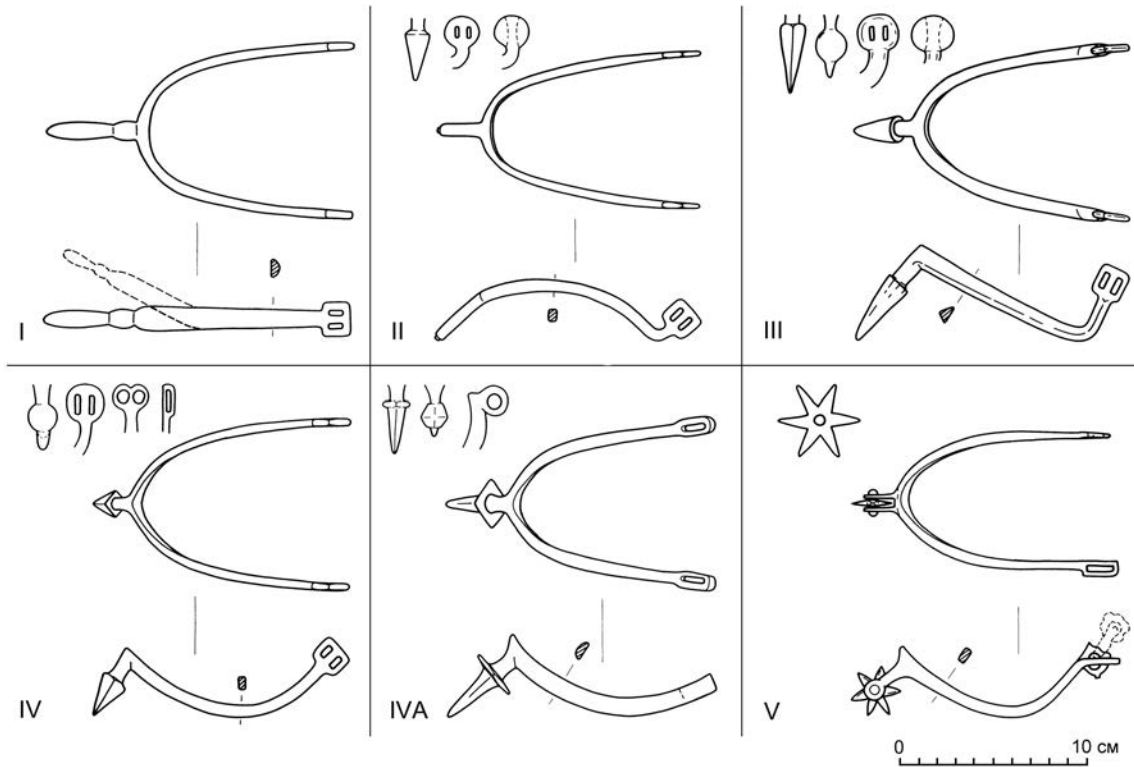

Рис. 28. Типология шпор

и Северной Европе датируется X — спорадически первой половиной XI в., вторая, для тех же земель, относится преимущественно ко второй половине XI в. (Hilczarówna 1956: 30–32, tabl. 1, 2). Примеры из Латвии (Шноре 1962: 581), Новгорода (Арциховский 1958: 229, рис. 1: 6), Минска, Новогрудка и «Изяславля» показывают, что восточноевропейские образцы типа I на полтора-два столетия пережили западные. Городищенские находки в этом ряду одни из самых поздних.

При этом речь идет не о длительном сохранении вещей X в., а об их поздних рецидивах (на это указывает свойственная XII–XIII вв. отделка предметов). Длительное существование в Восточной Европе шпор каролингского типа (в общем исчезнувших на Западе в начале XII в.) объясняется не военной отсталостью, а особыми тактическими условиями, при которых приемы легковооруженной борьбы не требовали обновления традиционных средств управления конем.

Горизонтальные шпоры каролингского типа в богатой техническими новшествами русской действительности XII–XIII вв. были лишь эпизодом. Главенствующее положение прочно заняли шиповые шпоры с изогнутыми дугами. Первыми в этом ряду мы поставили образцы с плавными изгибами дуги, шипом, находящимся в плоскости этого изгиба, и коленчато поставленными петлями (тип II, 50 экземпляров, длина 12,0–14,1 см, ширина 7,4–9,0 см, длина шипа 2,5–4,9 см, чаще 2,5–2,9 см, его ширина 0,7–1,2 см, средний вес около 50 г). Шип чаще всего имеет форму цилиндра с небольшим выступом на торце (пирамидальный еще редок). Круглые петли дуг редки, преобладают прямоугольные. Некоторые шпоры отделаны серебряными и медными выпуклостями и фигурной насечкой по железу (рис. 29: 9–10). Один экземпляр инкрустирован медными полосками. Три шпоры типа II,

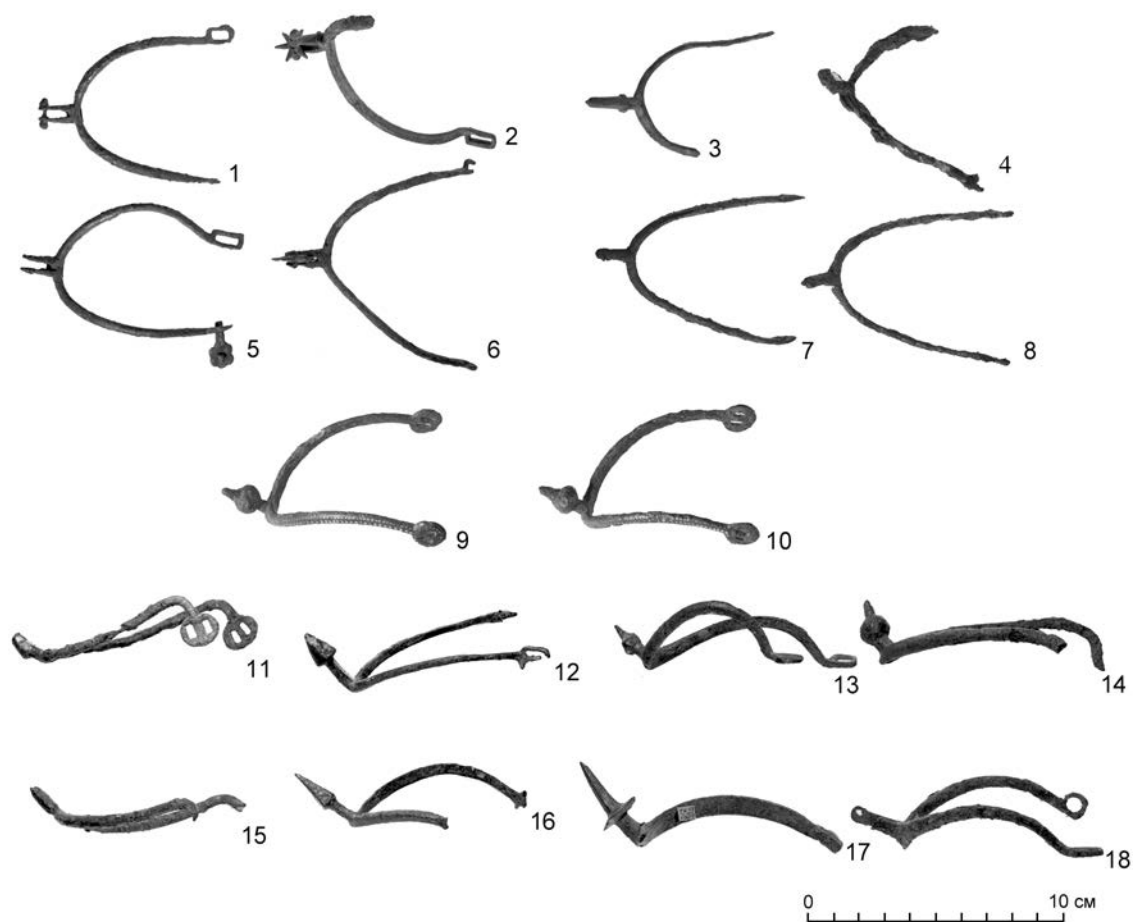

Рис. 29. Образцы шпор: 1–2, 5–6 — тип V (шпоры с колесиком); 3–4, 7–8 — тип II; 9–10 — тип IV (инкрустированные шпоры); 11–18 — типы III–IV. Железо

по-видимому детские, отличаются малыми размерами (длина 10–11 см, ширина 4,7–5,0 см, длина шипа 2,0–2,3 см, его ширина 0,5–0,6 см). Среди всей массы шпор образцы типа II самые легкие, они имеют тонкую проволочную, можно сказать, ажурную конструкцию и мягкие плавные очертания в боковом и верхнем видении. Подобные формы обнаружены также в Колодяжине (Юра 1962: рис. 36: 5). На Западе, за исключением Венгрии (Géza 1898: 60–64, t. III, 19), они не встречаются. Можно предположить, что перед нами шпоры лучников-стрельцов — самой подвижной и маневренной части русского и венгерского войска.

В нижеследующей группе также попадаются довольно легкие шпоры, но явно преобладают массивные угловатые экземпляры, в профиле напоминающие букву Z (тип III, 103 экземпляра, размеры: длина 11,2–15,0 см, чаще 12,5–14,0 см, ширина 6–9 см, чаще 7,4–9,0 см, длина шипа 2,2–4,5 см, чаще 3,0–3,5 см, его ширина 0,9–1,7 см, средний вес 70–80 г). Прямоугольные или круглые петли коленчато изогнуты (как у типа II), четырехгранный пирамидальный шип (иногда шарообразный в основании или граненый) наклонен к плоскости дуг на 90–130°, чаще 110°. Поперечное сечение дуги обычно треугольное (рис. 29: 11, 13). В группе оказались две парные шпоры, пять детских (размеры: длина 8,7–10,5 см, ширина около 5 см, длина шипа 1,6–2,9 см, его ширина 1,0–1,5 см), две шпоры с расширением

в средней боковой части скоб, наконец, несколько экземпляров, украшенных точечной серебряной инкрустацией.

Из всех древнерусских шпор описанные — самые тяжелые, прочные и крупные, они предназначались, в отличие от форм предшествующего типа, не иначе как тяжеловооруженным всадникам. Шпоры типа III найдены помимо «Изяславля» в Новогрудке, Браславе (Алексеев 1960: рис. 46: 26), Новгороде (Медведев 1959: рис. 21: 7), Ковшарово (Лявданский 1926: табл. IV, 17), Воишине (Седов 1960: рис. 37: 8), Минске⁵⁴, Плеснеске (Кучера 1962: рис. 13: 1 и 8), Райках, Колодяжине (Юра 1962: рис. 36: 6), и всюду, где материал надежно датирован, они относятся к первой половине XIII в. В Швеции, Эстонии и Польше подобные изделия охватывают время примерно от середины XIII в. до начала XIV в. (HilczeroŃna 1956: 57–58, tabl. VII). Следовательно, русские и не в последнюю очередь «изяславльские» находки пока являются древнейшими из ныне известных. Если образцы типа III связывать с тяжеловооруженными кавалеристами первой половины XIII в., то не значит ли это, что по развитию тяжеловооруженного рыцарства древнерусские города не только не отставали от западных, но и были в этом отношении одними из передовых? Ответственность и некоторая неожиданность этого вывода требует дальнейших розысков и подтверждений.

Если на примере шпор типа II и III улавливаются отличия в снаряжении различных прослоек войска, то последующие формы не столь отчетливо разграничиваются в тактико-войсковом отношении. Таковы образцы с полукруглым в профиле изгибом дуг (как у типа II) и шипом, лежащим не в плоскости этого изгиба, а наклоненным (как у типа III) под прямым или тупым углом (тип IV, 61 экземпляр, размеры: длина 11,8–14,7 см, чаще 12,7–13,7 см, ширина 7–9 см, длина шипа 2,3–4,5 см, чаще около 3,5 см, ширина 1,2–1,7 см, вес 50–60 г). В группе различаются 33 экземпляра с граненым пирамидальным шипом и прямоугольными в сечении дугами и 14 экземпляров с шарообразным в основании шипом и уплощенными в разрезе скобами. Петли у всех без коленчатого перегиба, прямоугольные, но встречены и круглые, а также с одной прямоугольной и двумя круглыми прорезями (до сих пор рассматривались петли с двумя стандартными продолговатыми прорезями, через которые продевался ремешок). Среди шпор с шарообразным шипом встречены две парные шпоры с золотой точечной инкрустацией, один обломок с такими же золотыми украшениями, одна детская шпора (длина 9,2 см, ширина 4,5 см, длина шипа 3 см, его ширина 1,3 см) и образцы с несимметричными по устройству петлями и округло пластинчатыми в разрезе дугами (рис. 29: 9–10, 17–18). Шарообразное расширение шипа служило своеобразным ограничителем, мешающим проникновению острия в бок коня.

Шпоры с полуциркульными дугами типа IV кроме «Изяславля» найдены в Новогрудке, Новгороде и Воишине и всюду датируются первой половиной XIII в. (Медведев 1959: рис. 21: 6; Седов 1960: 83). Время бытования этих форм, включая разновидности, однако, более широкое. Судя по латвийским, польским, венгерским и немецким аналогиям, шпоры типа IV появились во второй половине XII в. и удерживались до начала XIV в. (Шноре 1962: 583, рис. 5: 1–2, 4; HilczeroŃna 1956: 53–57, tabl. VI; Zschille, Forrer 1891: Taf. V, 7–9, VI, 3, 5–6, 9, VII, 5).

Пример шпор типа IV с шарообразными в основании шипами показывает, что попытки ограничить травмирующее действие острия были предприняты уже во второй половине XII в. По-видимому, в это же время появляются шипы с манжетами, сначала небольшими,

⁵⁴ Сведения из личного архива А. Н. Кирпичникова.

а затем все более широкими. Шпоры с манжетами на шипах при сохранении полуциркульного изгиба дуг имеют ряд особенностей и широко представлены в «Изяславле» (тип IVA, 35 экз., размеры тождественны типу IV, средний вес 60–65 г).

Поперечное сечение дуг не прямоугольное, а уплощенно пластинчатое. Зацепы петель становятся однопрорезными, круглыми с одной стороны и прямоугольными с другой. Появляется металлическая пряжка для стягивания ремешка, продетая в одну из боковых петель. Шпоры с манжетами на шипах, предназначенные для сильного давления на бок лошади, в русских, прибалтийских и западноевропейских городах относятся ко второй половине XII — второй половине XIII в. (Шноре 1961: рис. 44, верхнее правое изображение; Voeheim 1890: Abb. 146)⁵⁵. Что касается обычного у городищенских изделий широкого пластинчатого манжета, то он на Западе еще после 1250 г. являлся новинкой, далеко не общепризнанной (Herrnbrot 1958: 115, Abb. 58).

Шпоры с манжетами показывают, что удлинение и заострение шипа не могло продолжаться беспредельно и, наконец, вызвало предохранительное противодействие. Если приспособление дуг к форме ноги достигло необходимого совершенства, то трансформация шипа оказалась в плену между крайностями наказания коня и его защиты. Устройством, которое разрешило эту проблему, была шпора с подвижным зубчатым колесиком, точнее сказать, звездочкой. Звездочка повысила эффект и чуткость управления и при умелом использовании не причиняла ранений коню. Колесная шпора дожила почти до наших дней и для своего времени явилась открытием, «делающим эпоху». Начальная история этого западного изобретения до сих пор не ясна и загадочна. Как писал Р. Форрер, между шиповыми и колесными шпорами нет переходных форм, «которые бы восполнили пробел между вращающимся колесиком и шипом и объяснили бы появление звездочки» (Zschille, Forrer 1891: 12). Городищенские находки показывают в новом свете международную загадку появления колесных шпор.

В «Изяславле» найдено 12 колесных шпор и их частей, а именно: пять экземпляров (из них лишь 2 целых) со звездочкой⁵⁶, четыре экземпляра с утраченной звездочкой (о ней свидетельствует прорезь и ось вращения), наконец три шестилучевых звездочки отдельно (тип V, длина без звездочки 12,0–14,2 см, ширина 7,4–9,5 см, длина держателя звездочки 2,3–3,0 см, диаметр последней 2,5–4,2 см, вес около 60 г) (рис. 29: 1–4). Возможно, что к описанным шпорам относятся две металлические пряжки для затягивания подошвенного ремешка. Шпоры с колесиками обнаружены в разных точках городища, в том числе и в завале сгоревших клетей, следовательно, их принадлежность к более позднему времени исключается. Описанных шпор найдено меньше, чем каких-либо других, видимо, они появились незадолго до гибели города и не успели снискать широкой популярности. Об этом же свидетельствуют и особенности самой конструкции. По сравнению с образцами XIV–XV вв., найденные на городище шпоры принадлежат к древнейшему виду; среди них отсутствуют звездочки, имеющие свыше шести лучей (в 20-х гг. XIV в. количество лучей дошло до 24), нет расширения-козырька в месте прикрепления шипа (в XIV в. он обычен), нет длинного и изогнутого держателя колесика (развивается с XIV в.), нет симметричных по устройству двойных круглых петель (черта XIII–XIV вв.). С другой стороны, городищенским находкам присущи такие признаки шпор типов IV и IVA, как полуциркульные или криволинейные

⁵⁵ Шпоры с манжетами на шипах найдены в Райках и Владимире-Волыньском (Rauhut 1960: 255, tab. XXIV, 10–11).

⁵⁶ Одна шпора снабжена бронзовой звездочкой.

в профиле дуги, заканчивающиеся одной прямоугольной, другой круглой петлями. Таким образом, если судить по устройству дуг и петель, то можно сказать, что появление колесных шпор в «Изяславле» было подготовлено развитием шиповых⁵⁷. Учитывая новизну и относительную немногочисленность городищенских колесных шпор, их можно датировать 1230 г. и по конструкции их дуг связывать с шиповыми. Если предложенная дата верна, то «изяславльские» звездчатые шпоры выдвигаются в качестве древнейших, известных до сих пор в Европе. Господство колесных шпор наступает со второй четверти XIV в. В связи с этим исследователи полагали, что они появились в Европе около 1300 г. (Boenheim 1890: 224, ср.: 227; Zschille, Forrer 1891: 12–13; Oakeshott 1960: 227, fig. 136). В результате настойчивых поисков дата распространения этого изобретения несколько удревнилась. Достоверные данные о появлении шпоры с колесиком следующие: в Англии — 1285 г. (London Museum 1954: 103–105), во Франции — середина XIII в. и около 1280 г. (Willemin, Pottier 1839: pl. 128; Hilczerówna 1956: 65)⁵⁸, в Германии — 1265 и 1291 гг., в Швеции — где-то между 1257–1311 гг. (Hilczerówna 1956: 64–65), в Швейцарии и Польше — последняя четверть XIII в. (Schneider 1946: 36; Hilczerówna 1956: 64, 66), в Чехии — конец XIII в. (Hejna 1962: 460, obr. 1: 7; Polla 1962: 132, obr. 103). Приведенная хронологическая анкета основана на вещественных и изобразительных материалах и фиксирует появление колесной шпоры во второй половине XIII в. как вполне сложившейся. Следовательно, само событие можно отодвинуть к несколько более ранней поре. В этой связи и заявление Г. Шнейдера о том, что колесная шпора фактически находилась в употреблении в середине XIII в. (Schneider 1946: 36), уже не покажется чересчур смелым. «Изяславльские» находки устанавливают появление колесной шпоры еще десятилетием ниже, то есть до 1241 г. Достигнута ли здесь нижняя ступенька хронологической лестницы замечательного открытия, сегодня еще неизвестно, во всяком случае, налицо пока самая древняя дата появления колесной конструкции шпор на европейском континенте. Если к этому добавить, что колесные шпоры, приблизительно одновременные городищенским, найдены также в Киеве, Райках, Княжей Горе, Новогрудке, Ковшарове и Бородине (Хойновский 1896: 174; Лявданский 1926: табл. IV, 16; Седов 1960: 122, рис. 57: 9)⁵⁹, то «изяславльский» прецедент будет не так уже одинок, и сомнения в появлении новой формы шпоры в 1230–1240-е гг. теряют силу. В археологической литературе датировка колесных шпор 1300 г. стала традицией, которую ныне следует пересмотреть, и трудно предусмотреть все последствия, к которым приведет передвижка дат. Теперь многое будет зависеть от того, что смогут ответить «изяславльскому вызову» западные оружиеведы. Вопрос о том, откуда так рано появилась на Руси колесная конструкция и как она распространялась, — дело будущего исследования.

Мы не беремся сейчас подробно судить о том, что конструктивно внесли русские и в том числе «изяславльские» мастера в развитие европейских шпор. Поскольку последние в массовом количестве изготавливались и украшались на месте, этот вклад может оказаться немалым. На первом этапе исследования шпор важно дать общую оценку самому явлению.

⁵⁷ Что касается самого шипа, то обогащение его вращающимся элементом действительно кажется довольно внезапным актом. Подготовительных стадий в местном материале нет.

⁵⁸ Шпора с колесиком изображена на печати Жана де Бури (1211 г.) (Demay 1875: fig. 78). Проверить этот факт мне не удалось.

⁵⁹ Находки из Киева, Райков, Княжей Горы и Новогрудка не опубликованы.

Городищенские шпоры свидетельствуют о том, что их владельцы были знакомы с самыми современными европейскими техническими новинками. Более того, ряд форм шпор фиксируется в «Изяславле» даже раньше, чем в западноевропейских замках (типы III, V, отчасти IVA). Разнообразие шпор свидетельствует об их развитой специализации и приспособлении для мягкого и сильного нажима, для легко- и тяжеловооруженного всадника (типы II и III). Ни в искусстве управления конем, ни в оснащении его предохранительным вооружением (о преодолении последнего свидетельствуют длинные шипы типов шпор III, IVA, отчасти V), ни в напоре при копейных сшибках (о выдвинутых вперед ногах, упертых в стремяна, свидетельствует наклон шипа шпор типов III–V) «изяславльские» всадники не только не отставали от своих западных современников, но и по степени восприимчивости и разнообразию использованных конструкций были одними из передовых. Коллекция «изяславльских» шпор предстает как показатель высокой дружинной военной культуры и надолго останется эталоном для датировки русских и зарубежных археологических комплексов. В этом непреходящее общеевропейское значение «изяславльских» находок.

Плети

В «Изяславле» найдены одно бронзовое и два костяных навершия плети (рис. 30). Подобные вещи изредка попадаются в других русских городах, например в Новгороде, и в кочевнических курганах XII–XIII вв. Речь идет о нагайках — средстве управления конем «по-восточному», исключая шпоры. Способ езды «по-восточному» проник на Русь от степных соседей, особенно развился в послемонгольское время и местами дожил до наших дней (Денисова 1925: 125–131). Восточной манере езды присущи: опора полусогнутыми ногами на стремяна, легкое седло без задней луки, управление конем главным образом при помощи плети, отсутствие шпор. В X–XIII вв. на Руси преобладал, очевидно, «западный» способ, основанный на опоре на седло, снабженное передней и задней лукой (стременина в этом отношении выполняли вторичную роль, в них упирались вытянутые ноги, вынесенные вперед), и на управлении конем по шенкелю с развитым применением шпор (также поводьями и уклонениями корпуса). Восточный всадник легко привставал на стремянах и мог свободно оборачиваться и стрелять из лука назад. Западный кавалерист зато прочно сидел в седле, средняя часть его туловища была неподвижна, в движении находились голени (и, как следствие, шенкель) и в верхней части пояса⁶⁰. На территории России описанные две манеры езды (в разных вариациях) сосуществовали исторически. Начало этого симбиоза, как видно на примере «Изяславля» и других городов, уходит в раннее средневековье.

Стремяна

Стремяна, так же как и шпоры, были неотъемлемой принадлежностью военного всадника. Так же как и шпоры, различные в конструктивном отношении стремяна отражают различные тактические приемы, а значит, и прослойки войска (рис. 31–32, табл. XI).

⁶⁰ Разъяснением этого вопроса я обязан полковнику Е. Е. Колосову.

Рис. 30. Костяные наверхия плетей

Тяжеловооруженным, по-видимому, принадлежали стремяна с прямой или чуть вогнутой подножкой и арковидной дужкой с прямоугольным и трапециевидным выступом для петли (тип I, 15 экземпляров, высота 13,5–15,0 см, ширина 13–14 см, ширина овальной и прямоугольной в плане подножки 5,5–6,0 см, вес 200–240 г). В рассматриваемой группе опознано одно детское стремя (высота 8,9 см, ширина 9 см, ширина подножки 3,6 см, вес 70 г). Несколько образцов орнаментированы фигурной насечкой по железу и точечной инкрустацией вдоль дужки. Стремяна рассматриваемого типа восходят к формам X–XI вв., но для XII — первой половины XIII в. они вполне своеобразны и свойственны восточно-европейским и русским древностям (Киевское Поросье, Райки, Колодяжин, Бородино) (Ленц 1902: рис. 1; Седов 1960: 113, рис. 57: 10). Характерно нахождение стремян типа I в местах, где жили и были похоронены военачальники и высшие дружинники-землевладельцы. Ни на Западе, ни на Востоке стремяна описанной выше формы мне не известны и являются, по-видимому, специфически русскими или шире — восточноевропейскими. К этим формам примыкают стремяна с прямой подножкой и скруглено-треугольной дужкой (тип IA, 2 экземпляра, размеры: высота 12,2–12,7 см, ширина 13–14 см, ширина подножки 5,0–5,5 см, вес около 180 г). Стремяна типа IA и территориально, и хронологически распространены гораздо шире тех, которые выделены в тип I. Их находят от Забайкалья до Кубани, Вольни и Смоленщины (Басандайка 1947: табл. 47: 3 и 91, 41; Гаврилова 1965: 47, табл. XXX, 5; Лявданский 1926: табл. IV, 20). А в Поволжье, Нижнем Поднепровье и Поднестровье эти стремяна неоднократно сопровождалась золотоордынскими монетами XIV в. (Кушева-Грозевская 1928: табл. 1; Макаренко 1911: рис. 76: 5). Не чужды они и западным древностям второй половины XIII — XIV в. (Blomqvist 1948: 77, abb. 51, 53b; Нејна 1962: рис. 2: 1–2)⁶¹. Стремяна типа IA, видимо, были достаточно универсальны и просты в изготовлении, что принесло им не менее чем 200-летнюю евразийскую популярность.

Стремяна типа I и IA, судя по широкой плоской подножке, предназначались для сапога с жесткой подошвой, твердым задником и голенищем (такая обувь у горожан и воинов вошла в быт примерно с XII и особенно в XIII в.) (Оятева 1962: 87, 90). В противоположность этому стремяна кольцевидной формы с округлой подножкой и килевидной дужкой можно связать с мягкой обувью (поршни, туфли или мягкие башмаки) (Рыбаков 1948: 402; Вахрос 1959: 44–45, 48, 50) и легковооруженными стрелками. По стремянам, следовательно, распознается не только покроем обуви, но и степень вооруженности человека⁶². Кольцевидные стремяна легче всех других форм (тип II, 26 экземпляров, размер: высота 13–15 см, ширина 13,4–15,0 см, ширина подножки 3,3–4,5 см, вес 150–180 г). Их подножка заметно изогнута в поперечном разрезе и явно приспособлена к прилеганию средней части мягкой подошвы. Некоторые из

⁶¹ Западные образцы, к слову сказать, отличаются рядом деталей (например, по абрису подножки) от одновременных восточноевропейских.

⁶² Разграничение средневековых стремян по родам войска не следует абсолютизировать. Ряд кольцевидных стремян происходят, в частности, из кочевнических могил тяжеловооруженных всадников Каневского Поросья.

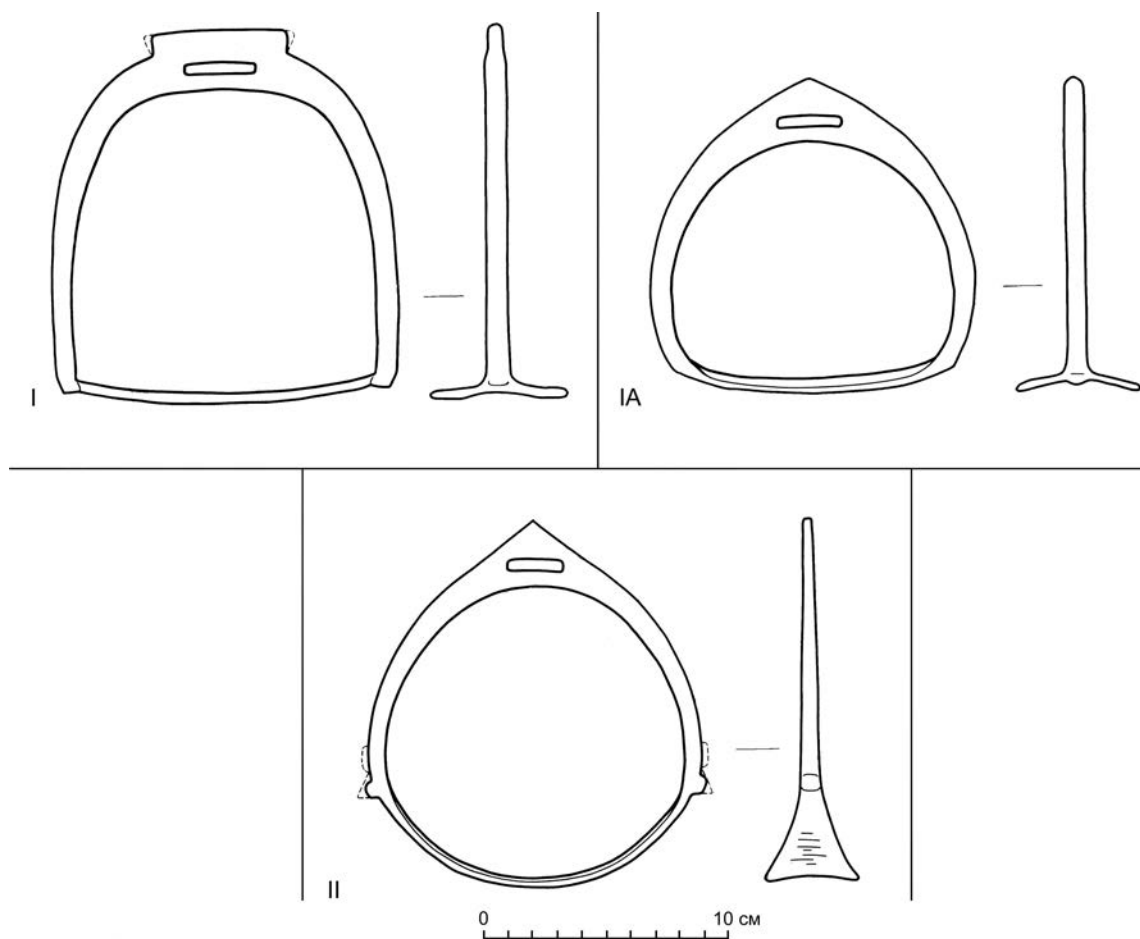

Рис. 31. Типология стремян

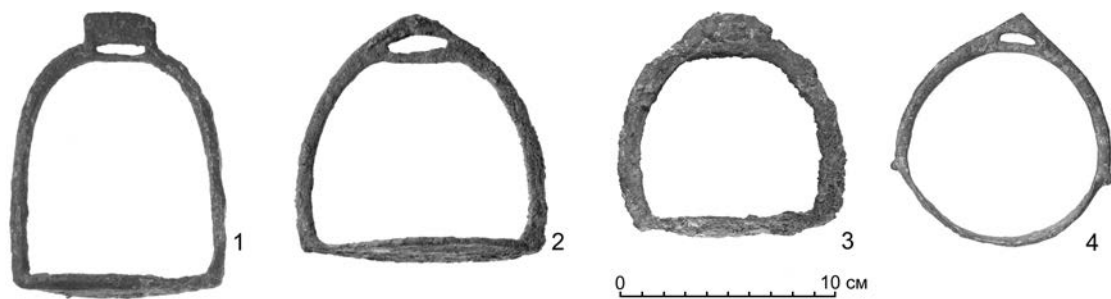

Рис. 32. Образцы стремян: 1–3 — типы I и IA; 4 — тип II. Железо

Таблица XI. Стремяна

Типы	I	IA	II	Тип неизвестен	Всего
Количество	15	2	26	1	44

кольцевидных стремян снабжены орнаментальными накладками (гравировка по меди) и боковыми фигурными косяками/выступами, возможно, служившими вместо шипов шпор.

Стремена округлой формы (пока не кольцевидной) начиная с эпохи викингов не типичны для Центральной и Западной Европы. Удерживались они на Западе и в 1200–1300 гг., но опять-таки не преобладали (Blomqvist 1948: 108–109, abb. 42–43). Напротив, в Евразийской степи округлые стремяна со времен аварского каганата характерны для кочевников, в конце раннего средневековья они широко использовались оседлыми европейцами: русскими, литовцами, а также венграми, чехами и пруссами (Zschille, Forrer 1896: Taf. III, 2, 4, 6, 10; IV, 14, 17, 19). Городищенские стремяна регулярно кольцевой формы с килевидной дужкой и боковыми косяками/выступами, судя по многочисленным русским и чужеземным аналогиям, в целом датируются второй половиной XII — первой половиной XIII в. (Медведев 1959: рис. 22: 1)⁶³.

Итак, сочетание городищенских шпор разных типов свидетельствует о том, что их форма была порождена не случайностью моды, а той тактической обстановкой, при которой местные русские особенности сплетались с международными.

Общие итоги

Какие заключения вытекают из всего приведенного выше материала?

«Изяславльцы», судя по наличию заготовок, ковали стрелы и пики, отливали булавы, вероятно, изготавливали и украшали кистени, шпоры, стремяна и другие железные изделия. При всем том «изяславльское» вооружение отражает не столько мастерство городских кузнецов-оружейников, сколько вообще уровень русского военного дела, да и не только русского. «Изяславльский» арсенал, даже при всей его неполноте и случайности, можно оценить как характерный для древнерусского города и типичный для своего времени.

Раскопанный волынский город не был, видимо, каким-то особенным, передовым оружейным центром, однако его боевая техника запечатлела основные черты своего века и, судя по всему, была не худшей. Среди городищенского вооружения почти нет архаических образцов, нет изделий, свидетельствующих о косности и застойности развития боевой техники. Это вооружение современно своей эпохе.

«Изяславльский» арсенал — ровесник своего города, он являлся новообразованием эпохи удельной Руси и поэтому со всей отчетливостью позволяет судить о состоянии и эволюции оружейного дела. Можно констатировать быстрый прогресс и активное освоение технических новинок. Множество предметов были относительно новыми и связанными с развитием европейского и азиатского оружия 1150–1250-х гг. Таковы рогатины (XII — первая половина XIII в.), дисковидные навершия мечей со срезанным краем (после 1180 г.), перекрестья романских мечей (в основном 1200–1270-е гг.), ряд сабельных гард (первая половина XIII в.), булавы с хоботом и веерообразными гранями (первая половина XIII в.), некоторые кистени с продолговатой петлей (первая половина XIII в.), стрелы с удлинено-треугольным лезвием и прямоугольными уступами плечиков, бронебойные втульчатые наконечники (и те, и другие не древнее XIII в.), пиковидные арбалетные болты (очевидно,

⁶³ Удерживается такого вида стремя вплоть до XIV в. (Кушева-Грозевская 1928: табл. V; Hejna 1962: 456–458, obr. 1: 2–3).

не древнее 1230-х гг.), поясной крюк для натягивания тетивы самострела (первая половина XIII в.), шлем с полумаской (1150–1250-е гг.), пришлемная маска и широкие плоские кольчужные кольца (первая половина XIII в.), шпоры в виде буквы Z в профиль и с широким пластинчатым манжетом (1200–1250-е гг.), колесные шпоры (1230-е гг.), кольцевидные стремяна с килевидной дужкой (1150–1250-е гг.). В этом же списке могли бы фигурировать бронебойные стрелы с квадратным сечением пера, узколезвийные и кунжутolistные срезни, костяные ланцетовидные наконечники (все главным образом XIII в.), если бы на местной почве они появились естественным, а не насильственным образом. Приведенный перечень важен в историко-техническом отношении. Почти все выявленные технические новшества относятся к первой половине XIII в. и подсказывают общую относительную дату большинства найденных военных вещей в пределах не свыше полувека, а иногда и уже. Если наиболее меняющееся и чуткое к веяниям времени вооружение приходится на конец XII — первую половину XIII в., то, очевидно, оно и сложилось в это время. Учитывая удивительную подвижность, с которой продвигались по европейскому континенту военные изобретения, поправка на время их распространения может быть практически незначительна. Отсюда следует, что существенные изменения ряда военных средств происходили в течение нескольких десятилетий. Здесь улавливается темп военно-технического прогресса, который, по сравнению с раннекиевским временем, значительно ускорился. Подобное явление закономерно для эпохи, когда война играет все более важную роль в жизни общества, когда каждое новое поколение оружейников предлагает изобретения и открытия, попадающие в благоприятную для своего восприятия среду. Именно в такой по-военному бурный век возник и кратковременно расцвел «Изяславль».

В «Изяславле» были открыты оружейные новинки общерусского и общеевропейского значения: арбалетный натяжной крюк, булавы-клевец, пиковидные арбалетные болты, шпоры Z-образные, с пластинчатым манжетом и с колесиком. Некоторые из этих произведений зафиксированы в «Изяславле» раньше, чем где-либо в ином месте. Волынский город был местом, где в результате штурма смешались азиатско-монгольские, русские и западноевропейские стрелы. Близость степи сказалась в популярности сабли и наличии некоторых форм всаднического снаряжения — стремян и нагаек. Однако в основном «Изяславль» выступает как носитель не восточных, кочевнических, а европейских оружейных традиций. Показательны в этом отношении шпоры, которые неожиданно открыли, что русский дружинник по способу езды, манере наносить таран копьем и по защитным приспособлениям почти не отличался от своего западного собрата по классу и рангу. В целом в истории русской и романской военной культуры городищенские находки являются своеобразным техническим маяком и эталоном в хронологическом, типологическом и тактическом отношении.

Городищенское оружие по своим формам, устройству и весу распадается на две последовательные группы. Легкая пика и массивная рогатина, чекан и более тяжелый пехотный топор, облегченный восточноевропейский и более грузный романский мечи, легкая и тяжелая сабли, стрелы и болты, легкие и более увесистые шпоры и стремяна — такова галерея несхожих вещей. Столь разнородное сочетание изделий одного и того же назначения объясняется контрастами русской военной практики, имевшей дело и с летучим степняком, и с закованным в железо европейским рыцарем. «Изяславльский» арсенал комплектовался в специфически русских условиях многообразия целей и противоречивой и сложной борьбы на рубежах Запада и Востока. Различные типы и разновидности оружия свидетельствуют,

кроме того, о тактическом и специальном разделении войска, о различии в экипировке легковооруженного лучника и тяжеловооруженного копейщика. Спецификация конницы на легкую и тяжелую зашла, видимо, так далеко, что оказала влияние на оформление соответствующих типов шпор, стремян, возможно, некоторых других боевых средств.

В «Изяславле» открыто оружие хорошо устроенной военной дружины: пики, чеканы, сабли, мечи, кистени, шпоры, стремяна, остатки кольчуг, шлемы. Одновременно некоторые копья, топоры, булавы и самострельные болты характеризуют пехоту и ополченцев. Преобладающее положение занимали средства конной силы, состоящей из лучников и копейщиков.

Среди городищенских находок оказалось и оружие, по своей неполномерности относящееся, скорее всего, к детскому. Таковы: одна пика, два сабельных перекрестья, три стрелы, семь шпор, одно стремя. Подбор оружия типичен для конных упражнений и свидетельствует о том, что в «Изяславле» существовал институт военного обучения, очевидно, детей дружинников. О военном ученичестве и играх «молоди» и стрелков-лучников до сих пор было известно по скупым строкам письменных источников и деревянным игрушкам. Теперь мы узнали о них по детским или юношеским металлическим изделиям, представлявшим в миниатюре точную копию взрослых.

Итак, боевая техника «изяславльцев» указывает на развитое феодальное общество со специализированной военной силой и практикой конного обучения. Судя по вооружению, в «Изяславле» существовали все те военные слои и группы, которые были присущи развитой раннесредневековой дружине и сложившемуся феодальному обществу. Как нам кажется, это наблюдение имеет прямое отношение к определению типа «изяславльского» поселения и социально-экономической характеристики его жителей.

Каким бы ни был «Изяславль» по своему социально-экономическому устройству, в чьем бы владении и власти ни находился, он предстает перед нами центром высоко-развитой оружейной культуры, городом, который в кратковременную пору своего существования отличался высоким темпом и передовым уровнем развития боевой техники и который трагически пал, не успев развиться в еще более заметное явление русского средневековья.

Литература

- Алексеев 1960 — Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 95–106.
- Аннинский 1940 — Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 71–112.
- Анна Комнина 1965 — Анна Комнина. «Алексиада» / вступ. статья, пер., комм. Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1965. 688 с.
- Арциховский 1958 — Арциховский А. В. Раскопки 1956–1957 гг. в Новгороде // СА. 1958. № 2. С. 227–242.
- Басандайка 1947 — Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск: тип. № 1 Полиграфиздата, 1947. 220 с. (Труды Томского ордена Трудового Красного Знамени ГУ им. В. В. Куйбышева. Т. 98).

- Бобчева 1958 — *Бобчева Л.* Вьоръжението на българската войска от втората половина на 9 век до падането на България под турско робство // Военно-исторически сборник. Год. XXVII, 2. София, 1958. С. 41–77.
- Васильев 1857 — *Васильев В. П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1857. 237 с.
- Вахрос 1959 — *Вахрос И. С.* Наименования обуви в русском языке. Древнейшие наименования допетровской эпохи. Хельсинки: Институт по изучению СССР в Финляндии, 1959. 272 с.
- Владимирцов 1934 — *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Л.: АН СССР, 1934. 224 с.
- Воронин 1954 — *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно: по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг. М.: АН СССР, 1954. 240 с. (МИА. № 41).
- Гаврилова 1965 — *Гаврилова А. А.* Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 145 с., ил.
- Генинг 1954 — *Генинг В. Ф.* Новый могильник позднееродановского времени // КСИИМК. 1954. Вып. 55. С. 153–154.
- Гончаров 1950 — *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев: Изд-во АН УССР, 1950. 219 с.
- Гордеев 1954 — *Гордеев Н. В.* Русский оборонительный доспех // Богоявленский С. К., Новицкий Г. А. (ред). Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сб. научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М.: Искусство, 1954. С. 61–114.
- Гордлевский 1960 — *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии // Избранные сочинения. Т. I. Исторические работы. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 31–320.
- Городцов 1913 — *Городцов В. А.* Описание холодного оружия. Копье и пика // Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1911 г. Приложение. М.: Синодальная типография, 1913. С. 17–38.
- Денисова 1925 — *Денисова М. М.* Седло конца XVI века // Сборник Оружейной палаты. М.: Издание Оружейной палаты, 1925. С. 125–131.
- Древнемонгольские города 1965 — *Киселев С. В.* (отв. ред.). Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. 367 с.
- Каргер 1950 — *Каргер М. К.* Археологические исследования древнего Киева: отчеты и материалы (1938–1947). Киев: Изд-во АН УССР, 1950. 252 с., ил.
- Каргер 1965 — *Каргер М. К.* Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957–1964 гг. // Тезисы докладов советской делегации на I международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М.: Наука, 1965. С. 39–41.
- Кирпичников 1958 — *Кирпичников А. Н.* Метательная артиллерия Древней Руси: из истории средневекового оружия VI–XV вв. // Кирпичников А. Н., Воронин Н. Н., Косточкин В. В., Хлопин И. Н. Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси. М.: АН СССР, 1958. С. 7–51. (МИА. № 77).
- Кирпичников 1958а — *Кирпичников А. Н.* Русские шлемы X–XIII вв. // СА. 1958. № 4. С. 47–69.

- Кирпичников 1963 — *Кирпичников А. А.* Русское оружие ближнего боя X–XIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1963.
- Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 176 с. (САИ. Е1–36).
- Кирпичников 1966а — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, булавы IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 147 с. (САИ. Е1–36).
- Кирпичников 1971 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука, 1971. 92 с. (САИ. Е1–36).
- Кирпичников 1973 — *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 138 с. (САИ. Е1–36).
- Кирпичников 1975 — *Кирпичников А. Н.* Мечи из раскопок древнего Изяславля // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 30–54.
- Кирпичников, Коваленко 1993 — *Кирпичников А. Н., Коваленко В. П.* Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья (по находкам в России, на Украине и в Татарстане) // Археологические вести. 1993. Вып. 2. С. 122–134.
- Кирпичников, Черненко 1966 — *Кирпичников А. Н., Черненко Е. В.* Рец. на: Пятыхева Н. В. Железная маска из Херсонеса (К вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками) (М., 1964) // СА. 1966. № 4. С. 214–220.
- Киселев, Мерперт 1965 — *Киселев С. В., Мерперт Н. Я.* Железные и чугунные изделия Кара-Корума // Киселев С. В. (отв. ред.). Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 188–215.
- Книга Марко Поло 1956 — Книга Марко Поло / перевод Минаева И. П. Магидович И. П. (ред.). М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. 376 с.
- Корзухина 1950 — *Корзухина Г. Ф.* Из истории древнерусского оружия XI века // СА. 1950. Т. XIII. С. 63–94.
- Кучера 1962 — *Кучера М. П.* Древній Пліснеськ // АП УРСР. 1962. Т. XII. С. 3–56.
- Кушева-Грозевская 1928 — *Кушева-Грозевская А. Н.* Золотоордынские древности Государственного исторического музея из раскопок 1925–1926 гг. в Нижнем Поволжье. Саратов: тип. Промкомбината Аткарск, 1928. 36 с.
- Ленц 1902 — *Ленц Э. Э.* Предметы вооружения и конского убора, найденные близ села Демьяновки Мелитопольского уезда // ИАК. Вып. 2. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, Моховая, № 40, 1902. С. 81–94.
- Литвинский 1965 — *Литвинский Б. А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2. С. 75–91.
- Лявданский 1926 — *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского ГУ. Т. 3. Вып. 3. Общественно-гуманитарные науки. Смоленск, 1926. С. 179–296.
- Ляпушкин 1958 — *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 328 с. (МИА. № 74).
- Макаренко 1911 — *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования 1907–1909 годов. С 5 таблицами и 113 рисунками. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, Моховая, № 40, 1911. 130 с. (ИАК. Вып. 43).

- Медведев 1959 — *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959. С. 121–191. (МИА. № 65).
- Монгайт 1955 — *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 228 с. (МИА. № 49).
- Мугуревич 1965 — *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига: Зинатне, 1965. 145 с., ил.
- Мункуев 1965 — *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М.: Наука, 1965. 224 с.
- Нидерле 1956 — *Нидерле Л.* Славянские древности. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1956. 453 с.
- ОАК за 1896 — Отчет императорской археологической комиссии за 1896 г. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, Моховая, № 40, 1898.
- Оятева 1962 — *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4: Славянские древности. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. С. 77–94.
- Плано Карпини, Рубрук 1911 — *Плано Карпини И.* История Монголов (С. 1–62, 181–187); *Рубрук Вильгельм.* Путешествие в восточные страны (С. 65–178, 191–201) / введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1911. (Библиотека иностранных писателей о России).
- Плетнева 1958 — *Плетнева С. И.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. М., 1958. С. 151–226. (МИА. № 62).
- ПСРА II 1908 — Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорскою археографическою комиссиею. Том второй: Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908.
- Пятышева 1964 — *Пятышева Н. В.* Железная маска из Херсонеса. К вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками. М.: ГИМ, 1964. 40 с.
- Рыбаков 1948 — *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 803 с.
- Рохлин 1965 — *Рохлин Д. Г.* Болезни древних людей. М.; Л.: Наука, 1965. 305 с., ил.
- Сборник материалов 1941 — Иванов П. П. (отв. ред.). Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
- Седов 1960 — *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. VIII–XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 158 с. (МИА. № 92).
- Сокровенное сказание 1941 — Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года. Монгольский обыденный изборник / пер. С. А. Козина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 41 с.
- Спицын 1902 — *Спицын А. А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоухова. СПб.: Типография В. Безобразова и К°, 1902. 150 с. (МАР. 26).
- Талько-Грынцевич 1902 — *Талько-Грынцевич Ю. Д.* Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. Т. III. Вып. 1. Иркутск: ИРГО, 1902. С. 4–60.

- Уваров 1910 — *Уваров А. С.* Галиция. Археологические заметки // Уварова П. С. (ред.). Сборник мелких трудов. Издан ко дню 25-летия со дня кончины А. С. Уварова. Т. II: Статьи разного содержания. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910. С. 22–51.
- Фома Сплитский 1997 — *Фома Сплитский*. О свойствах татар // История архиепископов Салони и Сплита / вступ. ст., пер., комм. О. А. Акимовой. М.: Индрик, 1997. С. 114–116.
- Хойновский 1896 — *Хойновский И. А.* Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Киев: Типография Университета Св. Владимира, 1896. 269 с., ил.
- Чеботаренко 1960 — *Чеботаренко Г. Ф.* К вопросу о классификации средневековых молдавских наконечников стрел // Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Вип. 3. Одесса, 1960. С. 141–150.
- Чжоу Вэй 1957 — *Чжоу Вэй*. Очерки по истории боевого оружия Китая. Пекин, 1957 (на кит. яз.)
- Шендрик 1958 — *Шендрик Н. І.* Наконечники стріл з Княжої Гори // Праці Київського державного історичного музею. Вип. 1. Київ, 1958. С. 158–174.
- Шноре 1961 — *Шноре Э. Д.* Асотское городище. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1961. 288 с., ил. (МИАА. II).
- Шноре 1962 — *Шноре Э. Д.* Шпоры городища Асоте и их место в классификации шпор // Światowit. T. XXIV. Warszawa, 1962. S. 577–609.
- Юра 1962 — *Юра Р. О.* Древній Колодяжин // АП УРСР. Т. XII. Київ, 1962. С. 57–130.
- Alm 1947 — *Alm J.* Europeiska armborst. En översikt, Vaabenhistoriske aarbøger. V b. København, 1947.
- Blair 1962 — *Blair C.* European and American arms, c. 1100–1850. London: B. T. Batsford., 1962. 134 p.
- Blomqvist 1948 — *Blomqvist R.* Stigbyglar. Kulturen. En årsbok. Lund, 1948.
- Boeheim 1890 — *Boeheim W.* Handbuch der Waffenkunde. Leipzig: Verlag von E. A. Seemann, 1890.
- Cofta 1953 — *Cofta A.* Wyniki badań na grodzisku wczesnośredniowiecznym w Błoniu, pow. Grodzisk Mazowiecki // Materiały wczesnośredniowieczne. T. III (1951). Warszawa, 1953. S. 1–51.
- Demay 1875 — *Demay M. G.* Le costume de guerre et d'apparat d'après les sceaux du Moyen-Age. Paris: J. B. Dumoulin, 1875.
- Excavations 1961 — Excavations at Helgö. Vol. I: Report for 1954–1956 / Holmqvist W. (ed.). Stockholm, 1961.
- Gaier-Lhoest 1962 — *Gaier-Lhoest J.* Pointes de flèches et de carreaux du bas Moyen Age trouvées dans le lit de la Meuse à Liège // Armi antiche. 9. Torino, 1962. S. 83–92.
- Géza 1898 — *Géza N.* A szabolcsmegyei múzeum középkori sarkantyúi // Archaeologiai Értesítő. Fol. XVIII. Budapest, 1898.
- Hejna 1962 — *Hejna A.* Soubor nálezů z Hrádku Bolkova v severovýchodních Čechách // Památky Archeologické. R. LIII. Č. 2. Praha, 1962. S. 455–471.
- Herrnbrodt 1958 — *Herrnbrodt A.* Der Husterknupp. Eine niederrheinische Burganlage des frühen Mittelalters. Köln-Graz: Böhlau, 1958.
- Hilczarówna 1956 — *Hilczarówna Z.* Ostrogi polskie z X-XIII w. // Prace Komisji Archeologicznej. T. 2. Z. 2. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956.

- Jacobi 1897 — *Jacobi L.* Römerkastell Saalburg bei Homburg vor der Höhe. Homburg: C. F. Winter'sche Buchdruckerei in Darmstadt, 1897.
- Kietlińska, Dąbrowska 1963 — *Kietlińska A., Dąbrowska T.* Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spicymierz, pow. Turek // *Materiały starożytne*. T. IX. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1963. S. 143–254.
- Kirpichnikov 1986 — *Kirpichnikov A. N.* Russische Waffen des 9.–15. Jahrhunderts // *Waffen und Kostümkunde*. Jahrgang 1986. Deutscher Kunstverlag München – Berlin. S. 85–128.
- Kostrzewski 1947 — *Kostrzewski B.* Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Koninie // *Przegląd archeologiczny*. T. VII. Z. 2. Poznań, 1947. S. 192–294.
- London Museum 1954 — *London Museum catalogues*. № 7. London, Published by Her Majesty's Stationery Office, 1954.
- Müller-Hickler 1923 — *Müller-Hickler H.* Sitz und Sattel im Laufe der Jahrhunderte // *ZWK*, N. F., Bd. I (10), Heft I. Berlin, 1923. S. 6–13.
- Musianowicz 1959 — *Musianowicz K.* Podkowy końskie źródłem do zagadnień handlu w okresie wczesnośredniowiecznym // *Z Otchłani Wieków*. R. XXV. Z. 4. 1959. S. 259–264.
- Nadolski 1954 — *Nadolski A.* Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku. Seria: *Acta Archaeologica Universitatis Lodziensis*. Nr. 3. Łódź: Zakład im. Ossolińskich we Wrocławiu, 1954.
- Oakeshott 1960 — *Oakeshott R. E.* The archaeology of weapons: Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry. London: Lutterworth, 1960.
- Paulsen 1953 — *Paulsen P.* Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1953.
- Polla 1962 — *Polla B.* Stredoveká zaniknutá osada na Spiši (Zalužany) // *Archaeologica Slovaca Fontes*. T. IV. Bratislava: Slovenska akad. Vied, 1962.
- Rauhut 1960 — *Rauhut L.* Wczesnośredniowieczne materiały z Terenów Ukrainy w państwowym muzeum archeologicznym w Warszawie // *Materiały wczesnośredniowieczne*. T. V. 1960. S. 231–260.
- Sarnowska 1956 — *Sarnowska W.* Uzbrojenie średniowieczne w świetle wykopalisk w latach 1948–1951 w Opolu na Śląsku // *Materiały wczesnośredniowieczne*. T. IV. 1956. S. 211–223.
- Schneider 1946 — *Schneider H., Heid K.* Das Fundmaterial aus der Burgruine Lägern // *ZSAK*. Bd. 8. Heft I. Basel, 1946. S. 29–46.
- Schneider 1960 — *Schneider H.* Die Ausgrabung der Hasenburg // *ZSAK*. Bd. 20. Heft 1. Basel, 1960. S. 8–34.
- Seitz 1965 — *Seitz H.* Blankwaffen. Band I. Geschichte und Typenentwicklung im europäischen Kulturbereich. Von der prähistorischen Zeit bis zum Ende des 16. Jahrhunderts. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann, 1965.
- Sós 1961 — *Sós Á. Cs.* Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Keszthely — Fenépuszta // *Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae*. T. 13. Budapest, 1961. S. 247–305.
- Stein 1928 — *Stein M. A.* Innermost Asia. Vol. III. London & Oxford, 1928.
- Strakosch-Grassman 1893 — *Strakosch-Grassman G.* Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. Innsbruck: Wagner, 1893.

- Vikić, Walter 1955 — *Vikić B., Walter E.* Zbirka potkova u Arheološkom muzeju u Zagrebu // Starohrvatska prosvjeta. Ser. III. Sv. 4. Zagreb, 1955. S. 23–84.
- Viollet-le-Duc 1875 — *Viollet-le-Duc E.* Dictionnaire raisonné du mobilier français de l'époque Carolingienne à la Renaissance. T. 5. Paris, 1875.
- Willemin, Pottier 1839 — *Willemin N. X., Pottier A.* Monuments Français. T. I. Paris, 1839.
- Zschille, Forrer 1891 — *Zschille R., Forrer R.* Der Sporen in seiner Formen-Entwicklung. Berlin: Verlag von Paul Bette, 1891.

Керамика древнего «Изяславля»
(Опыт классификации глиняной посуды
средневекового русского города)¹

От автора

Предваряя настоящую публикацию, хотелось бы сообщить читателю некоторые факты, имеющие непосредственное отношение ко времени и к обстоятельствам появления публикуемых материалов как единой керамической коллекции.

Прежде всего необходимо отметить, что автор данной публикации имеет самое непосредственное отношение к многолетним полевым исследованиям уникального по насыщенности культурного слоя древнерусского города, погибшего в период монгольского нашествия во второй четверти XIII столетия. Исследуемый в 1957–1964 гг. под руководством М. К. Каргера памятник вошел в славную русскую археологию под именем «древнего Изяславля». В течение восьми полевых сезонов практически вся площадь древнего городища была исследована — десятки жилищно-хозяйственных комплексов, масштабные фрагменты дерево-земляных оборонительных сооружений, многочисленные останки погибших во время штурма горожан. Насыщенность культурного слоя древними артефактами, необычайно широкая номенклатура находок в сочетании с масштабами исследованных площадей памятника, на котором древнерусскому слою предшествовали отложения первых веков нашей эры и практически не было поздних наслоений — все это определило для городища у села Городище на р. Гуске особое место.

Раскопки так называемого «изяславльского» городища внесли заметные коррективы в деятельность М. К. Каргера. Теперь архитектурно-археологические научные интересы ученого приходилось «совмещать» с чисто археологическими исследованиями. Половина полевых сезонов проходила в изучении древней архитектуры в Полоцке, Новогрудке, Турове, другая половина — в селе Городище. В помещении Института, в «закутке», многочисленные волонтеры-энтузиасты «шкрябали» напильниками и рашпилями железные артефакты — топоры, ножи, сошники — и нередко, облачившись в халат, работал в этом закутке сам М. К. Каргер, очищая поверхность железных находок для консервации. Многие поколения студентов истфака ЛГУ, сотни добровольцев за годы раскопок «приложили руку» к исследованию городища на берегу небольшой речушки Гуски. Судьба сулила прекрасное будущее всему накопанному культурно-историческому богатству. Но сама же судьба стала распоряжаться им несколько иначе. Теперь по порядку.

Автор этих строк, начавший в 1954 г. обучение на кафедре археологии Ленинградского истфака, мечтал специализироваться по тематике, связанной с эпохой бронзы Южной

¹ Все рисунки выполнены О. В. Овсянниковым, компьютерная обработка Е. Ю. Кононович. Фотографии: НА ИИМК РАН, ФО, О. 2566. Подготовка текста и комментарии А. А. Песковой.

Сибири, и в свой первый полевой сезон в 1955 г. поехал в Красноярскую экспедицию М. П. Грязнова. Однако, опять же судьба, сложилось так, что в 1956 г. прекратилось финансирование Красноярской новостроечной экспедиции. Пришлось проходить студенческую практику в составе Галицко-Волынской архитектурно-археологической экспедиции под руководством М. К. Каргера. Полевой сезон 1956 г. экспедиция М. К. Каргера проводила во Владимире-Волынском, а в 1957 г. раскопки велись в Полоцке и Галиче, тогда же во второй половине сезона была начата многолетняя «эпопея» на городище у села Городище.

Где-то в самом начале лета я пришел «наниматься» в экспедицию М. К. Каргера на полевой сезон 1957 г. В Дубовом зале ЛОИА уже закончилось заседание Ученого совета, я вошел в зал, когда М. К. Каргер делал небольшое сообщение о командировке в Хмельницкую область. Он успел загореть, прекрасно выглядел (а было-то ему всего 54 года!) и, показывая подошедшим к большому столу сотрудникам Института разложенные там железные конские путы, сошники, увлеченно говорил о сказочной сохранности памятника, о лежавших после пахоты на его поверхности многочисленных находках. Тогда я еще и представить не мог, что именно в этом зале, рядом с этими находками решается и моя дальнейшая судьба.

Появившись на раскопках 1957 г. еще студентом, в 1962–1964 гг. я продолжил свое участие уже в качестве лаборанта Группы славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР. Как говорится, «любишь кататься — люби и саночки возить». В эти же годы за мной была утверждена научная тема (такое правило в те годы существовало) «Керамика древнего Изяславля», научным руководителем стал М. К. Каргер. Можно было с уверенностью сказать: «научная тема надежно обеспечена материалами», ибо десятки целых и реставрированных сосудов, десятки тысяч фрагментов различного типа сосудов были складированы в камерах Института и в подвалах Дома ученых. Материала для изучения с лихвой хватило бы до заслуженной пенсии. Лаборант ведь имел право заниматься «наукой» только в свободное от основной работы время. За период 1963–1967 гг. я сделал два сообщения по указанной тематике на заседаниях Группы славяно-финской археологии, нарисовал несколько десятков таблиц с различными типами горшков, кувшинов и амфор, а в 1968 г. начал работать уже по другой, сибирской теме: «Мангазея, русский город XVII в. на севере Западной Сибири».

Предопределяя будущее накопленного материала, М. К. Каргер неоднократно и с разных трибун анонсировал подготовку большой коллективной монографии, авторы которой представят материал по основным наиболее важным категориям городищенских находок, жилищно-хозяйственных комплексов и структур оборонительных сооружений, которые, кстати, были также почти полностью раскопаны. В упомянутый коллектив авторов, по мнению М. К. Каргера, должны были войти: он сам (общее руководство, жилищно-хозяйственные комплексы, оборонительные сооружения, ювелирные изделия), А. Н. Кирпичников (предметы, связанные с вооружением), М. А. Миролюбов (сельскохозяйственные орудия), О. В. Овсянников (керамика). Исследование городищенских находок большим авторским коллективом на практике оказалось неисполнимым проектом, хотя отдельные массовые категории находок были изучены и опубликованы. Предметы, связанные с вооружением, были изучены А. Н. Кирпичниковым и в основном изданы (Кирпичников 1966; 1971; 1971а; 1973; 1973а; 1975; 1976; 1978). М. А. Миролюбовым был сделан краткий обзор коллекции сельскохозяйственных орудий (Миролюбов 1983; 1984). Результаты изучения ключей и замков нашли отражение в статьях О. В. Овсянникова и А. А. Песковой (Овсянников 1971: 258–260; Овсянников, Пескова 1982: 93–99).

Огромную коллекцию городищенских материалов, учитывая ее большую историко-культурную ценность, начали передавать на хранение в фонды Государственного Эрмитажа в начале 1970-х гг. еще при жизни М. К. Каргера, а закончили, в частности передачу керамики, уже после его смерти (1976 г.) (Миролюбов 1983; 1983а). В 1984 г. на материалах из раскопок городища в Эрмитаже даже организовали временную выставку, на которой было представлено 250 наиболее ярких и типичных находок (Миролюбов 1983). Однако в результате оказалось, что уникальный материал раскопок целого города эпохи монгольского нашествия оказался почти «забытым» на полках хранилища. Нельзя сказать, что он не был востребован вовсе, поскольку отдельные категории вещей, как, например, каменные иконки, серебряные с чернью украшения (колты и перстни), фрагменты колоколов и др., продолжали изучаться специалистами и публиковаться в работах сводного характера (Николаева 1983; Макарова 1986; Шашкина 1987; Шашкина, Галибин 1986).

В ноябре 1980 г. на заседании Отдела славяно-финской археологии П. А. Раппопорт предложил лаборанту А. А. Песковой в качестве научно-исследовательской темы для кандидатской диссертации «Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. (по материалам городища у с. Городище близ Шепетовки)». Идея изучения городищенского материала оказалась по-настоящему актуальной: она возвращала в Отдел большую историко-культурную тему — изучение древнерусской культуры эпохи монгольского нашествия и, по существу, восполняла значительный пробел в самой истории данной проблематики. Для А. А. Песковой предложенная тема была довольно близкой — многолетнее участие в археологических и архитектурно-археологических экспедициях ЛОИА АН СССР (под руководством М. К. Каргера, А. Н. Кирпичникова, О. В. Овсянникова, П. А. Раппопорта, М. В. Малевской) создало тот надежный фундамент, который и позволил ей с позиций современного состояния славяно-русской проблематики подойти к изучению материала. Проведенная работа по систематизации, обобщению и осмыслению накопленных к тому времени исследований и материалов была успешно завершена защитой кандидатской диссертации (Пескова 1988) и публикацией ряда статей (Пескова 1981; 1988а; 1994; 1997; 1998; 2001; 2008; 2009; Пескова, Белецкий 1997; Медведев, Пескова 2008; Михайлов, Пескова 2019; 2019а).

Таким образом, в итоге оказалось, что наиболее важные и, несомненно, яркие категории городищенской коллекции были исследованы и опубликованы.

К сожалению, это не коснулось самой массовой категории городищенского материала — керамических коллекций. Между тем интерес к этому материалу очевиден. Поэтому представляется вполне оправданным и целесообразным в настоящее время обратиться к тем наработанным материалам 1963–1967 гг. Сохранившиеся таблицы рисунков, а также имеющиеся в архиве Института фотографии нескольких десятков целых сосудов и комментарии к ним, несомненно, представляют интерес. Предлагаемую читателю публикацию вряд ли стоит рассматривать в качестве монографического исследования. Скорее всего, это развернутая аннотация целиком проработанной большой уникальной керамической коллекции полностью раскопанного древнерусского города, сооружения которого единовременно погибли во время штурма. Есть уверенность, что предлагаемая для будущего изучения этого материала необычайно широкая и репрезентативная выборка различных типов сосудов заинтересует исследователей. Мы также уверены и в том, что публикуемое исследование в определенной мере станет данью уважения и благодарности тем, кто участвовал в многолетних раскопках этого памятника.

Введение

Керамика является наиболее массовым материалом, с которым археологи сталкиваются при исследовании древнерусских селищ и укрепленных поселений предмонгольской поры. Однако следует отметить два момента: во-первых, керамический материал, добытый во время раскопок, носит все же выборочный характер (полностью раскопанные памятники являются скорее исключением, чем правилом), во-вторых, даже имеющийся объем накопленного материала не соответствует степени его научной обработки.

Продукция древнерусских гончаров «Изяславля», составляющая предмет настоящего исследования, претендует на особое место в изучении средневековой домонгольской керамики. Археологическое вскрытие всей площади небольшого городка дало в руки археологов огромный материал, локализованный довольно узкими хронологическими рамками. Представилась редкая возможность определить полный ассортимент глиняной посуды, имеющейся у населения древнерусского города предмонгольской поры, более определенно судить о соотношении тех или иных групп глиняных сосудов. Именно в этом автор видит свою основную задачу.

Исследуемый материал также дает возможность поставить вопросы социальной характеристики города, наметить некоторые локальные особенности керамического производства в древнем «Изяславле». Наконец, изучение массового керамического материала дает определенные сведения о технологических приемах гончарного производства древнерусских мастеров. Это тем более важно, что при раскопках территории городища, а также во время исследования при помощи разведочных раскопок околородья не было обнаружено следов гончарных производственных комплексов.

Необходимо, на наш взгляд, отметить еще одну особенность исследуемого материала: наличие большого количества целых сосудов (около 300) самых разнообразных форм и назначения (рис. 1)².

Классификационные схемы, применяемые археологами при изучении керамического материала, разнообразны: по технологическому признаку (лепная, гончарная, поливная, расписная и т. д.), по принципу функционального назначения или технологическим особенностям. Отечественные археологи довольно часто применяют принципы функционального назначения той или иной группы посуды, выделяя кухонную, столовую посуду и сосуды для хранения (Гончаров 1950: 114; Мальм 1959: 149 и др.). В обобщающей работе Б. А. Рыбакова, посвященной ремеслу древней Руси, была сделана попытка классифицировать глиняную посуду по терминологии сосудов (Рыбаков 1948: 173). Однако в настоящее время трудно с большой точностью определить функциональное назначение отдельных групп сосудов, и тем более недостаточны наши знания древней терминологии тех или иных типов древнерусской глиняной посуды.

Керамические изделия, найденные в древнем «Изяславле», рассматриваются нами по следующим группам:

- горшки;
- тарная керамика:
кувшины и кувшинообразные сосуды,

² При наличии такого большого количества целых сосудов появляется возможность не только представить их во всем многообразии форм и орнаментации, но и показать встречаемость разнообразных сосудов, обнаруженных вместе в открытых комплексах, то есть найденных на одном уровне в одном или нескольких соседних квадратах. Комплексы были выявлены на основе данных полевых описей (рис. 2–6). — Прим. А. Песковой.

- большие сосуды для хранения (типа пифосов),
амфоры;
— керамические крышки;
— ковшики;
— мисочки;
— клейма;
— поливная и расписная керамика.

1

2

3

Рис. 1. Целые и реставрированные керамические сосуды из раскопок на городище: 1 — найденные в 1957–1958 гг.; 2 — найденные в 1959 г. (амфора, показанная на первом плане, происходит из раскопок в Галиче); 3 — найденные в 1960 г. (в том числе сосуды позднееримского времени) (НА ИИМК РАН, ФО, О. 2566. 22, 32, 73)

Рис. 2. Комплексы керамических сосудов, происходящие из жилищ: 1–3 — кв. Ф-43 (ГД-58); 4–7 — кв. Ч в кв.-34, ШЩ в кв. 36–37 (ГД-59); 8–11 — кв. Н в кр. 15 (ГД-58). Фото из личного архива М. К. Каргера

Горшки

В данную группу сосудов входит подавляющее большинство всех керамических изделий, обнаруженных на городище (более 90%). Наряду с многочисленными фрагментами можно отметить наличие значительного количества целых горшков.

Преобладание горшкообразных сосудов в рассматриваемом наборе керамической посуды свидетельствует не только о массовости производства данного типа продукции, но и об универсальности использования ее в быту — для хранения, приготовления пищи, а также в качестве столовой посуды. Однако при рассмотрении вопроса о соотношении различных типов глиняной посуды необходимо учитывать продолжительность их использования — для горшков она была несравненно короче, чем для некоторых других групп керамических изделий (например, кувшинов, амфор).

При написании данного раздела был проработан весь керамический материал, доступный определению, — 19 500 фрагментов. Более детально исследованию подверглись

Рис. 3. Комплексы керамических сосудов, происходящие из жилищ:
1–3 — кв. Ш в кр.-83 (ГП-62); 4–7 — кв. Ч-88 (ГП-59).
Фото из личного архива М. К. Каргера

Рис. 4. Комплексы керамических сосудов, обнаруженные на линии оборонительных клеток «посада»: 1–3 — кв. δ-μ-99–102 (ГП-57); 4–6 — кв. αβ-101–102 (ГП-57, 59). Фото из личного архива М. К. Каргера

целые сосуды, а также наиболее выразительные фрагменты, собранные в результате раскопок всей площади городища (предварительно материал был распределен на следующие группы: венчики горшков, стенки, днища).

Количество целых сосудов, попадающих в руки исследователей древнерусских поселений, как правило, исчисляется единицами. Поэтому за основу классификации обычно берется наиболее выразительная часть горшка — венчик. Незначительные модификации профиля сосуда — конусообразность или раздутость тулова — связываются с тем или иным типом венчика. В итоге получается, что каждый тип горшка характеризуется определенной и стабильной формой тулова и специфическим типом венчика. Фрагментарный материал вполне оправдывал подобный подход к типологии и казался вполне убедительным. Анализ «изяславльского» материала позволяет считать, что соотношение между венчиком и формой тулова горшка не поддается корреляции, то есть закономерной связи между формой тулова и венчиком проследить практически нельзя.

Форма венчика несомненно является более важным и характерным критерием классификации, ибо наряду с составом глиняного теста, обжигом и техникой изготовления она служит хронологическим, а в известной мере и территориальным определителем. Форма горшка — его конусообразность или, наоборот, приземистость — в значительной мере определялись функциональным назначением сосуда. Индивидуальные приемы мастера-

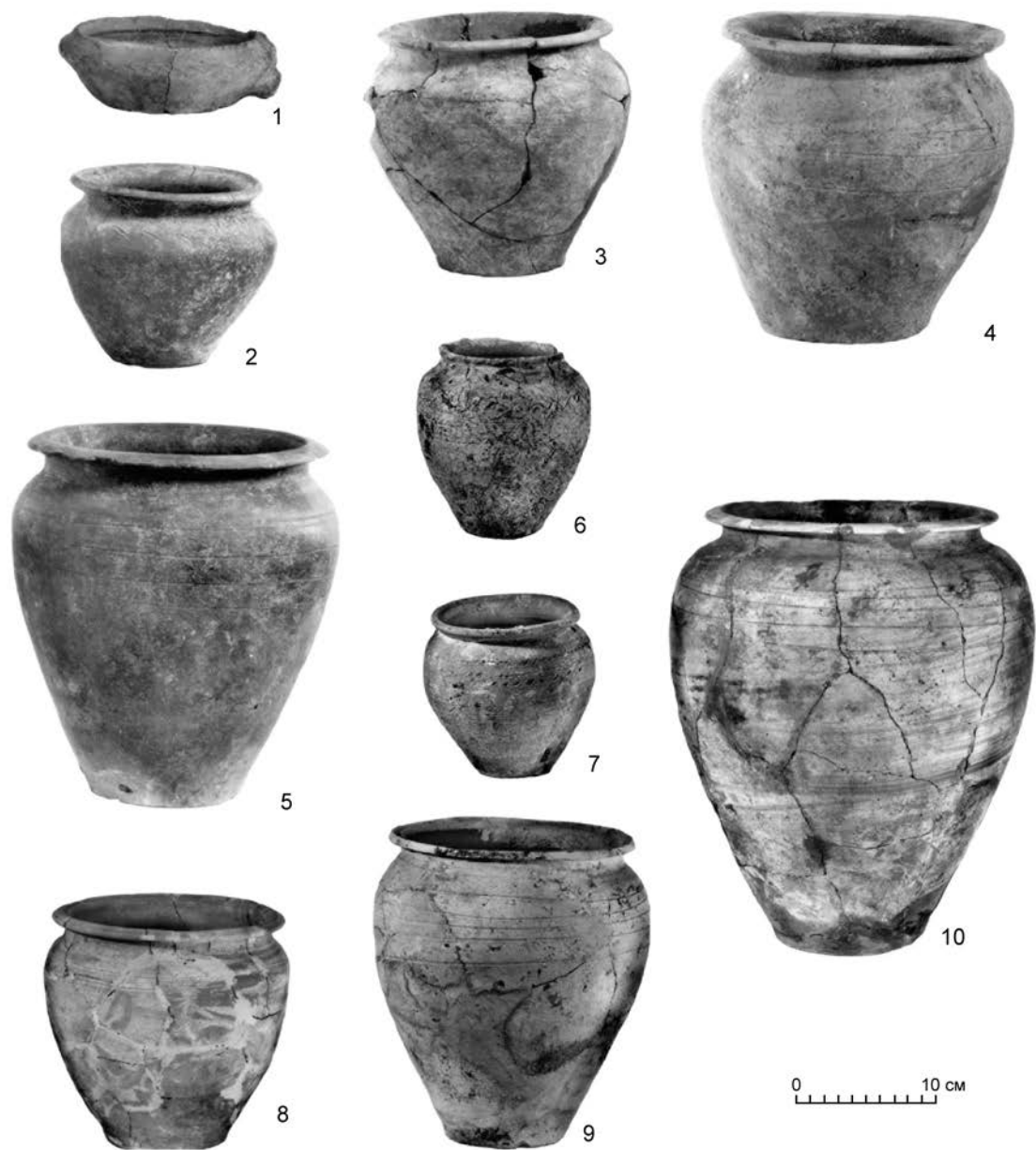

Рис. 5. Комплексы керамических сосудов, обнаруженные на линии оборонительных клеток «посада»: 1–5 — кв. аβγ 97 (ГП-57); 6–10 — кв. ДЗ в кр. 112–113 (ГП-62).
Фото из личного архива М. К. Каргера

гончара, различные условия работы способствовали появлению множества вариантов одной и той же формы. По существу, это является другой стороной процесса, который наблюдается во многих регионах Древней Руси во второй половине XII — XIII в., — стандартизации ремесленной продукции.

«Изяславльские» горшки четко подразделяются на две группы: горшки, которые можно определить как «обычные» древнерусские горшки предмонгольского времени (I), и горшки с цилиндрическим горлом (II).

Рис. 6. Комплекс керамических сосудов, обнаруженных на линии оборонительных клеток в детинце в кв. Я-43–44 (ГД-57): 1–2 — сосуды; 3 — полевой снимок комплекса, вид с юго-запада. Фото из личного архива М. К. Каргера

1. К первой группе горшков относятся сосуды с более или менее конусовидным туловом, достаточно хорошо выраженными плечиками; горло сосуда широкое, с отогнутым наружу венчиком. В массе сосуды рассматриваемого типа однородны. Об этом свидетельствует как облик сосудов в целом, так и характер глиняного теста (глина и отошитель плохо промешаны), обжиг в большинстве случаев неравномерный (в изломе черепок редко однослойный, чаще двух-, трехслойный). Техника изготовления: наблюдаются следы жгутовых полос, заметно выраженная асимметричность большой группы целых горшков, ангобированность (ангоб преимущественно белый).

Большинство целых горшков, происходящих из раскопок городища, имеет небольшие размеры — высота сосудов 10–20 см, лишь некоторые достигают 25–47 см.

Проведенный анализ основных измерений сосудов — соотношение высоты, диаметров дна и горла и наибольшего диаметра тулова — позволяет выделить следующие три подгруппы:

- 1) высота сосуда меньше наибольшего диаметра тулова, то есть горшок приземистой формы, с широким горлом;
- 2) высота сосуда равна наибольшему диаметру тулова;
- 3) высота сосуда больше наибольшего диаметра тулова.

Вполне естественно, что к последней третьей подгруппе относятся более стройные, конусообразные горшки, главным образом больших размеров.

Из 127 целых горшков к первой подгруппе относится 64, ко второй — 19 и к третьей — 44 сосуда, то есть горшки, высота которых меньше или равна наибольшему диаметру тулова, преобладают. Следует оговорить, что выделение трех подгрупп по соотношению высоты сосуда и наибольшего диаметра тулова в известной мере условно, так как зачастую разница между ними ничтожна (за исключением больших сосудов). Более любопытные наблюдения дали измерения диаметра днищ у всех горшков. Оказалось, что диаметр днищ у большинства сосудов колеблется незначительно. Это можно связать лишь с технологическим моментом: изготавливая сосуды различных размеров, гончар пользовался одной и той же подставкой гончарного круга, поэтому высокие, большие сосуды получались конусообразными, небольшие и средние сосуды — более приземистыми.

Таким образом, можно констатировать наличие небольших, средних и довольно значительных по размерам горшков и предположить лишь различное их функциональное назначение (более определенно можно говорить о больших сосудах, высота которых 30–47 см, они использовались как сосуды для хранения пищи).

Существенным является и тот факт, что ни с одной из выделенных подгрупп нельзя связать определенный тип венчика или характер орнамента сосуда. Эти наблюдения и выводы явились, по существу, отправным моментом для более детального анализа «изяславльских» горшков. Стало ясно, что в основу классификации этой группы керамических изделий должен быть положен наиболее существенный и характерный признак сосуда — венчик. Удалось выделить шесть основных типов венчиков, которые являются ведущими в «Изяславле» и представлены многочисленными и устойчивыми сериями (рис. 7). Выделяя небольшое количество основных типов венчиков, пришлось отказаться от подтипов, которые незначительно отличаются от основного типа, поскольку отличия эти возникали в процессе изготовления сосуда.

1 тип. К первому типу относятся венчики, которые завершают вертикальную или слегка наклонную (внутри или наружу) или плавно изогнутую шейку горшка. Венчик отогнут

Тип	Виды венчиков горшков первой группы		
I			
			
			
II			
III			
			
IV			
V			
VI			

Рис. 7. Типы венчиков горшков первой группы (схема)

наружу и оканчивается прямым срезом или овальным закруглением, реже срез венчика слегка подгранен³ (рис. 7: I; 8; 9).

Горшки с подобным типом венчика известны на средневековых памятниках широкого круга — от западных рубежей Древней Руси до восточных. Это позволяет считать тип I одним из наиболее распространенных и относить его к общерусским керамическим традициям, тем более что хронологические рамки бытования таких венчиков так же обширны — XI–XIII вв. В XI–XII вв. известны они в Белой Веже (Плетнёва 1959: рис. 14: 1–4), в древнем Плеснеске (Кучера 1961: рис. 3: 1; 1962: рис. 19/4). В более позднее время в XII–XIII вв. подобные венчики встречаются на памятниках Галицкой земли (Бовшив: Крушельницка 1964: табл. IV, рис. 1; Нижний Струтин: Раппопорт, Малевская 1963: рис. 5: 21–22 и др.) и Волынской (Головно, Родзая Стан: Rauhut 1960: tabl. I: 14, III: 2). Горшки с венчиками типа I найдены также в Колодыжине (Юра 1962: рис. 37: 2, 4) и Воине (Довженок и др. 1966: табл. IX, 1).

Аналогичная картина наблюдается и в западнославянских землях. Подобные венчики были обнаружены на памятниках XI–XII вв. в Моравии (Novotný 1961: obr. 19 (s)), при раскопках Пражского града в слоях XII — первой половины XIII в. (Borkovský 1962: obr. 8: 57). Известны они и в Польше (Łaszczewska 1962: tabl. VII, 9).

II тип. *Ко второму типу* относятся венчики также отогнутые наружу, край венчика овальный. Венчик сверху заканчивается небольшим валиком, который образует уступ для керамической крышки. Этот тип венчика, подобно типу I, широко распространен как территориально, так и хронологически⁴ (рис. 7: II; 10; 11).

На Волыни подобные венчики найдены на многих поселениях XI–XIII вв. — Боромель, Демидовка и Карповка (под Ровно) (Rauhut 1960: tabl. I: 2, V: 7, 9). При раскопках церкви Василия во Владимире-Волынском венчики типа II были обнаружены на уровне древнего пола постройки⁵. Известны такие венчики в древнем Плеснеске (Кучера 1961: рис. 3: 1), Колодыжине (Юра 1962: рис. 37: 5, 6; 40: 3), Воине (Довженок и др. 1966: табл. VII, 2; X, 29). В древнем Новгороде исследователи отмечают их и в послемонгольских слоях (Смирнова 1956: рис. 6: 10).

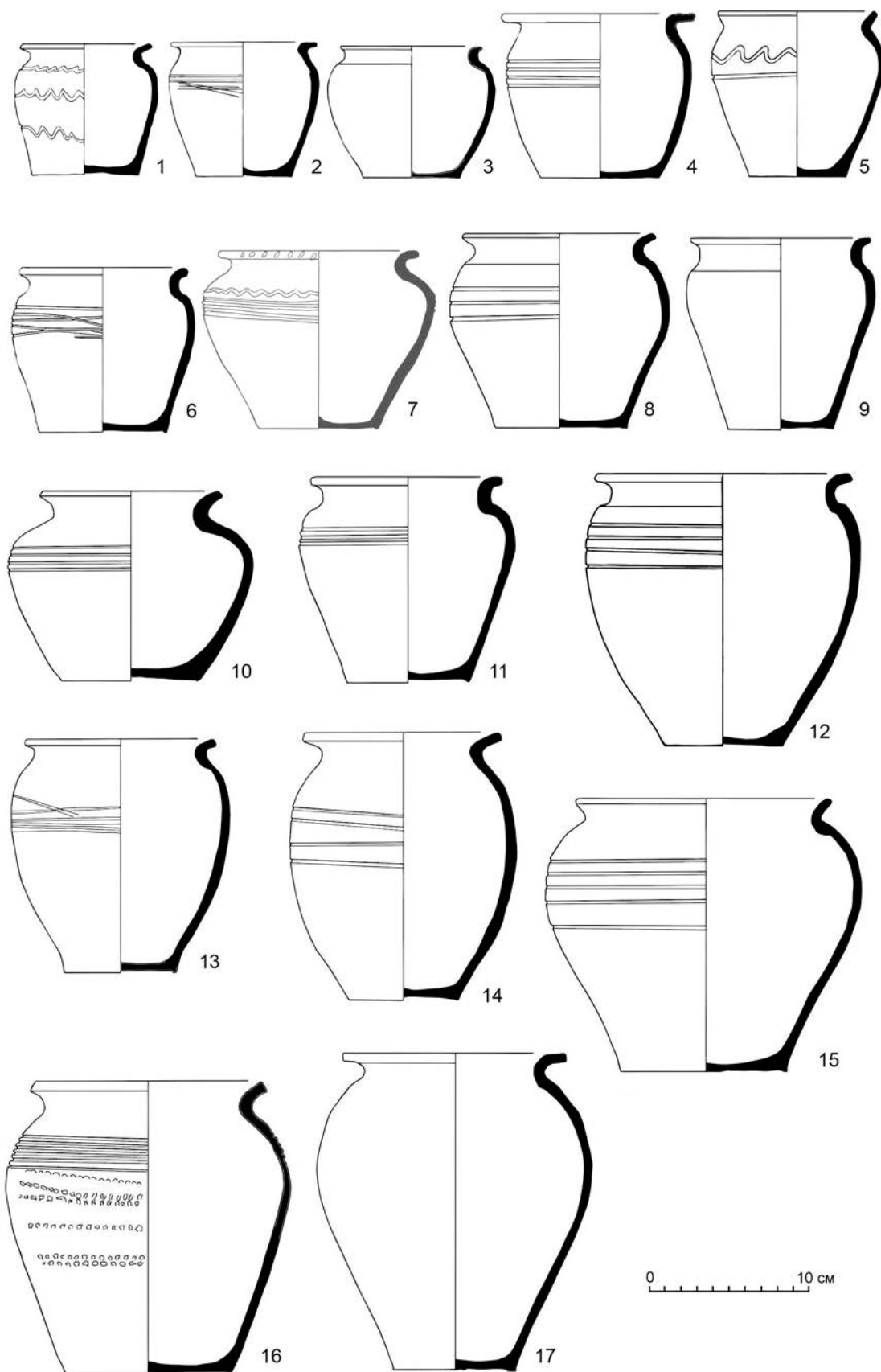
В землях западных славян венчики типа II известны на протяжении XI–XIII вв. (Hejna 1956: obr. 16; Abramowicz 1959: rys. 8; Borkovský 1962: obr. 8: 31–32).

III тип. *К третьему типу* относятся венчики на прямой, наклонной или плавно изогнутой шейке. Край венчика косо срезан и немного оттянут (рис. 7: III; 12; 13).

³ Некоторые варианты горшков с венчиком типа I можно соотнести с горшками типа IV по типологии М. В. Малевской, разработанной для галицкой керамики, которые, по ее же мнению, соответствуют типу IV для керамического комплекса Новогрудка, где они присутствуют «во всех постройках XII в. и в значительно большем количестве, чем первые три типа, в постройках первой половины XIII в.», и типу III для керамики из раскопок Данилова, где они присутствуют в незначительном количестве (Малевская 1969: 9–10, рис. 3: 8–14; 1971: 28–29, 31–34, рис. 5: IV, рис. 7: III). При этом отмечается некоторая архаичность облика этих сосудов (Малевская 1969: 10). — *Прим. А. Песковой.*

⁴ Горшки с венчиком типа II соотносятся с горшками типа I по типологии М. В. Малевской (как для галицкой керамики, так и для Новогрудка и для Данилова) (Малевская 1969: 6–8, рис. 2: 1–6; 1971: 28, 32–34, рис. 5: I, 7: I). На территории Галицкой земли они появляются, по наблюдениям М. В. Малевской, не ранее XII в., тогда как в других землях, как, например, в Новогрудке, они известны уже с конца XI в. и бытуют повсеместно до середины XIII в. (Малевская 1969: 8). — *Прим. А. Песковой.*

⁵ Раскопки 1956 г. Архитектурно-археологической экспедиции ЛГУ и ЛОИА АН СССР под руководством М. К. Каргера.

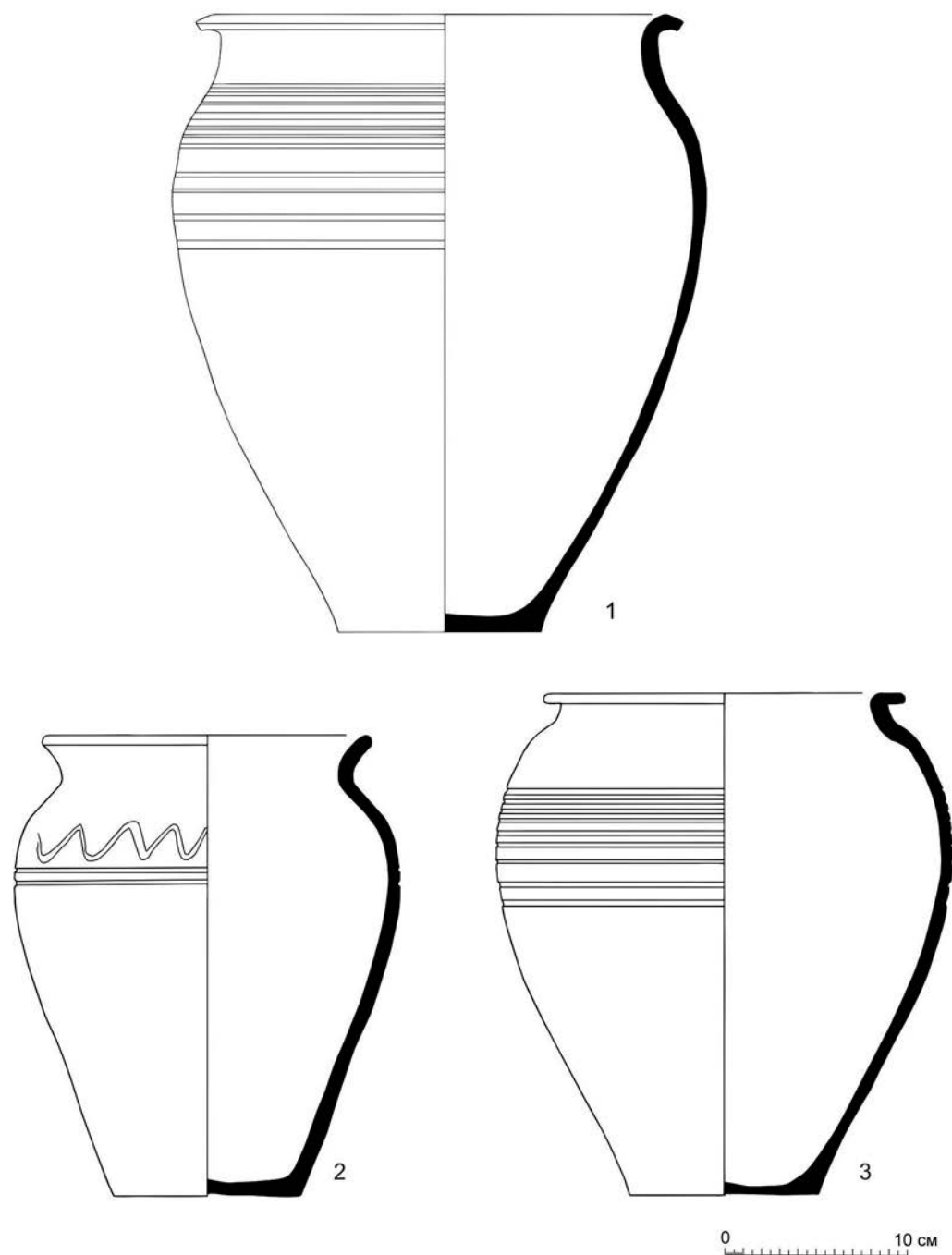

Рис. 9. Горшки первой группы, тип I (продолжение): 1 — б/н; 2 — ГД-58/8917; 3 — б/н

Рис. 8. Горшки первой группы, тип I: 1 — ГП-57/2011; 2 — ГП-61/3262; 3 — ГП-59/2942; 4 — б/н; 5 — ГД-57/7643; 6 — ГП-61/3982; 7 — ГП-62/983; 8 — б/н; 9 — Г-59/Галич(?); 10 — ГД-58/9106; 11 — ГП-57/9647 или ГП-64/1639; 12 — б/н; 13 — ГП-61/1953 или ГП-59/2961; 14 — ГД-58/3563; 15 — ГП-61/1956; 16 — б/н; 17 — ГД-58/6416

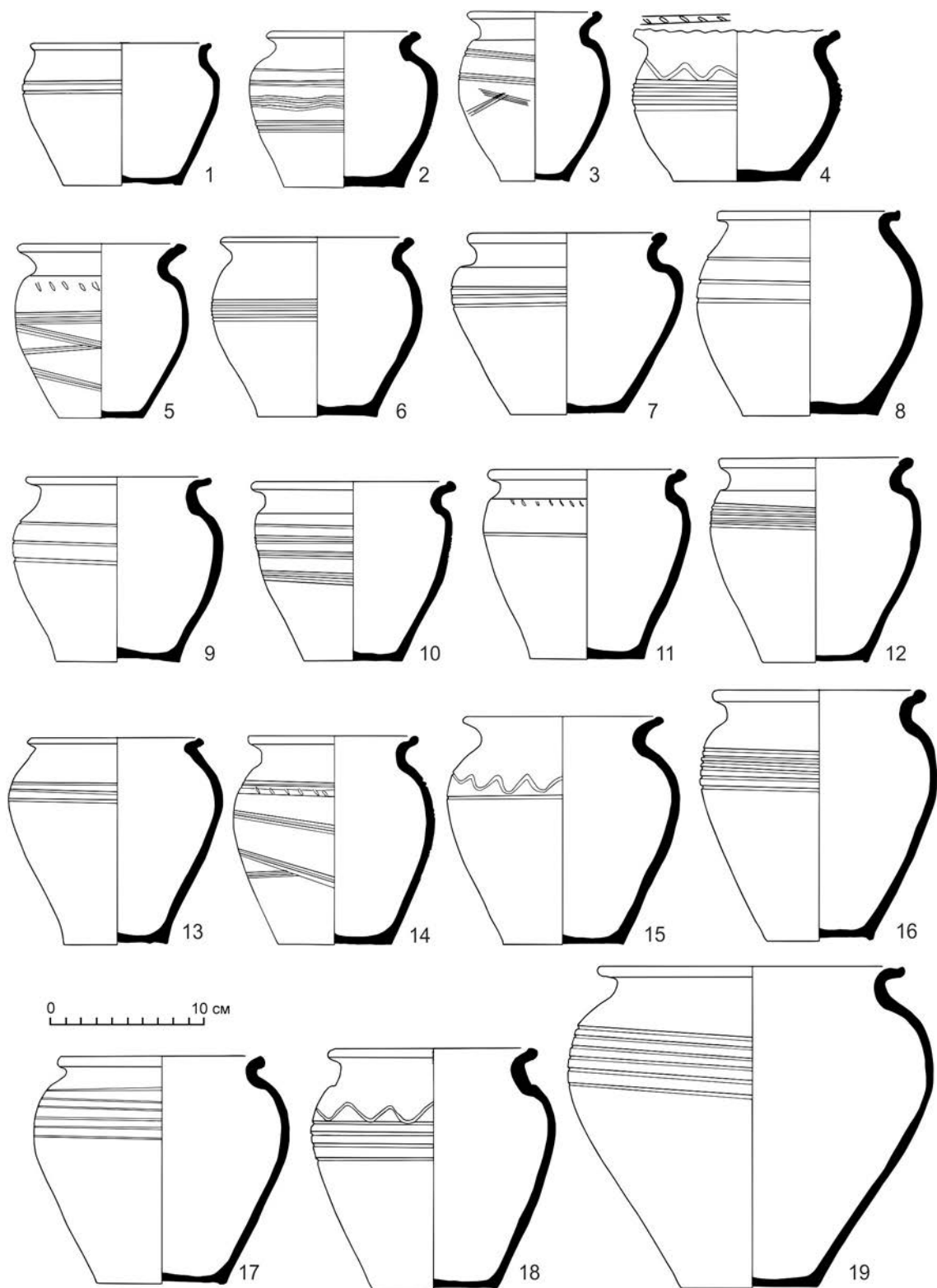

Рис. 10. Горшки первой группы, тип II: 1 — ГД-59/35773; 2 — ГП-62/987; 3 — ГП-58/5288; 4 — ГП-57/9492; 5 — ГП-62/1762; 6 — ГП-61/?; 7 — ГП-60/8065; 8 — ГП-59/2951; 9 — ГП-60/5867; 10 — ГП-60/5314; 11 — ГД-57/3491; 12 — ГП-60/2537; 13 — ГП-59/2980; 14 — ГП-63/541; 15 — ГП-60/2535; 16 — ГП-59/2956; 17 — б/н; 18 — ГП-59/2944; 19 — ГД-57/?

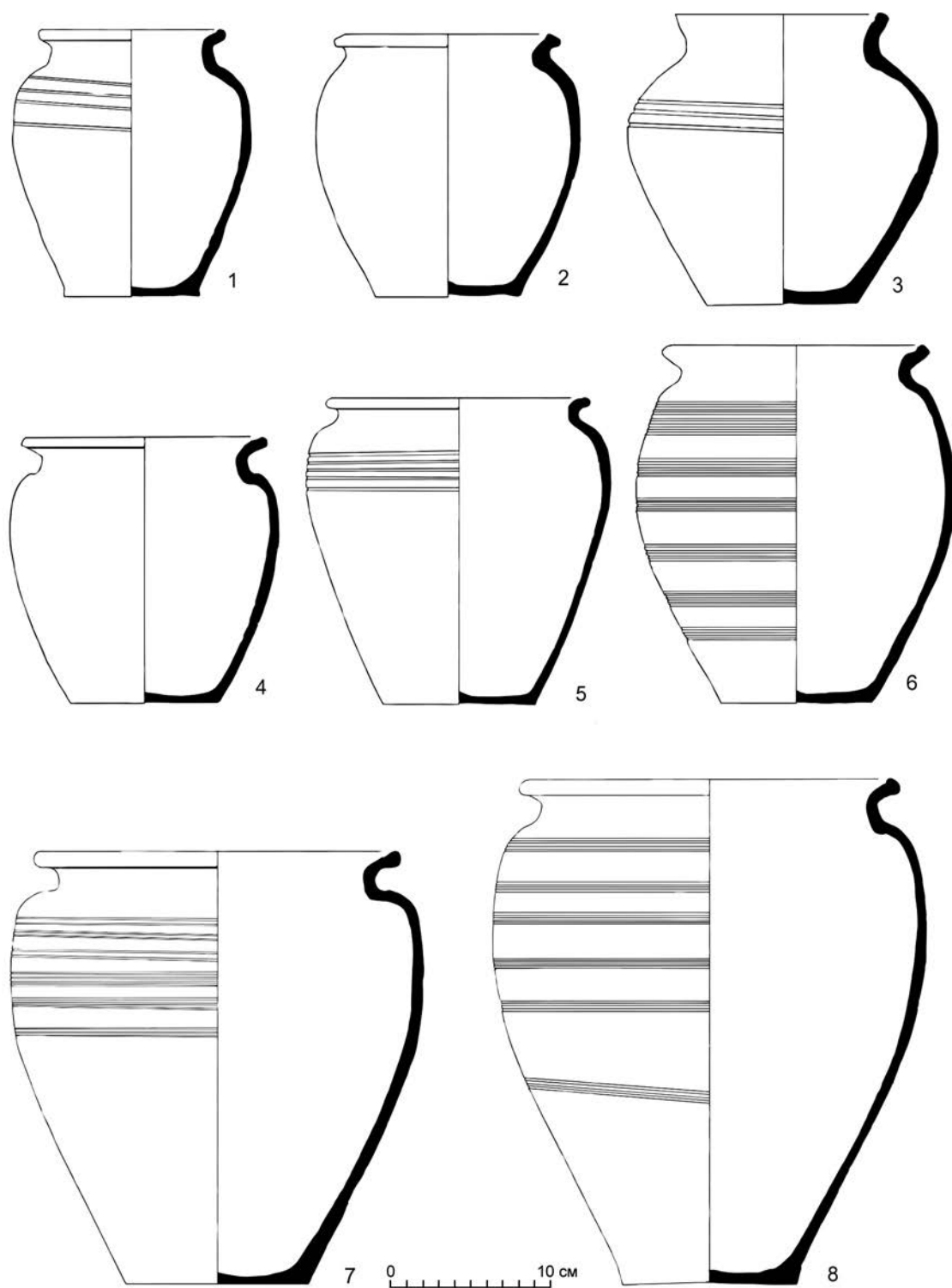

Рис. 11. Горшки первой группы, тип II (продолжение): 1 — ГП-59/6398; 2 — ГП-59/9108; 3 — ГД-57/9643; 4 — ГП-62/1000; 5 — б/н; 6 — ГП-62/2993; 7 — б/н; 8 — ГП-62/2934

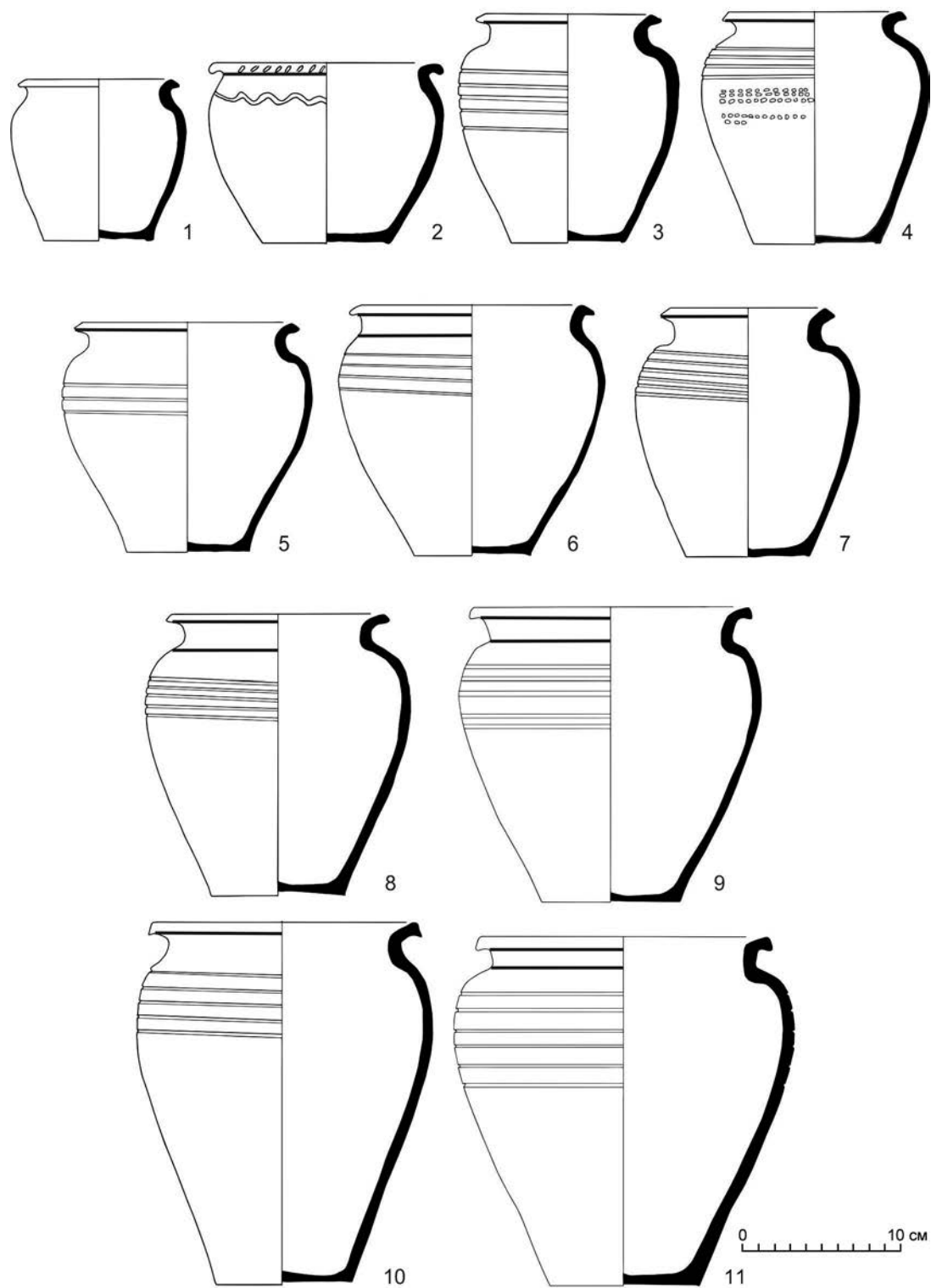

Рис. 12. Горшки первой группы, тип III: 1 — ГП-62/908; 2 — ГД-57/7633; 3 — ГП-62/991; 4 — ГП-59/2950; 5 — ГП-57/9401; 6 — ГП-62/2940; 7 — ГП-59/2947; 8 — ГД-58/5875; 9 — ГП-59/3358; 10 — ГД-58/9882; 11 — б/н

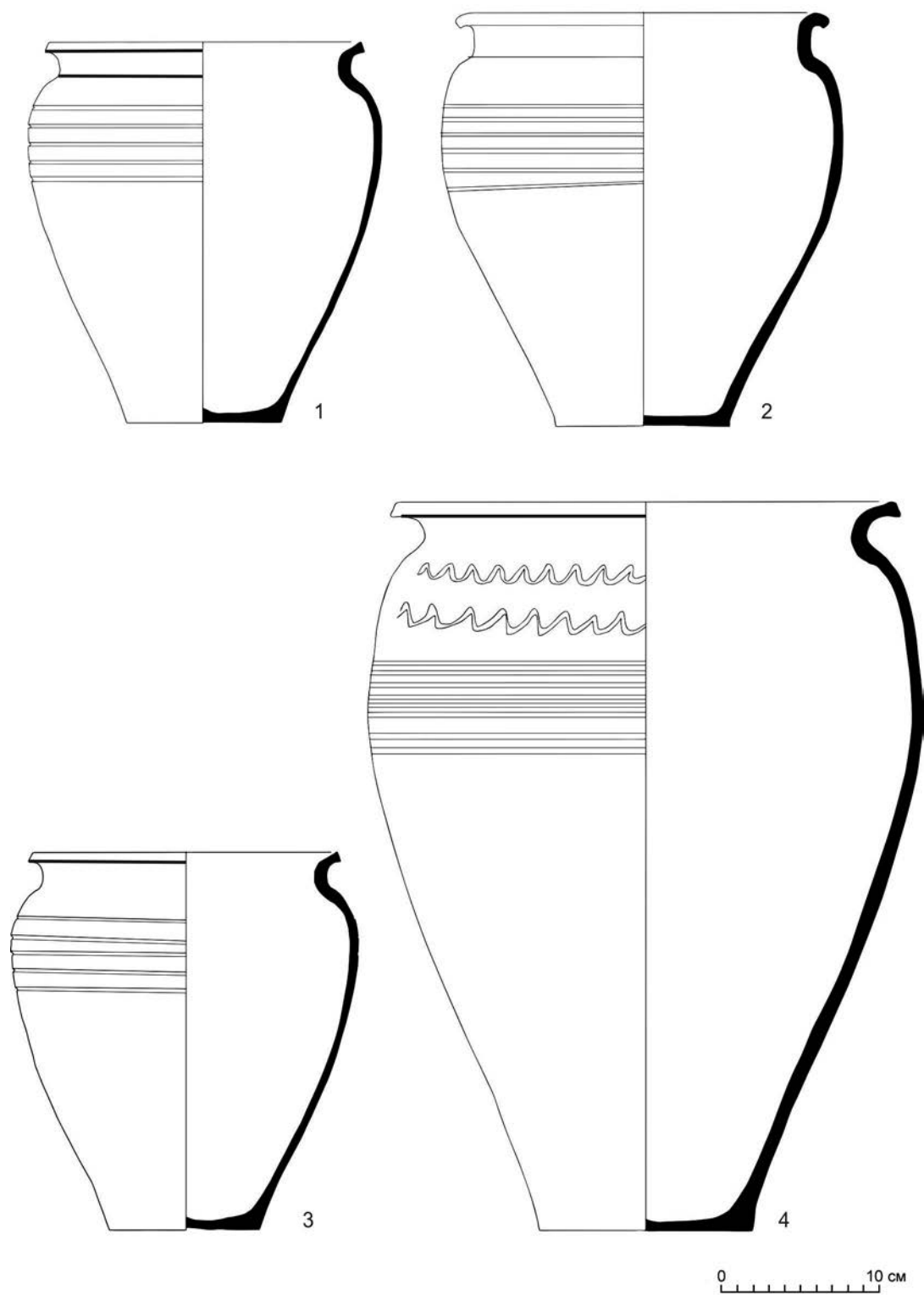

Рис. 13. Горшки первой группы, тип III (продолжение): 1 — ГД-58/11229; 2 — б/н;
3 — ГП-62/1004; 4 — ГП-62/2947

Данный тип венчика распространен на более ограниченной территории, охватывающей главным образом юго-западные области Древней Руси — Галицкую и Волынскую⁶. Более узкими оказались и хронологические рамки венчиков III типа — XII–XIII вв. В Галицкой земле они известны в Подгородье (Раппопорт, Малевская 1963: рис. 6: 15), в Бовшиве (Крушельницка 1964: табл. IV, 5). В стольном городе Волынского княжества венчики III типа найдены при шурфовке на территории у Успенского собора⁷. Встречаются подобные находки и на памятниках более западных территорий (Holl 1963: кер. 70: 1, 5, 6).

IV тип. К *четвертому типу* относятся венчики очень близкие как по профилю, так и по характеру обработки самого среза — закраина косо срезана и немного оттянута. От предыдущего типа они отличаются лишь наличием небольшого выступа или гребешка, образующего с внутренней стороны венчика паз — для упора керамической крышки (рис. 7: IV; 14).

Кроме «Изяславля» подобные венчики известны в Бовшиве (Крушельницка 1964: табл. IV, 2–3), Гологорах и Олешкове (Раппопорт, Малевская 1963: рис. 6: 11, 24–25), то есть в Галицкой земле.

V тип. К *пятому типу* относятся венчики, резко отогнутые наружу. Край венчика как бы подогнут под плоскость венчика и слегка оттянут (рис. 7: V; 15: 2, 4).

Венчики типа V довольно редко встречаются при раскопках древнерусских памятников. Можно указать лишь на находку в Новгороде в слоях XII в. (Смирнова 1956: рис. 5, 8) и в Турове (раскопки храма середины XIII в.)⁸. Обильнее аналогии венчикам типа V представлены в керамике западных соседей Руси — в Пражском граде (Borkovský 1962: obr. 8: 28) и Будайском дворце (Holl 1963: кер. 70: 2, 6).

VI тип. *Венчики шестого типа* завершают прямую, наклонную или овальную шейку. Плоскость венчика резко отогнута наружу, край венчика всегда ниже перегиба шейки и венчика. Кончик венчика незначительно расширяется (рис. 7: VI; 15: 5, 6).

Венчики, аналогичные типу VI, известны как на поселениях Галицкой земли (Подгородье, Второе Городище (Раппопорт, Малевская 1963: рис. 6: 5, 12, 19, 20)), так и на Волыни (Rauhut 1960: tabl. I, 8)⁹.

⁶ Горшки с венчиком типа III можно соотнести с горшками типа II по типологии М. В. Малевской, разработанной для галицкой керамики, определяемого ею как «собственно галицкий тип» (Малевская 1969: 7–8, рис. 2: 9–13). Но галицкий тип венчиков по Малевской включает в себя не только простые короткие венчики с косо срезанным краем, но и усложненные — с внутренним валиком для упора крышки, которые у О. В. Овсянникова выделены в отдельный тип IV (Там же: 7–8, рис. 2: 8, 14). — *Прим. А. Песковой.*

⁷ Работы производила Галицко-Волынская архитектурно-археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР и ЛГУ под руководством М. К. Каргера в 1956 г.

⁸ Столь же резко отогнутые венчики на городище Гринчук Каменец-Подольского района Хмельницкой области выделены в тип III (Пачкова, Петрашенко 1982: 57, рис. 3: 9), есть они и среди керамических материалов летописного Василева на Днестре (Михайлина и др. 2014: 152, 155, рис. 1: 3, 8).

⁹ Ближайшие территориально аналогии венчикам типа VI встречаются и среди керамики, происходящей из раскопок городищ Болоховской земли, в том числе из заполнения жилища № 13 на городище у с. Тележинцы в верховьях Южного Буга (Якубовский 1995: рис. 3: 20, 39, 41) и в Губине в верхнем течении Случи (Винокур и др. 2004: рис. 54, I: 20; 58, I: 3; 64, I: 21; 65: 5). Довольно близкие по форме венчики зафиксированы в Днепровском левобережье на сельском поселении Лисогубовка Конотопского района Сумской области (Украина), датированные второй половиной XIII — XIV в. (Беляева 1982: 25, 116, рис. 1 (карта) и рис. 24: 10–12). — *Прим. А. Песковой.*

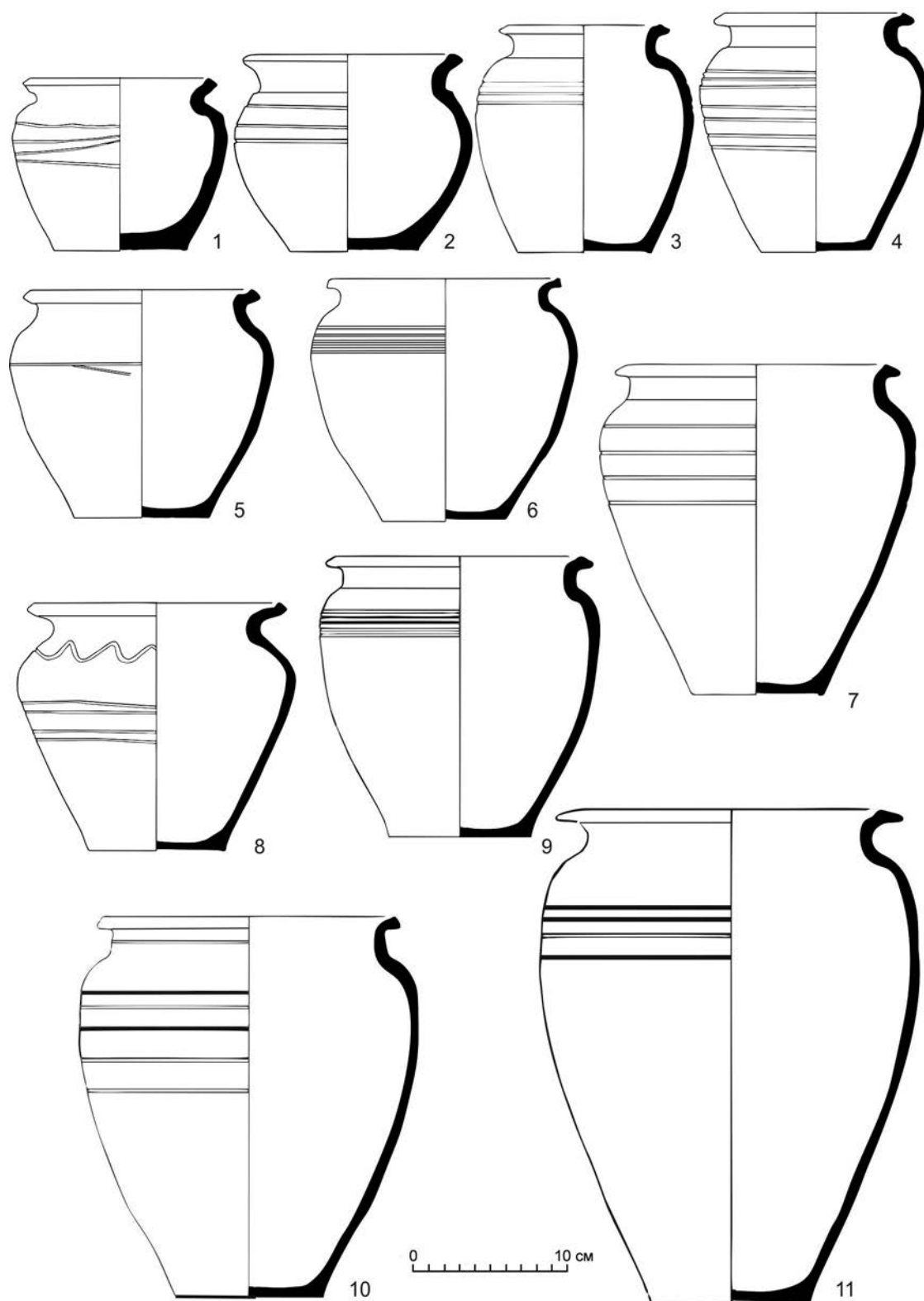

Рис. 14. Горшки первой группы, тип IV: 1 — ГП-62/992; 2 — ГД-58/?; 3 — ГД-58/5881; 4 — ГП-62/990; 5 — ГП-57/9646; 6 — ГП-57/9649; 7 — ГП-57/9593; 8 — ГП-57/9589; 9 — ГП-62/1003; 10 — ГД-59/5042; 11 — ГП-62/1062

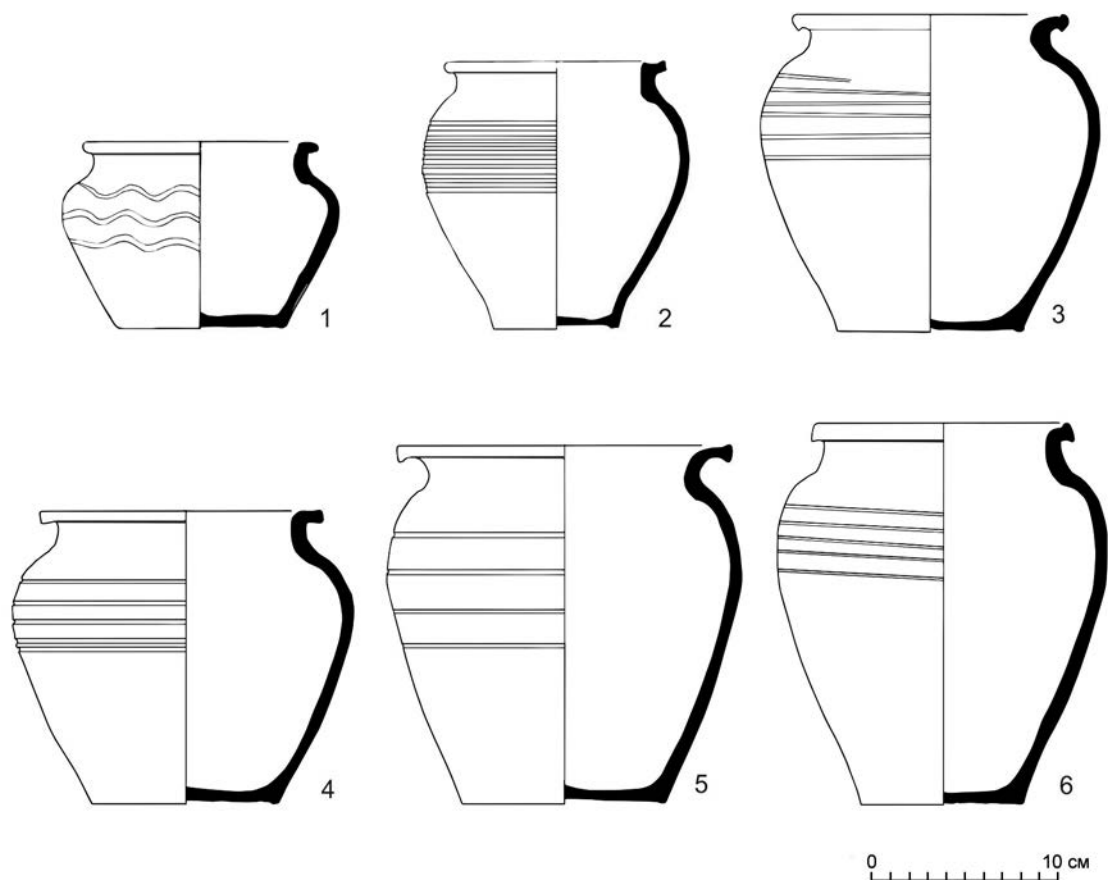

Рис. 15. Горшки первой группы, типы V–VI и индивидуальные формы: 2, 4 — тип V (ГП-62/989, ГД-58/3565); 5, 6 — тип VI (ГП-57/9594, ГП-63/544); 1, 3 — индивидуальные формы (ГП-62/989, ГД-58/3565) (возможно, названные индивидуальными формами относятся ко второй половине XIII — XIV в. — Прим. А. Песковой)

Вполне естественно, что выделенные нами шесть типов венчиков, встречающихся среди изяславльских горшков, не дают исчерпывающей картины. Во-первых, выделены лишь те типы, которые представлены многочисленными и устойчивыми сериями. Незначительные модификации этих типов дают самые разнообразные варианты. Во-вторых, имеются венчики, которые ввиду их малочисленности не характерны для данного памятника и могут рассматриваться лишь как индивидуальные типы.

Количественное соотношение основных типов венчиков в керамике древнего «Изяславля» распределяется следующим образом:

- I тип — 12,9 %;
- II тип — 8,8 %;
- III тип — 15,4 %;
- IV тип — 29 %;
- V тип — 3,7 %;
- VI тип — 23,8 %.

Соотношение основных типов венчиков оказывается, таким образом, весьма впечатляющим: первые два типа (I–II) составляют 21,7 % общего числа венчиков, остальные типы составляют подавляющее большинство. Особенно хочется отметить преобладание IV и

VI типов, которые в «Изяславле» являются наиболее характерными. Венчики типа V представлены незначительным количеством (3,7 %), но они принадлежат к тому же кругу галицко-волинских типов, что и IV и VI типы. Неслучайно мы определяем их как «галицко-волинский» тип. В настоящее время, когда керамические материалы, добытые археологами в Галиче и Владимире-Волинском, не опубликованы, трудно говорить, насколько те или иные типы являются «галицкими» или «волинскими». Это можно будет решать лишь в результате проработки материалов со многих памятников обеих земель. Пока лишь можно предполагать, в значительной степени условно, что выделенный тип III «волинский»¹⁰.

Тем не менее существенным является то, что ведущие типы венчиков горшков с изучаемого городища находят подавляющее большинство аналогий в западнорусских землях.

Орнаментальные мотивы, встречающиеся на горшках из «Изяславля», имеют, как правило, несложный характер. Большинство сосудов украшено параллельными прямыми или волнистыми линиями или сочетанием тех и других. Рисунок нанесен обычно небрежно. Овальные или четырехугольные вдавления, нанесенные на поверхность сосуда штампом, единичны (рис. 16). Рисунок располагается чаще всего на плечах горшка, реже спускается ниже, занимая приблизительно одну треть тулова. Значительная часть сосудов вообще не имеет орнаментации.

Среди горшков I группы выделяется одна небольшая подгруппа сосудов. По размерам и пропорциям эти сосуды мало отличаются от остальных «изяславльских» горшков, венчики также укладываются в рамки выделенных нами типов. Однако имеется еще ряд признаков, на наш взгляд значительных, позволяющих рассматривать их особо. Во-первых, эти сосуды отличаются от остальных тестом — глина сероватого цвета, более тщательно промешана, отощитель хорошо размельчен, поверхность сосуда имеет слегка блестящий оттенок от примеси слюды. Характерным признаком этой группы является и орнамент — рисунок наносился многозубчатым гребенчатым штампом, рельеф вдавлений слабый. Орнамент покрывает большую часть тулова горшка. Трудно сказать, с чем можно связать наличие этой группы горшков среди «изяславльской» керамики: то ли она несет на себе своеобразные черты индивидуальности почерка одного мастера или «мастерской», то ли здесь прослеживается отголосок более древних традиций керамического ремесла (например, в характере и способе нанесения орнамента). Пожалуй, в пользу последнего предположения свидетельствует наличие среди других типов керамической посуды древнего «Изяславля» сосудов с подобным орнаментом и близким составом глины (среди больших тарных сосудов, кувшинообразных и т. д.)¹¹.

¹⁰ В опубликованных к настоящему времени материалах из раскопок таких волинских городов, как Пересопница, Луцк, Владимир-Волинский, данное предположение не находит подтверждения (см., например: Терський 2003; 2006; 2010). — Прим. А. Песковой.

¹¹ Относительно происхождения традиции украшать керамические сосуды штампованным орнаментом у исследователей и по сей день нет единого мнения. Керамика с таким орнаментом в небольшом количестве встречается во многих регионах древней Руси, в том числе и в Галицкой земле. Однако, отмечая единичные находки керамики с штампованным орнаментом на городище у с. Гринчук на Днестре, исследователи пишут, ссылаясь на работу В. А. Мальм, что это отличительная черта керамики северо-западной и северо-восточной Руси (Мальм 1967: 132; Пачкова, Петрашенко 1982: 60). А на поселениях Нижней и Средней Сулы появление штампованной орнаментации фиксируется уже в XI в. и связывается с притоком западнославянского населения (польских переселенцев) (Моргунов 2012: 154). — Прим. А. Песковой.

Рис. 16. Редкие виды орнамента на горшках первой группы (1 — ГП-57/7633; 2 — ГП- 60/7329; 3 — ГП-62/2946; 4 — б/н). Фото из личного архива М. К. Каргера

II. Ко второй группе горшков относятся горшкообразные сосуды с цилиндрическим горлом (рис. 17–18). С группой I их роднит состав глины, характер обжига и орнамент, профиль тулова, отличаются же они только различным оформлением верхней части.

Всего насчитывается 184 фрагмента венчиков рассматриваемой группы керамики. Сосуды сделаны из серой или красной, реже из светло-коричневой глины. В качестве отошителя в большинстве случаев использован кварц, реже известь, кварц с примесью извести или слюды встречается в единичных случаях. Значительная часть сосудов при изготовлении была покрыта светлым ангобом. По качеству обжига равномерно и неравномерно

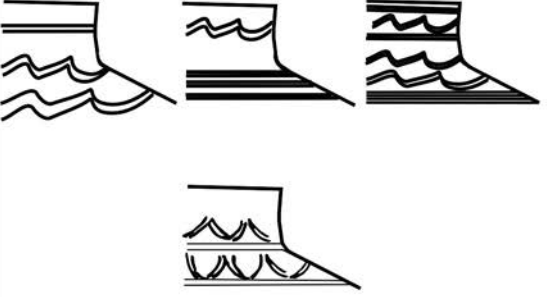

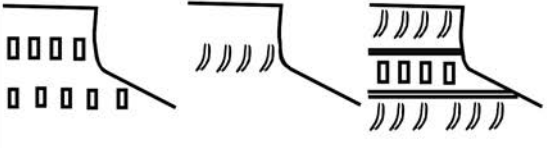

Виды орнамента на тулове	Кол-во	Виды орнамента на горле	Кол-во
	33		3
	22		3
	12		8
	3		3
	1		1
	1		1
	1		

Рис. 17. Орнаментальные мотивы на горшках второй группы (с цилиндрическим горлом) (схема)

обожженные сосуды встречаются приблизительно поровну. В основном данный тип керамики представлен мелкими фрагментами. Диаметры венчиков колеблются от 9 до 23 см, но основную массу посуды данного типа представляют сосуды с диаметром венчика от 12 до 19 см. Сосуды с большим или меньшим диаметром составляют незначительное количество. Всего при определении диаметров нами был учтен 161 фрагмент венчиков из 184 (остальные представлены очень мелкими фрагментами). Значительные размеры венчиков позволяют считать эти сосуды одной из групп кухонной керамики, по своему функциональному назначению довольно близкой горшкам. Некоторые сосуды с диаметром 9–11 см ближе к кувшинам, однако не они определяют лицо всей рассматриваемой группы керамики. Общий вид сосудов данного типа — горшкообразное тулово, довольно четко отделенное от плечиков горло с венчиком. Горло сосудов представляет собой вертикальную или слегка отогнутую (внутри или наружу) стоечку. Набор типов венчиков, наиболее часто встречающийся, такой же как у кувшинообразных сосудов с цилиндрическим горлом и валиком на нем или как у кувшинообразных сосудов с цилиндрическим горлом и ушками на плечиках. Вся рассматриваемая группа довольно однообразна, существовала одновременно, поэтому вряд ли целесообразно выделять среди этих сосудов более дробные типы. Можно указать еще на один вариант горла (он присутствует во всех трех видах и со всеми типами венчиков) — горло, имеющее небольшое утолщение в виде очень слабо выделенного валика. Эта деталь встречается при рассмотрении как некоторых видов кувшинов, так и горшков.

Беря за основу оформление самого окончания венчика — закраины, можно выделить следующие типы венчиков рассматриваемой группы сосудов (рис. 18: 1–20).

1. Край венчика оформлен в виде ровной площадки — горизонтальной, скошенной внутрь или наружу (соответственно виды венчика — с вертикальным или наклонным горлом; варианты венчика зависят от наклона площадки), особые варианты этого типа представляют венчики с горлом, имеющим небольшую выпуклость.

2. Край венчика в виде овального закругления (соответственно виды и варианты венчика).

3. Край оформлен в виде площадки (горизонтальной или скошенной), имеющей небольшой бортик, отогнутый наружу или внутрь (большинство случаев). Виды и варианты венчиков — соответственно.

4. Край венчика оформлен в виде площадки (как и у предыдущих типов), но имеет небольшие бортики, отогнутые внутрь и наружу одновременно. Виды и варианты венчиков — соответственно.

Первые три типа венчиков употребляются чаще и составляют большинство.

Из 184 фрагментов 92 украшены обычным для «изяславльской» керамики орнаментом из параллельных прямых и волнистых линий, вдавлений и сочетаний всех трех элементов (рис. 17). Фрагментарность посуды данного типа несколько искажает наши представления о степени декора сосудов (в тех случаях, когда орнамент располагался на не дошедших до нас плечиках или тулове сосуда и его не оказалось у рассматриваемых нами фрагментов горла, эти фрагменты были зачислены нами в состав не орнаментированных). Орнаментальная зона в большинстве случаев располагалась на плечиках, когда размеры черепка позволяли уловить это, но имеется некоторое количество сосудов, у которых было украшено и горло (19 из 92).

Сосуды описанного типа известны по раскопкам древнерусских памятников предмонгольской поры, но в небольшом количестве. Известны такие сосуды в Плеснеске, в XI в. (Кучера 1961: 150–151, рис. 2: 1, 3: 4; 1962: рис. 20: 6, 9), на древнерусском городище Замчище

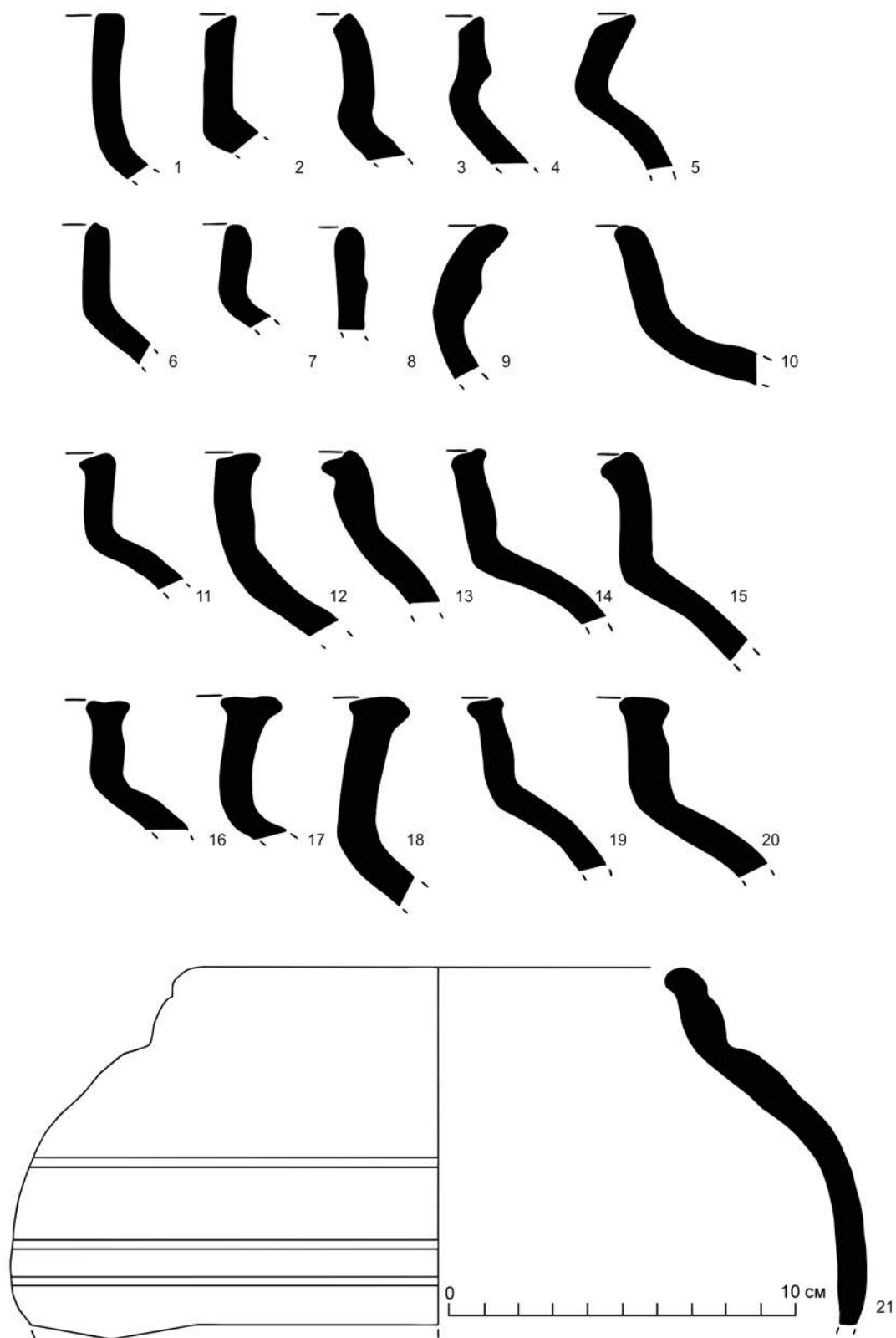

Рис. 18. Типы венчиков горшков второй группы (сосудов с цилиндрическим горлом):
1–20 — типы венчиков; 21 — фрагмент сосуда (ГД-57/9809)

в Судовой Вишне (Ратич 1962: табл. I, 14). Можно указать еще ряд находок подобного типа. Так, во Владимире-Волынском они датируются XI–XII вв.¹², известны в Луцке и в районе Головно (Rauhut 1960: tabl. XI, 5; XII, 3; XXIV, 2)¹³. Во вроцлавской керамике такие сосуды датируются XII — началом XIII в. (Kramarek 1959: tabl. I, c), встречаются они и среди керамики Чермно (Abramowicz 1959: 15).

Признавая функциональное назначение рассмотренной нами группы сосудов очень близким горшкам, мы не склонны трактовать их как один из типов горшков. Сосуды подобного облика занимают как бы промежуточное положение между горшками и кувшинообразными сосудами некоторых типов. В частности, у них все венчики характерны не для горшков, а для кувшинов. Сосуды с широким цилиндрическим горлом могли закрываться глиняными крышками, как плоско-цилиндрическими, так и некоторыми видами конических. Распространенность сосудов подобного облика на памятниках Волынской и Галицкой земель позволяет считать их непременной составной частью керамического комплекса этой территории, что, впрочем, не исключает их присутствия и за пределами этих районов¹⁴.

Таким образом, на протяжении всего существования древнего «Изяславля» в нем бытовали две группы горшков — «обычные» древнерусские горшки с наклонной, прямой или овальной шейкой и отогнутым наружу венчиком и горшки с цилиндрическим горлом (сужающимся или, наоборот, расширяющимся).

Выделение шести основных типов венчиков в I группе горшков позволяет считать, что этот вид керамической посуды наряду с общерусскими формами (а иногда и гораздо шире) имеет свои специфические, характерные для западно-русских земель формы. Весьма существенно, что среди «изяславских» горшков не встречено ни одного фрагмента горшка с небольшой плоской ручкой, которые типичны для Киевской земли. Это обстоятельство несомненно нужно учитывать при общей характеристике керамического производства в древнем «Изяславле», тем более что в количественном отношении горшки являются наиболее распространенным типом керамической посуды.

¹² Во Владимире-Волынском в ур. Апостольщина горшкообразный сосуд с цилиндрическим горлом был обнаружен в хозяйственной яме с керамикой XI в. (Терський 2010: 254–255, рис. 166: 1). — *Прим. А. Песковой.*

¹³ М. В. Малевская отмечала находки сосудов с низким вертикальным горлом также в Галиче и на Ленковецком городище (Малевская 1969: 10, рис. 4: 1–4), присутствуют они и в материалах из раскопок околного города и одного из пригородов Звенигорода (Гупало 2014: рис. 42: 3; 44: 2; 47: 1–2; 50: 3; 82: 12; 100: 1, 5; 131: 1). Приведенные аналогии указывают на локализацию использования сосудов данного типа главным образом на юго-западе древней Руси, однако они встречаются и на других территориях, как, например, на Черниговщине — на сельском поселении Автуничи при раскопках древнего колодца, в основном с керамикой XII в. (Веремейчик, Готун 1995: 91–92, рис. 11). В достаточно полно изученном древнем Новогрудке такие сосуды, представленные, как и в «Изяславле», тоже фрагментарно, обнаружены в комплексах с конца X по XII в., «а в XIII в. их производство почти прекратилось» (Малевская-Малевич 2005: 43–45, рис. 18 и 26). — *Прим. А. Песковой.*

¹⁴ Значительное количество горшкообразных сосудов с низким цилиндрическим горлом было обнаружено в жилых и хозяйственных объектах XI — первой половины XIII в. летописного Дорогобужа на Горыни (Прищеп 2011: 46, рис. 31: 5; 56, рис. 44: 3; 84, рис. 87: 6; 89, рис. 94: 12, 13; 91, рис. 97: 34; 114, рис. 130: 23; 116, рис. 133: 14, 136: 39; 123, рис. 147: 13) и одного из крупных центров Болоховской земли Губина (Винокур и др. 2004: 64, I: 14, 18; 66, I: 1, 4; рис. 67, II: 1, 18, 23; и др.). Известны такие сосуды, в том числе сосуд с горлом, имеющим слабо выраженный валик, и на болоховском городище Тележинцы (Якубовский 1983: рис. 46: 4, 11, 15). — *Прим. А. Песковой.*

Тарная керамика

Среди «изяславльской» глиняной посуды особо интересна тарная керамика, состоящая из нескольких групп сосудов. Этот интерес тем больше, что каждая группа представлена не единичными сосудами, а многочисленными сериями, что дает возможность рассмотреть весь ассортимент тарной посуды. Под тарной посудой мы имеем в виду керамические емкости, функциональное назначение которых состоит не только в хранении различных продуктов на месте, но и в транспортировке (перевозке или переноске) жидких и сыпучих тел на короткие или значительные расстояния.

Наличие довольно большого количества тарной керамики в общей массе посуды вполне объяснимо, ибо в каждом жилище находилось несколько видов сосудов-тар.

Определенная часть рассматриваемой в данном разделе посуды непосредственно связана с экономической жизнью древнего города и отражает его определенный хозяйственный уклон, рыночные связи.

В разделе тарной керамики рассматриваются следующие группы посуды:

- 1) кувшины и кувшинообразные сосуды,
- 2) большие толстостенные сосуды (типа пифоса),
- 3) амфоры.

Кувшины и кувшинообразные сосуды

В данном разделе рассматриваются, по существу, несколько групп сосудов кувшинообразной формы.

1. Собственно кувшины — сосуды с несколько шаровидным туловом и вытянутым горлом.
2. Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом и валиком на нем («плечики»).
3. Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом и ушками (иногда исследователи несправедливо определяют их как «амфорки киевского типа»).
4. Небольшие кувшинообразные сосуды с узким горлом и широко раскрытым венчиком (типа «lahen»).

Все рассматриваемые здесь группы посуды отличаются по своим технологическим свойствам (составу глины, обжигу, обработке поверхности), а самое главное — своим назначением.

Собственно кувшины составляют небольшую группу «изяславльской» керамики. Большею частью это небольшие фрагменты горла (50 фрагментов), целыми найдено лишь три кувшина (*цв. вклейка, фото 1; рис. 19*). Сосуды сделаны из сероватой или желтовато-красноватой глины, отощитель, обычный для «изяславльской» керамики, измельчен гораздо тщательнее, чем для других групп сосудов. Представляется возможность выделить четыре типа (в известной мере условно, так как большинство находок представлены слишком незначительными фрагментами).

1. К первому типу относятся кувшины с широким туловом, плавно сужающимся ко дну, с довольно высоким горлом, которое заканчивается раструбом. В коллекции присутствуют два целых сосуда этого типа (*цв. вклейка, фото 1: 3, 4*).

Сосуд 1. Высота 37,2 см, диаметр дна 13 см, диаметр горла (раструба) 11 см. Раструб имеет слив. Венчик раструба слегка закруглен. Сосуд побывал в пожаре, но следы ангоба видны хорошо. Кувшин сделан на подставке, его дно слегка вогнуто.

Сосуд 2. Высота 30,5 см, диаметр дна 11 см, диаметр раструба 9 см. На нем также видны следы пребывания в пожаре. Кувшин покрыт светлым ангобом. Дно почти ровное, имеется

клеймо в виде княжеского знака. Венчик раструба имеет более сложный контур, весь раструб напоминает чашечку.

К первому типу можно отнести еще 15 фрагментов подобных кувшинов, в основном это части горла или раструба. Большинство кувшинов имеет в чашеобразном раструбе слив. Кроме того, к первому типу относятся несколько фрагментов кувшинов не с чашеобразным, а с воронкообразным горлом, не имеющим слива.

Одним из вариантов кувшинов первого типа является кувшин с длинным горлом, заканчивающимся чашеобразным раструбом (рис. 19: 2, 15, 16). Тулово сосуда не сохранилось, поэтому трудно судить об его облике в целом. Характерной деталью этого кувшина является ручка, которая была прикреплена одним концом к горлу, другим к тулову сосуда. Кувшин сделан из красной глины, покрыт ангобом. Горло орнаментировано прямыми параллельными линиями, тулово — волнистыми линиями.

Кувшины первого типа декорированы сочетанием волнистых и прямых линий и выглядят довольно нарядно. Особую нарядность придает кувшинам горло, украшенное, как правило, волнистыми линиями (цв. вклейка, фото 1: 1; рис. 19). В одном случае это сочетание волнистых и прямых линий, и еще в одном случае волнистые линии расположены зонами. Этот прием состоит в том, что между двумя зонами, украшающими горло волнистыми линиями по окружности, располагается зона волнистых линий, нанесенных по диагонали. Фрагмент одного кувшина с ручкой украшен кольцевыми вдавлениями (судить об облике сосуда в целом трудно) (рис. 19: 8).

Кувшины первого типа могли служить как для подачи напитков на стол (сосуды небольшого и среднего размера), так и для непродолжительного хранения (сосуды большого размера).

2. Ко второму типу кувшинов относится несколько фрагментов с воронкообразным или чашеобразным раструбом и с небольшим валиком или утолщением при переходе от горла к раструбу (рис. 19: 4). Два из них покрыты светлым ангобом, третий — великолепным коричневым лощением¹⁵. Считается, что валик на горле глиняных кувшинов имитирует деталь, характерную для металлических кувшинов.

Кувшины подобной формы, правда, поливные, имеются в Любече, Чернигове, где они датируются XI–XIII вв. (Макарова 1965: 234, рис. 1: 14, 15, 21; 1967: табл. XIII, 7, 8). Кувшины с чашеобразным раструбом и валиком под ним присутствуют в керамическом комплексе XIII в. Венгрии, где они представлены многочисленной и устойчивой серией (Holl 1956: кер. 2 (e), кер. 12; 1963: кер. 68: 1–3, 5).

К этому же типу относятся фрагменты горла кувшинов из красноватого теста с примесью слюды, покрытых великолепным белым ангобом. Характерной чертой сосудов этого типа является наличие валика перед раструбом и сложно профилированный раструб горла. Фрагмент горла такого же кувшина рассматривается нами среди поливной керамики «Изяславля». На древнерусских памятниках предмонгольской поры мы не могли найти аналогий кувшинам данного типа.

3. К третьему типу относятся кувшины с прямым невысоким горлом (рис. 19: 6, 13). Один фрагмент имеет как бы гофрированное горло¹⁶, плавно переходящее в тулово.

¹⁵ Фрагмент горла красноглиняного кувшина со слабо выраженным воронкообразным раструбом со сливом и с небольшим валиком при переходе от горла к раструбу, украшенного ниже валика широкими вертикальными полосами лощения, был обнаружен в слоях XIII–XIV вв. на среднеднепровском поселении Ломоватое 2 (Сымонович 1960: 25, рис. 10: 4). — Прим. А. Песковой.

¹⁶ Фрагменты кувшинов с невысоким «гофрированным» горлом (один из них с ручкой) зафиксированы на одном из болоховских городищ у с. Тележинцы (Якубовский 1983: рис. 46: 2, 3,

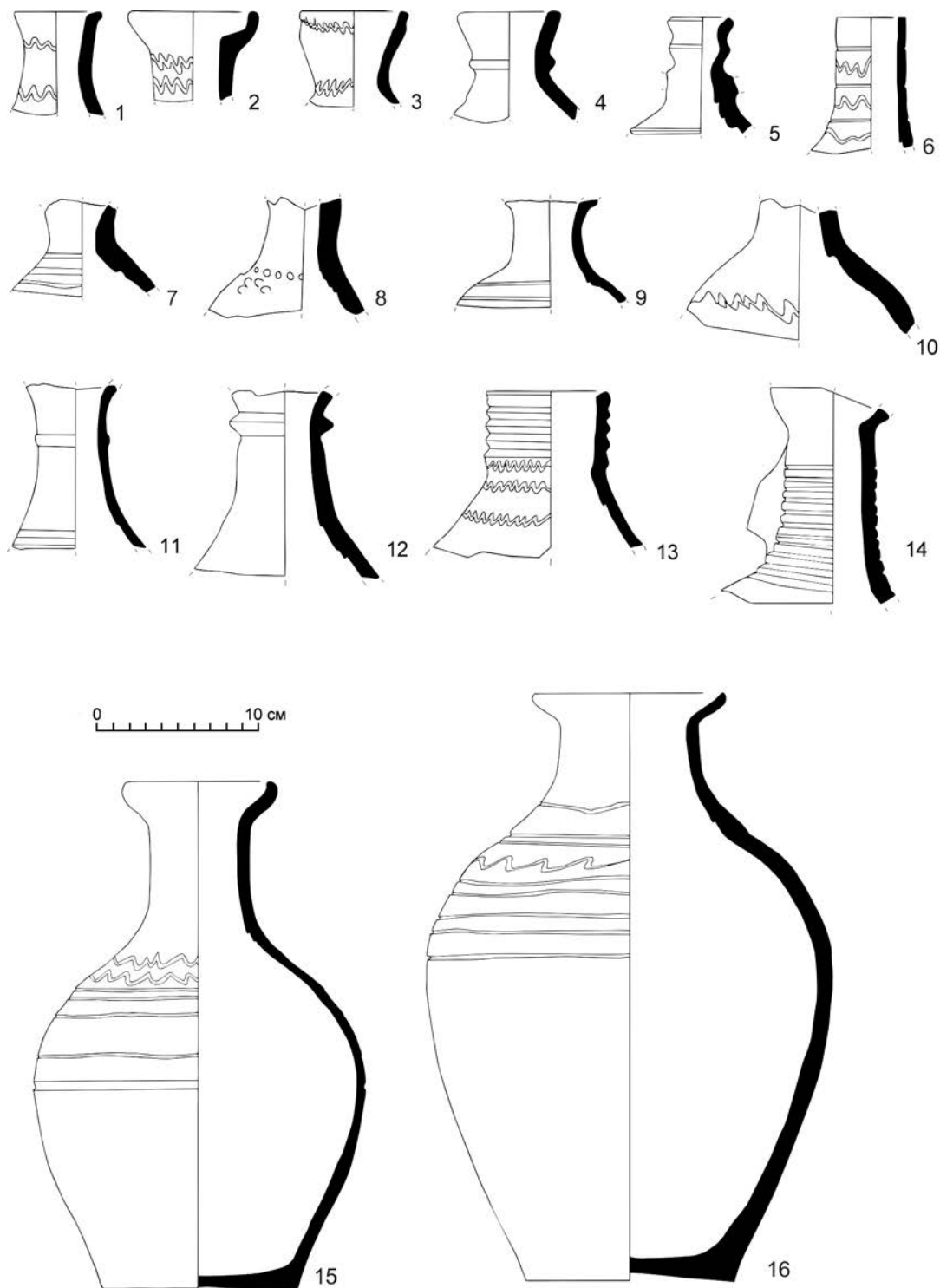

Рис. 19. Кувшины: 1-14 — фрагменты горла (ГП-63/9503; ГП-57/6661; ГД-57/873; ГП-62/1332; ГП-63/9598; ГП-61/2844; ГД-57/1437; ГП-61/4950; ГП-60/3149; ГП-63/10151; ГП-62/2954; ГП-64/1508; ГД-58/5873; ГП-61/2295); 15 — кувшин с чашеобразным раструбом (ГП-64/ 1643); 16 — кувшин с коническим раструбом (ГД-58/3567)

Диаметр горла 7,5 см, высота 5,5 см. Орнамент в виде волнистых линий нанесен на тулово, начиная с места присоединения горла. Кувшин сделан из красной глины с примесью кварца.

К этому же типу в качестве особого варианта можно отнести прямое горло кувшина, прорезанное глубокими линиями на несколько долек, покрытых волнистым орнаментом, и еще один фрагмент.

4. К четвертому типу кувшинов можно отнести один сосуд — с узким и высоким горлом, имевшим довольно сложную профилировку. Особенностью этого сосуда являются две ручки, которые верхними концами крепились к горлу кувшина, нижними — к тулову (на горле хорошо видны следы ручек). Тулово орнаментировано параллельными линиями. Глиняное тесто темно-серое, сосуд покрыт ангобом.

Для всех типов кувшинов характерна одна особенность — горло присоединялось к кувшину уже после того, как было изготовлено тулово. На это указывает наличие швов этого соединения, зачастую не сглаженного. В свою очередь это доказывает, наряду с некоторой асимметричностью тулова, наличием следов ленточной техники, на изготовление их на ручном гончарном круге.

Можно предполагать, что большинство кувшинов изготовлено местными гончарами. Поэтому особый интерес представляют два фрагмента верхних частей кувшинов. Эти части относятся, по всей вероятности, к заготовкам, то есть к кувшинам, к которым еще не приделано горло, но уже украшено тулово. Наличие незаконченных изделий (причины незаконченности неясны) позволяет уверенно говорить о местном производстве. Некоторые данные этнографии подтверждают именно такое толкование находки этих фрагментов на городище¹⁷.

Находки кувшинов на городище древнего «Изяславля» распределяются следующим образом: приблизительно 1/3 найдена на детинце и 2/3 на посаде. Однако следует учитывать, что некоторые типы кувшинов, местное производство которых вызывает сомнение, найдены на посаде (например, фрагмент лощеного сосуда с валиком на горле). Трудно сказать, являлись ли кувшины со сложнопрофилированным валиком привозными или делались на месте. Наличие подобных типов среди поливных изделий «Изяславля» позволяет предположить, что местные гончары могли подражать привозным изделиям. Все кувшины, рассмотренные нами, отличаются от остальной керамики древнего «Изяславля» более тщательной выделкой и более богатым орнаментом, что является вообще характерной чертой кувшинов предмонгольского времени (Каргер 1958: рис. 99: 1–2; Кишваси-Комша 1957: табл. IV, 22, 24, 25; Solle 1959: 2, obr. 83 (u)).

Сосуды с цилиндрическим горлом и валиком на нем составляют особую группу. Всего среди керамического материала «Изяславля» учтено 545 фрагментов венчиков от сосудов

14, 17). Известен фрагмент сосуда с «гофрированным» горлом в материалах из раскопок постройки второй половины XIII в. в предместье Луцка Помостиче (Терский 2006: 90–91, рис. 76: 1). В Среднем Поднепровье на сельском поселении в Григоровке сосуды с «гофрированным» горлом зафиксированы как в слое XI–XII вв., так и в объектах второй половины XIII в. (яма 43) (Петрашенко 2005: 52, рис. 29: 2, 3; 73: 3). Присутствие здесь данного типа керамики исследователи связывают с носителями этой традиции — выходцами с территории Польши (Кучера 1986: 450; Петрашенко 2005: 52). В летописном Юрьеве на Роси фрагмент такого горла обнаружен в постройке с керамикой XII–XIII вв. (Орлов и др. 1985: рис. 6: 7). — Прим. А. Песковой.

¹⁷ При изготовлении кувшинов в горных районах Таджикистана производственный процесс распадается на две стадии — тулово будущего кувшина и заготовка горла делаются отдельно. Затем заготовки соединяются и место соединения заглаживается (см.: Пещерева 1947: 44).

Рис. 20. Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом с валиком: 1 — ГП-59/2943; 2 — ГП-57/9596; 3 — ГП-57/9595; 4 — ГП-63/538; 5 — б/н; 6 — ГП-59/2945; 7 — ГП-60/2598; 8 — ГД-58/3571; 9 — ГД-58/3566. Фото из личного архива М. К. Каргера

данного типа (небольшие фрагменты стенок, которые, вероятно, все-таки встречались, не учтены из-за трудности их опознания) и девять целых сосудов (рис. 20; 21).

Следует указать, что такое количество фрагментов и целых сосудов с цилиндрическим горлом и валиком на нем встречено на древнерусском памятнике впервые. Изучению

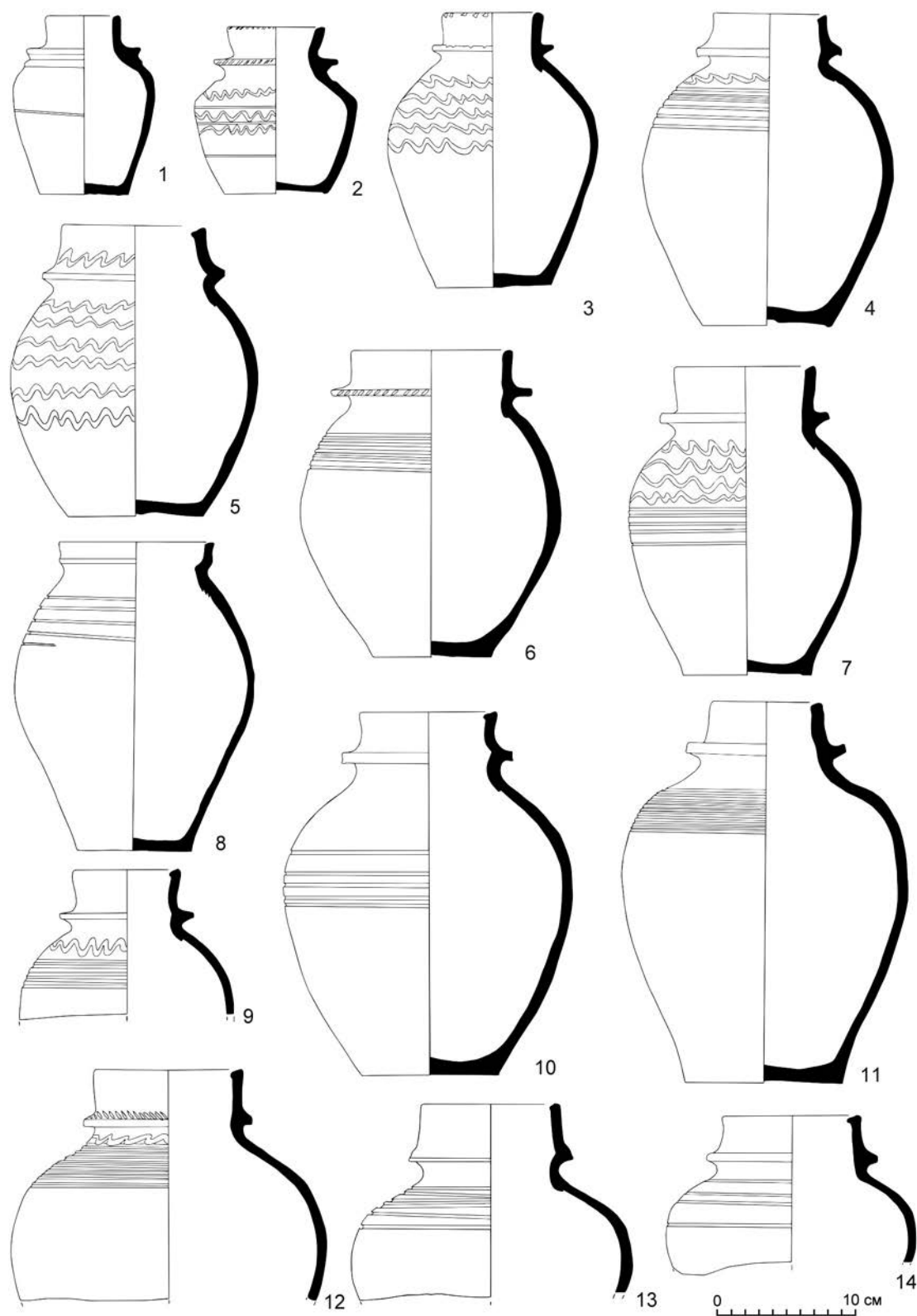

Рис 21. Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом с валиком: 1 — ГП-57/9596; 2 — ГП-59/2943; 3 — ГП-57/9595 (?); 4 — ГП-59/2945; 5 — ГП-63/538; 6 — ГП-60/2598; 7 — б/н; 8 — ГД-58/5775; 9 — ГП-61/1952; 10 — ГД-58/3571; 11 — ГД-58/3566; 12 — ГД-58/5121; 13 — ГП-59/5330; 14 — ГД-58/3622

подвергся весь имеющийся материал с целью исследования состава теста, из которого сделаны сосуды, определения отошителей и характера обжига и внешнего оформления сосудов. При типологическом исследовании были использованы все целые сосуды и 472 фрагмента венчиков (не вошли наиболее мелкие, трудноопределимые фрагменты).

Сосуды данного типа встречены во время раскопок детинца и посада. По внешнему виду они отличаются от общей массы «изяславльской» керамики. Это аккуратно сделанные кувшинообразные сосуды с тщательно обработанной поверхностью, в большинстве случаев покрытые светлым ангобом. Качество глины хорошее, отошителем обычно использовали кварц, нередко отошитель тщательно измельчен. Реже в отошитель входит известь как единственная примесь или вместе с кварцем. Обжиг сосудов разнообразен: около 30 % черепков имеют равномерный обжиг, вся толща черепка хорошо прокалена и имеет кирпично-красный или розоватый цвет, реже светло-коричневый. Почти 25 % черепков имеют трехслойную в изломе структуру: красный — темный — красный цвет. Для большинства сосудов характерно отсутствие следов вторичного обжига, происходившего обычно при функционировании посуды — на них нет следов пребывания в печи. Поэтому из массы «изяславльской» глиняной посуды эта группа выделяется своим более нарядным видом. Несмотря на различные размеры сосудов, на них отчетливее видны следы стандартизации, чем на других группах керамики «Изяславля», — узкое высокое горло, перехваченное выступающим валиком, выпуклые шаровидные бока, плавно суживающиеся книзу. Приведем размеры целых сосудов.

№	Высота сосуда, см	Диаметр дна, см	Диаметр венчика, см	Наибольший диаметр тулова, см
1	12,1	7,5	7	11,2
2	14	7	5,6	11
3	20,5	8,6	7,1	15,6
4	23,4	9,1	12,2	20
5	22	10,4	10,6	18,7
6	24,5	10,1	8,9	19,6
7	24,1	10,0	10,9	18,1
8	27,6	10,5	10,5	22,0
9	29,2	12,1	8,3	21,9

При типологическом анализе сосудов данной группы следует указать, что этот тип довольно устойчив и однороден. Состав глины, качество обжига, орнамент, а также форма валика не могут быть взяты при классификации в качестве каких-то существенных критериев для более дробного деления внутри разбираемой группы сосудов. Можно указать лишь на несколько вариантов: сосуды с вертикальным горлом, с горлом слегка наклонным внутрь (слабоконическим) и с горлом, расширяющимся кверху. Особую, правда, небольшую группу составляют сосуды, имеющие вместо валика лишь небольшое утолщение (ложный валик). Наряду с сосудами, у которых отмеченный нами вариант горла выражен хорошо, есть

много таких, которые можно назвать промежуточными. Более определенно можно говорить о типах венчика. Однако они не связываются с тем или иным вариантом горла, а распределяются более или менее равномерно по всей массе сосудов.

Количественное соотношение различных вариантов сосудов данной группы выглядит следующим образом: с вертикальным горлом 179 фрагментов, с наклонным внутрь — 156 фрагментов, с отогнутым наружу — 77 фрагментов. Характерно, что любой из перечисленных вариантов не имеет свойственной только ему формы закраины венчика. Нам кажется вполне возможным выделить следующие четыре типа венчиков:

- 1) венчик заканчивается овальным закруглением;
- 2) край венчика ровный — горизонтальный, скошенный внутрь или наружу, редко на поверхности края венчика имеется неглубокая бороздка;
- 3) закраина венчика имеет выступ (варианты — выступ внутрь сосуда или наружу, при этом выступ может быть горизонтальным, скошенным внутрь или наружу);
- 4) закраина венчика имеет два выступа (варианты — выступ горизонтальный или скошенный).

Наибольшее количество принадлежит венчикам с прямым срезом (тип 2); венчики 1-го и 3-го типов распределяются равномерно. Не типичен венчик 4-го типа.

Функциональное назначение кувшинов состоит, скорее всего, в хранении и транспортировке на незначительные расстояния жидких продуктов питания. На это указывает приспособление на горле — бортик или валик, под который наматывалась веревка (или ремень) и пропускалась через имеющиеся в валике два симметричных паза. В результате получалась петля, за которую можно было держать сосуд или подвешивать его. За петлю можно было опускать в воду сосуд со скоропортящимися продуктами или просто для охлаждения. Однако следует отметить, что ни на одном сосуде не заметно следов стертости от бечевки или следов самой бечевки.

Валик присоединялся к сосуду уже после того, как он был готов. На некоторых фрагментах части валика отвалились и отчетливо видно место соединения. Большинство сосудов покрыто ангобом и орнаментировано. Ангоб наносился на сосуд после орнамента, поэтому нередко сохранился только в орнаментальных углублениях.

Орнамент зафиксирован на 219 фрагментах. Безусловно, это число отражает лишь какую-то часть орнаментированной посуды данного типа — различное расположение орнаментированных участков на сосудах не позволяет говорить об отсутствии украшений на сосудах, от которых сохранились лишь мелкие фрагменты. По характеру орнаментирования все сосуды можно разбить на две большие группы: сосуды, у которых валик не украшен орнаментом, и сосуды, у которых орнаментом, кроме тулова и горла, украшен и валик.

1. К первой группе относятся сосуды с украшенными шейкой, туловом или горлом. Орнамент состоит из следующих элементов:

- а) параллельные прямые линии, от 1 до 4 линий (39 раз),
- б) волнистые линии, от 1 до 6 линий (16 раз),
- в) сочетание первых двух элементов (12 раз).

2. Ко второй группе относятся сосуды, у которых наряду с туловом и горлом украшен валик, и не только торец валика, но и плоскость его. Вторая группа отличается от первой тем, что для украшения валика введен новый элемент орнамента — овальные вдавления, которыми обычно покрывается исключительно валик (за несколькими исключениями).

Основные элементы орнамента второй группы:

- а) овальные вдавления (113),

- б) параллельные линии и вдавления (9),
- в) волнистые линии и вдавления (24),
- г) сочетание всех трех элементов (6).

Валики, как правило, украшены вдавлениями, расположенными вертикально или наклонно, горизонтальных вдавлений мало. Горло кувшина обычно украшалось любым из трех элементов (вдавлениями очень редко) или оставалось неорнаментированным. Прослеживается преобладание вдавлений, но это только за счет значительного количества находок орнаментированных валиков. В одном случае соответственно расположенными вдавлениями сделана имитация «волны».

Декор на сосудах рассматриваемой группы располагается обычно на плечиках сосуда неширокой орнаментальной полосой. Встречаются, хотя и нечасто, сосуды, у которых орнаментом покрыта значительная часть тулова. Вообще рассматриваемые сосуды отличаются от остальной «изяславльской» керамики богатством декора, что в сочетании с не закопченной красной поверхностью придает им нарядный вид.

Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом и валиком на нем встречаются на древнерусских памятниках предмонгольской поры, но на довольно локализованной территории. Кроме городища древнего «Изяславля», насколько можно судить по публикациям, подобные сосуды в небольшом количестве встречены в следующих пунктах: городище древнего Плеснеска (Кучера 1962: рис. 20: 4), Райковецкое городище (Гончаров 1950: табл. XXV, 4), Колодяжин (Юра 1962: рис. 38: 1), древний Галич (Пастернак 1944: рис. 81: 3)¹⁸. То есть территория распространения кувшинообразных сосудов с вертикальным горлом и валиком на нем лежит западнее Киева, причем западная граница распространения этих сосудов проходит по границе восточных и западных славян.

Таким образом, группа рассмотренных сосудов, составляющая часть, по всей вероятности, тарной посуды в «изяславльской» керамике, отчетливо выделяется как устойчивая серия, характеризующая местное гончарное производство и занимающая в бытовом укладе горожан свое определенное место. Отсутствие этой группы керамики в районах, прилегающих к Киеву, и распространение в юго-западных древнерусских землях позволяет рассматривать ее присутствие в «изяславльском» комплексе гончарных изделий как галицко-волынское влияние.

Сосуды с цилиндрическим горлом и ушками. В керамическом материале древнего «Изяславля» можно выделить еще одну группу небольших сосудов — это кувшины с цилиндрическим горлом и парой ушек. Группа эта невелика — представлена семью целыми сосудами, восемью крупными фрагментами и 37 ушками, то есть можно говорить о 50–55 кувшинах. Глиняное тесто серое или красноватое (приблизительно поровну), в качестве отощителя использован кварц, примесь слюды встречается редко. Большинство экземпляров покрыто ангобом, как правило, белым (рис. 22; 23).

¹⁸ Количество сосудов с вертикальным горлом и валиком, найденных в «Изяславле», в настоящее время наиболее сопоставимо с аналогичными находками на территории летописной Болоховской земли: в Губине они составляют весьма заметную часть в керамическом комплексе XII–XIII вв. (Винокур и др. 2004: рис. 55, I: 3; 55, II: 1; 58, II: 4; 66, I: 3; 67, II: 16; 71: 3; 72: 1, 3; 75, I: 2; 2006: рис. 9: 22, 10: 24), известны также на городищах на р. Згар и у с. Тележинцы в верховьях Южного Буга (Якубовский 1983: рис. 46: 1, 10, 12; 1995: 235). В Погорынье можно отметить сосуды рассматриваемого типа на полу жилища XI — начала XII в. в Остроге (Прищепе, Позіховський 2011: 137, рис. 10: 19) (валик слабо выраженный) и в заполнении построек XII–XIII вв. волынского Дорогобужа (Прищепе 2011: 67, 101, 142, 143, рис. 62: 11; 112: 20; 151: 6). Несколько обломков сосудов с валиком было обнаружено и при раскопках летописного Кременца (Прищепе 2014: 306). — Прим. А. Песковой.

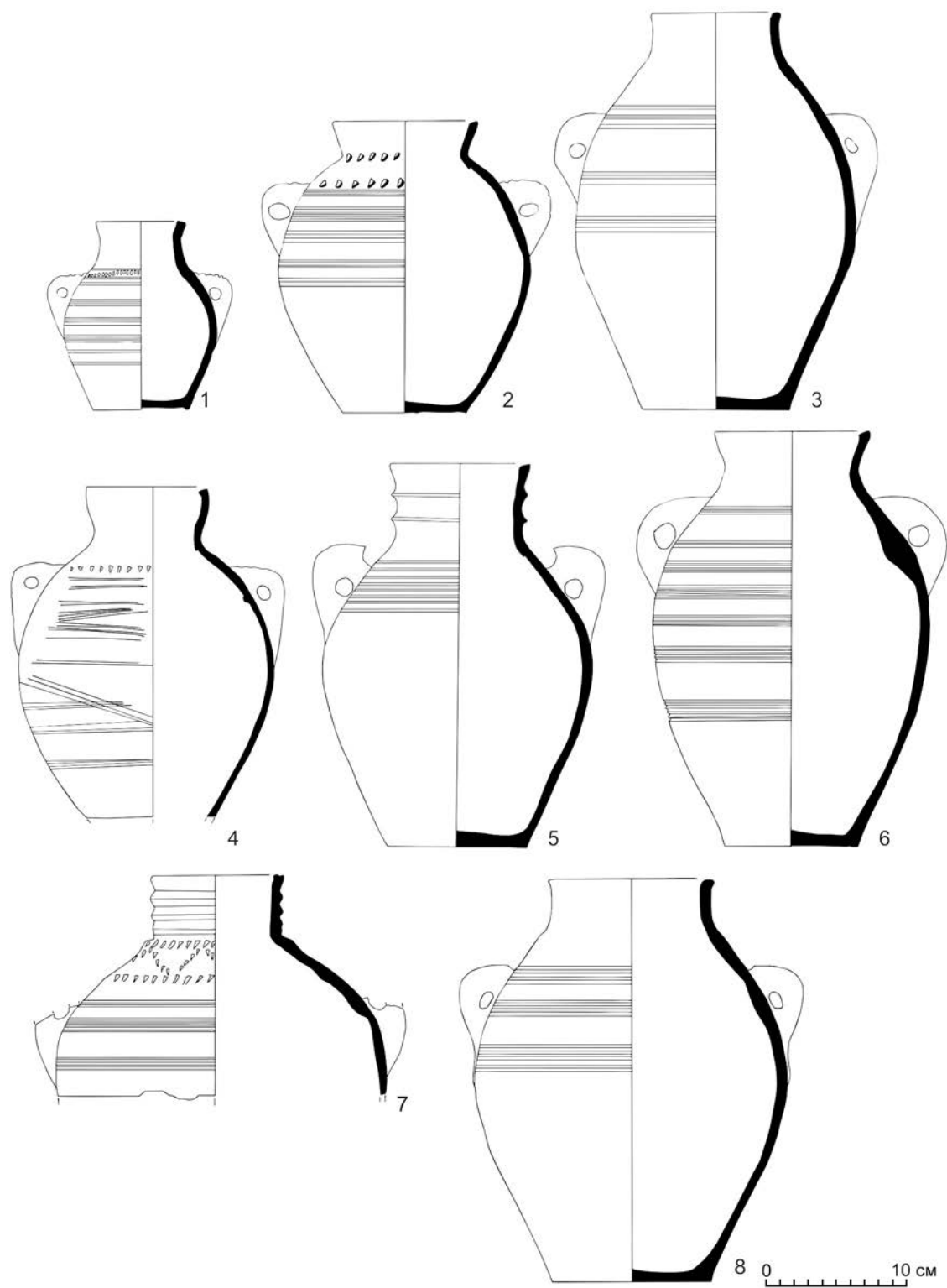

Рис. 22. Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом и ушками: 1 — ГД-58/5879; 2 — ГД-58/3564; 3 — ГП-61/1958; 4 — б/н; 5 — ГП-62/997; 6 — б/н; 7 — ГД-57/2616; 8 — ГП-61/1959

Рис. 23. Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом и ушками: 1 — ГД-58/5879; 2 — ГД-58/3564; 3 — ГД-57/2616 (или 2618); 4 — ГП-61/1959; 5 — 6/н; 6 — ГП-62/997; 7 — ГП 59/2946. Фото из личного архива М. К. Каргера

Тип сосудов довольно устойчив, хотя по форме тулова среди рассматриваемых сосудов можно выделить два варианта:

1. К первому варианту (рис. 22: 3, 6, 8; 23: 5) относятся сосуды со слегка вытянутым туловом. Переход от тулова к горлу плавный, что делает сосуды стройными, удлиненными. Ушки располагаются в верхней части тулова или ближе к середине. Горло прямое или слегка отогнутое. Закраина венчика овальная или горизонтально срезанная, иногда имеет слабо выраженный бортик, нависающий наружу. К первому варианту относятся лишь три целых сосуда.

№	Диаметр дна, см	Наибольший диаметр тулова, см	Диаметр горла, см	Высота сосуда, см
1	9,4	19,5	11	29,3
2	11,5	22,8	12	29,7
3	10,5	20	9,5	28,5

Кроме того, к первому варианту можно отнести один фрагмент верхней части такого же сосуда.

2. Ко второму варианту (рис. 22: 1, 2, 4; 23: 1, 2, 6) относятся сосуды очень близкие к описанным выше, но отличающиеся более резким переходом от тулова к горлу, что придает сосудам в целом некоторую шарообразность. При этом необходимо учитывать, что и высота сосудов второго варианта несколько меньше. Приводим измерения трех целых сосудов и двух графически реконструированных:

№	Диаметр дна, см	Наибольший диаметр тулова, см	Диаметр горла, см	Высота сосуда, см
1	7	11,5	6,8	14
2	8,5	19,5	9,5	26
3	9	18,5	10,5	21,3
4	10,5	20	10,5	28,5
5	10,5	22,7	9,2	28

Можно отметить два сосуда, отличающихся от остальных наличием на горле нескольких валиков, что придает горлу своеобразную «реберчатость» или «гофрированность».

Все сосуды рассматриваемых групп украшены параллельными линиями, нанесенными острием или гребенкой (архаический орнамент, отмеченный нами и на группе горшков), или сочетаниями линий и вдавлений. В большинстве случаев орнамент располагается в верхней части сосуда, занимая подчас большую часть тулова.

Особенно богато украшен один из сосудов с реберчатым горлом — под самым горлом проходят две линии, нанесенные треугольным штампом, между ними — имитация волнистой линии, также из треугольных вдавлений. Ниже, вероятно, большую часть сосуда покрывали полосы из прямых параллельных линий, выполненные многозубчатым штампом.

В археологической литературе сосуды, очень близкие по облику «изяславльским», получили название «амфорок» так называемого «киевского типа». Однако среди них есть как сосуды, близкие нашим находкам, так и сосуды несколько иного облика. «Классическим»

типом «киевской амфорки» являются сосуды с массивным, книзу расширяющимся туловом, с ушками, посаженными у самого перехода горла к тулову (Самойловский 1952: рис. 1). «Амфорки киевского типа» в широком понимании этого типа известны во многих древнерусских городах предмонгольской поры: в Киеве (Каргер 1958: табл. LXXVI; Гончаров 1957: рис. 5: 2), Вышгороде (Довженок 1950: табл. IV, 1–5; 1952: табл. I, 5), Колодязине (Юра 1962: рис. 38: 2–4), Княжей Горе (Rauhut 1960: tabl. IX, 6)¹⁹.

Хотя кувшинообразные сосуды с ушками, выделенные нами в первый вариант, несколько похожи на «киевские амфорки», вряд ли их можно так назвать. Наряду с массивностью, небрежностью в изготовлении «амфорок киевского типа», следует указать на отсутствие орнаментальных узоров на них. На «изяславльских» же кувшинах богатый орнамент нанесен не только на тулово, но зачастую на горло и ушки. Ушки к сосуду прикреплялись уже после изготовления его и нанесения орнамента при помощи небольшой палочки. Об этом свидетельствуют отдельные находки ушек. Все сосуды рассматриваемой группы сделаны на гончарном круге ленточным способом, хорошо прослеживаются швы, соединяющие горло с туловом.

Трудно определенно говорить о хозяйственной функции кувшинов данной группы. Вероятно, по своей функции, как в известной мере и по форме, они близки сосудам с цилиндрическим горлом и валиком, то есть могли быть использованы как тарная посуда. Не исключена возможность использования их и в качестве столовой посуды — для подачи вина на стол. Однако наличие пары ушек указывает скорее на их тарное назначение. В свое время

¹⁹ В Белорусском Поднепровье единичные находки «амфорок киевского типа» фиксируются в Копыси, на городище Черкасово, в Друцке (разные варианты) (Левко 2012: 194, рис. 3). В летописном Юрьеве на Роси, так же как и в Друцке, и в Григоровке, сосуды с ушками представлены как киевским вариантом, так и волинским, датирующимися XII–XIII вв. (Орлов и др. 1985: рис. 6: 3, 4; 7: 4, 5). В Пересопнице фрагменты «амфорок киевского типа» находили в хозяйственных ямах у вала детинца (Терський 2003: 53).

Особого внимания заслуживают находки кувшинообразных сосудов с ушками, происходящие из раскопок В. А. Петрашенко на сельском поселении у с. Григоровка в Среднем Поднепровье, так как они связаны как с объектами рубежа XI–XII вв., так и с объектами, датированными второй половиной XIII–XIV вв. Важно отметить, что надежность датировки объектов на данном памятнике подкрепляется толстым наносным слоем песка, которым домонгольский горизонт отделен от слоев второй половины XIII — XV в. (Петрашенко 2005: 162). Ушки от таких сосудов были обнаружены в заполнении нижней камеры гончарного горна, встречались они и в слое рубежа XI–XII вв., что, по мнению исследовательницы, возможно, связано с проживанием на этой территории гончаров из Полесья и Западной Волини (Там же: 72–73, 128). В постройке № 14, датированной второй половиной XIII — XIV в., были найдены два сосуда: один, напоминающий «амфорку киевского типа», другой — «кувшин с массивной ручкой и узким горлом со сливом, верхняя часть горшка покрыта густым рифлением» (Там же: 195, рис. 28: 1, 2; приложение 1: рис. 21: 5, 6). В постройке № 17 среди керамики XIII–XIV вв. присутствует фрагмент сосуда с ушками (Там же: 52, рис. 29: 1; приложение 1: 201, 203, рис. 24: 2). В заполнении ямы 43, относимой В. А. Петрашенко ко второй половине XIII в., был обнаружен сосуд светло-желтого цвета большого объема, с ушками, изготовленный «из плотного глиняного теста амфорного типа» (Там же: 52, 165–166, 204, рис. 73: 1). Из той же ямы происходит развал сосуда с невысоким «гофрированным» горлом и венчиком со сливом и следами ручки, вылепленный из глины с примесью крупных кусков шамота (Там же: 165–166, 204, рис. 73: 3). Показательно, что вместе с керамикой XIII–XIV вв. в яме было найдено кресало овальной формы (Там же: 165), известной и по находкам в «Изяславле».

Во Владимире-Волинском сосуды с ушками неоднократно зафиксированы в комплексах сооружений XIV в. (соор. № 8, 23, 24) при раскопках на Апостольщине (Терський 2010: рис. 105: 1, 3; 106: 7; 108: 2, 3). — *Прим. А. Песковой.*

Б. А. Рыбаков выделил один тип сосудов с ушками — «корчажец», который трактовал как меру вина на одного человека, ставившуюся перед каждым сидящим (Рыбаков 1946: 138, рис. 62). Даже если в летописных источниках «корчажец» и выступает в такой функции, связывать его с типом данного сосуда нет оснований.

Наличие целой серии сосудов с цилиндрическим горлом и ушками в «Изяславле» значительно расширяет наше представление о керамическом комплексе этого древнего города. Широкая распространенность сосудов данного облика в Киевской земле и на запад от Киева свидетельствует о том, что наличие сосудов такого типа можно считать обычным явлением в керамическом наборе горожан данной территории²⁰.

Правда, в Киеве выявлена еще одна группа сосудов с ушками — это горшки-рукомойники. От рассматриваемых сосудов они отличаются более приземистой формой и более широким горлом (Каргер 1958: 417, рис. 98).

Сосуды с «гофрированным» горлом и ушками встречаются в землях западных славян, например, на средневековых памятниках Чехословакии, где они, правда, датируются несколько более ранним временем, чем «изяславльские» (Eisner 1960: fig. 2–3).

Небольшие кувшинообразные сосуды («lahen»). Сосуды рассматриваемой группы встречаются при раскопках памятников предмонгольской поры лишь в единичных случаях. Тем не менее можно говорить, что эта группа сосудов занимает определенное место в ассортименте древнерусской бытовой керамики. Сосуды подобного облика называют обычно кувшинами (Загорульский 1963: 64), название «lahen» («бутылкообразные») менее удачное (Vaňá 1956: 105–147).

Всего на «изяславльском» городище найдено 23 целых кувшинообразных сосуда (рис. 24–27) и 32 фрагмента. Целые сосуды хорошо сохранились благодаря массивности стенок, компактности и приземистой форме. Нет никаких оснований связывать этот тип керамики с каким-то микрорайоном «Изяславля», на посаде и на детинце они распределены более или менее равномерно. Следует оговорить, что эта группа кувшинов не представлена одним единым стандартом, можно выделить подтипы или виды, но общая форма, манера изготовления и функциональное назначение позволяют рассматривать их совокупно.

Для всей группы характерна небольшая высота 11,4–17,3 см, диаметр дна 6,6–9,6 см, диаметр горла 4,0–7,5 см. Глиняное тесто серое или красноватое, в качестве отощителя использован кварц. Особенностью формы является узкое горло с широко отогнутым венчиком, диаметр горла почти всегда составляет половину диаметра наиболее широкой части тулова. Нижняя часть, как правило, массивная, тяжелая. Среди сосудов можно выделить две группы:

I группа представлена кувшинами с чашевидными венчиками, закраина венчика овальная, с горизонтальным срезом или имеет более сложный профиль, ранее отмеченный нами при типологии горшков;

²⁰ Сегодня сосуды с ушками известны и к востоку от Киева: на сельском поселении Автуничи на Черниговщине при расчистке древнерусского колодца было обнаружено наряду с целыми сосудами данного типа (3 целых и 4 фрагментированных сосуда) еще свыше 50 ушек (Веремейчик, Готун 1995: 91–92, рис. 11). В то же время в летописном волынском Дорогобуже, материалы которого сегодня опубликованы с максимальной полнотой (Прищепя, Нікольченко 1996; Прищепя 2011), сосуды с ушками, называемые иногда по аналогии с «амфорками киевского типа» «вольнскими амфорами», не зафиксированы. При этом в Губине — одном из городов Болоховской земли — сосуды с ушками представлены довольно выразительно — одним целым сосудом и 20 фрагментами ушек (Винокур и др. 2004: рис. 54, II: 2, 3, 7; 57, II: 1; 59, II: 6; 66, II: 5; 67, I: 1, 2; 70, II: 18; 72: 4, 6, 7; 75, I: 1, 3; 76: 4, 6, 7, 9, 12, 13; 133, II (цв.)). Есть они и в материалах других болоховских городищ — летописного Кобуда (Виногородська 2006: 16, рис. 5) и городища у с. Тележинцы (Якубовский 1983: рис. 46: 5, 9, 16, 18, 19). — *Прим. А. Песковой.*

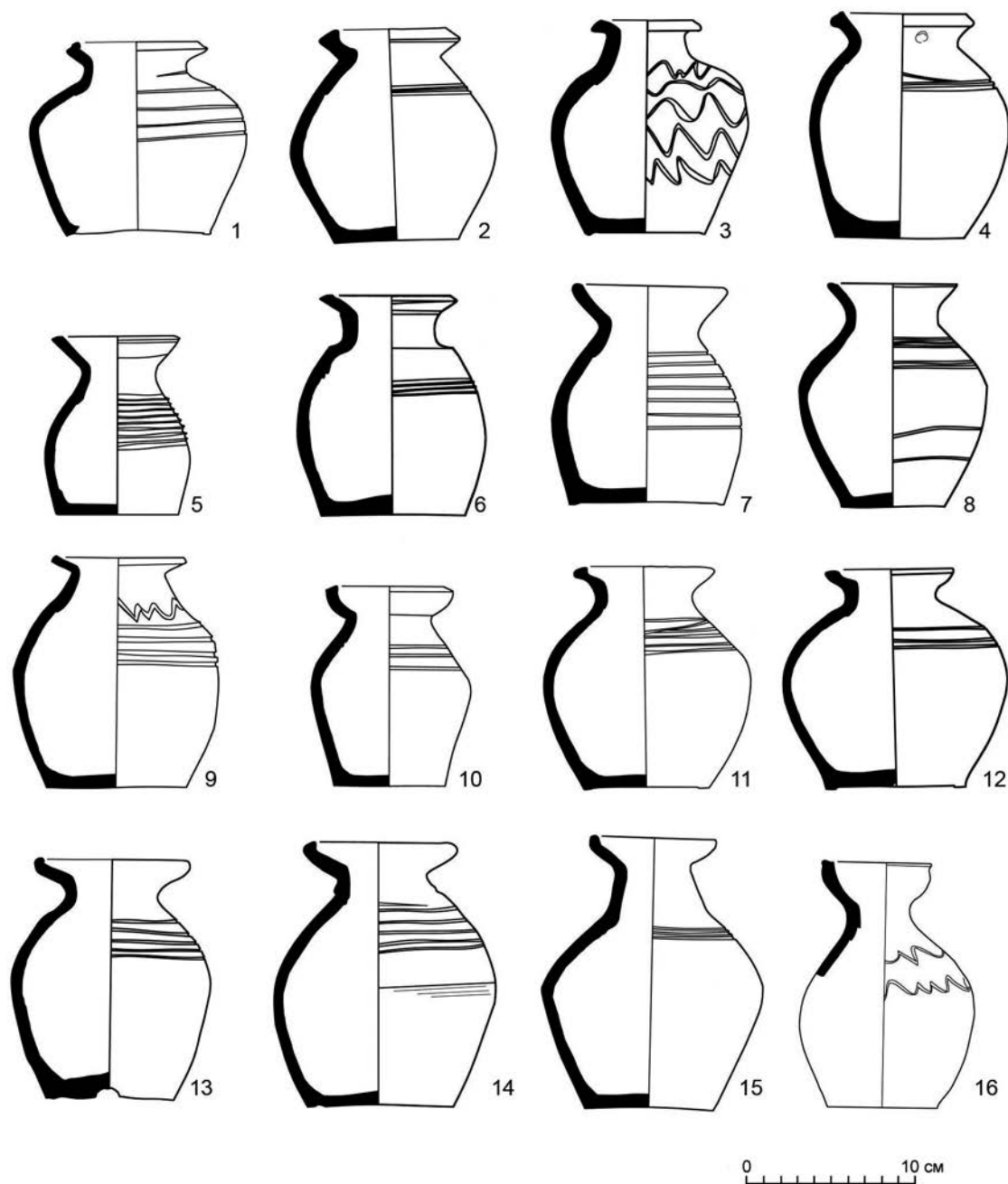

Рис. 24. Кувшинообразные сосуды («lahen»): 1–16 — целые сосуды (ГП-62/2942; ГД-58/5874; ГД-58/3575; ГП-60/5868; ГП-59/2955; ГП-62/994; ГП-57/9591; ГП-62/982; 6/н; ГД-57/9604; ГП-62/993; ГП-60/2538; ГП-57/9489; ГД-57/9490; ГД-58/3570; ГД-58/5290)

II группа представлена кувшинами, имеющими более простой венчик — воронкообразный. Оформление закраины такое же, как у венчиков I группы и у некоторых типов горшков.

Среди кувшинчиков I группы любопытен один сосуд — чашеобразный венчик сделан из другого теста, чем тулово. Вероятно, это следы «ремонта» сосуда после того, как прежний венчик разбился. Следы древней «реставрации» отчетливо прослеживаются как с внешней, так и с внутренней сторон.

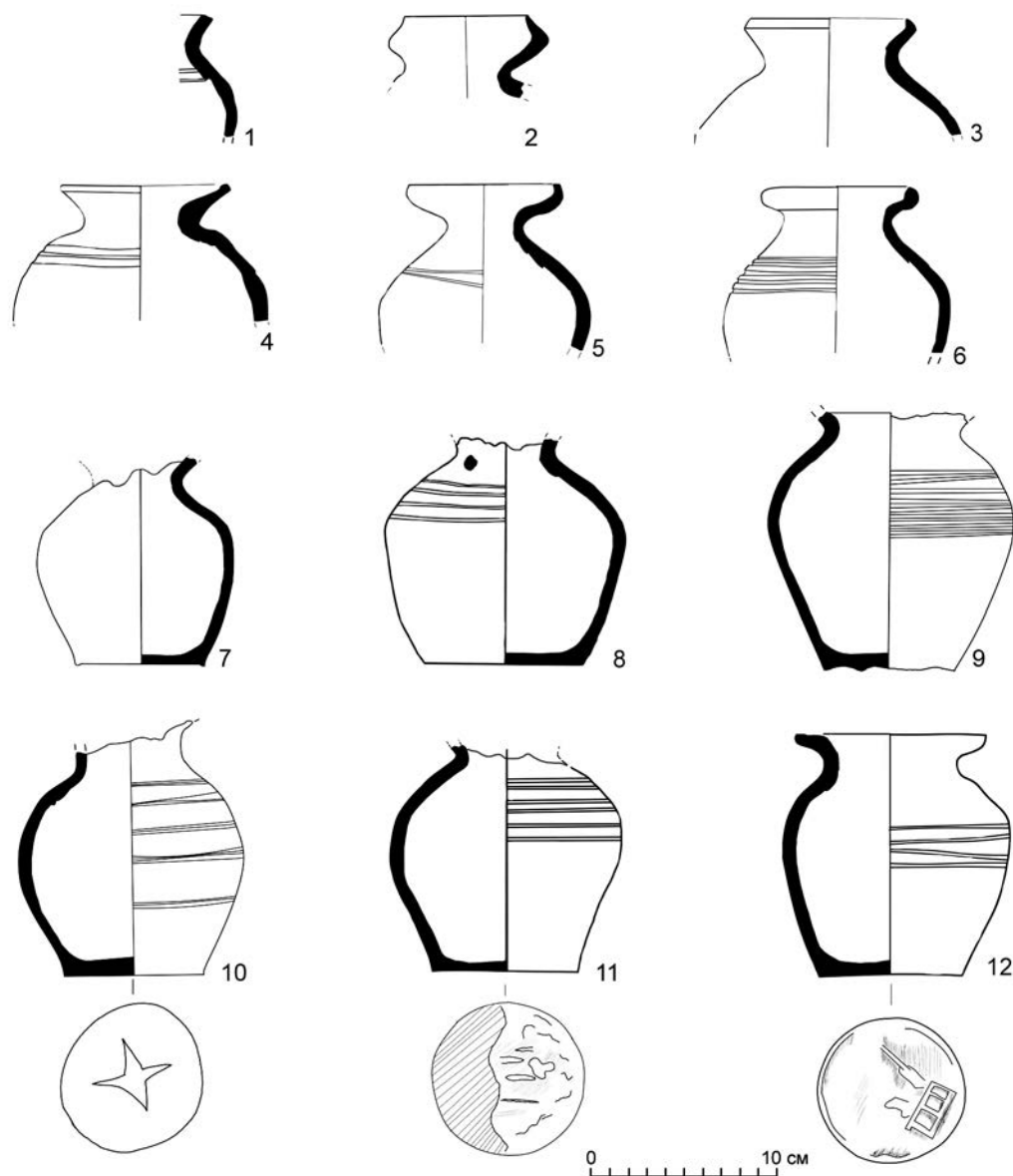

Рис. 25. Кувшинообразные сосуды («lahen»): 1–12 — целые сосуды и фрагменты (ГП-62/2320; ГП-60/6581; ГП-59/3051; ГП-62/2300; ГП-60/6581; ГП-59/2999; ГД-58/3574; ГП-60/5869; ГП-59/3000; ГП-63/?; ГП-59/5981; ГП-57/9590)

Почти все сосуды украшены орнаментом. Основные элементы орнамента: параллельная и волнистые линии, их сочетание, вдавления. Украшается почти все тулово сосуда параллельными линиями; волнистые или параллельные линии в виде неширокого пояса располагаются на плечиках или на тулове сосуда. У одного кувшинчика овальными вдавлениями украшена закраина венчика. Большинство орнаментированных сосудов украшено параллельными линиями (26 сосудов из 30)²¹, остальные виды украшения представлены единичными случаями.

²¹ Выше автором было названо 23 целых сосуда этого типа, а приведенные здесь цифры (26 и 30 экз.), очевидно, отражают количество целых сосудов вместе с реконструированными. — Прим. А. Песковой.

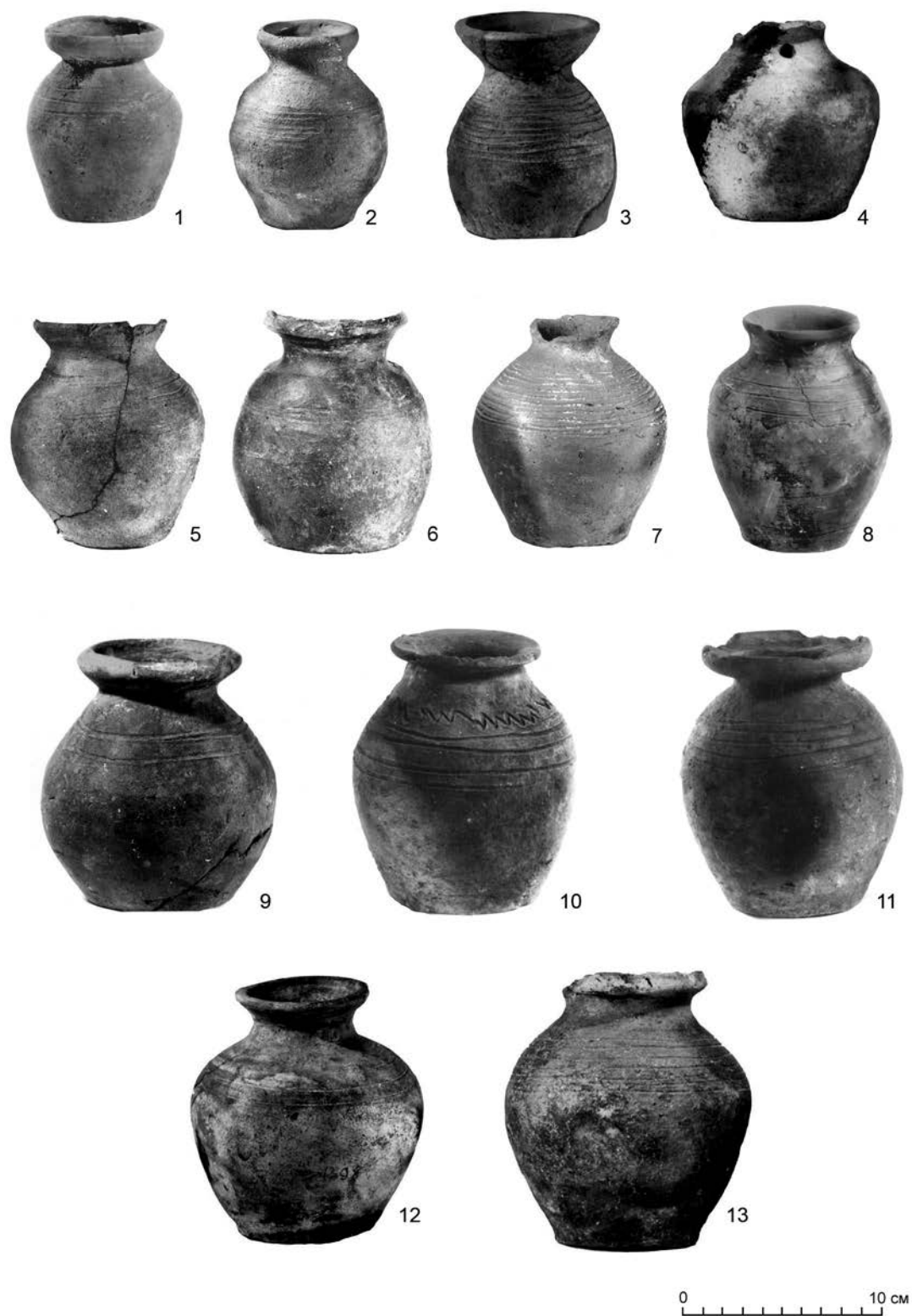

Рис. 26. Кувшинообразные сосуды («lahen»): 1–13 (ГД-57/9604; ГП-59/2954; ГП-59/2955; ГД-58/3574; ГП-62/982; ГП-62/994; ГП-64/1638; ГП-57/9642; ГД-58/5874; б/н; ГП-57/9489; ГП-60/2538; ГД-58/3562). Фото из личного архива М. К. Каргера

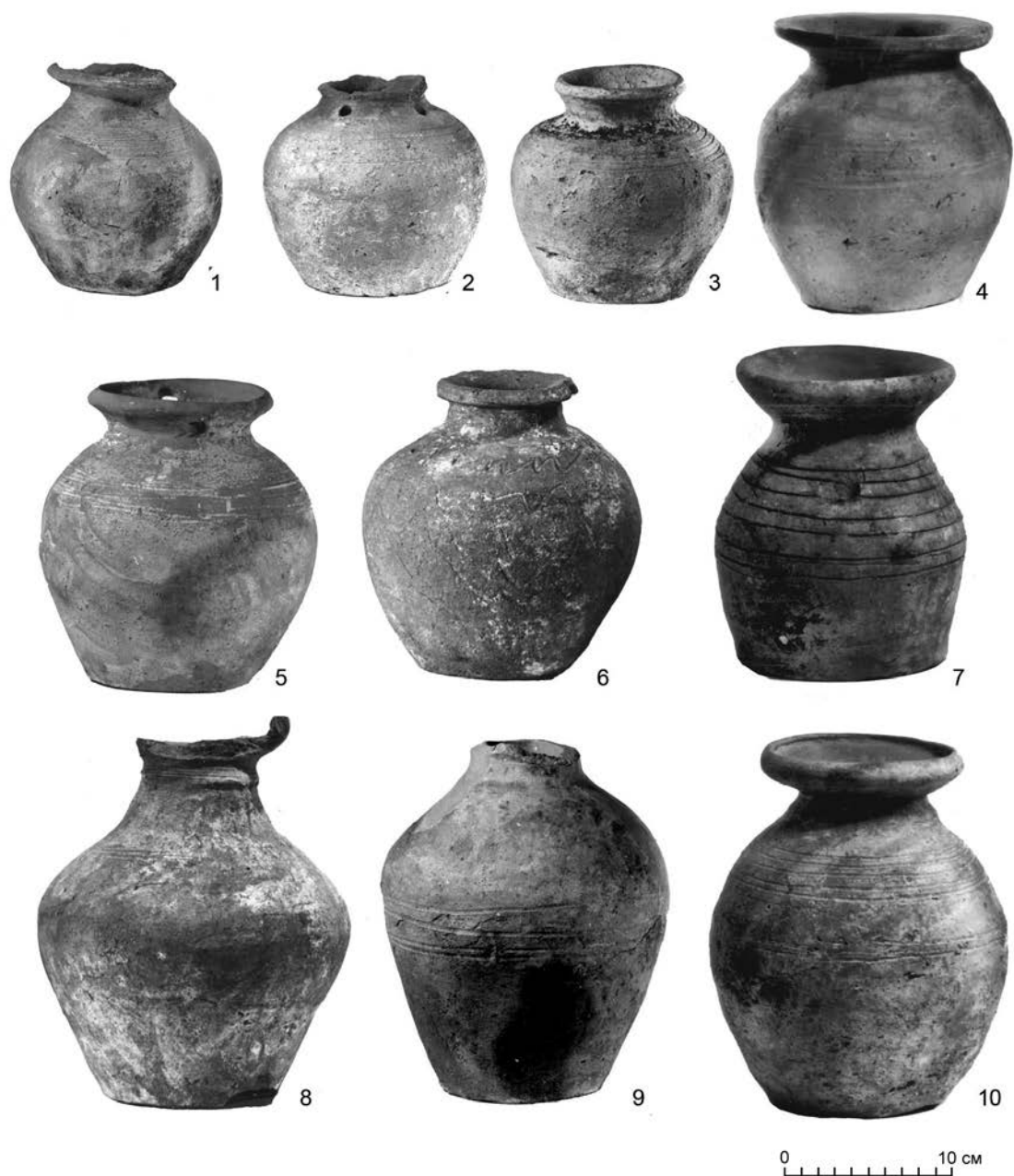

Рис. 27. Кувшинообразные сосуды («lahen»): 1–10 (ГП-62/993; ГП-60/5869; ГП-64/1642; ГП-57/9590; ГП-60/5868; ГП-58/3575; ГП-57/9591; ГД-58/3570; ГП-60/2539; ГД-57/9490). Фото из личного архива М. К. Каргера

Сосуды данной группы изготовлены на круге с подставкой (в этом случае на дне сосуда отчетливо прослеживается бортик, иногда он немного примят), подставка была ровной или немного выпуклой (соответственно дно ровное или немного вогнутое).

Иногда от круга остаются следы в виде мелких выпуклых линий, следы от структуры деревянного круга или подставки. На двух днищах хорошо видны следы от оси, протершей диск гончарного круга, одно днище имеет, наоборот, выпуклость в центре.

Все рассматриваемые сосуды изготовлены несомненно на тех же самых гончарных кругах, что и остальная глиняная посуда «Изяславля». Менялись, вероятно, только подставки. Клейм на днищах немного, зачастую они плохо сохранились.

1. Клеймо в виде четырехугольника, разбитого на более мелкие секции, причем клеймо расположено не в центре днища, а смещено немного в сторону.

2. Клеймо в виде выпуклого круга.

3. Клеймо в виде четырехугольной звезды.

Нами уже отмечалась небрежность в изготовлении сосудов данной группы — массивность стенок, асимметричность сосудов, грубость швов, соединяющих раструб горла с туловом, небрежность в нанесении орнамента. Вероятно, в известной мере это объясняется той функциональной ролью, которую они исполняли в быту. В связи с этим любопытно отметить на многих кувшинах такие детали, как приспособление для их транспортировки. На одном кувшине имеются две дырочки, расположенные одна против другой в основании горла, на другом — по паре дырочек, расположенных симметрично. Они позволяют реконструировать систему подвески: бечевка или тонкий ремень обматывался вокруг горла и пропускался через дырки в горле. Это обеспечивало большую устойчивость кувшина при переноске его за петлю; иногда вокруг горла сосуда обвязывалась бечева, концы которой, проходя около раструба горла, помещались в специально сделанных для них углублениях-пазах, что также обеспечивало устойчивость сосуда при переноске.

Сосуды с таким узким горлом и воронкообразным или чашевидным раструбом до сих пор встречались на древнерусских памятниках предмонгольской поры лишь единицами. Вполне возможно, что это объясняется незначительной долей сосудов данного типа в наборе древнерусской керамики. Напомним, что на раскопанном полностью городище найдено 23 целых сосуда и 32 фрагмента. Из аналогий можно указать на единичные находки подобных кувшинчиков, сделанные при раскопках древнего Минска²² (Загорюльский 1963: 64), Райковецкого городища (Гончаров 1950: табл. XXV, 5), древнего Колодяжина (Юра 1962: рис. 39: 2, 3)²³.

Весьма характерно, что подобные сосуды найдены пока лишь в немногих пунктах древней Руси, главным образом в западных районах. Сосуды, близкие «изяславльским» по форме, декоративному оформлению и, вероятно, назначению, известны в средневековых памятниках западных славян. В Чехии, например, они известны с рубежа X–XI вв. (Turek 1948: 498) и в XII в., хорошо датируются монетами (Richter 1959: 4–22).

Теперь совершенно ясно, что сосуды, встреченные ранее при раскопках древнерусских средневековых городов в единичных экземплярах, составляют в ассортименте древнерусской тарной керамики хотя и не большую, но особую группу. В таких сосудах могли переносить жидкие продукты на незначительные расстояния во время сенокоса, жатвы и других полевых работ.

Нами уже отмечалось, что подобные сосуды к востоку от Киева, так же как и в самом Киеве, не встречены.

²² Минский кувшинчик отличается богатой орнаментацией, состоящей из параллельных и волнистых линий, сплетающихся с полосами из вдавлений.

²³ Два сосуда рассматриваемого типа были обнаружены на детинце летописного Дорогобужа под каменной вымосткой, датированной Б. А. Прищепой XII — первой половиной XIII в. (Прищеп 2011: 26–28, рис. 14, 16: 1, 2), известны такие сосуды и на болоховском городище у с. Тележинцы, один из них со сквозными отверстиями на шейке (Якубовский 1983: рис. 46: 20; 1995: 235). — Прим. А. Песковой.

Большие пифосообразные сосуды для хранения (корчаги)

Значительную группу «изяславльской» тарной керамики составляют большие пифосообразные сосуды с довольно узким горлом и высоким конусообразным туловом. Количественно они представлены 238 фрагментами. Предположительно можно говорить о 80–100 сосудах подобного типа. Сосуды сделаны из красной или серой глины. В качестве отощителя использованы кварц, известь, реже смесь кварца и извести. Значительная часть фрагментов покрыта ангобом, обычно светлым. Обжиг стенок сосудов (толщина стенок 1,2–2,0 см) различен — толстые имеют трехслойный в изломе черепок, более тонкие стенки прокалены лучше. По структуре тесто довольно пористое.

Полностью удалось восстановить лишь два сосуда.

1. Большой сосуд высотой 79,5 см, диаметр горла 17,3 см, диаметр дна 18,5 см (рис. 28). Тулово сосуда конусовидное, постепенно расширяющееся кверху (наибольший диаметр тулова 53 см), заканчивается довольно высоким горлом (высота горла около 8 см). Верхний край горла сосуда отогнут незначительно наружу почти под прямым углом. Примерно на середине тулова проходит налепной валик толщиной 1,5 см, шириной 2,0 см. Валик украшен редкими вдавлениями. Орнаментальная зона располагается в верхней части сосуда, начиная от горла, и состоит из пяти параллельных линий (линии выполнены небрежно и в строгом смысле слова не являются параллельными). Сосуд сделан из красновато-желтой глины.

2. Второй сосуд несколько меньших размеров: высота его 63 см, диаметры горла и дна 19 см. Тулово сосуда раздутое, суживается книзу. Наибольший диаметр тулова 50 см. Тулово заканчивается горлом, высота которого 3,5 см. Горло чуть расширяется кверху. Закраина венчика оформлена в виде ровной горизонтальной площадки. Орнаментальная зона располагается в верхней части сосуда сразу же после горла и состоит из одной волнистой линии и шести параллельных прямых. Сосуд сделан из такой же глины, что и первый.

Рис. 28. Пифосообразный сосуд (б/н).
Фото из личного архива М. К. Каргера

Эти два сосуда вместе с определенными фрагментами рассматриваются, несмотря на некоторые отличия, как один тип сосуда.

Общность форм упомянутых сосудов не позволяет рассматривать их в качестве критерия при классификации. В то же время можно выделить два типа венчиков, характерных для всей рассматриваемой группы сосудов (рис. 29):

Тип I. К первому типу относятся венчики, оканчивающиеся ровной площадкой, горизонтальной или слегка закругленной. Различные варианты горла (вертикальное, наклонное внутрь или наружу) дают различные варианты венчика этого типа.

Тип II. Ко второму типу относятся венчики, верхняя часть которых в виде небольшого бортика отогнута наружу или внутрь. Причем верхняя площадка венчика может быть горизонтальной, скошенной внутрь или слегка овальной. Вместе с различными вариантами горла они дают довольно значительное число вариантов венчика этого типа.

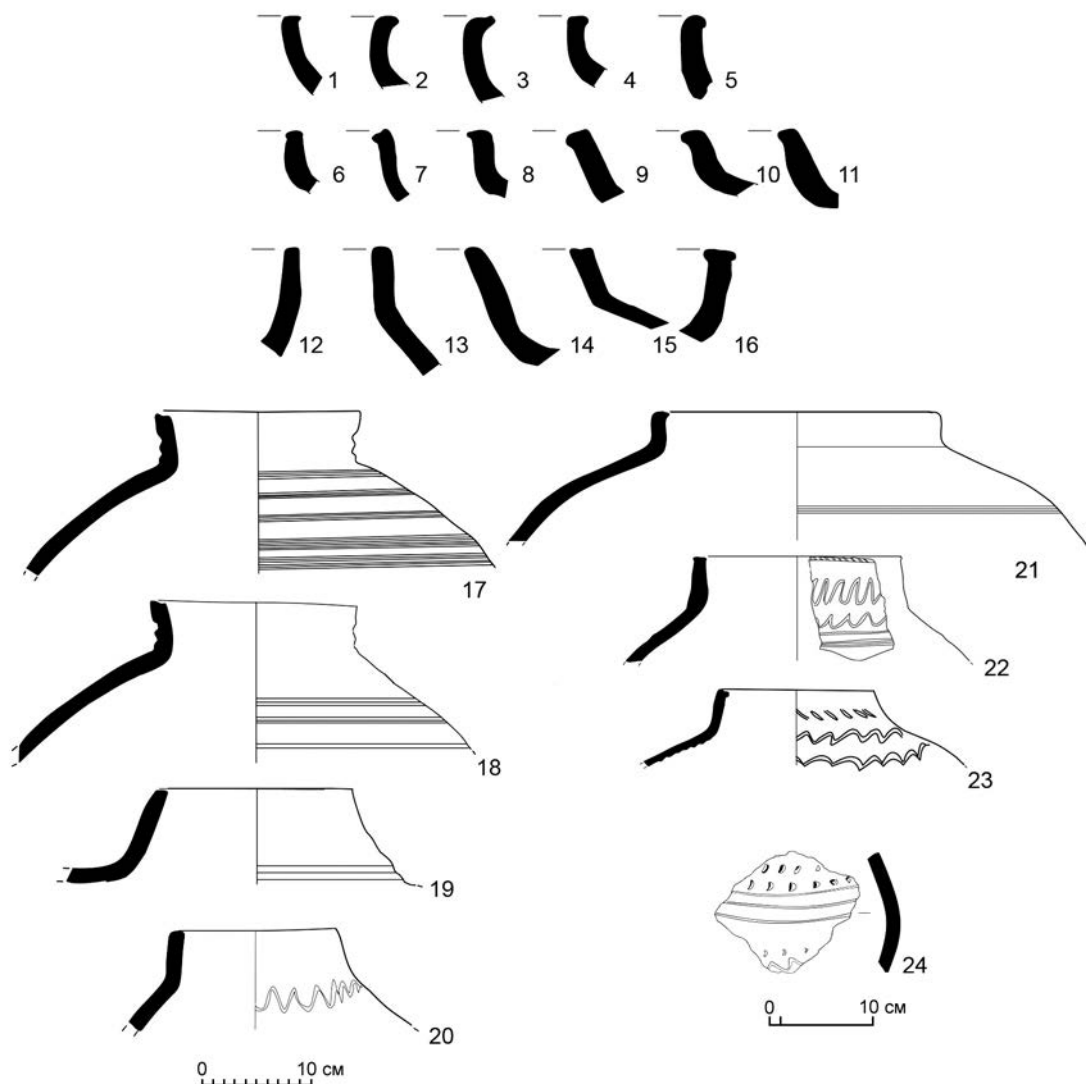

Рис. 29. Фрагменты пифосообразных сосудов: 1–16 — типы венчиков; 17–24 — крупные фрагменты сосудов (17–18 — ГП-62/1886; 19 — ГП-60/9023; 20 — ГД-58/8665; 21 — ГД-58/5376; 22 — ГД-58/11045; 23 — ГП-64/1600; 24 — ГП-62/2843)

К этому же типу можно отнести еще один венчик, у которого небольшой выступающий бортик имеется как с наружной, так и с внутренней стороны.

Почти все рассматриваемые нами сосуды, за редким исключением, орнаментированы. Декор представлен следующими элементами: волнистая линия, параллельные линии, вдавления (овальные, круглые и треугольные). Более сложные орнаментальные узоры состоят из различных сочетаний этих элементов. Насколько можно судить по фрагментам, орнаментом покрывалась верхняя часть сосуда, иногда большая часть тулова. Орнамент из параллельных линий представлен двумя вариантами: линии, нанесенные довольно широкой закругленной палочкой, и линии, нанесенные зубчатым штампом. Если орнамент из первых линий обычно располагается в верхней части тулова, то многозубчатый орнамент покрывает большую часть сосуда, опускаясь до самого конца.

В орнаментации больших сосудов следует отметить одну любопытную деталь. Орнамент из волнистых линий располагается не только по окружности сосуда, но и спускается почти вдоль сосуда, значительно расширяя орнаментальную зону. Этот прием уже отмечался нами при рассмотрении некоторых типов кувшинов, использовался он и при украшении крышек. Насколько можно судить по фрагментам, некоторые из рассматриваемых сосудов были декорированы довольно богато: орнамент начинался на горле и занимал верхнюю половину тулова. Особо следует отметить фрагмент одного сосуда: волнистыми линиями было украшено горло, сочетания волнистых и прямых линий с овальными вдавлениями украшали его тулово.

Такие сосуды были предназначены, как установлено раскопками, для зерновых запасов. В одном целом сосуде из «Изяславля» было найдено зерно. Большие сосуды с зерном, правда, немного иного типа, были обнаружены в ряде жилищ древнего Киева, в частности, в «землянке художника» и в землянке с хрустальными бусами; они по горло были врыты в земляной пол жилищ (Каргер 1958: табл. LXXIV, LXXV, рис. 100). Почти такая же корчага была обнаружена под древним полом Софийского собора и в других районах Киева (Там же: рис. 101). В. К. Гончаров определяет большие керамические сосуды как корчаги для хранения зерна (Гончаров 1950: 119). Б. А. Рыбаков, перечисляя типы сосудов, характерные для домонгольской Руси, упоминает большие сосуды «типа макотры», однако не конкретизирует их назначение (Рыбаков 1948: 173).

Сосуды описываемого типа известны по раскопкам Колодяжина (Юра 1962: рис. 37: 1) и Райковецкого городища (Гончаров 1950: 119, табл. XXV, 1; 1952: 138, табл. 1: 12). Можно предполагать аналогичные находки и на других памятниках близлежащих территорий²⁴. В «Изяславле» трудно говорить определенно о количественном соотношении сосудов с валиком и без него, однако создается такое впечатление, что корчаг без валиков было больше. Рассматриваемые сосуды не могли быть изготовлены без соединительных швов. Вполне возможно, что они были сделаны из трех больших глиняных полос. Тогда понятно и функциональное назначение валика на некоторых из них — он прикрывает очень важный шов, служит своеобразным глиняным обручем, украшающим тулово корчаги. Подобные явления хорошо известны на примере изучения средневековых пифосов Северного Причерноморья (Якобсон 1966: 189, 193, 195–196).

Амфорная керамика

Амфоры являются постоянной находкой в средневековых слоях городов домонгольской Руси. Никто не оспаривает сейчас неместный характер этого типа керамики²⁵, резко

²⁴ В летописных городах региона фрагменты пифосообразных сосудов фиксируются постоянно, хотя и в небольшом количестве. При раскопках на Замковой горе в Кременце, упоминаемом летописью сразу вслед за Каменцем и Изяславем среди городов, оказавшихся на пути движения войск Батая, были обнаружены фрагменты больших сосудов с вертикальным венчиком (Прищепа 2014: 306, рис. 4: 24). Несколько крупных обломков сосудов, в том числе одного, богато украшенного по тулову линейно-волнистым орнаментом, найдено в слоях XII — первой половины XIII в. летописного Дорогобужа (Прищепа, Никольченко 1996: 217, рис. 83: 3; Прищепа 2011: 144). С. В. Терский упоминает о корчагах в керамическом комплексе XII — первой половины XIII в. летописной Пересопницы (Терский 2003: 53). — *Прим. А. Песковой.*

²⁵ В свое время Б. А. Рыбаков, определяя надпись на киевской амфоре как надпись, сделанную по сырой необожженной глине мастером-гончаром, предположил тем самым местное, киевское происхождение сосуда и датировал его XI в. (Рыбаков 1946: 134–135). М. К. Каргер, тщательно исследовавший фрагмент амфоры с надписью, убедительно показал, что надпись процарапана по уже

отличающейся от керамической продукции древнерусского города по форме и составу теста, а также по своим технологическим показателям. Наличие амфорной керамики, ее количество и ассортимент отражают определенную степень внешнеторговых городских связей, а в известной мере и социальный облик поселений.

Теперь уже установлено, что амфоры, также получившие у населения древнерусского города название «корчаги», служили для хранения и транспортировки жидкостей — вина²⁶, деревянного масла²⁷, а также горчицы²⁸ и нефтепродуктов (Авдусин 1951: 77–78, рис. 36; Корзухина 1961: 226–230) и являлись широко распространенным в древней Руси видом тарной посуды.

О значительном распространении амфорной тарной керамики свидетельствуют хотя бы такие записи. Ключница князя Всеволода Ярославича послала монахам вина: «... три возы полны суще корчаг с вином» (Житие 1971: 111, л. 51 в). При дележе имущества и двора Святослава в Путивле в погребках обнаружилось «... 500 берковец меду, а вина 80 корчаг» (ПСРА II 1908: 6654 (1146 г.), стб. 334). В письменных источниках амфоры обычно связываются с крупным княжеско-боярским²⁹ или монастырским хозяйством. Однако нельзя, вероятно, отрицать наличие запасов вина и масла и у имущей купеческой верхушки древнерусского города. Вместе с тем необходимо учитывать, что корчагами в древней Руси назывались не только амфоры, а более широкий круг керамической тары значительной вместимости.

Всего на городище найдено 750 фрагментов амфорной керамики, одна целая амфора и значительная часть еще одной амфоры. Среди амфорного материала можно выделить пять типов сосудов (рис. 30: 4; 31; цв. вклейка, фото 2; 4: 4).

I тип³⁰. Представлен лишь пятью фрагментами, среди них горло с двумя ручками (очень важная при определении типа сосуда верхняя часть), несколько фрагментов ручек и стенок. Глина светло-красного оттенка, качество глины и обжиг хорошие, тесто однородное без заметных примесей. Основные особенности сосудов данного типа — отчетливо выраженное горло, поднимающееся над местом присоединения верхнего конца ручек и имеющее

обоженному сосуду, и не мастером, а владельцем амфоры, и относится к XII–XIII вв. (Каргер 1958: 422–423).

В 1980-е гг. мнение Б. А. Рыбакова поддержали С. А. Высоцкий (Высоцкий 1985: 104–105) и П. П. Толочко (Толочко 1981: 287). Однако этот вопрос и по сей день остается открытым и, по мнению В. Ю. Коваля, требует проведения «трассологической экспертизы с привлечением широкого круга специалистов» (Коваль 2003: 340). — *Прим. А. Песковой.*

²⁶ «... а вино свое храни, купив корчагу» (Вопрошание Кириково 2012: 298, вопрос 3, л. 274 б).

²⁷ «И се некто от богатыхъ принесе къръчагу велику зело пльну масла древянааго» (Житие 1971: 114, л. 53 в).

²⁸ Прочтение надписи на гнездовской амфоре как «гороухца» было пересмотрено в работах А. А. Мединцевой, которая склоняется к предположению, что на ней «записано имя владельца — Горуна, Горунши» (Мединцева 2000: 31). — *Прим. А. Песковой.*

²⁹ Амфоры встречены в доме боярина в древнерусском Новогрудке (Гуревич 1964: 100).

³⁰ Амфоры типа I (по Овсянникову) сопоставимы с новогрудскими амфорами типа III (по Малевской), найденными в двух постройках XII и первой половины XIII в. (Малевская 1969: 187–188, рис. 1: III); оба автора приводят общую аналогию — амфору-голосник из Пятницкой церкви в Чернигове. В группировке амфор В. Ю. Коваля это тип VII, встреченный «пока только в Новогрудке» (Коваль 1999: 248, рис. 2: 8; 2003: 350). К этому же типу отнесена амфора, происходящая из раскопок на детинце летописного Звенигорода-на-Белке (Гупало 2014: 125, фото 13). — *Прим. А. Песковой.*

небольшой венчик в виде уплощенного валика. Ручки небольшие, уплощенные в виде скобочек, в сечении имеют незначительный рельеф. На одной из ручек на верхней плоскости имеется граффити. Тулово сосуда, судя по фрагментам стенок, было покрыто каннелюрами (рис. 30: 4).

Аналогий амфорам первого типа известно пока еще немного. Можно указать на амфору-голосник из Пятницкой церкви рубежа XII–XIII вв. в Чернигове (Рыбаков 1949: 77, рис. 42) и на находку в яме конца XI — первой половины XII в. в Старой Рязани (Монгайт 1955: 187–188, рис. 145). Некоторые черты сходства есть и с амфорами, изображенными на известной миниатюре Радзивилловской летописи («Белгородский кисель»). Б. А. Рыбаков определял этот тип как корчагу-амфору «киевского типа XI–XIII вв.» (Рыбаков 1946: рис. 62 (б, в))³¹. Определение, вероятно, не совсем удачное. Хотя все приведенные примеры амфор довольно близки, они не являются полными аналогиями³².

В «Изяславле» этот тип амфор оказался представленным лишь единичными находками. По пяти фрагментам трудно судить о количестве сосудов данного типа на изучаемом поселении, предположительно можно говорить о 2–3 амфорах.

II тип³³. Второй тип амфор представлен часто встречающимися при раскопках древнерусских городов грушевидными слегка удлиненными сосудами с массивными ручками, высоко поднятыми над горлом. Ручки в сечении овальные или почти круглые. На горле имеется слабовыраженный венчик, отогнутый слегка наружу. Стенки амфор толстые, массивные, покрытые глубокими каннелюрами, причем глубокие линии иногда слегка как бы смазаны, и это сделано еще до обжига сосудов, сразу же после изготовления. Поверхность амфор часто покрыта светлым ангобом. Тесто сосудов красное, иногда малиновое по цвету, отчетливо выделяется наличием в тесте примеси костры, которая, выгорая, придавала поверхности пористость, как бы «конопатость». Иногда вместе с кострой в тесте встречается беловатая минеральная примесь — известь. Обжиг амфор второго типа хороший, равномерный. Всего в «Изяславле» найдено 135 фрагментов амфор данного типа — фрагменты ручек, горла, стенок. На одном фрагменте ручки имеется граффити (рис. 30: 3).

Внешний облик описываемых амфор хорошо известен по находкам в средневековых городах Северного Причерноморья, где они датируются XI–XII вв. (Якобсон 1951: рис. 10: 33–36), к этому же времени относятся находки из Созополя и Плиски в Болгарии (Чангова 1959: 255–256, обр. 10–11). Зафиксированы случаи использования таких амфор в кладке архитектурных памятников. Например, в кладке Золотых ворот в Киеве, в храме конца XI в., раскопанном в усадьбе Киевского художественного института (в последнем случае дата сосуда подтверждается арабской надписью XI в. на нем) (Каргер 1958: 425–427, рис. 105–106).

³¹ Следует отметить, что прорисовка миниатюры, опубликованная Б. А. Рыбаковым, неточна, да и сам оригинал не вполне точно дает представление о типе амфоры.

³² Вообще амфоры с горлом, возвышающимся над небольшими скобообразными ручками, характерны для предшествующего, более раннего времени, чем XII–XIII вв. Достаточно вспомнить амфору X в. из Гнёздова (Авдусин 1951: рис. 36а), некоторые амфоры IX–X вв. из средневековых городов Северного Причерноморья (Якобсон 1951: рис. 6), амфоры IX–X вв. из Созополя в Болгарии (Чангова 1959: рис. 6). В днепровском Надпорожье можно указать и более ранние аналогии — так называемые «реберчатые» амфоры VI–VIII вв. (Бодянский 1960: рис. 2: 3).

³³ Амфоры типа II (по Овсянникову) сопоставимы с новгородскими амфорами типа I (по Малевской), «найденными в постройках и культурном слое только XII в.» (Малевская 1969: 185, рис. 1: I). У Коваля это амфоры типа II/2, поступавшие на Русь из порта Трилли (из окрестностей Никеи) в XII в. (Коваль 1999: 247, рис. 2: 4). — Прим. А. Песковой.

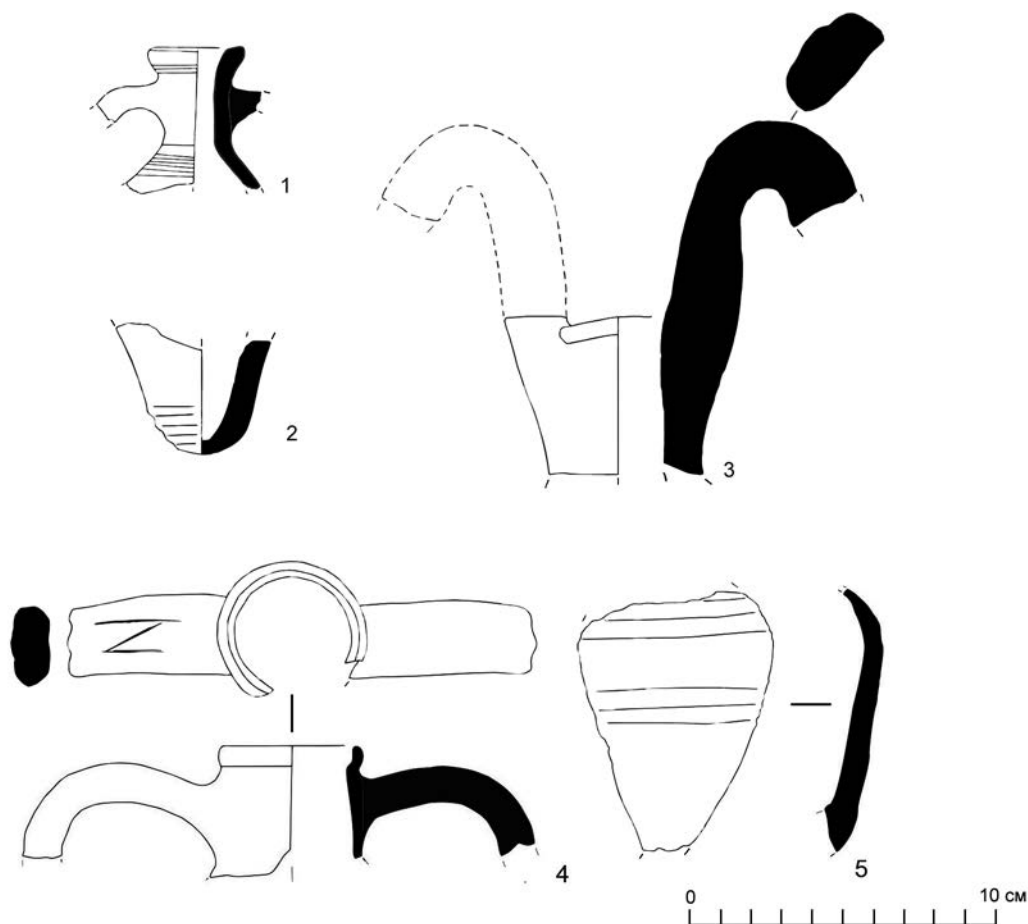

Рис. 30. Фрагменты амфор: 1, 2, 5 — маломерные типов IV и V (ГД-57/7466; ГП-63/11249; ГП-61/4832); 3 — тип II (ГП-60/8068); 4 — тип I (ГП-61/3943)

В качестве голосника амфора второго типа была использована в церкви над р. Луг во Владимире-Волынском («Старая Кафедра») (Воронин 1954: рис. 76). Известны такие амфоры и по раскопкам в усадьбе Софийского заповедника в Киеве (Каргер 1958: 425, рис. 105). Вероятно, можно предполагать, что амфоры, выделенные нами как тип II, распространяются на древнерусских поселениях в XI в. и продолжают существовать в XII в.

III тип³⁴. Третий тип амфор в количественном отношении является преобладающим — 597 фрагментов и один целый сосуд. Амфоры этого типа характеризуются хорошим составом теста, равномерным обжигом, значительная часть фрагментов покрыта ангобом. Толщина стенок, неодинаковая по всему профилю, значительно тоньше, чем у типа II. Форма сосуда грушевидная, с расширяющимися кверху боками. Ручки, в сечении овальные или слегка уплощенные, подняты высоко над горлом.

³⁴ Амфоры типа III (по Овсянникову) сопоставимы с новгородскими амфорами типа II (по Малевской), «найденными почти в каждой постройке XII — первой половины XIII в. в количестве от двух до шести экземпляров» (Малевская 1969: 185, 187, рис. 1: II). У Ковалья это амфоры типа I/2, поступавшие на Русь, по предположению И. В. Волкова, в XII–XIII вв. предположительно из Трапезунда (Волков 1996: 91–93; Коваль 1999: 247, рис. 2: 2; 2003: рис. XIIIa — фото амфоры из «Изяславля», демонстрирующей амфоры типа «Трапезунд»). — Прим. А. Песковой.

Целая амфора III типа из «Изяславля» имеет небольшую высоту — 59 см, наибольший диаметр тулова 48 см, диаметр горла 9 см (рис. 31). В верхней рифленой части амфоры имеется граффити, напоминающее букву «М», с этой же стороны сосуда есть фрагмент буквы, нанесенной темно-красной или, скорее, вишневой краской. К сожалению, букву трудно прочесть, возможно, это повторение граффити (то есть «М»). Среди фрагментов амфор III типа есть еще два фрагмента со следами такой же краски (не помечена ли такой краской одна партия поступивших в «Изяславль» сосудов?)³⁵. Амфоры с буквами, нанесенными красной краской, известны в Мирмекии в слое XIII–XIV вв. (Гайдукевич 1952: 179–189, рис. 83).

Вообще на амфорах III типа оказалось больше всего граффити. Амфоры описываемого типа являются постоянной находкой на древнерусских памятниках XII–XIII вв. и в количественном отношении преобладают над остальными типами (Каргер 1951: рис. 3: 2; Хойновский 1893: рис. 99; Довженок 1952: табл. I, 4, 6). Такие амфоры датируются XII–XIII вв. не только по форме, но и на основании палеографического анализа надписей, обнаруженных на них (Каргер 1958: 422–423; Равдина 1957: 150–153; Малевская 1962: 238–241, рис. 1–2).

В Северном Причерноморье амфоры подобного типа датируются XII–XIII вв. (Якобсон 1951: 340–341, рис. 11: 37, 38). В Болгарии у них более широкая датировка — XI–XIII вв. (Чангова 1959: обр. 12–13).

IV тип³⁶. Амфоры четвертого типа составляют среди «изяславльских» находок небольшую, но любопытную группу. От остального амфорного материала они отличаются как качеством глины (тесто со значительной долей примеси известняка в качестве отощителя, обжиг неравномерный — тесто красное по краям и темно-серое в середине), так и формой ручек. Ручки амфор этого типа имеют в сечении довольно сложный фигурный профиль (рис. 30: 1). Всего в «Изяславле» найдено 11 фрагментов от амфор IV типа, три из них покрыты светлым ангобом. Невысокие технологические данные этой группы керамики могли бы дать повод к предположению о производстве их местными гончарами. Однако наличие подобных находок в других древнерусских городах³⁷ исключает эту гипотезу. Вероятно,

³⁵ Находки амфор XII–XIII вв. с метками-дипинто, нанесенными минеральными красителями, на территории Древней Руси по-прежнему очень редки. Опубликована одна амфора, происходящая из раскопок на Манежной площади в Москве (Векслер, Коваль 1998: 163–166). В. В. Булгаков сообщает еще о двух таких находках — в Софийском соборе в Киеве (из раскопок Ф. М. Молчановского 1936 г.) и, что примечательно, в Возвягле на р. Случь (из раскопок Б. А. Звиздецкого 1992–1993 гг.), расположенном в непосредственной близости от «Изяславля» (Булгаков 2001: 153). — Прим. А. Песковой.

³⁶ Амфоры типа IV (по Овсянникову) сопоставимы, возможно (?), с новгородскими амфорами типа V (по Малевской), аналогии которым, по наблюдению исследовательницы, лишь изредка встречаются в древнерусских городах в виде единичных фрагментов (Малевская 1969: 188, рис. 1: V). Со временем В. В. Волков выделил эту группу амфор в материалах древнего Новгорода и установил, что такие амфоры известны в незначительном количестве во многих древнерусских городах, в основном в слоях и комплексах XII в., и предположил, что они могли поступать на Русь из Палестины (Волков 1996: 95–97, рис. 4; 2001: 135–137). У Ковалья это амфоры группы IV (Коваль 1999: 248, рис. 2: 6, 7; 2003: 350, 353–360 (каталог находок; 2010: 162)). — Прим. А. Песковой.

³⁷ М. В. Малевская любезно сообщила о наличии фрагментов подобных амфор в культурном слое XII–XIII вв. древнего Новгорода [от ред.: возможно, речь идет о новгородских амфорах V типа по Малевской (Малевская 1969: 188, рис. 1: V)].

Рис. 31. Амфора III типа: 1 — амфора целая (ГП-62/2945); 2 — увеличенный фрагмент той же амфоры, с граффити (без масштаба). Фото из личного архива М. К. Каргера

1

0 10 cm

2

они имели все же единый центр производства, возможно, Северное Причерноморье. На двух ручках имеются довольно несложные граффити.

Незначительность находок амфор IV типа затрудняет реконструкцию их полного внешнего вида. Венчик горла чуть отогнут наружу. Рифление располагается, как правило, в верхней части амфор (от горла до места прикрепления нижней части ручки). Остальная часть тулова покрыта каннелюрами, причем в придонной части они рельефнее и чаще. На тулове отчетливо видны следы ленточной техники.

V тип. К пятому типу нами отнесены амфоры или, скорее, амфоровидные сосудики. Это небольшие амфорки высотой около 14 см, с наибольшим диаметром тулова 10 см, форма сосудиков грушевидная, вытянутая. К сожалению, из двух фрагментов, имеющих в нашем распоряжении, ни у одного не сохранилось верхней части (рис. 30: 2). Тулово амфорок покрыто каннелюрами, причем расположение их зонами напоминает III тип «изяславских» амфор. От всех рассмотренных амфор, найденных на городище, они отличаются плохим тестом (черепок в изломе серо-красный, пористый, наблюдается большая доля примесей кварца и известняка, обжиг неравномерный) и небрежностью изготовления. Незначительный объем сосудов лишает всякой практической целесообразности использование их в качестве тары³⁸.

Типология средневековых амфор разработана не на какой-нибудь одной узко территориальной группе памятников, а на многих памятниках средневековой Европы. Поэтому определение хронологических границ бытования импортной керамики в «Изяславле» (амфоры типов I–IV) имеет принципиальное значение.

Большая часть амфорного материала на городище принадлежит амфорам III типа, за ними следуют сосуды типа II. Типы I и IV представлены единичными фрагментами. Однако количественное соотношение фрагментов не вполне точно отражает возможное количественное соотношение целых амфор типов II и III. Тип II представлен 135 фрагментами, в том числе 43 фрагмента ручек, пять фрагментов верхней части (горла) и 87 фрагментов стенок, что позволяет предполагать, с известной долей вероятности, о 40–60 амфорах этого типа (40 — минимум, 60 — максимум). Амфоры типа III представлены 597 фрагментами и одним целым сосудом. В числе фрагментов — 48 фрагментов ручек и горла и 549 фрагментов стенок, что позволяет предполагать наличие 60–80 целых сосудов. Присутствие на городище двух значительных групп амфорной керамики (типы II и III) наталкивает на размышления — могли ли эти две группы в полном объеме присутствовать на поселении одновременно. Сосуществование на памятнике XII–XIII вв. обоих типов сосудов в какой-то период времени вполне возможно, оно не вызывает сомнений. Однако и хронологическая преемственность в их поступлении вполне реальна.

Распределение амфор различных типов на детинце и посаде выглядит следующим образом. В первую очередь бросается в глаза неравномерность распределения находок

³⁸ Известно несколько типов маломерных амфор. Возможно, описанные здесь фрагменты относятся к группе III, тип 1 (по Ковалю), с высотой не более 35 см и максимальным диаметром 13–15 см (Коваль 2010: 161, цв. ил. 69: 2, 3). И. В. Волков выдвинул «злыбкую гипотезу» о происхождении группы маломерных «желтоглиняных амфор» с о. Хиоса в Эгейском море (Волков 1996: 97, рис. 5). В Причерноморье и на Балканах редкие находки этой группы датируются XI–XII вв., в Новгород они поступали вплоть до монгольского нашествия (Там же: 97; Коваль 2010: 160–161). Близка «изяславским» фрагментам по размерам и форме тулова целая амфора (высота 31,5 см, максимальный диаметр тулова 20 см, объем сосуда 2,24 л), происходящая из раскопок на Киевском Подоле (комплекс 1160–1170-х гг.) (Зоценко 2001: 185–187, мал. 21). — Прим. А. Песковой.

описанных нами типов амфор и их количественного соотношения. На детинце зафиксированы находки только двух типов — II и III, на посаде представлены все типы амфор. Предположительное количественное соотношение целых сосудов двух основных типов, определявших амфорную керамику древнего «Изяславля», приблизительно следующее:

посад: тип II — 35–50 сосудов; тип III — 48–65 сосудов;

детинец: тип II — 5–10 сосудов; тип III — 12–15 сосудов.

Таким образом, решающая доля амфорной керамики II и III типов приходится на посад. В данном случае мы не имеем никаких оснований говорить о привилегированном или аристократическом облике детинца. Наоборот, такой облик более присущ, согласно изученным материалам, посаду. В северо-западной части посада во время раскопок были вскрыты участки древнего города, на которых отмечалась существенная концентрация амфорного материала. Не исключена возможность, что именно в этом районе находились дома княже-ско-боярской верхушки «Изяславля» или дом наместника.

Рассмотренная в этом разделе керамика в силу своей специфики отражает довольно интенсивные экономические внешние связи древнего «Изяславля».

Глиняные крышки

Для керамических сосудов XII–XIII вв. характерны такие типы венчиков, которые предполагают употребление крышек для закрывания сосудов. Глиняные крышки, найденные во время раскопок древнего «Изяславля», составляют довольно значительную группу гончарных изделий — 185 экземпляров (целых и фрагментов), и заслуживают специального рассмотрения. Типология глиняных крышек из древнего «Изяславля», возможно, дает ответ на вопрос, какие крышки более подходят к тому или иному типу сосудов (рис. 32; 33).

I тип (рис. 32: 22–28). К первому типу относится довольно большая группа глиняных крышек (89 экз.), которые можно определить как плоско-цилиндрические. Крышки этого типа представляют собой круг толщиной 1,5–2,0 см диаметром 7–9 см. На нижней поверхности круга имеется небольшой цилиндрический или немного скошенный бортик высотой 1,5–4,0 см (вид 1). Все крышки этого типа сделаны из серой глины с примесью кварца, обжиг равномерный или трехслойный. Как особый вариант следует выделить плоско-цилиндрические крышки с сильно нависающим краем круга, который вместе со стенкой цилиндрического бортика образует своеобразный паз для сцепления с венчиком закрываемого сосуда (вид 2). Таких крышек всего четыре.

Плоско-цилиндрические крышки встречаются при раскопках древнерусских памятников, но в небольшом количестве. Известна такая крышка в древнем Колодыжине (Юра 1962: 114, рис. 39: 8). Плоско-цилиндрическую крышку, найденную в Плеснеске, М. П. Кучера почему-то определяет как «цилиндрическую мисочку с выступающими краями донца» (Кучера 1962: 51, рис. 20: 12)³⁹.

³⁹ М. П. Кучера предполагал также возможность использования таких «мисочек» в качестве светильников (Кучера 1962: 51, прим. 193). Помимо Колодыжина (3 экз.) и Плеснеска единичные находки плоско-цилиндрических крышек были обнаружены также на Малом городище летописного Городеска — два экземпляра (Выезжев 1961: 89–90, рис. 1: 1) и в Дорогобуже в слоях XII–XIII вв. — два целых экземпляра и семь фрагментов (Прищеп, Никольченко 1996: 57, рис. 81: 9–10; Прищеп 2011: 144, рис. 151: 15–16), авторы раскопок тоже определяют их как светильники, к сожалению без обоснования (о следах закопченности или нагара в этих публикациях не упоминается).

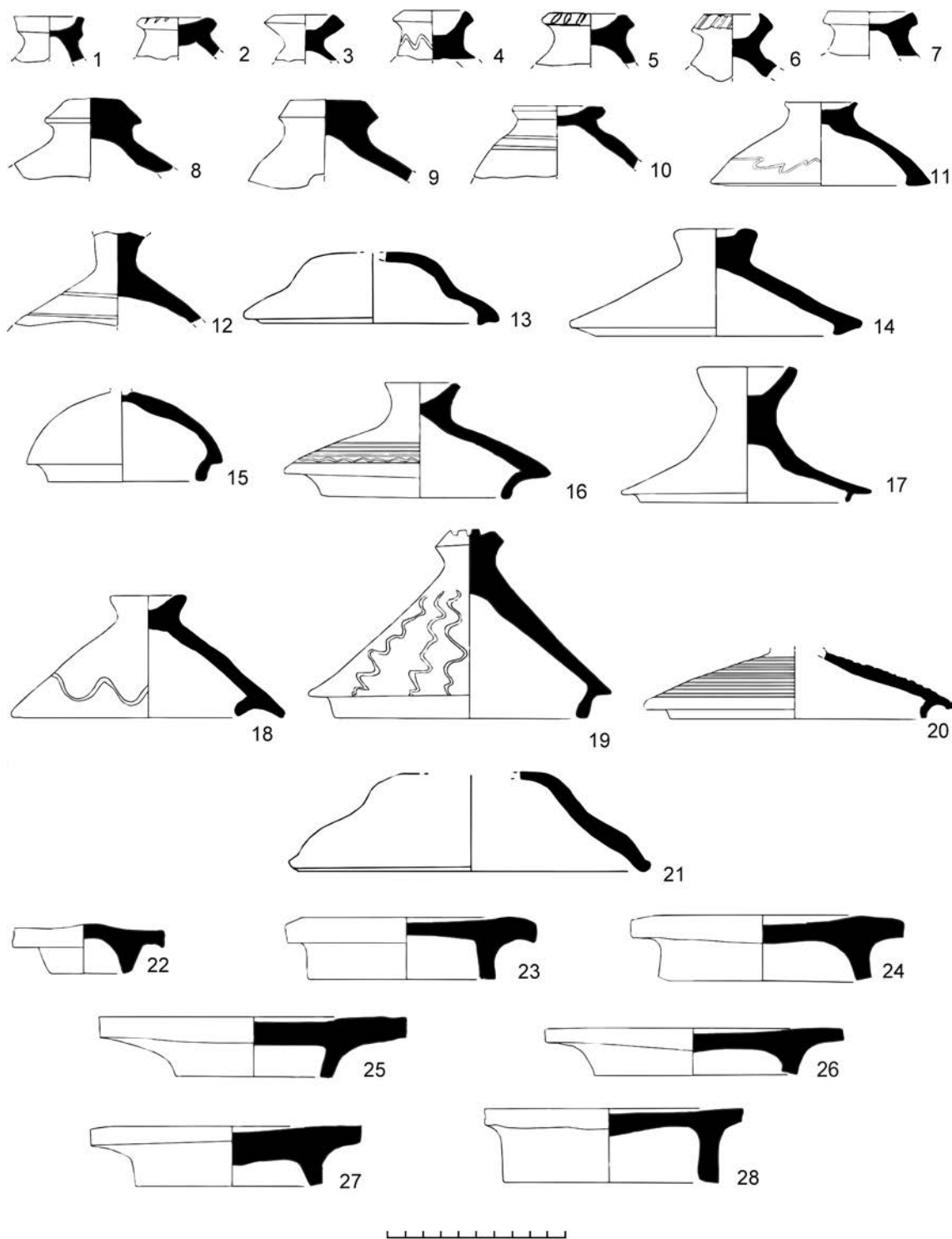

Рис. 32. Керамические крышки: 22–28 — тип I (ГП-61/3607; ГП-60/7671; ГД-57/1687; ГП-60/3883; ГД-57/7517; ГД-58/4081; ГП-61/3809); 1–12 (ГП-63/12534; ГД-58/5190; ГП-59/5022; ГП-61/1585; ГД-58/?; ГД-58/7805; ГД-58/10309; ГП-57/4233; ГП-60/3276; ГП-60/6897; ГП-63/12514; ГП-63/5841) и 14–20 — тип II (ГП-57/7937; ГП-63/7855; ГД-57/9434; ГП-59/3359; ГД-58/4382; ГП-60/8305; ГП-59/5204); 13, 21 — тип III (ГП-64/1548; ГП-63/9637)

Рис. 33. Крышки керамические разных типов: 1 — ГП-59/3359 (крышка) и ГП-59/4181 (сосуд) из разных комплексов; 2 — ГП-59/7029; 3 — ГП-61/3809; 4, 5 — ГП-60/3883 (5 — изображение увеличено). Фото из личного архива М. К. Каргера и фото А. Ю. Кононович

Крышки подобного типа могли использоваться для закрывания сосудов с вертикальным или слегка отогнутым горлом.

II тип (рис. 32: 1–12, 14–20). Ко второму типу относятся крышки конические и полу-сферические (92 фрагмента). Крышки этого типа представляют собой невысокий конус, который обычно заканчивается шишечкой (головкой). Снизу конус имеет бортик, который может быть вертикальным или наклонным (внутри или наружу) (вид 1). Особо следует

При этом в Дорогобуже найдено еще 12 обломков богато орнаментированных дисковидных крышек, но с выступом-ручкой в центре (Прищепа, Нікольченко 1996: 57, рис. 81: 11; Прищепа 2011: 144, рис. 151: 5). Там же был обнаружен большой фрагмент орнаментированной крышки, близкой по форме к плоско-цилиндрической, происходящий из заполнения ямы, относящейся к объектам третьего строительного периода (после 1084 г. — первая половина XII в.) (Прищепа 2011: 85–86, рис. 99: 21). Известны крышки этого типа и в других центрах Галицкой (Галич) и Болоховской (Тележинцы) земель (Малевская 1969: рис. 4: 18; Якубовский 1983: рис. 47: 2; 1995: 235). — Прим. А. Песковой.

выделить крышки, у которых сильно нависающий край конуса вместе с бортиком образует своеобразный паз для сцепления с венчиком закрываемого сосуда (вид 2)⁴⁰. Можно выделить еще один вариант конических крышек — они не имеют бортика, конус заканчивается плоской «ножкой» с небольшим выступом, которая и служит для сцепления с венчиком сосуда (вид 3). Таких конических крышек четыре экземпляра.

Все рассмотренные крышки второго типа сделаны из глины серого или красноватого цвета, в качестве отощителя применен кварц или смесь кварца со слюдой, причем примесь слюды встречается очень редко. Обжиг равномерный и неравномерный распределяются в количественном отношении почти одинаково. Коническая поверхность крышек украшена орнаментом. Из 44 фрагментов орнаментированных крышек 13 декорированы параллельными линиями (до 6 линий), 16 — волнистыми линиями, 10 — сочетаниями первых двух элементов; прямыми линиями с овальными вдавлениями украшены две крышки; две крышки украшены волнистыми линиями, расположенными не по кругу, а сверху вниз.

Чтобы было удобно брать и снимать коническую или сферическую крышку, на ее вершине есть шишечка, причем многие из них оформлены не в виде простого раструба или сплошной «пяточки», а имеют порой сложную моделировку (рис. 32: 19). Плоско-цилиндрические крышки удобно было брать за края, выступающие над венчиком закрываемого сосуда.

Рассмотренные конические или полусферические крышки встречаются при раскопках средневековых памятников не впервые. Конические крышки, аналогичные «изяславским», найдены при раскопках Древнего Плеснеска (автор назвал этот тип «полусферическим», хотя его лучше было бы отнести к коническим) (Кучера 1962: рис. 20: 14). Конические крышки из культурного слоя Старой Рязани (Монгайт 1955: рис. 79), несмотря на некоторое сходство, отличаются как от «изяславских», так и от плеснеских — у них нет нависающей над бортиком полы, конец полы крышки непосредственно переходит в вертикальный бортик⁴¹. Среди «изяславских» крышек лишь один экземпляр можно назвать сферической крышкой (вид 4). Подобные крышки встречены среди керамических изделий Саркела — Белой Вежи, где они датируются XI–XII вв. (Плетнёва 1959: 27–30, табл. 14: 15, 17)⁴².

Кроме Плеснеска, коническая крышка, близкая «изяславским» образцам, найдена на Волыни в районе с. Затурцы, она датируется XI–XII вв. (Rauhut 1960: tabl. XI, 8)⁴³.

⁴⁰ Аналогичная крышка с пазом присутствует в керамическом комплексе постройки XI в. в Юрьеве на Роси (Орлов и др. 1985: рис. 6: 10), а также среди материалов из заполнения жилища второй половины XIII — XIV в. Малого Городского городища на Житомирщине (Капустин 2014: 124–125, рис. 6) и в материалах из раскопок усадьбы XIV в. уроч. Апостольщина Владимира-Волынского (Терський 2010: рис. 108: 8). — Прим. А. Песковой.

⁴¹ Рязанские конические крышки отнесены к IV группе керамики, которая бытует в XI–XIV вв., но наиболее характерна для XI–XII вв. А. Л. Монгайт считает, что орнамент рязанских крышек позволяет сопоставить их с западнославянскими (Монгайт 1955: 125).

⁴² С. А. Плетнёва определяет подобные крышки как «низкие конусы с шишечкой и цилиндрическим бортиком в нижней части». Нам кажется, что крышки подобного типа будет точнее называть «полусферическими», чем «коническими».

⁴³ Конические и полусферические крышки известны также и в других западнорусских городах в предмонгольский период: в Новогрудке, в Данилове (где они составляют, по наблюдениям М. В. Малевской, вторую по численности после горшков группу керамических изделий) (Малевская 1971: 31–32, рис. 6: 12–15, 7: 5–7), в Галиче (Малевская 1969: 13, рис. 4: 19, 21), на болоховских городищах в Губине и Тележинцах (Винокур и др. 2004: рис. 52: 1; 53, I: 1; Якубовский 1983: рис. 47: 5–6), в Корческе (Прищепа 2016: 121–122, рис. 84: 6), а во Владимире-Волынском (уроч.

Аналогии «изяславльским» крышкам уводят нас на запад, в земли западных славян, где глиняные крышки встречаются на памятниках с IX–X вв. (Hochmanová-Vávrová 1962: tab. XI, 10) и доживают до XIV–XV вв. и даже позднее (Gajewski 1959: tabl. I, 17).

В частности в Польше, в комплексе вроцлавской керамики известны конические крышки с шишечкой, датирующиеся XII — началом XIII в., на территории Малопольши они встречаются в комплексе конца XIII — начала XIV в. (Ibid.: 350, tabl. I, 17; Reichertová 1959: obr. 5: 2, 3, obr. 7: 2, 3). В керамике Залужан они датируются послегородищенским временем (Polla 1962: obr. 97: 5, tab. VI, 2).

Довольно близкие аналогии встречаются среди средневековых гончарных изделий Будайского замка в комплексе керамики XIII–XIV вв. (Holl 1963: кер. 69: 3, 70: 3–4). Близкие крышки можно найти и в магдебургской керамике XIII–XIV вв. (Nickel 1959: abb. 10 (b)).

Трудно определенно указать на те типы посуды, которые закрывались коническими и сферическими крышками. Можно предположить, что в первую очередь это были горшки и некоторые типы тарной посуды.

III тип (рис. 32: 13, 21). К третьему типу относятся крышки, напоминающие перевернутую миску. Можно выделить два вида.

К первому виду относятся крышки, представляющие собой усеченный конус, шишечки наверху нет или она слабо выражена. Таких крышек две. Одна из них украшена крупной волнистой линией, пересеченной тремя параллельными. Нижние края крышек не сохранились, поэтому трудно судить о механизме сцепления ее с венчиком закрываемого сосуда. Очень близкая аналогия «изяславльским» крышкам первого вида найдена в Колодяжине (Юра 1962: рис. 39: 7).

Ко второму виду относится усеченный конус, но с небольшим уступом и более мягких очертаний. Подобные крышки известны в Чехии в памятниках XII–XIII вв. (Richter 1959: 10, obr. 3: 2; Reichertová 1956: obr. 2). Край таких крышек имеет «вилку» для соединения с венчиком закрываемой посуды или оканчивается просто овальным закруглением.

Таким образом, керамические крышки представлены в «Изяславле» довольно многочисленной и разнообразной группой, и в этом отношении «Изяславль» пока сравнить не с чем. Довольно большая группа глиняных крышек, происходящих из Белой Вежи, все же отличается от найденных в «Изяславле». Широкое употребление керамических крышек, в первую очередь в западных районах Древней Руси, явилось, таким образом, характерной чертой древнерусского города в предмонгольское время.

Ковшики

В «Изяславле» найдено шесть целых ковшиков, 26 фрагментов стенок с ручками и 108 фрагментов ручек, то есть можно говорить приблизительно о 140 сосудах. Это небольшие (высота 4,4–5,9 см, диаметр дна 7,8–12,0 см, диаметр венчика 10–16 см), приземистой формы сосуда, как правило, с одной ручкой. Сделаны они из серой или красноватой глины.

Апостольщина) нередко встречаются среди материалов XIV в. (Терский 2010: рис. 106: 5–6, 108: 8–9, 113: 6, 114: 6). В Новогрудке такие крышки в небольшом количестве представлены практически во всех строительных горизонтах — со 2 по 6, то есть с XI по первую половину XIII в. (Малевская-Малевич 2005: 55–56, рис. 25–26). — Прим. А. Песковой.

В качестве отощителя к глине примешивались кварц или известь, реже слюда. Большое количество ковшиков ангобировано, ангоб обычно белый. В общем, сосуды представлены одним типом, довольно четко выраженным. Можно выделить лишь некоторые варианты (рис. 34: 3–5, 7–13).

1. К первому варианту относятся ковшики, имеющие бочонкообразное тулово. Венчики у сосудов заканчиваются ровной горизонтальной или скошенной внутрь площадкой или овальным закруглением. Иногда венчик немного усложнен, он загибается внутрь в виде небольшого выступа, горизонтального или скошенного внутрь.

2. Второй вариант представлен сосудами с туловом, немного расширяющимся кверху, стенки в профиле почти прямые. Закраина венчика бывает в виде ровной площадки, овального закругления или с небольшим загибом внутрь.

3. К третьему варианту относятся ковшики с более сложным профилем — плечики имеют резкий уступ, верхний край сосуда завершается как бы невысокой стоечкой.

У всех ковшиков имеется ручка с одной стороны, причем технология присоединения ручки немного различна. Можно выделить три варианта ручек.

1. Ручка в виде закругленного кронштейна, в сечении овального или подчетырёхугольного. К тулову сосуда такая ручка присоединялась в одном месте. Для этого у ручки с одного конца имелась «пяточка» — своеобразная заклепка, которая пропущалась сквозь стенку сосуда и размазывалась («расклепывалась») на внутренней стороне его стенки.

2. Ручка в виде кольца или петли, в сечении круглая или овальная. К тулову сосуда такая ручка присоединялась в одном месте, точно так же как и ручки первого варианта. Ручки этого варианта могут быть почти совсем круглые или вытянутые, напоминающие ручки первого варианта.

3. К третьему варианту относятся ручки в виде разомкнутого кольца. К стенке сосуда они крепились в двух местах — в верхней и нижней части сосуда. В сечении ручки овальные или слегка утолщенные. Для присоединения к тулову сосуда на обоих концах такой ручки имеются пяточки — «заклепки».

Различным вариантам ковшиков соответствуют те или иные варианты ручек.

Все ковшики сделаны на гончарном круге. На некоторых из них (на 6 из 21 экз.) отчетливо видны следы подставки — края днищ оплыли в виде бортика.

На трех целых сосудах, изготовленных на гончарном круге с подставкой, имеются клейма, правда, сохранность их плохая. Орнаментированных ковшиков немного. Основные элементы орнамента — волнистые линии и миндалевидные вдавления. Последние нанесены главным образом по краю венчиков, лишь в одном случае они располагаются на плечиках сосуда. Волнистый орнамент украшает верхнюю часть сосуда и лишь в одном случае покрывает все тулово. В целом следует признать, что ковшиков на городище найдено довольно много⁴⁴. Наряду с деревянной и металлической посудой того же функционального назначения они являлись неотъемлемой частью кухонного керамического набора в древнерусском городе.

⁴⁴ По суммарному количеству находок керамических ковшиков и мисочек сопоставим с «Изяславлем» (64 экз. вместе с крупными фрагментами) только Звенигород-на-Белке (около 50 экз. вместе с фрагментами) (Гупало 2009: 341). Значительно реже встречаются они в других древнерусских городах. — Прим. А. Песковой.

Рис. 34. Мисочки (1, 2, 6 — ГД-58/5883; ГД-59/2962; ГП-61/1957) и ковшики (3, 4, 5, 7–13 — ГП-63/12637; ГП-57/9495; ГП-57/9493; ГП-62/2903; ГП-59/4060; б/н; ГД-58/3572; б/н). Фото из личного архива М. К. Каргера и фото А. Ю. Кононович

Мисочки

Близки к рассмотренным ковшичкам и небольшие миниатюрные мисочки, которые по форме повторяют основные варианты ковшей и имеют такие же варианты венчиков. Высота сосудов 2,9–7,7 см, диаметр венчика 8–16 см, диаметр дна 3,6–12,0 см. Всего имеется 32 целых сосуда, включая крупные фрагменты (рис. 34: 1, 2, 6).

1. К первому варианту относятся мисочки с бочонкообразным туловом, закраина венчика овальная или в виде ровной площадки, срезанной внутрь. У одной мисочки венчик имеет бортик, загнутый внутрь.

2. Второй вариант представлен сосудами с расширяющимися кверху боками. Закраина венчика округлая или с бортиком, загнутым внутрь миски. Один сосуд имеет выступающий острый бортик, отогнутый наружу.

3. К третьему варианту относится один сосуд, по своему контуру напоминающий низкий широкий горшок. Венчик этой миски отогнут наружу и заканчивается ровной площадью, срезанной под углом.

Орнаментированных сосудов мало — только два украшены волнистой линией. Внутри еще одной миски имеется небольшой участок волнистой линии. Основная масса сосудов сделана на гончарном круге, но без подставки. Клейм и следов от круга нет.

Трудно судить об определенном назначении сосудов данного типа⁴⁵, но они, очевидно, входили в широкий круг древнерусской кухонной керамики. Хотя М. П. Кучера почему-то пишет, что в XII–XIII вв. мисок уже не было (Кучера 1961: 151).

Гончарные клейма

Группа изяславльской керамики с клеймами на донцах заслуживает особого рассмотрения⁴⁶. Коллекция клейм, имеющаяся в нашем распоряжении, является уникальной. Во-первых, это одна из наиболее многочисленных групп знаков подобного рода, известных из материалов раскопок древнерусских городов, — 292 клейма. До сих пор наиболее значительные группы древнерусских клейм были обнаружены во Вщиже и Плеснеске (Рыбаков 1948: 364; Кучера 1960: 118). Во-вторых, изяславльские клейма обнаружены на территории полностью раскопанного памятника, имеющего довольно узкие хронологические рамки.

История вопроса о клеймах, их назначении и происхождении имеет уже довольно солидную историографию. Таинственные значки на донцах глиняных сосудов подобно магниту привлекали к себе многие поколения археологов и этнографов, предложивших ряд оригинальных гипотез, каждая из которых имеет свои «за» и «против»⁴⁷. Одни ученые видели в гончарных клеймах знаки гончаров-ремесленников (Козловська 1927: 7–14; Рыбаков 1948: 175–180, 352–353, 363–365, 437–438, 494–495; Мансуров 1946: 293–298; Кучера 1960: 118–123). Исходя из этого положения, делались попытки подсчитать количество мастеров, одновременно работавших в городе. Вот, например, один из таких подсчетов: в Плеснеске из 108 клейм повторяются 20, поэтому число 88 (то есть 108–20) принимается за количество гончаров, работавших в этом городе с конца X до середины XIII в. Далее, число 88 равномерно распределяется на 7–8 поколений и получается число 11–12, то есть количество мастеров, работавших одновременно (Кучера 1960: 122). Пример подобного подсчета, к сожалению, не единичен.

⁴⁵ Часть миниатюрных мисочек и ковшиков могла использоваться в качестве светильников, о чем, по наблюдениям исследователей, свидетельствуют следы нагара или закопченности на венчиках сосудов. Такие светильники-мисочки были выявлены также в Киеве (?), Дорогобуже, Плеснеске, Звенигороде, Галиче (Сергеева 1995: рис. 1, 4–6; Гупало 2009: 341–343, рис. 1–5; Прищепа 2011: 144). — Прим. А. Песковой.

⁴⁶ Знаки на донцах сосудов, не являющиеся оттиском рисунка, рассматриваются в разделе «Технологическая характеристика керамики Древнего „Изяславля“».

⁴⁷ Подробный обзор по историографии вопроса о гончарных клеймах см.: Рыбаков 1948: 175–181; Комша 1961: 448–461.

Другие исследователи не менее энергично отстаивают гипотезу о клеймах как метах заказчика (Розенфельдт 1962: 121–130). Один из важнейших доводов в пользу своей гипотезы они видят в многочисленности вариантов клейм. Работа на заказ вынуждала гончаров иметь набор знаков собственности того круга заказчиков, которых они постоянно обслуживали.

В последние годы появились новые точки зрения в оценке гончарных клейм. Н. В. Тухтина, используя данные этнографии, пытается расшифровать клейма на донцах как знаки солнца, огня, оберегов от злых духов и т. д. (Тухтина 1960: 148–154). Особый интерес представляет вывод о распространении этих знаков только на территории, совпадающей с границами расселения славянских племен. Общность рисунков клейм на этой территории, по ее мнению, является результатом общности дохристианских верований, сохранявшихся в клеймении посуды в качестве пережитка.

Можно отметить, что в свое время А. А. Мансуров, придерживавшийся гипотезы «клейма — знаки мастеров», считал возможным в то же время трактовать ряд изображений «как пережитки солярного круга» и проводить аналогии «с древними культовыми представлениями, не связывая эти изображения с каким-то реальным сюжетом» (Мансуров 1946: 297). Правда, делал он это робко, в качестве оговорки.

Изучение клейм на «изяславльских» глиняных изделиях не позволяет выставить веские аргументы в пользу или против той или иной гипотезы. Ни одна из названных нами гипотез не является, на наш взгляд, доказанной, хотя интерпретация этой группы памятников Н. В. Тухтиной кажется нам наиболее правдоподобной.

Одним из существенных недостатков высказанных версий является слабая и недостаточно четкая разработка методики исследования.

Большинство исследователей придает большое значение соотношению клейменной и неклеяемой посуды (Там же: 293; Станчев 1948: 245; Тухтина 1960: 153). Важность этого соотношения не подлежит сомнению. Такие цифры есть уже для ряда памятников: Старая Рязань — 1 % «общего количества керамики» (Мансуров 1946: 293); Новгород, Псков, Старая Ладога — около 1–2 % (Тухтина 1960: 149) (тоже, вероятно, от общего количества керамики). К сожалению, приходится признать, что методика подсчета не совсем ясна в данных случаях. Неясно, какие группы керамики входили в подсчет и какие не входили. Несомненно, для определения соотношения клейменной и неклеяемой керамики, соотношения клейменной и всей керамики на памятнике должна быть выработана единая методика. Это позволило бы сравнивать полученные данные с результатами, добытыми на других памятниках.

Сопоставление среднего процента клейменной посуды на изяславльском городище с другими памятниками проводить трудно, так как мы уже отмечали, что методика подсчета там не указывалась. Относительно «Изяславля» можно лишь сказать, что процент этот, как и на других древнерусских памятниках, очень мал, что ставит под серьезное сомнение гипотезы о клеймах-знаках собственников и клеймах-знаках мастеров.

По рисункам «изяславльские» клейма можно распределить на девятнадцать групп (рис. 35). Довольно значительное количество клейм (68 экз.) оказалось трудно определить, поэтому они не попали ни в одну из групп.

I группа. Знаки в виде четырехугольной звезды. Представлены двумя фрагментами. Одно клеймо небольшое, лучи звезды слабо расчленены, второе имеет более длинные лучи.

II группа. Знаки в виде треугольной звезды. Представлены двумя идентичными клеймами.

Звезды, лучи (52 клейма)				Круг (101 клеймо)				Крест (31 клеймо)		
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Прочие малочисленные группы (всего 37 клейм)										
	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX		

Рис. 35. Группировка гончарных клейм (19 групп, схема)

III группа. Знаки в виде разветвленного пучка лучей. Распадаются по форме на два варианта:

а) от верхнего луча отходит небольшой отросток вправо и наверх, левый нижний луч расщеплен (4 клейма);

б) характеризуется теми же признаками, что и вариант «а», только расщепляется не левый, а правый луч (8 клейм).

Кроме основных вариантов можно выделить несколько дополнительных, по рисунку близких к описанным клеймам:

в) рисунок клейма повторяет вариант «а», только не имеет отростка у верхнего луча (1 клеймо);

г) рисунок клейма повторяет вариант «б», но отросток также отсутствует (1 клеймо);

д) верхний луч имеет отросток справа, но оба нижних луча не расщепляются (1 клеймо).

Таким образом, III группа насчитывает 15 хорошо определяемых клейм, к ней же можно отнести 21 клеймо на небольших фрагментах донцев; к каким вариантам они относятся,

определить затруднительно. Следует отметить, что в тех случаях, когда детали рисунка клейма на нескольких фрагментах совпадают, идентичность их все же вызывает сомнение.

IV группа. Рисунок клейма этой группы представляет собой трезубец, причем можно выделить два варианта:

- а) два боковых отростка отходят от центрального стержня в одной точке (6 клейм);
- б) боковые отростки отходят в стороны не из одной точки (один выше, другой ниже) — 6 клейм; в этом варианте также можно отметить мелкие расхождения в деталях: у одних клейм ниже правый отросток, у других левый; одно из клейм отличается маленькими размерами и расположено не по центру донца.

V группа. Пятая группа клейм представлена рисунком в виде круга. Можно выделить несколько вариантов:

- а) диаметр клейма довольно велик (около 2/3 диаметра донца) — 13 клейм;
- б) диаметр клейма небольшой (до 1/2 диаметра донца) — 38 клейм;
- в) особый вариант представляют клейма очень маленького диаметра, расположенные не в центре донца, а сбоку, — семь клейм;
- г) сюда же можно отнести одно эллипсоидное клеймо;
- д) к клеймам этой группы относятся еще два клейма, отличающихся от описанных тем, что рисунок их не выпуклый, а углубленный (то есть матрица рисунка была выпуклой);
- е) клейма в виде двух концентрических кругов (диаметр кругов различный) — три клейма.

Таким образом V группа рисунков клейм в виде круга представлена довольно значительным количеством экземпляров — 64 клейма. Однако этими клеймами не исчерпывается наличие круга на донцах изяславльской посуды. Круг входит составной частью в более сложные композиции.

VI группа. В шестую группу мы включили клейма в виде круга (или двух кругов), внутри которого есть дополнительные изображения:

- а) в виде небольшого отросточка — четыре клейма;
- б) в виде прямых линий и других знаков — шесть клейм;
- в) изображение «солнца» в круге — пять клейм;
- г) изображение креста в круге — девять клейм.

VII группа. Сюда относятся клейма в виде круга, но имеющие дополнительные изображения (пересекающие круг прямые линии, «солнце» с внешней стороны круга, круг между двух параллельных прямых) — 11 клейм.

VIII группа. В отдельную группу можно выделить клейма в виде круга, к которому прилепляет отрезок прямой с ответвлениями — три клейма (не исключена возможность, что они сделаны с одной матрицы).

Как вариант клейма этого типа можно рассматривать клейма в виде круга, но с дополнительным рисунком несколько другого характера — два клейма.

Таким образом, общее количество клейм с изображениями круга (одиночного или двойного) составляет 104 экземпляра, что делает эти клейма одной из самых представительных групп клейм на донцах сосудов в древнем «Изяславле».

Следующие группы клейм — с изображением креста.

IX группа. Одиночный крест; группа представлена двумя вариантами — крестом с прямоугольными концами (11 клейм) и с чуть суживающимися концами (5 клейм).

X группа. Особое изображение креста представляет крест (иногда с перекладинами на краях) в окружении обычно четырех небольших крестиков. Идентичных клейм внутри этой группы подобрать не удалось (всего 8 клейм).

XI группа. К крестообразным изображениям можно отнести клейма в виде прямой линии, пересеченной поперечинами, двумя или тремя, по одну или по обе стороны этой фигуры (7 клейм).

Всего клейм с изображением креста — 31 экземпляр.

XII группа. Небольшую, но интересную группу представляют клейма, которые можно трактовать как изображения родового знака Рюриковичей (9 клейм).

XIII группа. Клейма в виде буквы Y, причем нередко клейма занимают не центральное положение на донце (6 клейм).

XIV группа. Изображения в виде незамкнутой прямоугольной или трапециевидной фигуры (5 клейм).

XV группа. Клейма в виде небольших треугольников с маленькими черешками или без них. Один из треугольников с черешком целиком выпуклый. Всего в группе четыре клейма.

XVI группа. Клеймо в виде пересеченного прямоугольника («окна») — четыре клейма.

XVII группа. Изображения в виде ломаной линии двух вариантов:

а) кривая с «рожками» — четыре клейма,

б) кривая без «рожек» — два клейма.

XVIII группа. Прямоугольник с петлей — два клейма.

XIX группа. Клеймо в виде листика с перепонками — одно клеймо.

Изучение «изяславльских» клейм показало, что наряду с многообразием рисунков клейм существует еще и почти полное несовпадение мельчайших деталей рисунков на днищах, что указывает на невозможность, за редким исключением, абсолютного совпадения клейм. Однако здесь вполне резонно предположить, что под одним знаком работало несколько мастеров, или на протяжении своей жизни ремесленник мог несколько раз менять подставку-матрицу со знаками. Но имеется один факт, который не в силах пока убедительно объяснить ни одна из гипотез, посвященных клеймам. Это соотношение клейменной и неклеяменной посуды, в котором сосуды с клеймами обычно занимают ничтожную часть. Пролить свет на эту проблему могло бы изучение разновременных древнерусских памятников, позволившее бы проследить тенденцию количественных соотношений этих двух видов гончарных изделий на различных хронологических этапах. Не исключена возможность также, что в XIII в. клейма нужно объяснять не с одной точки зрения, а с нескольких.

Любопытное наблюдение дает изучение технологических признаков на клейменных донцах. В тех случаях, когда было возможно, нами учитывались типы донцов по их технологическим особенностям. Всего выделено пять типов донцов (рис. 36):

- 1) дно ровное гладкое,
- 2) дно вогнутое, но без бортика,
- 3) дно вогнутое, вогнутая часть дна начинается, немного отступая от края,
- 4) дно ровное, с бортиком,
- 5) дно вогнутое, с бортиком.

Распределение клейменных донцов по этим типам дает интересные результаты. Оказалось, что в ряде случаев, когда совпадает не только общий рисунок клейма, но и детали, технологически типы донцов не совпадали. Это дает возможность говорить о разных способах формовки сосуда, о разных приемах гончара и различных конструктивных деталях круга. По нашему мнению, существование на огромной территории, занятой славянами, схожих знаков, на первый взгляд, как бы нивелирует региональные особенности. Однако количественное соотношение клейм разных рисунков все же имеет региональные оттенки.

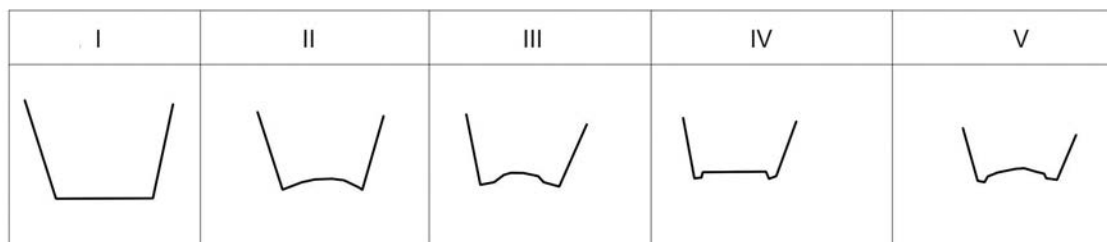

Рис. 36. Типы донцев на сосудах с клеймами (схема)

Соотношение различных типов клейм в «Изяславле» выглядит следующим образом. Почти половину всех клейм представляет рисунок круга и круг с дополнениями (крест внутри, «солнце» и т. д.). Из других рисунков количественно преобладают кресты различных типов. Знак Рюриковичей встречен лишь девять раз, причем все рисунки клейм этого типа различны. По данным, собранным И. В. Тухтиной, рисунок клейма в виде «чистого» круга и круга с дополнительными деталями на различных памятниках, как правило, преобладает (Тухтина 1960: рис. 1). Среди «изяславльского» материала особого внимания заслуживает многочисленная группа клейм в виде крестообразных знаков. Кресты и крестообразные клейма встречаются в большом количестве на довольно обширной территории. Подобные знаки известны в Плеснеске (Кучера 1960: рис. 1), Колодяжине (Юра 1962: рис. 41: 4), на керамике XII–XIII вв. из Вроцлава (Kramarek 1959: 219–246). Как мы уже упоминали, много аналогий крестов и крестообразных знаков приводит А. Тоčíк (Тоčíк 1962: 347–378) и др.

Указанные аналогии, несомненно, свидетельствуют о связях с западно-славянскими территориями и позволяют говорить, пока что в предварительном плане, о локальной группе западнорусских (галицко-волинских) клейм⁴⁸. И хотя крестообразные знаки распространены на керамике в древней Руси в основном на западнорусских территориях, но на памятниках прикладного искусства они известны более широко. Кресты с перекладинами на концах встречаются на височных кольцах с ромбовидными расширениями (Гущин 1936: табл. VIII, рис. 4), на перстнях (Корзухина 1954: таб. XXIX, 16; XXXII, 1; Монгайт 1961: рис. 107: 2), на ромбоштитковых височных кольцах (Корзухина 1954: табл. XXVII, 2, 5, 27), на детали суздальского оплечья (Гущин 1936: табл. XXV), на медальонах из Владимирского клада 1837 г. (Там же: 69–70, рис. 26–27, табл. XVI, 5). Присутствие подобных знаков на донцах сосудов — лишь один из случаев, где они употреблялись как декоративный элемент, имеющий определенный смысл.

Смысл гончарных клейм на керамических сосудах накануне монгольского нашествия, на наш взгляд, еще не окончательно ясен. Однако появилась возможность поставить вопрос

⁴⁸ Несмотря на непрекращающиеся новые попытки классификации древнерусских гончарных клейм, в том числе и в землях юго-западной Руси (Гупало 1985; 2001; Чайка 1995; Ткачук, Тимус 1997; Ягодинська 2000; Возний 2010), единой унифицированной классификации пока так и не разработано. Интересный опыт систематизации гончарных клейм на керамике с городищ Прикарпатья и Западной Волыни был предложен В. Д. Гупало (Гупало 1985: 236–242); показательно, что клейма, в основе которых лежит знак креста, выделенные ею в группу А, тоже отнесены к наиболее широко распространенным в данном регионе; выделены также клейма, локализующиеся в Звенигороде, Плеснеске и Ступице. — Прим. А. Песковой.

о локальных особенностях клейменной посуды, выразившихся главным образом не в существовании каких-то особых рисунков клейм на этих территориях, а в их количественном соотношении.

Поливная и расписная керамика

Поливная керамика. В гончарных изделиях древнего «Изяславля» поливная керамика составляет небольшую часть. На городище, как на детинце, так и на посаде, найдено восемь целых сосудов и 17 фрагментов сосудов с цветной поливой. Вся поливная посуда, обнаруженная в «Изяславле», монохромна (рис. 37; цв. вклейка, фото 3).

По своему составу керамика эта неоднородна и может быть распределена на две группы:

- 1) миниатюрные баночки и кувшинчики (8 целых и 13 фрагментов),
- 2) столовая поливная посуда (4 фрагмента от двух сосудов).

Первая группа представлена восемью целыми сосудиками и 13 фрагментами, в основном придонными частями. Соотношение полив различных цветов следующее: зеленая — пять, желтая — восемь, коричневая — четыре, светлая — одна, сильно обгорелые фрагменты, цвета не определимы — две.

Сосудики, как правило, сделаны из красной глины, иногда с добавлением песка, обжиг равномерный. Исключение составляют один сосуд из белой глины и один из светло-серой с неравномерным обжигом.

Целые сосуды можно классифицировать на сосуды типа горшочка или баночки (в том числе один экземпляр с ручкой) и на кувшинчики.

Сосуды первого типа имеют высоту 2,9–6,5 см, диаметр венчика 2,3–4,0 см, диаметр дна до 3,5 см (рис. 37: 1–8). Один миниатюрный горшочек имеет ручку в виде петли, присоединенную к тулову в одном месте при помощи большой «заклепки». Все сосудики имеют отогнутые венчики, заканчивающиеся плавно закругленной закраиной.

Ко второму типу относятся три маленьких кувшинчика, высота которых 8,7 см, диаметр горла 3,7 см (рис. 37: 9–11). Все три кувшинчика имеют ручки (в двух случаях ручки крепятся в одной точке, в третьем случае один конец ручки прикреплен в верхней части горла, другой — в наиболее выпуклой части тулова). На всех трех экземплярах немножко ниже горла нанесен орнамент в виде волнистых линий. Орнамент слабо рельефный, поэтому при покрытии сосудов поливой в значительной степени сгладился.

Функциональное назначение обоих типов миниатюрных сосудов определить трудно⁴⁹. Вполне возможно, что они были туалетной керамикой или детскими игрушками. Правда, в Киеве, в землянке «художника» в небольших сосудиках находилась краска (Каргер 1950: 30–31, рис. 20; 1958: 478).

⁴⁹ Среди миниатюрных керамических изделий Звенигорода, Галича и Судовой Вишни В. Д. Гупало выделила шесть экземпляров различных моделей подсвечников XII–XIII вв., аналогии которым на момент написания статьи ей выявить не удалось (Гупало 2009: 345–347, рис. 6). На наш взгляд, два (четыре?) миниатюрных сосуда «Изяславля» вполне можно причислить к этой редкой категории находок (рис. 37: 2–4, б). По форме они близки галицким моделям подсвечников, особенно одному из них, внешне напоминающему сосудик, но без полости, имеющему лишь небольшое углубление (глубина 13 мм) для свечки диаметром 10 мм, изготовленному из хорошо отмученной глины и покрытому поливой зеленого цвета (Там же: 347, рис. 6: 4). — Прим. А. Песковой.

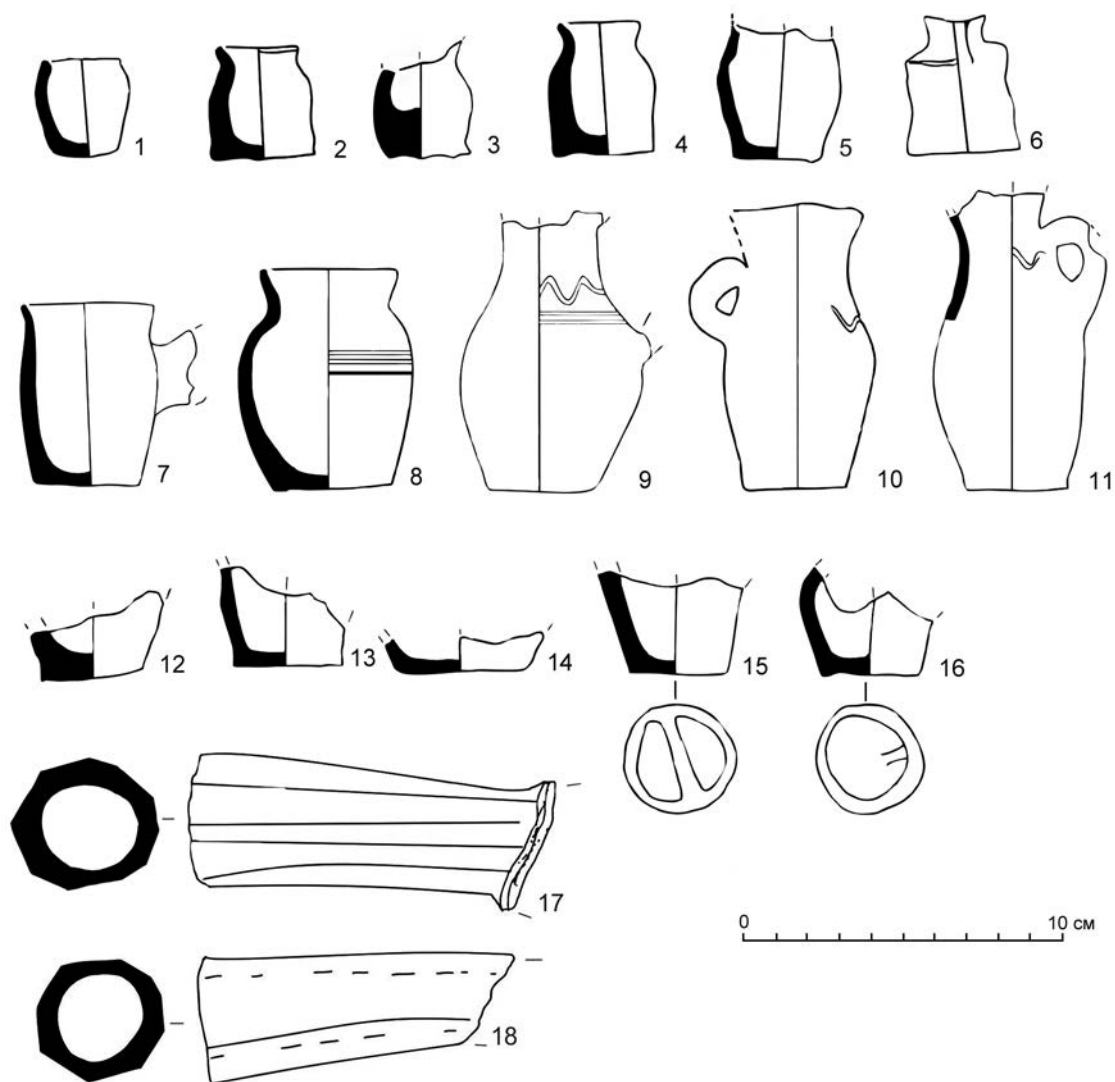

Рис. 37. Поливная посуда: 1–8 — миниатюрные горшочки и баночки (ГД-58/5918; ГП-61/6873; ГП-61/2766; ГД-58/5919; ГД-58/3581; ГП-63/12532 (без поливы); ГД-58/5920; ГП-60/8066); 9–11 — кувшинчики (ГД-57/9587; ГП-63/980; ГД-58/5921); 12–16 — фрагменты миниатюрных сосудиков (ГП-61/2341; ГП-60/11858; ГП-63/12535; ГД-57/13030; ГП-63/12533); 17–18 — ручки граненые полые со следами поливы (ГД-58/4451; ГД-58/9723)

Ко второй группе относится столовая поливная керамика. Находки ее в «Изяславле» незначительны. Есть два фрагмента (горло и небольшая часть стенки) от кувшина, покрытого зеленовато-голубоватой поливой, и фрагмент чашки или мисочки на поддоне, покрытой зеленой поливой травянистого цвета. Горло кувшина высотой 8 см, диаметром 4 см заканчивается широким раструбом — диаметр 11,7 см. При переходе от горла к раструбу имеется небольшой поясок, типичный для металлических кувшинов. Поверхность горла немного испорчена — во время пожара на нее попали мелкие кусочки угля. Кувшин сделан из белой глины, обжиг равномерный. Судить по сохранившейся части обо всем облике сосуда трудно. Ближайшие аналогии можно найти среди поливных кувшинов древнего Любеча, Чернигова (Макарова 1965: рис. 1: 14, 15, 21; 1967: табл. 13: 7, 8, 10). Близок фрагмент

«изяславльского» кувшина расписным и поливным сосудам из дворца в Буде, где они датируются XIII в. (Holl 1963: кер. 68: 5).

К поливной керамике можно отнести и две ручки от сохранившихся сосудов (рис. 37: 17–18). Ручки не покрыты поливой, но на обеих имеются отдельные следы желтой и зеленой полив. Сделаны они из хорошей белой глины, в сечении представляют собой многогранник, внутри обе ручки полые. Вполне возможно, что они относятся к не дошедшей до нас форме сосудов, например латок.

К столовой поливной посуде относится и фрагмент какого-то сосуда на поддоне. Полива зеленая, травянистого цвета. Тесто белое, с небольшой примесью известнякового отщителя, обжиг равномерный.

Характерно, что вся столовая поливная посуда найдена на детинце «Изяславля», и не исключена возможность, что она происходит из одного комплекса.

О месте производства поливных изделий, найденных в древнем «Изяславле», судить трудно, хотя можно допустить, что миниатюрные поливные сосудики могли быть и местного производства.

Крупнейшим центром древнерусской поливной керамики был Киев (Каргер 1958: 446). Производство полив существовало и в других древнерусских городах, в частности, в древнем Любече, где, по наблюдениям Т. И. Макаровой, было налажено производство сероглиняной поливной посуды (Макарова 1965: 234).

Нет данных для того, чтобы хронологически разъединить две группы исследуемой поливной посуды, в «Изяславле» они существовали одновременно. Наряду с этим необходимо отметить, что в Любече белоглиняная поливная керамика появляется в комплексе XI–XII вв., то есть немного раньше, чем сероглиняная (в комплексе XII–XIII вв.) (Там же: 235). Вообще, поливная керамика XIII в. изучена еще недостаточно. Например, считалось, что в Чехии поливные сосуды появляются на рубеже XIV–XV вв., сейчас этот рубеж отодвинут к X–XI вв., главным образом к XI в. (Richter 1961: 573–578).

Незначительное количество столовой поливной керамики в «Изяславле» удивляет. Вскрытие почти всей площади памятника исключает какого-либо рода случайности. Поливная столовая керамика, являющаяся в древнерусских городах в известной мере барометром социальной принадлежности того или иного комплекса, обслуживала имущие слои городского населения, его верхушку⁵⁰. Отсутствие в «Изяславле» этого ассортимента посуды в более широких масштабах нуждается, вероятно, в каких-то особых объяснениях.

В обобщающей работе, посвященной поливной керамике в древней Руси, Т. И. Макарова почему-то пишет, что при раскопках в «Изяславле» была собрана «большая коллекция поливной посуды», что должно свидетельствовать «о местном производстве поливной посуды в XII — начале XIII в.» (Макарова 1966: 184). Принимая во внимание, что в «Изяславле» найдено все же незначительное количество поливных изделий, и учитывая их неоднородность (наличие цветной и белой глины), к этому вопросу нужно подходить более осторожно. Налаженное местное производство несомненно дало бы гораздо большее количество находок (тем более что можно предположить в производстве сосудов с поливой наличие двух традиций). Мы не отрицаем возможности местного производства (полива на сосудах из цветной глины), но более вероятным кажется другое предположение.

⁵⁰ В Любече на площади 3000 кв. м на территории княжьего двора было найдено 400 фрагментов поливной посуды (Макарова 1965: 231).

К востоку от «Изяславля» находится такой центр производства поливных изделий, как Киев, и поливная керамика «Изяславля» могла быть изготовлена в его мастерских.

Расписная керамика. Если поливная керамика на территории древнего «Изяславля» представлена перечисленным набором целых и фрагментированных сосудов, то керамика с росписью представлена всего двумя черепками от одного сосуда (*цв. вклейка, фото 4: 2–3*). Это фрагменты стенок (тип сосуда установить невозможно) толщиной 0,5 см. Тесто черепка обожжено неравномерно, в качестве отощителя примешаны кварц и известь. Общий фон лицевой поверхности черепка белый, ангобированный и тщательно залощенный. По этому фону коричневой густой краской полосой 0,3 см нанесен орнамент, по всей вероятности, растительный. Фрагменты сосудов из светлой глины с расписным орнаментом коричневого или красного тона неоднократно были встречены на древнерусских памятниках предмонгольской поры. Особенно хорошо техника росписи на керамике прослеживается по находкам в Киеве, где черепки расписных сосудов известны со времени раскопок В. В. Хвойки (раскопки в усадьбе Петровского), С. Гамченко (усадьба Трубецкого); в 1948 г. фрагменты расписной керамики были найдены в полуземлянке — мастерской середины XIII в. (усадьба Исторического музея), а также среди сосудов, обнаруженных при раскопках Киевской Софии. Полная сводка (на 1958 г.) находок расписных сосудов в Киеве была сделана М. К. Каргером (Каргер 1958: 449).

Следует отметить, что среди расписной керамики Киева можно выделить несколько технологических приемов росписи: роспись коричневой или красной краской по светлому фону или по розовому фону черной краской, сочетание расписного орнамента и врезных линий, наконец, одноцветная роспись всей поверхности сосуда.

Расписная керамика предмонгольского времени известна и на других древнерусских памятниках: на городище в районе г. Белая Церковь (здесь использовался прием сочетания врезного орнамента и узоров, нанесенных белой краской (Виявлення...1931: 84–85)), а также в Любече (Гончаров 1952: 134) и на Райковецком городище (Мовчанівський 1935: 154).

Технология изготовления расписных керамических изделий была гораздо проще, поэтому такая посуда могла производиться в большем количестве и была, вероятно, доступнее широким слоям горожан, чем поливная. Однако в «Изяславле» расписная керамика не получила широкого распространения.

Технологическая характеристика керамики древнего «Изяславля»

Определение технологических признаков керамики «Изяславля» приходится давать, исходя непосредственно из гончарной продукции. Нами уже отмечалось, что раскопки всей площади городища и разведочные шурфы на прилегающих к городищу участках не дали ни одной печи, с которой определено можно было бы связать гончарное производство в «Изяславле». Это обстоятельство можно объяснить гипотетически несколькими причинами. Ввиду опасности пожаров обжигательные печи могли быть вынесены в район околородья, который не попал в сферу разведочных работ экспедиции. Не исключена также возможность, что какая-то часть керамики поступила из гончарных мастерских, расположенных в близлежащих селах, а в самом городе изготовление глиняной посуды не имело широких масштабов. Кстати, вокруг городища древнего «Изяславля» можно было отчетливо наблюдать следы нескольких селищ, относящихся к тому же времени, что и городище. К сожалению, культурный слой селищ был разрушен при сельскохозяйственных

работах, среди подъемного материала наиболее массовые находки — обломки керамики, а также незначительное количество фрагментов железных предметов, остатки кирпичного производства. Несомненно, эти близлежащие селища были тесно связаны с ремесленной и хозяйственной в широком смысле этого слова жизнью древнего «Изяславля»⁵¹.

Общий уровень изяславльской керамики, даже в случае значительного подвоза ее из пригородных сел, позволяет считать ее местной — городские и местные гончары могли пользоваться общими разработками глины, обладали приблизительно одинаковой гончарной техникой. Уровень гончарного производства, судя по керамической продукции, невысок. Об этом говорит сам облик сосудов, характер обжига, в большинстве случаев неравномерного, характер теста, плохо промешанного, с крупными гранулами отошителя. Следует, однако, отметить, что данная общая характеристика относится не ко всем группам изяславльской керамики в равной степени. Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом и бортиком на нем, кувшины с вытянутым горлом выделяются как цветом глины (преобладает кирпичный цвет), так и более качественным тестом — отошитель более размельченный, тесто промешано лучше, качественнее обжиг, более тщательно и аккуратно обработана поверхность. Все же следует отметить, что и эти группы сосудов далеко неоднородны по уровню изготовления. Более внимательное отношение гончара к кувшинообразной посуде, наряду с более нарядным украшением ее поверхности, определялось, по всей вероятности, теми функциями, которые исполняли эти сосуды.

Для большинства сосудов древнего «Изяславля» характерна асимметричность, выраженная в одних случаях больше, в других меньше. Если глиняные ленты на тулове сосуда порой слабо прослеживаются, то в стыке, соединяющем горло с туловом, шов груб, не заглажен, ленточная техника отчетливо видна. Широкое распространение сосудов, на донцах которых имеются следы затека от лежащей на круге подставки, вогнутость дна — все это свидетельствует о преобладании ручного гончарного круга легкого типа. Об этом же свидетельствует и довольно значительное количество сосудов с клеймами. Правда, в последнее время высказано мнение, что перечисленные нами следы на днище сосуда не являются определяющими критериями для характеристики гончарного круга, а демонстрируют лишь некоторые технические приемы работы гончара, особенности формовочной техники (Бобринский 1962: 33; 1962а: 45–52).

Для выяснения конструктивных особенностей гончарного круга, бытовавшего в древнем «Изяславле», необходимо рассмотреть типы донца и следы на них, образовавшиеся во время изготовления сосуда. Наряду с абсолютно плоскими донцами, вероятнее всего срезаемыми с гончарного круга ниткой (кстати, таких совсем немного), можно выделить еще несколько типов:

- плоское дно, но по краю его есть бортик от подставки,
- вогнутое дно, по краю днища есть бортик от подставки,
- вогнутое дно, бортика от подставки нет,
- днище без бортика по краям, вогнута центральная часть.

Безусловно, донца, на которых бортик маловыразителен, очень фрагментарен, не обязательно делались на подставке. Это могли быть, как полагает А. А. Бобринский, и следы натека со стенок сосуда в период формовки. Однако ставить вообще под сомнение значительное

⁵¹ В последние десятилетия активизировались работы по изучению археологических памятников древнерусского времени в междуречье рек Горыни и Случи, в том числе и в «изяславском микрорегионе», выявившие ряд новых селищ в округе городища у с. Городище близ Шепетовки (Демидко 1994: 446–449; 2008: 105–112; Манігда 2008: 404–410). — *Прим. А. Песковой.*

число сосудов, изготовленных на круге с подставкой, нам кажется неверным. Возражая А. А. Бобринскому, можно привести довольно веские аргументы. Не являются редкостью или исключением вогнутые днища, у которых довольно значительная высота свода, причем свод, как правило, правильной формы. Исключается, что подобный высокий свод мог образоваться естественным путем, «сам собой» в период формовки. Это противоречило бы самой технике изготовления сосудов в данное время — первоначально изготовлялось дно, следы его заглаживания с внутренней стороны отчетливо прослеживаются, так же отчетливо прослеживаются и следы соединения дна со следующим глиняным кольцом, из которого изготовлялись стенки. Безусловно, что именно в начальный период формовки сосуда гончар стремился как можно плотнее прижать днище сосуда к гончарному кругу, что обеспечивало дальнейшее возведение стенок, и так далее при вращении круга. Это отчетливо видно по тем следам, которые остаются на днище. На многих донцах встречены выпуклые следы — следы, являющиеся оттиском (негативным) той деревянной площадки, на которой изготовлен сосуд. Особенно интересным и важным является тот факт, что деревянная структура подкладки отпечатывается и на тех днищах, у которых значительная высота свода, поэтому отчетливо выраженный бортик от подкладки никак нельзя рассматривать лишь как следы затека, образовавшиеся при формовке стенок. Наличие накладки на гончарном круге отмечали польские и чехословацкие исследователи, причем следы накладки прослеживаются как на клейменной посуде, так и на посуде без клейм (Kramarek 1959: tab. IV (a, e, d, f, s, h), V (a, b, d); Тоčík 1962: 376–377).

На многих донцах наряду с отпечатками структуры деревянной накладки или круга встречаются следы, которые можно принять за следы от оси гончарного круга. Следы эти двух типов: выпуклые (овальные или круглые, большие или совсем каплеобразные) и вогнутые (диаметр небольших размеров — 1,0–1,5 см). По всей вероятности, выпуклые следы образовались во время формовки нижней части сосуда в результате затека глины в углубление, где проходила ось. Вогнутые следы проделаны в днищах выступающим концом оси гончарного круга.

Многообразие и различный характер следов на днищах сосудов свидетельствует о различных и весьма разнообразных технических приемах и навыках «изяславльских» гончаров. Сосуды изготовлялись, вероятно, на различных гончарных кругах с подвижной и неподвижной осью, с плоскими и выпуклыми накладками, иногда с вырезанными на них клеймами, и без них.

Невысокое качество глиняного теста является результатом непродолжительной и не очень тщательной подготовки сырья к производственному процессу. Вряд ли можно предполагать широкое распространение отмучивания глиняного теста, что придавало бы ему однородность и более тонкую структуру. Отмучивание применялось лишь для некоторых групп изяславльской посуды, да и то не в равной мере. Тесто массовой посуды (горшков), как правило, грубое, отошитель слабо размельчен и распределен неравномерно, что является результатом плохого промешивания глины, и как следствие этого, расслаивание черепка. О небольшой скорости вращения сосуда при изготовлении, что присуще гончарному кругу легкого типа, свидетельствует и характер нанесения орнамента. Орнаментальные узоры на «изяславльской» посуде нанесены небрежно. Гончар, вращая одной рукой круг, другой наносил узор, оставляя неровные следы — параллельные линии, как правило не вполне параллельны, порой даже пересекаются, не ложатся точно по окружности. Орнамент наносился всегда по сырой глине палочкой с овальным или плоским концом, реже гребенкой. Овальный конец инструмента оставлял полосы на тулове сосуда в виде углублений с овальным

следом. Плоский конец инструмента мог быть прямоугольным или слегка трапециевидным и оставляя, соответственно, прямоугольные или трапециевидные в сечении углубления. Орнамент, нанесенный трех- или пятизубчатой гребенкой, встречается довольно редко, от описанных выше отличается очень слабым рельефом. Создается впечатление, что гончар «гладил» гребенкой поверхность сосуда. Нетрудно заметить, что орнамент на сосудах с грубой глиной отличается более глубоким рельефом.

Широкое распространение получило в «изяславльской» керамике применение ангоба, обычно белого. Слегка темноватый ангоб встречается довольно редко, иногда такой оттенок ангобирования поверхность могла приобрести из-за неясного фона красноглиняного сосуда. Ангоб или следы ангоба, оставшиеся в углублениях орнамента, внутри сосуда, отмечены приблизительно на 65–70 % всей керамической продукции. Насколько можно судить, внешняя поверхность сосудов ангобировалась полностью. В большинстве случаев внутри сосуда ангобом покрывались верхняя часть сосуда, реже вся верхняя половина. Часто можно видеть следы затека ангобного раствора в нижней, придонной части сосуда. Технику нанесения ангоба с внешней стороны наблюдать можно далеко не всегда, он сохраняется плохо. Зато с внутренней стороны видно, как ангоб наносился широкими полосами, вероятно, при помощи тряпки, смоченной в растворе. Другой характер обработки поверхности сосуда — лощение, абсолютно нетипичен для «Изяславля». Имеется лишь один случай находки лощеного сосуда — это фрагмент горла светло-коричневого лощеного кувшина. По всей видимости, как нами уже отмечалось выше, это кувшин не местного производства, а привозной.

Ремесленный характер гончарного производства в древнерусском «Изяславле» можно считать фактом доказанным. К сожалению, нет данных, на основании которых можно говорить о каких-то мастерах или гончарных мастерских, имеющих свой «почерк». Однако уже указывалось, что имеется ряд сосудов, отмеченных специфическими особенностями — характер отошителя и глины, характер нанесения орнамента. Важно то, что эти особенности не связаны с функциональным назначением сосудов (то есть сюда входят некоторые горшки, большие сосуды для хранения, небольшие кувшинообразные сосуды).

Для основной массы керамической продукции «изяславльских» гончаров характерна уже хорошо выраженная стандартизация, процесс, который отчетливо наблюдается в ряде городских ремесел накануне монгольского нашествия.

Заключение

Проведенный анализ керамической посуды с городища древнего «Изяславля» показал, что накануне монгольского нашествия древнерусские гончары изготавливали обширный ассортимент глиняных сосудов: горшки, различных типов кувшины, небольшие мисочки, ковшики, большие сосуды для хранения зерна, крышки. Оказалось возможным выделить группы сосудов, исчисляемые сотнями предметов, которые до раскопок «Изяславля» были представлены на древнерусских поселениях единичными экземплярами.

Наряду с обычными, зачастую грубо вылепленными и небрежно оформленными сосудами, которые, несомненно, сделаны на месте, у определенной части населения в быту находилась амфорная, поливная и расписная керамика. Количество такой посуды невелико, она носит привозной характер. Целые амфоры и фрагменты амфорных сосудов за небольшим исключением найдены на территории окольного города и располагаются на довольно

ограниченной площади. Не исключена возможность, что именно этот участок городища можно рассматривать как место пребывания привилегированной группы «изяславльского» населения. Наличие огромных пифосообразных сосудов для хранения зерна (кстати, ни в одном случае при нахождении целых сосудов они не были врыты в землю) предполагает местные особенности домостроительства и распределения подсобных хозяйственных помещений.

В свое время М. К. Каргер призвал уделить большее внимание региональным исследованиям истории керамического производства в различных центрах древней Руси (Каргер 1958: 412). Вопрос этот имеет важное и принципиальное значение. Главное внимание на пути подобного исследования должно быть уделено крупным древнерусским городам, являвшимся не только административно-политическими центрами, но и рынками, где наблюдалась максимальная концентрация ремесленников, в том числе и гончаров.

Наконец, установление каких-то местных традиций в керамическом производстве должно опираться не только на выявление отдельных типов сосудов, но и на количественное соотношение тех или иных групп и типов глиняной посуды. Именно в таком соотношении может определиться своеобразие памятника, группы памятников или отдельного района.

Своеобразие керамического комплекса древнего «Изяславля» во многом определяется его географическим расположением. Небольшой городок, находящийся почти у самой границы Волынской и Киевской земель, несомненно, должен был испытать влияние культурных традиций как городов Среднего Поднепровья, и в первую очередь такого центра, как Киев, так и западнорусских областей, имеющих давние культурные связи с западным миром.

В первую очередь необходимо отметить наличие общерусских или даже общеславянских традиций средневекового керамического производства, которые отчетливо проступают в керамике древнего «Изяславля». Особенно хорошо это видно на наиболее массовой продукции «изяславльских» гончаров — горшках. Некоторые типы венчиков «изяславльских» горшков являются общерусскими типами — они распространены на широкой территории и бытуют довольно продолжительное время. Наряду с этим присутствуют типы венчиков, имеющих довольно узкий ареал, эти типы венчиков в широком понимании можно считать галицко-волынскими (более узкую дифференциацию на «галицкие» и «волынские», как мы отмечали уже раньше, провести пока трудно), они получают широкое распространение в юго-западных русских землях и имеют аналогии на памятниках западных славян.

Несомненно, типично галицко-волынскими являются кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом и валиком на нем. Ареал их можно определить Галицкой и Волынской землями. Западные традиции в керамическом производстве «Изяславля» выразились в изготовлении таких сосудов, как небольшие кувшины с узким горлом и широко отогнутым венчиком, а также в широком распространении керамических крышек. Вот основные моменты, которые характеризуют местное гончарное производство древнего «Изяславля». Среднеднепровское киевское влияние в керамическом комплексе «Изяславля» проявилось прежде всего в привозе тех групп керамических изделий, изготовление которых сопряжено со сложным технологическим процессом — поливной и расписной керамики. Любопытно, что на городище «Изяславля» абсолютно отсутствуют горшки с широкой плоской ручкой, идущей от края венчика к плечу сосуда, и бело-глиняные ковшики, столь характерные для Киевской земли.

Керамический комплекс древнерусского города «Изяславля» отражает развитое керамическое производство, типичное для русского города предмонгольской поры.

Литература

- Авдусин 1951 — *Авдусин Д. А.* Раскопки в Гнёздове // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVIII. С. 72–81.
- Беляева 1982 — *Беляева С. А.* Южнорусские земли во второй половине XIII — XIV в. (По материалам археологических исследований). Київ: Наукова думка, 1982. 120 с., ил.
- Бобринский 1962 — *Бобринский А. А.* Древнерусский гончарный круг // СА. 1962. № 3. С. 33–52.
- Бобринский 1962а — *Бобринский А. А.* К изучению техники древнерусского гончарства // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1962. № 2. С. 39–54.
- Бодянский 1960 — *Бодянский А. В.* Археологические находки в Днепровском Надпорожье // СА. 1960. № 1. С. 274–277.
- Булгаков 2001 — *Булгаков В. В.* Метки-дипинто византийских амфор XI в. // Гладких М. И. (гол. ред.). Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ: Товариство Археології та Антропології, 2001. С. 153–164.
- Векслер, Коваль 1998 — *Векслер А. Г., Коваль В. Ю.* Византийская амфора с дипинто из раскопок на Манежной площади в Москве // РА. 1998. № 3. С. 163–166.
- Веремейчик, Готун 1995 — *Веремейчик О. М., Готун І. А.* Колодязі на давньоруських сільських поселеннях // Археологія. 1995. № 4. С. 82–94.
- Виноградська 2006 — *Виноградська Л. І.* Історико-археологічні дослідження у м. Старокостянтинів Хмельницької області в 2003–2005 рр. // Кобудь — Костянтинів — Старокостянтинів: історія, археологія, культура, архітектура. Науковий збірник «Велика Волинь». Праці науково-креснавчого товариства дослідників Волині. Т. 34. Старокостянтинів, 2006. С. 11–25.
- Винокур и др. 2004 — *Винокур І. С., Журко О. І., Мегей В. П., Якубовський В. І.* Літописний Губин XII — XIII ст. Болохівська земля. Вип. I. За матеріалами археологічних досліджень 1997–2003 років. До 800-річчя Губина. Київ; Кам'янець-Подільський; Хмельницький; Старокостянтинів, 2004. 208 с., ил.
- Винокур и др. 2006 — *Винокур І. С., Журко О. І., Мегей В. Ф.* Про рештки однієї житлової будівлі з Губинського городища // Кобудь — Костянтинів — Старокостянтинів: історія, археологія, культура, архітектура. Науковий збірник «Велика Волинь». Праці науково-креснавчого товариства дослідників Волині. Т. 34. Старокостянтинів, 2006. С. 177–189.
- Виявлення... 1931 — Виявлення фарбованої слов'янської кераміки // Козловська В. (ред.). Хроніка археології та мистецтва. Ч. 3. Varia. Київ: Всеукраїнський археологічний комітет, 1931. С. 84–85.
- Возний 2010 — *Возний І.* Типологія клейм та орнаментация горщиків з сільських поселень північної Буковини в X — першій половині XIII ст. // Науковий вісник Чернівецького університету. Історія. Політичні науки. Міжнародні відносини. Вип. 514–515. Чернівці, 2010. С. 9–14.
- Волков 1996 — *Волков И. В.* Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о Византийско-русской торговле вином // НиНЗИА. Вып. 10. Вел. Новгород, 1996. С. 90–103.
- Волков 2001 — *Волков И. В.* О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Гладких М. И. (гол. ред.). Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ: Товариство Археології та Антропології, 2001. С. 131–146.
- Вопрошание Кириково 2012 — *Вопрошание Кириково // Мильков В. В.* (отв. ред.). Кирик Новгородец и древнерусская культура. Ч. II. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. 358 с.

- Воронин 1954 — *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. III. М.: АН СССР, 1954. 233 с. (МИА. № 41).
- Выезжев 1961 — *Выезжев Р. И.* Новые типы древнерусских светильников // КСИА АН УССР. Вып. 11. Київ, 1961. С. 89–90.
- Высоцкий 1985 — *Высоцкий С. А.* Киевские граффити XI–XVII вв. Київ: Наукова думка, 1985. 207 с., ил.
- Гайдукевич 1952 — *Гайдукевич В. Ф.* Ракопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // Боспорские города. Т. I / под ред. В. Ф. Гайдукевича и М. И. Максимовой. М.: АН СССР, 1952. С. 135–220. (МИА. № 25).
- Гончаров 1950 — *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев: Изд-во АН Укр. ССР, 1950. 219 с., ил.
- Гончаров 1952 — *Гончаров В. К.* Розкопки древнього Любеча // АПУРСР. 1952. Т. III. С. 132–140.
- Гончаров 1957 — *Гончаров В. К.* Археологічні розкопки в Києві у 1955 р. // Археологія. 1957. Т. X. С. 122–135.
- Гупало 1985 — *Гупало В. Д.* Гончарные клейма Прикарпатъя и Западной Волыни (опыт систематизации) // СА. 1985. № 4. С. 236–242.
- Гупало 2001 — *Гупало В. Д.* Раннесредневековые гончарные клейма (к дискуссии о назначении) // РА. 2001. № 1. С. 27–36.
- Гупало 2009 — *Гупало В. Д.* Керамічні світільники і підсвічники княжої доби // Лукомський Ю. (відп. ред.). Фортеця: збірник заповідника «Тустань»: на пошану Михайла Рожка. Кн. 1. Львів: Камула, 2009. С. 341–347.
- Гупало 2014 — *Гупало В.* Звенигород і Звенигородська земля у XI–XIII століттях (соціоісторична реконструкція). Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2014. 532 с.
- Гуревич 1964 — *Гуревич Ф. Д.* Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке // КСИА. 1964. Вып. 99. С. 97–102.
- Гущин 1936 — *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла древней Руси X–XIII вв. Л.: Соцгиз, 1936. 88 с., ил.
- Демидко 1994 — *Демидко С. Ю.* Освоєння межиріччя Горині і Південного Бугу в XI–XIII ст. // Велика Волинь. Міжнародна наукова конференція. Ізяслав, 1994. С. 446–449.
- Демидко 2008 — *Демидко С.* Давньоруський «ізяславський» мікрорегіон // Моця О. П. (гол. ред.). Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 1. Коростень, 2008. С. 105–112.
- Довженок 1950 — *Довженок В. Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934–1937 рр. // Археологія. Т. III. Київ, 1950. С. 64–92.
- Довженок 1952 — *Довженок В. Й.* Розкопки древнього Вишгорода // АПУРСР. Т. III. Київ, 1952. С. 14–28.
- Довженок и др. 1966 — *Довженок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Древньоруське місто Воїнь. Київ: Наукова думка, 1966. 146 с., ил.
- Житие 1971 — Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. / издание подготовили: О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон, под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1971. С. 71–135.
- Загорульский 1963 — *Загорульский Э. М.* Древний Минск. Минск: Госиздат БССР, 1963. 121 с., ил.
- Зоценко 2001 — *Зоценко В. М.* Амфорна тара Києво-Подолу XII — початку XIII ст. (прикладом одного розкопу) // Гладких М. І. (гол. ред.). Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ: Товариство Археології та Антропології, 2001. С. 164–197.

- Капустін 2014 — *Капустін К. М.* Об'єкти післямонгольського часу з Городська (за матеріалами розкопок 1947 р.) // АДІУ. Вип. 1 (12). Київ, 2014. С. 119–126.
- Каргер 1950 — *Каргер М. К.* Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938–1947 гг.). Киев: Изд-во АН УССР, 1950.
- Каргер 1951 — *Каргер М. К.* Новые данные к истории древнерусского жилища // КСИИМК. 1951. Вып. 38. С. 3–11.
- Каргер 1958 — *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 580 с., ил.
- Кирпичников 1966–1973 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. (Археология СССР. САИ. Е1–36).
- 1966 — Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. 176 с., ил.
- 1966а — Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. 147 с., 34 л. ил.: ил.
- 1971 — Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука. 92 с., 28 л. ил.: ил.
- 1973 — Вып. 4: Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 138 с., ил.
- Кирпичников 1971а — *Кирпичников А. Н.* Крюк для натягивания самострела (1200–1240 гг.) // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 100–102.
- Кирпичников 1973а — *Кирпичников А. Н.* О времени появления шпоры со звездочкой на территории Древней Руси // *Kwartalnik historii kultury materialnej*. Rok 21. 1973. № 2. С. 299–304.
- Кирпичников 1975 — *Кирпичников А. Н.* Мечи из раскопок древнего Изяславля // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 30–54.
- Кирпичников 1976 — *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XIV вв. Л.: Наука, 1976.
- Кирпичников 1978 — *Кирпичников А. Н.* Массовое оружие ближнего боя из раскопок Изяславля // КСИА. 1978. Вып. 155. С. 30–37.
- Кишваси-Комша 1957 — *Кишваси-Комша М.* Некоторые исторические выводы в связи с несколькими археологическими памятниками VI–XII вв. н. э. на территории РНР // *Dacia*. N. S. I. 1957. С. 309–328.
- Коваль 1999 — *Коваль В. Ю.* Амфоры византийского круга в Древней Руси // НиНЗИА. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 246–260.
- Коваль 2003 — *Коваль В. Ю.* Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Макаров Н. А., Чернецов А. В. (отв. ред.). Русь в XIII в.: Древности темного времени. М.: Наука, 2003. С. 340–360.
- Коваль 2010 — *Коваль В. Ю.* Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М.: Наука, 2010. 269 с., ил.
- Козловська 1927 — *Козловська В.* Таврований посуд слов'янської доби // Науковий збірник за 1926 р. АН СССР. Записки исторической секции. Харьков, 1927. Т. XXI. С. 7–14.
- Комша 1961 — *Комша М.* О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи // *Dacia*. Vol. V. Bucureşti, 1961. С. 449–461.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 226 с., ил.
- Корзухина 1961 — *Корзухина Г. Ф.* О гнездовской амфоре и ее надписи // Гайдукевич В. Ф. (отв. ред.). Исследования по археологии СССР. Сб. ст. в честь проф. М. И. Артамонова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. С. 226–230.
- Крушельницька 1964 — *Крушельницька Л. І.* Дослідження верхніх шарів поселення біля с. Бовшів Івано-Франківської області, у 1961 р. // МДАПВ. Вип. 5. Київ, 1964. С. 130–138.

- Кучера 1960 — *Кучера М. П.* Гончарные клейма из раскопок древнего Плеснеска // КСИАУ. Вып. 10. Киев, 1960. С. 118–123.
- Кучера 1961 — *Кучера М. П.* Керамика древнього Пліснеська // Археологія. Т. XII. Київ, 1961. С. 143–154.
- Кучера 1962 — *Кучера М. П.* Древній Пліснеськ // АП УРСР. Т. XII. Київ, 1962. С. 3–56.
- Кучера 1986 — *Кучера М. П.* Керамика // Баран В. Д. (отв. ред.). Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев: Наукова думка, 1986. С. 446–455.
- Левко 2012 — *Левко О. Н.* Южнорусское влияние на древности Белорусского Поднепровья IX–XII вв. // Матеріальна та духовна культура Південної Русі: Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару, присвяченого 100-літтю від народження В. Й. Довженка (Чернігів — Шестовиця, 16–19 липня 2009 р.). Чернігів, 2012. С. 191–198.
- Макарова 1965 — *Макарова Т. И.* Поливная керамика древнего Любеча // СА. 1965. № 4. 1965. С. 230–237.
- Макарова 1966 — *Макарова Т. И.* Поливная керамика в Древней Руси: дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.
- Макарова 1967 — *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси. М.: Наука, 1967. (САИ. Вып. Е1–38).
- Малевская 1962 — *Малевская М. В.* Амфора с надписью из Новогрудка // СА. 1962. № 4. С. 238–241.
- Малевская 1969 — *Малевская М. В.* Амфоры Новогрудка XII–XIII вв. // Зверуго Я. Г., Исаенко В. Ф. (ред.). Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск: Институт истории АН БССР, 1969. С. 185–186.
- Малевская 1971 — *Малевская М. В.* К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII–XIII вв. // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 27–34.
- Малевская-Малевиц 2005 — *Малевская-Малевиц М. В.* Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб.: Нестор-История, 2005. 160 с., ил. (Труды ИИМК. Т. 17).
- Мальм 1959 — *Мальм В. А.* Производство глиняных изделий // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Советская Россия, 1959. С. 123–148. (Тр. ГИМ. Вып. 33).
- Мальм 1967 — *Мальм В. А.* Производство глиняных изделий // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: ГИМ, 1959. С. 123–148. (Тр. ГИМ. Вып. 33).
- Макарова 1965 — *Макарова Т. И.* Поливная керамика древнего Любеча // СА. № 4. 1965. С. 230–237.
- Макарова 1986 — *Макарова Т. И.* Черневое дело древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с., ил.
- Манігда 2008 — *Манігда О.* Формування поселенських структур на території середньої течії Горині в межах погоринської волості // Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький, 2008. С. 404–410.
- Мансуров 1946 — *Мансуров А. А.* Старо-рязанские и бронзовые гончарные клейма // СА. 1946. VIII. С. 293–298.
- Медведев, Пескова 2008 — *Медведев М. Ю., Пескова А. А.* Геральдическая накладка из раскопок М. К. Каргера на городище у с. Городище близ Шепетовки (к вопросу о времени гибели поселения) // Коцур В. П. (отв. ред.). Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький, 2008. С. 305–318.
- Медынцева 2000 — *Медынцева А. А.* Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. М.: Наука, 2000. 290 с., ил.

- Миролюбов 1983 — *Миролюбов М. А.* Древнерусский город Изяславль. Каталог выставки. Гос. Эрмитаж. Л.: б. и., 1983.
- Миролюбов 1983а — *Миролюбов М. А.* Древний Изяславль как археологический памятник // Труды ГЭ. 1983. XXIII. С. 139–143.
- Миролюбов 1984 — *Миролюбов М. А.* Сельскохозяйственные орудия древнего Изяславля (XI–XIII вв.) // Толочко П. П. (ред.). Древнерусский город. Киев: Наукова думка. С. 82–84.
- Михайлина и др. 2014 — *Михайлина Л. П., Пивоваров С. В., Ільків М. В.* Давньоруський Василів (підсумки і перспективи досліджень) // Толочко П. П. (ред.). Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А. В. Кузи. Київ: Стародавній світ, 2014. С. 151–159.
- Михайлов, Пескова 2019 — *Михайлов К. А., Пескова А. А.* Находки защитного вооружения из раскопок древнерусского Шепетовского городища (заметки к трудам А. Н. Кирпичникова) // Белецкий С. В. (отв. ред.). Земля наша велика и обильна. Сборник статей к 90-летию А. Н. Кирпичникова. СПб.: Невская Типография, 2019. С. 286–297.
- Михайлов, Пескова 2019а — *Михайлов К. А., Пескова А. А.* «Витязь у ворот», или реконструкция воинского комплекса из раскопок Большого Шепетовского городища // *Stratum plus*. 2019. № 5. С. 77–82.
- Мовчанівський 1935 — *Мовчанівський Т. М.* Райковецьке городище XI–XIII ст. // Наукові записки Інститута історії матеріальної культури. № 5–6. Київ, 1935. С. 125–176.
- Монгайт 1955 — *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. IV. М.: АН СССР, 1955. (МИА. № 49).
- Монгайт 1961 — *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с., ил.
- Моргунов 2012 — *Моргунов Ю. Ю.* Летописный город Снепород и его округа. X–XIII вв. (*Archaeologica varia*). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2012. 280 с., ил.
- Николаева 1983 — *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. М.: Наука, 1983. (САИ. Вып. Е1–60).
- Овсянников 1971 — *Овсянников О. В.* О замках «болгарского» типа // СА. 1971. № 1. С. 258–260.
- Овсянников, Пескова 1982 — *Овсянников О. В., Пескова А. А.* Замки и ключи из раскопок Изяславля // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 93–99.
- Орлов и др. 1985 — *Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М.* Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Толочко П. П. (отв. ред.). Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология). Киев: Наукова думка, 1985. С. 30–62.
- Пастернак 1944 — *Пастернак Я.* Старий Галич. Археологічно-історичні дослідження у 1850–1943 рр. Краків: Львів: Українське видавництво; друк. Академії наук, 1944. 238 с., ил.
- Пачкова, Петрашенко 1982 — *Пачкова С. П., Петрашенко В. О.* Вивчення кераміки давньоруського городища біля с. Гринчук // Археологія. № 39. Київ, 1982. С. 51–63.
- Пескова 1981 — *Пескова А. А.* Древний Изяславль // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 66–73.
- Пескова 1988 — *Пескова А. А.* Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. (по материалам городища у с. Городище близ Шепетовки). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Пескова 1988а — *Пескова А. А.* Древнерусский Изяславль в истории юго-западной Руси (по материалам городища у с. Городище близ Шепетовки) // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». ТД. Чернигов, 1988. С. 32–34.
- Пескова 1994 — *Пескова А. А.* Археологические свидетельства связей Южной Руси с католическим миром (на примере одного памятника) // Новосельцев А. П. (отв. ред.). Восточная

- Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти В. Т. Пашуто. ТД. М.: ИРИ, 1994. С. 64–66.
- Пескова 1997 — Пескова А. А. Паломнические древности в древнерусском городе // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: СИААМЗ, 1997. С. 48–50.
- Пескова 1998 — Пескова А. А. Херсонесский крест и его место среди синхронных памятников древнерусской культовой пластики // Мусин А., диакон (отв. ред.). Церковная археология. Вып. 4. Материалы второй всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского. СПб.: ИИМК РАН, СПбДА, 1998. С. 238–252.
- Пескова 2001 — Пескова А. А. Паломнические реликвии Святой земли в древнерусском городе // Залеская В. Н. (отв. ред.). Пилигримы. Сб. ГЭ к XX конгрессу византинистов (Париж, 2001 г.). СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 113–126.
- Пескова 2008 — Пескова А. А. Большое и малое древнерусские городища у села Городище близ Шепетовки // Моця О. П. (гол. ред.). Стародавній Искоростень і слов'янські гради. Коростень: ІА НАНУ, МПП «Тріада С», 2008. С. 74–79.
- Пескова 2009 — Пескова А. А. Оборонительные сооружения древнего «Изяславля» // Архитектура и археология Древней Руси. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. К. Каргера (1903–1976). СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. С. 150–172. (Труды ГЭ: Т. 46).
- Пескова, Белецкий 1997 — Пескова А. А., Белецкий С. В. Древнерусские печати Шепетовского городища и поиски его летописного имени // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. Памяти В. Д. Белецкого (1919–1997). СПб., Псков: ИИМК РАН, ПГОИАХМЗ, 1997. С. 129–138.
- Петрашенко 2005 — Петрашенко В. А. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). Киев: ІА НАНУ, 2005. 264 с., ил.
- Пещерева 1947 — Пещерева Е. М. Поездка к горным таджикам // КСИЭ АН СССР. Вып. III. М., 1947. С. 42–48.
- Плетнёва 1959 — Плетнёва С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959. С. 212–272. (МИА. № 75).
- Прищеп 2011 — Прищеп Б. А. Дорогобуж на Горині у X–XIII ст. Рівне: ПП ДМ, 2011. 250 с., ил.
- Прищеп 2014 — Прищеп Б. А. Археологічна колекція слов'яно-руського часу з розкопок Є. М. Пламеницької на Замковій горі у Кременці // Толочко П. П. (ред.). Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А. В. Кузи. Київ: Стародавній світ, 2014. С. 302–309.
- Прищеп 2016 — Прищеп Б. А. Погоринські міста в X–XIII ст. Рівне: ПП Дятлик М, 2016. 297 с.
- Прищеп, Нікольченко 1996 — Прищеп Б. А., Нікольченко Ю. М. Літописний Дорогобуж: До історії населення Західної Волині в X–XIII століттях. Рівне: Державне редакційно-видавниче підприємство, 1996. 248 с.
- Прищеп, Позіховський 2011 — Прищеп Б., Позіховський О. Житлове будівництво в Острозі у X — на початку XII ст. за метеріалами досліджень 2004 року // Археологічні дослідження в межиріччі Вісли, Дністра та Тиси у 2000–2007 рр. Львів, 2011. С. 132–149.
- ПСРА II 1908 — Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорскою археографическою комиссиею. Том второй: Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908.

- Равдина 1957 — *Равдина Т. В.* Надпись на корчаге из Пинска // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 150–153.
- Раппопорт, Малевская 1963 — *Раппопорт П. А., Малевская М. В.* Обследование городищ Прикарпатья и Закарпатья на территории Советского Союза (итоги работ 1962 г.) // *Acta Archaeologica Carpathica*. Т. 5. Fasc. ½. Craców, 1963. С. 61–76.
- Ратич 1962 — *Ратич О. О.* Результати досліджень древньоруського городища Замчиська в м. Судова Вишня, Львівської області, в 1957–1959 рр. // МДАПВ. Вип. 4. Київ, 1962. С. 106–119.
- Розенфельдт 1962 — *Розенфельдт Р. А.* К вопросу о гончарных клеймах // СА. 1963. № 2. С. 121–130.
- Рыбаков 1946 — *Рыбаков Б. А.* Надпись киевского гончара XI века // КСИИМК. 1946. Вып. XII. С. 134–138.
- Рыбаков 1948 — *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 802 с., ил.
- Рыбаков 1949 — *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I. М.: АН СССР, 1949. С. 7–93. (МИА. № 11).
- Самойловський 1952 — *Самойловський І. М.* Розвідки і розкопки в Києві та його околицях в 1947–1948 рр. // АП УРСР. Т. III. Київ, 1952. С. 73–84.
- Сергеева 1995 — *Сергеева М. С.* Керамічні світильники Києва // Археологія. № 3. Київ, 1995. С. 123–130.
- Смирнова 1956 — *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М.: АН СССР, 1956. С. 228–248. (МИА. № 55).
- Станчев 1948 — *Станчев С.* Грънчарски знаци от Плиска, Мадара и Преслав. Разкопки и прочувания. III. Средновековен отдел. София, 1948. С. 235–246.
- Сымонович 1960 — *Сымонович Э. А.* Раскопки поселения Ломоватое 2 // КСИИМК, 1960. № 79. С. 21–26.
- Терський 2003 — *Терський С. В.* Пересопниця. Краєзнавчий нарис. Рівне: Азалія, 2003. 160 с., ил.
- Терський 2006 — *Терський С. В.* Лучеськ X–XV ст. Львів: Львівська політехніка, 2006. 252 с., ил.
- Терський 2010 — *Терський С. В.* Княже місто Володимир. Львів: Львівська політехніка, 2010. 320 с., ил.
- Ткачук, Тимус 1997 — *Ткачук Т. М., Тимус К. А.* Галицькі керамічні плитки із рельєфними зображеннями та гончарні клейма. Каталог. Галич: Нац. заповідник «Давний Галич», 1997. 60 с., ил.
- Толочко 1981 — *Толочко П. П.* Гончарное дело (раздел главы V) // Толочко П. П. (ред.). Новое в археологии Киева. Киев: Наукова думка, 1981. С. 284–301.
- Тухтина 1960 — *Тухтина Н. В.* Средневековые славянские клейма // Труды ГИМ. Вып. 37. М.: ГИМ, 1960. С. 148–155.
- Хойновский 1893 — *Хойновский И. А.* Раскопки Великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 г. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1893. 116 с.
- Чайка 1995 — *Чайка Р. М.* Гончарні клейма княжої доби з городища Листвин на Волині // Матеріали ІХ-ої Подільської історико-краєзнавчої конференції. Кам'янець-Подільський, 1995. С. 127–128.
- Чангова 1959 — *Чангова Й.* Средновековни амфори в България // Известия на Археологическия институт. Кн. XXII. София, 1959. С. 243–260.
- Шашкина 1987 — *Шашкина Т. Б.* Древнерусские колокола домонгольского времени // Колокола: История и современность. М., 1993. С. 128–142.

- Шашкина, Галибин 1986 — *Шашкина Т. Б., Галибин В. А.* Памятники древнерусского колокольного литья (результаты химико-аналитического исследования) // СА. 1986. № 4. С. 236–242.
- Юра 1962 — *Юра Р. О.* Древній Колодязин. АП УРСР. Т. XII. Київ, 1962. С. 57–130.
- Ягодинська 2000 — *Ягодинська М. О.* Давньоруські клейма Західного Поділля // Археологічні студії. Вип. 1. Київ-Чернівці: Прут, 2000. С. 283–296.
- Якобсон 1951 — *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры северного Причерноморья (опыт хронологической классификации) // СА. 1951. XV. С. 325–344.
- Якобсон 1966 — *Якобсон А. Л.* Средневековые пифосы Северного Причерноморья // СА. 1966. № 2. С. 189–202.
- Якубовский 1983 — *Якубовский В. И.* Древнерусские памятники XII–XIII вв. верховьев рек Южного Буга и Случи: дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983.
- Якубовський 1995 — *Якубовський В. І.* Кераміка в контексті історії Болохівської землі // Поділля і Волинь у контексті історії українського національного відродження. Хмельницький: Доля, 1995. С. 231–242.
- Abramowicz 1959 — *Abramowicz A.* Ceramika z Czermna nad Huczwą // Archeologia Polski. T. IV. Z. 1. Warszawa; Wrocław, 1959. S. 149–185.
- Borkovský 1962 — *Borkovský I.* Opyš Pražského Hradu // PA. Roč. LIII. Č. 2. Praha, 1962. S. 381–452.
- Eisner 1960 — *Eisner J.* Slovane a modari v archeologii // Slavia Antiqua. T. VII. Warszawa; Poznań, 1960. S. 189–210.
- Gajewski 1959 — *Gajewski L.* Materiały do średniowiecznego garncarstwa wiejskiego w Małopolsce // Materiały archeologiczne. I. Kraków, 1959. S. 343–352.
- Hejna 1956 — *Hejna A.* Ke stavební minulosti Brevnovského kláštera // PA. R. XLVII. Č. 1. Praha, 1956. S. 151–170.
- Hochmanová-Vávrová 1962 — *Hochmanová-Vávrová V.* Velkomoravské pohřebiště ve Starém Městě “Na valách”. Výzkum v letech 1957–1959 // Časopis Moravského musea v Brně. Acta musei Moraviae. XLVII. Brno, 1962. S. 201–256.
- Holl 1956 — *Holl I.* Adatok a középkori magyar fazekasság munkamódszereihez // Budapest Régiségei. XVII. Budapest, 1956. S. 177–196.
- Holl 1963 — *Holl I.* Középkori eszerépedények a budai várpalotából (XIII–XV. század) // Budapest Régiségei. XX. Budapest, 1963. S. 335–382.
- Kramarek 1959 — *Kramarek J.* Znaki garncarskie na ceramice wrocławskiej z XII i początku XIII w. // Silesia Antiqua. T. I. Wrocław, 1959. S. 219–236.
- Łaszczewska 1962 — *Łaszczewska T.* Wyniki badań nad wczesnośredniowiecznymi konstrukcjami obronnymi podgrodzia // Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Seria archeologiczna. Nr. 7. Łódź, 1962. S. 151–182.
- Nickel 1959 — *Nickel E.* Eine mittelalterliche Fäkaliengrube in Magdeburg // Praehistorische Zeitschrift. Bd. XXXVII. H. 3. Berlin, 1959. S. 125–156.
- Novotný 1961 — *Novotný B.* Výzkum hradiště „Hrůdy“ u Sudoměřic nad Moravou (K otázce tzv. spečených valů) // Sborník Československé společnosti archeologické při ČSAV. 1. Brno, 1961. S. 61–81.
- Polla 1962 — *Polla B.* Stredoveká zaniknutá osada na Spiši (Zalužany) // Archaeologica Slovaca Fontes. T. IV. Ved. red. A. Točík. Bratislava: Slovenska akad. vied, 1962.
- Rauhut 1960 — *Rauhut L.* Wczesnośredniowieczne materiały z Terenów Ukrainy w państwowym muzeum arsheologicznym w Warszawie // Materiały wczesnośredniowieczne. T. V. Warszawa, 1960. S. 231–260.

- Reichertová 1956 — *Reichertová K.* Příspěvek k datování středověké keramiky v Čechách // PA. R. XLVII. Č. 1. Praha, 1956. S. 171–184.
- Reichertová 1959 — *Reichertová K.* Středověká keramika datovaná mincemi // PA. R. L. Č. 1. Praha, 1959. S. 246–256.
- Richter 1959 — *Richter M.* Keramika z 12. až počátku 14. století v Čechách, datovaná poklady mincí // Časopis Národního muzea. R. CXXXVIII (128). Č. I. Praha, 1959. S. 4–22.
- Richter 1961 — *Richter M.* Nejstarší středověká polévaná keramika v Čechách // PA. R. 52. Č. 2. Praha, 1961. S. 573–579.
- Solle 1959 — *Solle M.* Knížecí pohřebiště na Staré Kouřimi // PA. R. L. Č. 1. Praha, 1959. S. 353–506.
- Točík 1962 — *Točík A.* Keramika so značkami na dne zo slovansko — avarských pohrebísk na južozápadnom Slovensku // PA. R. LIII. Č. 2. Praha, 1962. C. 347–378.
- Turek 1948 — *Turek R.* České hradištní nálezy, datované mincemi // Slavia antiqua. T. I. Poznan, 1948. S. 485–535.
- Váňa 1956 — *Váňa Z.* Lahvovité tvary v západoslovanskej keramice // PA. R. XLVII. Č. I. Praha, 1956. S. 105–147.

Орудия рыболовства с городища древнего «Изяславля»¹

Среди многочисленных промысловых изделий, найденных на городище древнего «Изяславля», небольшую, но достаточно выразительную коллекцию составляют орудия рыболовства. Набор этих орудий такой же, как и на других исследованных древнерусских памятниках этого времени: остроги, или гарпуны, рыболовные крючки, блесны, керамические и свинцовые грузила.

Хотя рыболовные орудия найдены в небольшом количестве, они все же дают представление о некоторых приемах рыбной ловли в древнем «Изяславле».

Безусловно, нужно учесть тот факт, что до нас дошел далеко не весь арсенал рыболовных снарядов. Рыболовы древнего «Изяславля» несомненно использовали различного рода заклы, ловушки, «морды». Не сохранились в культурном слое такие части рыболовных снарядов, как лески из конского волоса, поплавки из коры и бересты и т. д., не говоря уже о наиболее продуктивных орудиях лова — неводах, сетях, бреднях.

Об ассортименте рыбы, которую ловили «изяславльские» рыболовы, можно судить как по костным остаткам, так и по набору рыболовных орудий. Костных остатков, к сожалению, немного. Те кости рыб, которые были определены, относятся к осетровым и карповым².

Орудия рыболовства были встречены в древнем «Изяславле» как на детинце, так и на посаде, причем количество находок распределяется приблизительно равномерно.

Категории находок	Тип	Детинец	Посад
Рыболовные крючки	С оттянутой бородкой и с лопаточкой на другом конце	1	–
	С оттянутой бородкой, с петлей на другом конце	–	2
Остроги	Однозубые	2	–
	Двухзубые	2	2
Блесны	С дырочкой для подвески	–	1
Грузила	Керамические	–	1
	Свинцовые	1	–

¹ Подготовка текста и комментарии К. А. Михайлова.

² Кости определены младшим научным сотрудником ЛОИА АН СССР Н. М. Ермоловой.

Немногочисленность рыболовного инвентаря в «Изяславле» не вызывает особого удивления. При раскопках древнерусских памятников X–XIII вв. рыболовные крючки и остроги встречаются не очень часто. Так, на Донецком городище в слоях X–XIII вв. зафиксировано 12 крючков, три зубца от острог, один костяной кочедык и 20 глиняных грузил (Шрамко, Цепкин 1963: 76). Во всех культурных слоях раскопанных участков древнего Новгорода обнаружено лишь 11 острог, 17 рыболовных крючков (основная часть найдена в слоях X–XIII вв.), четыре блесны в слоях X–XI и XIII вв. (Колчин 1959: 77). В древних слоях в Гродно найдено девять рыболовных крючков и одна острога (Воронин 1954: 57). На Райковецком городище найдено 11 острог и 15 рыболовных крючков (Гончаров 1950: 145). Невелико количество находок в Екимаяцах, Колодяжине, Плеснеске, Пскове³ и т. д. (Фёдоров 1953: 122; Юра 1962: 124; Кучера 1962: 128; Гроздилов 1962: 59). Единичные находки происходят из культурного слоя Князей Горы и древнего Киева (Мезенцева 1968: табл. II, 1, 4; Каргер 1958: табл. XLI). При рассмотрении общего количества острог нужно учитывать, что некоторые из них могли собираться в составные, то есть общее количество острог будет значительно меньше.

В Рязани открывается несколько иная картина — рыболовные крючки, грузила от неводов найдены почти во всех жилищах (Монгайт 1955: 168). Вероятно, в вопросе определения роли рыболовства, его доли в хозяйстве того или иного древнерусского города надо принимать во внимание как естественные рыбные ресурсы прилегающего к городу района, так и характер города в целом и конкретной исследуемой его части. Скажем, в раскопанных землянках киевских ремесленников было бы странно встретить значительное число орудий промыслов. Вероятно, все эти моменты нужно учитывать и при характеристике рыболовства в «Изяславле», в городе, основным занятием жителей которого было земледелие.

Рыболовных крючков здесь найдено всего три — один на детинце и два на посаде. Они относятся к двум типам.

Тип 1. Железный крючок с овальным или прямоугольным в сечении стержнем, с острым жалом и оттянутой бородкой. Место подвязки к леске немного расплющено. К этому типу относятся два крючка: один небольшой, длиной 3,5 см, в сечении овальный, другой длиной 7,2 см, в сечении прямоугольный (рис. 1: 4, 5). Такие крючки встречены на Донецком городище, среди железных изделий Саркела — Белой Вежи, на других древнерусских памятниках X–XIII вв. (Шрамко, Цепкин 1963: рис. 2: 2–4, 7–8, 12–13; Мальм 1956: рис. 4: 5).

Тип 2. Ко второму типу относится большой крючок, длиной 9,5 см с подпрямоугольным в сечении стержнем, с острым жалом и оттянутой бородкой, верхний конец оформлен в виде петли (рис. 1: б). Такие рыболовные крючки происходят из раскопок древнего Гродно, Донецкого городища и других древнерусских памятников (Воронин 1954: рис. 24: 4, 6; Шрамко, Цепкин 1963: рис. 3: 5; Мальм 1956: 117, рис. 4: 3, 4; Сорокин 1959: рис. 17: 4, 6, 7).

Большие промысловые рыболовные крючки использовались на ловле крупной рыбы и входили, по всей вероятности, в состав рыболовного снаряда типа донки или перемёта.

³ В древнем Пскове, вследствие интенсивного накопления археологических материалов и благодаря направленным исследованиям Е. В. Салминой, в настоящее время мы видим другую картину. Ею было изучено около полутора тысяч предметов, связанных с рыболовством, накопленных в фондах ПГОИАХМЗ и ПГНИАЦ за все годы раскопок (по 1990 г.), в том числе 13 наконечников острог, 40 крючков и 7 блесен (Салмина 1994: 151, 163). В Старой Ладoge И. И. Тарасову удалось собрать и изучить 115 предметов рыболовного инвентаря, происходящих из раскопок и случайных находок (примерно поровну), в том числе 6 наконечников острог разных типов (VIII–XIV вв.), 9 крючков, 1 блесна и 2 жерлицы-рогульки (Тарасов 2009: 177–184). — Прим. К. Михайлова.

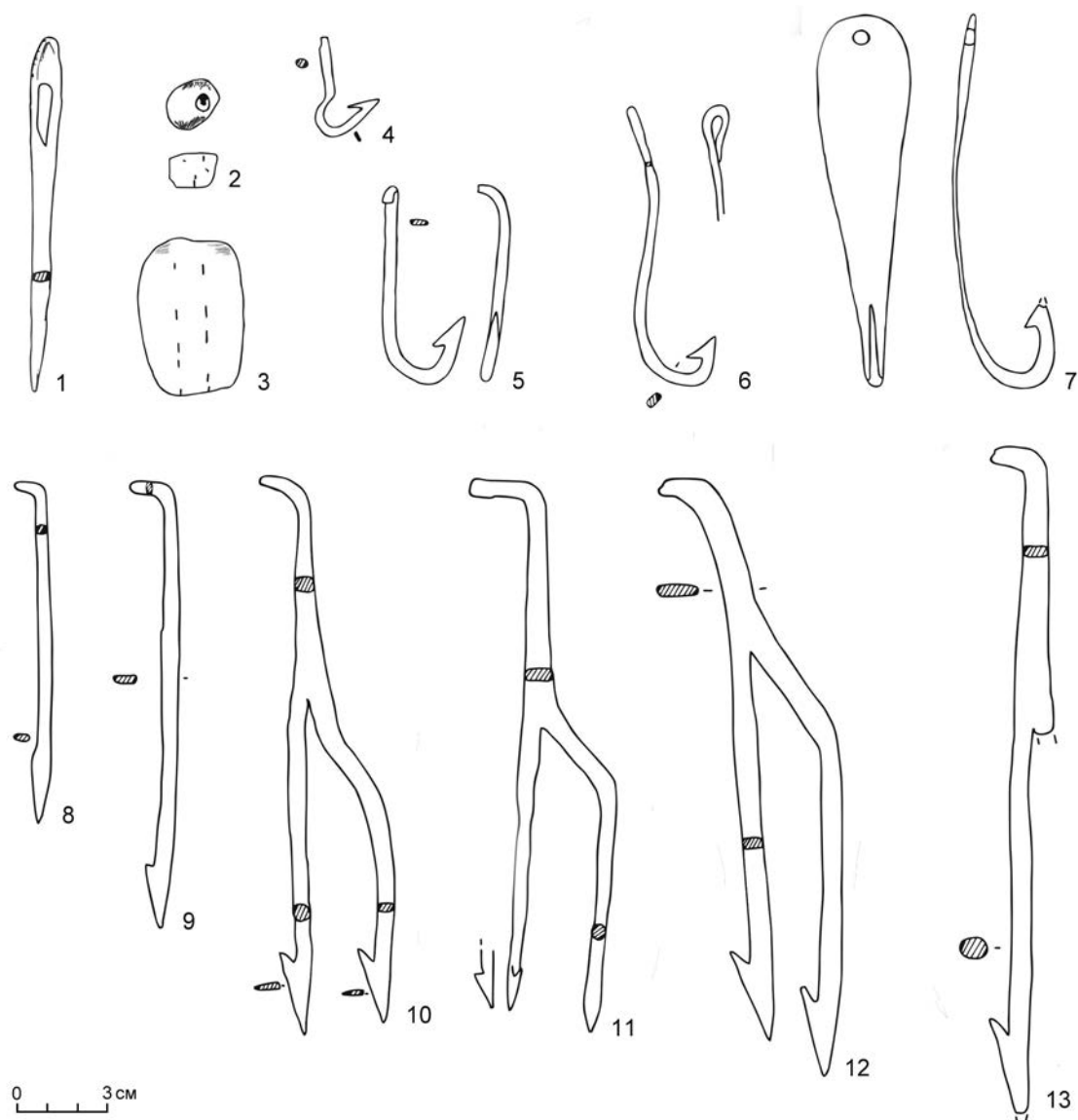

Рис. 1. Орудия рыболовства из раскопок древнего «Изяславля»:
1 — игла для плетения сетей, 2–3 — грузила, 4–6 — крючки, 7 — блесна, 8–13 — остроги;
1 — кость, 2 — свинец, 3 — глина, 4–13 — железо.

Рисунки О. В. Овсянникова, компьютерная обработка Е. Ю. Кононович

И. И. Срезневский объясняет термин «уда» как «снаряд для ручной одиночной ловли рыбы» (Срезневский 1912: 1143). От слова «уда» воспроизводится «удить» (ловить удою) и «удица» — уменьшительное от «уды» («Иди, верзи удицу в море») (Там же: 1148–1149). Таким образом под «удою» подразумевался не только рыболовный крючок, а «рыболовное орудие из тонкой лесины и привязанной к концу ея нити из волос конского хвоста с металлическим крючком, имеющим на конце зазубрину» (Словарь 1847: 324). Как комплекс рыболовных снастей (рыболовный снаряд) трактует слово «уда» и Г. Е. Кочин (Кочин 1937: 372). Составитель русского букваря Карион Истомин (конец XVII в.) иллюстрацией к словам «уда», «удица» поместил лишь рыболовные крючки (с утолщенной головкой и с петелькой для подвешивания к леске) (Тарабрин 1916: таб. XXXVI).

Интересен еще один способ рыбной ловли, который применялся в «Изяславле» — ловля на блесну. Использование блесен в виде приманки для рыб-хищников известно и по раскопкам других древнерусских археологических памятников.

На городище была найдена только одна блесна. Это большая железная пластина длиной 12,2 см, со слегка изогнутой спинкой, бородка на крючке выражена отчетливо, хотя ее верхний кончик отломан (рис. 1: 7). В верхней части овальной спинки блесны имеется отверстие диаметром 0,5 см — для подвязывания лески. Изогнутая спинка блесны способствовала тому, что поток воды, ударяя в широкую плоскость блесны, вращал ее, и блесна, как говорят рыболовы, «играла» в воде, и рыба хватала эту приманку. Вероятнее всего, расматриваемой блесной ловили с лодки или челна.

Несомненно, блесна чистилась до блеска, чтобы быть в воде более заметной. Леска могла подвязываться не непосредственно за дырочку в спинке блесны, а за какое-то промежуточное звено, напоминающее современный «карабинчик» у блесен. Это приспособление содействовало бы более свободному ходу блесны. Блесна с остатками такого промежуточного звена, напоминающего «карабинчик», была найдена на городище Екимаяцы, однако Г. Ф. Фёдоров не обратил внимания на эту деталь (Фёдоров 1953: рис. 52: 16).

Блесна с «изяславльского» городища представляет собой наиболее простой тип — она выковывалась из одного куска железа, затем «рабочая часть» с бородкой и жалом отжигалась. На некоторых древнерусских памятниках найдены составные блесны, состоящие из железного стержня, переходящего в крючок, и напаянной свинцовой или из другого металла пластины — спинки (например, блесна со свинцовой пластиной из Гродненской области) (Мальм 1956: рис. 4: 7).

Кроме металлических блесен могли использоваться обыкновенные рыболовные крючки с закрепленным ярким перышком, куском бересты в качестве цветовой приманки. Не исключена возможность использования ракушек (Бушуев 1960: 169). На приманку блесной древние рыболовы могли ловить щуку, сома и различных окуневых. Могла практиковаться ловля при помощи блесны с лодки или челна «на дорожку».

Остроги, найденные на городище (7 экз.), представляют собой одношипные или двушипные гарпуны, овальные или подпрямоугольные в сечении, с острым жалом и отогнутой бородкой. Конец ножки отогнут обычно под прямым углом.

Длина одношипных острог 13,5 и 10,2 см (рис. 1: 8, 9), третья одношипная острога сохранилась не полностью. Применение одношипных острог не всегда было эффективным. Вполне возможно, что несколько таких острог составлялись в двушипные и трехшипные остроги. Вероятность использования в Древней Руси составных острог убедительно показал Р. Л. Розенфельдт (Розенфельдт 1960: рис. 1).

Характерной особенностью острог такого типа с «изяславльского» городища является то, что все они прямые (отогнут только конец ножки для скрепления с деревянным древком). Этим они отличаются от однотипных острог Донецкого городища, древнего Плесне-ска, поселения Чаплин и др. (Шрамко, Цепкин 1963: рис. 3: 1–3; Кучера 1962: рис. 12: 19; Сымонович 1961: рис. 2: 5) и, наоборот, близки острогам из древнего Гродно, Новгорода, Екимаяц (Воронин 1954: рис. 24: 1; Колчин 1959: рис. 64: 6; Фёдоров 1953: рис. 52: 5в).

Двушипные остроги, как правило, массивнее и длиннее одношипных — от 16,1 до 19,8 см (рис. 1: 10–13). Сечение стержней овальное или подпрямоугольное, причем нередко сечение одного стержня овальное, другого подпрямоугольное. Острог с тремя шипами на городище не найдено.

Технологический процесс изготовления двушипных и трехшипных острог не был сложным, его хорошо усвоили древнерусские кузнецы. Однако трудно согласиться, что подобные остроги изготавливались следующим образом: «Двузубые остроги выковывались из одного стержня, который затем раздваивался так, что один был продолжением основного стержня, а другой шел с изгибом параллельно первому», и еще: «Трехзубые остроги также выковывались из одного стержня, который затем расщеплялся на три» (Мальм 1956: 120, рис. 5). Вероятно, не нужно совсем отбрасывать возможность находок единичных экземпляров, изготовленных и в такой технике. Однако вряд ли этот способ можно назвать технологически грамотным. Не был он и экономически рентабельным. Кузнецу было легче сделать заготовки из железных полос, нарубить их, оснастить шипами, а затем соединить их по две или по три при помощи проковки. Наконец, если обратиться к материалу, то на всех изяславльских двушипных острогах отчетливо прослеживаются даже невооруженным глазом поковочные швы.

Термин «острога» в значении гарпуна появляется в довольно позднее время. Его нет еще в Лицевом букваре Кариона Истомина (конец XVII в.). Зато там же есть другой термин — «остен», «ости». Карион Истомин иллюстрирует это слово несколькими рисунками составных орудий, рабочая часть которых состоит из шипов — двух, пяти, восьми, девяти. Само слово «осн», или «остен», трактуется как острый конец: «Глаголют инции, что сына своего Царевича Ивана того ради остном проколол» (Словарь 1847: 86). Такую же трактовку этого слова дают и другие составители: остен — жало, бодец, игла (Полный церковно-славянский словарь 1899: 391). Нам кажется вполне возможным, что некоторые из рисунков Кариона Истомина изображали рыболовные орудия, позднее известные под термином острога.

Очень интересные данные приводит А. Моора в историко-этнографическом исследовании о русско-эстонских отношениях в Причудье. Автор сообщает, что в начале II тыс. н. э. «эстонцы усвоили от русских железную многозубую острогу и назвали ее *västar, väher* (ср. — остен!)» (Моора 1964: 294).

Наиболее эффективное применение остроги было возможно при определенных обстоятельствах — во время массового «хода» рыбы на мелких местах, у заколов, зимой в прорубях, ночью при свете факела и т. д.

Грузил на городище найдено немного. Одно грузило керамическое в форме цилиндра, с овальнымиakraинами (рис. 1: 3). Такие грузила известны на Донецком городище, в Колодяжине, Гродно и т. д. (Шрамко, Цепкин 1963: рис. 3: 7, 9; Юра 1962: рис. 34: 17; Воронин 1954: рис. 24: 3). Другое грузило свинцовое, небольшое, с отверстием в центре (рис. 1: 2). По археологическим данным известно использование полосок олова в качестве грузил (Воронин 1954: 57). Благодаря своим пластическим качествам свинцовое или оловянное грузило всегда легко можно было изготовить, поставить на удочку, переставить, увеличить или уменьшить его вес.

В культурном слое городища найдено довольно много железных предметов, которые исследователи обычно относят к орудиям рыбного промысла либо просто к «орудиям неизвестного назначения» (Авенариус 1890: 11, № 10). Это железные крючья — с одним большим отверстием, с перекрученным стержнем и двумя торчащими в разные стороны остриями. Мнения исследователей об их назначении разделились — одни считают их крючками для копчения рыбы (Кучера 1962: 28, рис. 9: 2, 3)⁴, другие — рыболовными принадлежностями, в том числе «специальным приспособлением для вытаскивания мережи

⁴М. П. Кучера называл такие крючки петлевидными (Кучера 1962: 28). — Прим. К. Михайлова.

и сетей» (Рабинович 1952: 117, 119, рис. 38: 13; Мальм 1956: 125, рис. 4: 9; Гуревич 1965: 83, рис. 32: 11)⁵. Первая точка зрения кажется нам более убедительной. Югославский ученый Александр Дероко опубликовал целый комплекс похожих крюков, смонтированных на железном круге, — «ченгеле за вешање велике рибе, осушене за зимницу», то есть приспособление для сушения крупной рыбы на зиму, которое сохранилось в одном из сербских монастырей до наших дней (Дероко 1963: сл. 44).

Рыбные блюда в рационе древнерусского горожанина, вероятно, играли не последнюю роль. В определенные же дни христианских праздников рыба являлась чуть ли не основным продуктом питания. Отдельное блюдо представляла икра рыбы. «В чистоую недѣлю достоить медь ѣсти прѣсныи, и квась житный, а икра по все говѣные бѣльцемъ» — находим в «Вопрошании Кириковом» (Памятники 1908: 31–32, № 36). Вероятно, не случайно среди упоминаемых в письменных источниках видов рыб чаще всего встречаются карпы и осетры. Они пользовались наибольшим спросом.

Безусловно, рыболовство в древнем «Изяславле» имело небольшое значение по сравнению с сельским хозяйством и животноводством, об этом свидетельствует незначительное количество орудий этого промысла. Но в то же время, несомненно, оно позволяло делать какие-то запасы копченой, вяленой рыбы и играло вспомогательную роль в экономическом укладе небольшого древнерусского городка.

Небольшая коллекция орудий рыболовства, рассмотренная нами, показывает, что древним рыболовам «Изяславля» были знакомы все основные приемы этого промысла — ловля на одиночную «уду», на переметы, «донки», «дорожки», били они рыбу и острогами. Безусловно, здесь ловили рыбу неводами, сетями (рис. 1: 1), бреднями, использовали различного рода ловушки и приспособления типа заколов. Все эти основные орудия лова были известны в Древней Руси гораздо раньше, чем они впервые упоминаются в письменных источниках (Ржига 1929: 60).

Литература

- Авенариус 1890 — *Авенариус Н. П.* Дрогичин Надбужский и его древности // Древности Северо-Западного края. Том первый, выпуск первый. СПб.: Издание Императорской Археологической комиссии. С. 1–42. (МАР. № 4).
- Бушуев 1960 — *Бушуев С.* Блесна из ракушки // Рыболов-спортсмен. 1960. № 14. С. 169.
- Воронин 1954 — *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). М.: АН СССР, 1954. 233 с. (Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. III. МИА. № 41).
- Гончаров 1950 — *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев: Изд-во АН УССР. 219 с., ил.
- Гроздилов 1962 — *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4. Славянские древности. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. С. 7–76.

⁵ А. В. Куза, специально изучавший рыболовство в Древней Руси, тоже относил такого рода крючки к вспомогательному снаряжению рыбака; отмечая редкость подобных находок, он писал: «Иногда встречаются крючки совершенно необычной конструкции, своего рода шедевр изобретательности местного любителя-рыболова. К числу редких находок относятся двойные и тройные крючки якорного типа, обнаруженные в количестве нескольких штук при раскопках Княжьей Горы, Донецкого городища, Изяславля, Девичь-горы» (Чернецов и др. 1985: 228; Куза 2016: 17: 4, 5). — *Прим. К. Михайлова.*

- Гуревич 1965 — Гуревич Ф. Д. Сельское хозяйство и промыслы древнего Новогрудка // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 77–84.
- Дероко 1963 — Дероко А. Из материјалне културе прошлости (Етнографске белешке) // Споменик. СХП. Нова серија, 14. Београд, 1963.
- Каргер 1958 — Каргер М. К. Древний Киев. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 580 с., ил.
- Колчин 1959 — Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120. (МИА. № 65).
- Кочин 1937 — Кочин Г. Е. (сост.). Материалы для терминологического словаря древней России / под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 487 с.
- Куза 2016 — Куза А. В. Рыбный промысел в Древней Руси. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 208 с., ил.
- Кучера 1962 — Кучера М. П. Древний Пліснеськ // АП УРСР. Т. XII. Київ, 1962. С. 3–56.
- Мальм 1956 — Мальм В. А. Промыслы древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Советская Россия, 1956. С. 106–138. (Труды ГИМ. Вып. 32).
- Мезенцева 1968 — Мезенцева Г. Г. Древньоруське місто Родень. Княжа гора. Київ: Видавництво Київського університету, 1968. 183 с.
- Монгайт 1955 — Монгайт А. Л. Старая Рязань. М.: АН СССР, 1955. 228 с. (МИА. № 49).
- Памятники 1908 — Павлов А. С. (ред.). Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV вв. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 2-е изд. (РИБ, Т. VI).
- Полный церковно-славянский словарь 1899 — Полный церковно-славянский словарь. Составитель прот. Г. М. Дьяченко. М.: Типография Вильде, 1899. 1120 с.
- Рабинович 1952 — Рабинович М. Г. Раскопки в Москве в 1950 г. // КСИИМК. 1952. Вып. 44. С. 116–124.
- Ржига 1929 — Ржига В. Ф. Очерки по истории быта домонгольской Руси. М.: Мосполиграф, 1929. 102 с. (Труды ГИМ. Вып. 5).
- Розенфельдт 1960 — Розенфельдт Р. Л. О конструкции и назначении некоторых железных изделий // СА. 1960. № 2. С. 276–279.
- Салмина 1994 — Салмина Е. В. Рыболовный инвентарь из раскопок в Пскове (классификация находок и способов ловли) // Седов В. В. (ред.). Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков: ПГНИАЦ, 1994. С. 151–170.
- Словарь 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка (в 4 т.). СПб.: Императорская Академия наук, 1847.
- Сорокин 1959 — Сорокин С. С. Железные изделия Саркела — Белой Вежи // Артамонов М. И. (отв. ред.) Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 135–199. (МИА. № 75).
- Срезневский 1912 — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III: Р-Я. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1912. [4] с., 1684, 272 стб., 13 с.
- Сымонович 1961 — Сымонович Э. А. Поселение эпохи Киевской Руси в селе Чаплин в южной Белоруссии // СА. 1961. № 2. С. 200–209.
- Тарабрин 1916 — Тарабрин И. М. Лицевой букварь Кариона Истомина / предисл. и коммент. И. Тарабрина. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1916. 83 с., 39 л. ил. (Древности. Т. 25).

- Тарасов 2009 — *Тарасов И. И.* Рыболовство в средневековой Ладоге // Селин А. А. (науч. ред., сост.). Староладожский сборник. Вып. 7. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 177–184.
- Фёдоров 1953 — *Фёдоров Г. Б.* Городище Екимауцы // КСИИМК. 1953. Вып. 50. 104–126.
- Шрамко, Цепкин 1963 — *Шрамко Б. А., Цепкин Е. А.* Рыболовство жителей Донецкого городища в VIII–XIII вв. // СА. 1963. № 2. С. 74–84.
- Чернецов и др. 1985 — *Чернецов А. В., Куза А. В., Кирьянова Н. А.* Земледелие и промыслы // Археология СССР. Древняя Русь: город, замок, село. М.: Наука, 1985. С. 226–231, 241–242.
- Юра 1962 — *Юра Р. О.* Древний Колодяжин // АП УРСР. Т. XII. Київ, 1962. С. 57–130.
- Moora 1964 — *Moora A.* Peipsimaa etnilisest ajaloost. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjandus, 1964.

Фауна из раскопок на городище древнего «Изяславля»¹

Производившиеся в течение ряда лет раскопки на городище древнего «Изяславля» обнаружили большую насыщенность культурного слоя этого замечательного памятника костными остатками животных. Собранный за все годы материал оказался очень многочисленным, насчитывающим более 35 тысяч костей, причем около 90 % могли быть определены с необходимой в подобного рода исследованиях полнотой.

Обращает на себя внимание хорошая сохранность костей животных из раскопок этого памятника, в том числе и таких как крупный рогатый скот, овца, коза и свинья, мясо которых использовалось в пищу. Процент хорошо сохранившихся длинных трубчатых костей конечностей, обычно в подобных случаях подвергающихся искусственному разрушению, в остатках из раскопок «Изяславля» значительно более высок, чем в материалах из раскопок других археологических памятников Древней Руси. Возможно, что это обстоятельство в какой-то мере отражает трагическую судьбу «Изяславля»: взяв его штурмом, победители захватили много скота; мяса было в избытке и его расходовали щедро, не соблюдая какой-либо экономии².

В итоге нами были определены 26 699 костей млекопитающих, происходящих минимально от 2042 отдельных особей. Принадлежат они 18 видам, из которых восемь являются домашними и 10 дикими (табл. I, *рис. 1*).

¹ Подготовка текста, подбор иллюстраций и комментарии К. А. Михайлова. Авторское название рукописи В. И. Цалкина (1903–1970): «Фауна из раскопок на Изяславле» (НА ИИМК РАН. Ф. Р-3).

² Следует особо отметить, что, помимо многочисленных отдельных костей на городище, как в детинце, так и на «посаде», были найдены и целые скелеты погибших при штурме коров и лошадей. Значительное количество костей и черепов животных было зафиксировано в «костищах» — санитарных захоронениях, в которых находились части скелетов погибших жителей и животных, собранные через значительный временной промежуток после штурма города.

Можно предположить, что многие скелеты были нарушены уже при перемещении в «костища». Следовательно, количество погибших и неразделанных захватчиками животных, вероятно, было намного больше, чем смогли зафиксировать археологи. В таком случае вывод В. И. Цалкина о массовом забое скота и использовании туш победителями выглядит не совсем обоснованным. Наоборот, зафиксированная исследователями картина погрома свидетельствует о том, что значительная часть животных была уничтожена, но не использована погромщиками (*рис. 1, 2*). — Прим. К. Михайлова.

Рис. 1 (1). Скелеты домашних животных, погибших во время разгрома города. Скелеты коровы и лошади, обнаруженные во время раскопок в детинце в 1958 г.

Рис. 1 (2). Скелеты домашних животных, погибших во время разгрома города. Скелет коровы, обнаруженный в западной части детинца в 1957 г.

Рис. 1 (3, 4). Скелеты домашних животных, погибших во время разгрома города. 3 — череп и длинные трубчатые кости лошади, обнаруженные в западной части «посада» в 1964 г.; 4 — череп лошади, обнаруженный в северо-западной части «посада» в 1960 г.

Таблица I. Видовой состав костных останков животных из раскопок «Изяславля»

Вид	Общее количество костей	Минимальное количество особей
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	14 799	471
Овца и коза (<i>Ovis aries</i> , <i>Capra hircus</i>)	2734	401
Свинья (<i>Sus scrofa dom.</i>)	5048	921
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	3183	101
Верблюд (<i>Camelus bactrianus</i>)	3	2
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	467	66
Кошка (<i>Felis domestica</i>)	1	1
Тур? Зубр? (<i>Bos primigenius?</i> <i>Bison bonasus?</i>)	3	1
Лось (<i>Alces alces</i>)	50	7
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	191	27
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	5	3
Кабан (<i>Sus scrofa fer.</i>)	202	33
Медведь (<i>Ursus arctos</i>)	2	2
Волк (<i>Canis lupus</i>)	1	1
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	1	1
Выдра (<i>Lutra lutra</i>)	1	1
Заяц русак (<i>Lepus europaeus</i>)	8	3
Всего	26 699	2042

Как показывают приведенные в таблице цифры, костные остатки распределяются по отдельным видам крайне неравномерно. Если одни из них (к ним принадлежит большинство диких животных, а из домашних верблюд и кошка) представлены лишь единичными экземплярами, то другие, наоборот, многими тысячами костей. Совершенно очевидно, что в остатках из «Изяславля» мы сталкиваемся как с видами очень многочисленными, игравшими важную роль в хозяйственной жизни населения, так и с видами, значение которых в указанном смысле было весьма ограниченным.

Обратимся к видовому обзору костных остатков.

Крупный рогатый скот

По количеству обнаруженных костных остатков крупный рогатый скот занимает первое место, далеко оставляя за собой все остальные виды, найденные в культурном слое «Изяславля». В общей сложности определены 14 799 костей, что составляет более 55 % всех костных останков из раскопок рассматриваемого памятника. Они происходят минимально от 471 особи.

Наиболее видное место принадлежит метаподиям и их фрагментам, насчитывающим почти 3000 экземпляров. Многочисленны ребра, позвонки, пояса конечностей, а также различные элементы периферического скелета. Самую малочисленную часть материала образуют костные стержни рогов и разной величины фрагменты мозгового отдела черепа. Уже упоминавшаяся выше хорошая сохранность материала находит свое конкретное выражение в том, что в его составе имеется почти 500 длинных трубчатых костей конечностей, лишенных следов искусственного разрушения.

Анализ системы коренных зубов, произведенный на 340 нижних челюстях и крупных фрагментах их, приводит к следующим результатам, характеризующим возрастной состав животных, использованных в пищу: возраст до 6 месяцев — 1,2 %; от 6 до 18 месяцев — 14,7 %; от 18 до 28 — 17,6 %; старше 28 месяцев — 66,5 %. Таким образом, примерно 2/3 особей крупного рогатого скота, найденных в культурном слое «Изяславля», имели возраст более 2 лет. Довольно близкие цифры дает также изучение процессов синостозирования на длинных трубчатых костях конечностей.

Все пригодные для измерения фрагменты черепов принадлежат коровам и имеют следующие размеры:

- ширина лба наибольшая, мм ($n = 5$) — 144,8 (132–169),
- ширина междурожья, мм ($n = 7$) — 123,4 (114–148),
- высота затылка, мм ($n = 4$) — 141,0 (132–153),
- ширина затылка наименьшая, мм ($n = 5$) — 110,8 (99–144).

Как показывают приведенные данные, черепа из «Изяславля» не отличаются крупными размерами и лишь немного превосходят в этом отношении черепа скота из раскопок славянских памятников в лесной полосе древней Руси (Цалкин 1956).

Касаясь их структурных особенностей, следует заметить, что всем черепам свойственна волнистая форма междурожья. Линия его образует хорошо выраженный выступ, имеющий в области брегмы хорошо развитое вдавление со стороны затылка. Поверхность лба в продольном направлении слабоволнистая. Лоб несколько приподнят непосредственно впереди междурожья и понижается орально. Спереди от линии, соединяющей верхнеглазничные

отверстия, и, следовательно, в области между глазницами лоб вогнутый. Верхние дуги глазниц заметно выдаются над его поверхностью. Предглазничные борозды хорошо выражены, но длина и глубина их весьма изменчивы. Верхняя часть затылочной области явственно вдавленная, сужение ее в височной части развито очень сильно.

Более многочисленны данные по костям стержней рогов. Как и обычно, они оказываются весьма изменчивыми по своим размерам и по форме, что отражает различия, связанные с полом и возрастом и индивидуальными особенностями животных. Большая часть их, несомненно, принадлежит коровам и характеризуется следующими размерами:

- длина по большой кривизне (n = 20) — 150 (115–245) мм;
- обхват у основания (n = 65) — 135 (95–175) мм;
- большой диаметр у основания (n = 65) — 47,5 (32,5–62,0) мм;
- малый диаметр у основания (n = 65) — 38,5 (28,0–47,5) мм;
- индекс массивности (n = 20) — 89,5 (69,4–113,8) %;
- индекс уплощенности (n = 65) — 80,4 (68,4–91,5) %.

Не отличаясь сколько-нибудь отчетливо по строению, они оказываются несколько более крупными, чем у древнерусского лесного скота.

Что касается костных стержней рогов быков, то среди экземпляров из раскопок «Изяславля» им принадлежит не более 10 %, что указывает на огромное численное преобладание коров. Как будет показано ниже, отмеченное обстоятельство находит подтверждение и при изучении некоторых костей посткраниального скелета.

Возвращаясь к характеристике размеров черепов скота из «Изяславля», заметим, что представление о большей величине их в сравнении с древнерусским лесным скотом весьма отчетливо доказывается анализом большой серии измерений длины альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти:

- скот из раскопок «Изяславля» /n = 115/ –127,79 ± 0,51 /117–141/ мм;
- древнерусский лесной скот /n = 274/ –123,32 ± 0,30 /111–140/ мм.

При значительном сходстве в диапазоне изменчивости рассматриваемого признака длина альвеолярного ряда у скота из «Изяславля» оказывается в среднем на 4 мм больше, чем у лесного. M. diff составляет в данном случае 7,58 и показывает, что обнаруженные различия статистически вполне достоверны.

Таким образом, в свете изучения краниологических данных скот из раскопок «Изяславля» представляется несколько более крупноголовым и длиннорогим, чем разводившийся славянскими племенами в лесной полосе страны. Однако в обоих случаях скот может быть отнесен к одному и тому же краниологическому типу *brachyceros*.

Значительно больше возможностей для изучения скота из «Изяславля» дают кости конечностей. Наибольший интерес среди них представляют пястные и плюсневые кости, имеющие весьма обширные серии целых экземпляров, позволяющие судить не только об абсолютных размерах, но и об основных пропорциях, характеризующих структурные особенности этих частей скелета.

Анализируя более 400 целых метаподий скота из «Изяславля», легко убедиться, насколько широко варьируют все их признаки. В настоящее время хорошо известно, что подобная изменчивость определяется не только индивидуальными особенностями животных, но также и отчетливо выраженными проявлениями полового диморфизма в строении рассматриваемых костей, а иногда и кастрацией быков, если она произведена в достаточно раннем возрасте (Цалкин 1960). Это обстоятельство открывает известную возможность

судить на основании изучения метаподий о составе древних популяций крупного рогатого скота. Попытка дифференцировать метаподии из «Изяславля» по полу животных приводит к следующим показательным результатам: коровы — 89,7 %, быки — 9,6 %, волы (?) — 0,7 %. Совершенно очевидно, что основное большинство популяции (около 90 %) составляли коровы и лишь около 10 % — быки. Метаподий, которые можно было бы с уверенностью считать принадлежащими волам, вообще не было обнаружено. Это можно лишь предположить в отношении пясти и двух плюсен, отличающихся от одноименных костей быков большей общей длиной и некоторой грацильностью.

Приведенные данные о структуре стада позволяют констатировать два обстоятельства, имеющие существенное значение для понимания хозяйства «Изяславля».

Так, огромное численное преобладание в стаде коров должно, видимо, рассматриваться как указание на широкое использование скота для молочных целей. С другой стороны, отмеченная малочисленность волов свидетельствует, что их роль в хозяйстве была весьма ограничена и что в качестве рабочего животного для земледельческих целей населением «Изяславля» использовалась преимущественно лошадь. Подтверждение этому последнему обстоятельству мы находим и в письменных источниках. Так, по словам Владимира Мономаха, «... на весну начнет смерд тот орати лошадью тою и приехав Половчин, ударит смерда стрелою и поимет лошадку» (ПСРА II 1923: стб. 262). Как видим, в связи с пахотой упоминается именно лошадь, а не вол.

Основываясь на длине метаподий, мы можем определить примерный рост скота (Цалкин 1960), разводившегося населением «Изяславля». У коров высота в холке могла быть от 92 до 120 см, причем чаще всего (около 70 %) встречались животные высотой в пределах 101–110 см. В среднем рост у коров был около 106 см. Быки были несколько крупнее, превосходя коров в холке сантиметра на четыре.

Последнее, на чем необходимо остановиться, это вопрос о сходстве и различиях между скотом из «Изяславля», надо полагать, остеологически достаточно характерным для южной части Древней Руси, и скотом, разводившимся славянскими племенами в более северных районах страны. Частично мы уже имели случай коснуться этого вопроса при рассмотрении краниологических данных, а сейчас должны обратиться к использованию гораздо более многочисленных данных по посткраниальному скелету.

Близость обеих рассматриваемых групп крупного рогатого скота древних славян выражается в сходстве размеров длины исследованных костей конечностей. Биометрический анализ большинства признаков подобного рода устанавливает отсутствие каких-либо статистически достоверных различий. Однако ширина эпифизов у скота из «Изяславля», несомненно, больше, чем у древнерусского лесного, причем различия эти статистически достоверны.

Сходство в длине костей, таким образом, сочетается со значительными различиями в ширине эпифизов, а это в свою очередь определяет существенную разницу в пропорциях костей: у скота из «Изяславля» они более массивны. Видимо, крупный рогатый скот, разводившийся в южной части Древней Руси, был более ширококостным, чем древнерусский лесной.

Подводя итоги предпринятому обзору костных остатков крупного рогатого скота, мы можем отметить следующее:

1. Скот, разводившийся жителями «Изяславля», принадлежал краниологическому типу *brachyceros*.
2. Средний рост в холке у коров был около 106 см, у быков — около 110 см.

3. Не отличаясь ростом от древнерусского лесного, скот из «Изяславля» был вместе с тем несколько более длиннорогим и ширококостным.

4. Численное соотношение между коровами и быками в стаде было примерно 9:1. Волы были, видимо, очень малочисленны.

5. Использовался скот главным образом для мясных и молочных целей и вряд ли применялся сколько-нибудь широко как тягловая сила.

Свинья

По количеству обнаруженных костных остатков свинья занимает второе место, заметно уступая в этом отношении крупному рогатому скоту, но превосходя лошадь и мелкий рогатый скот. Всего определены 5048 костей, происходящих минимально от 921 особи.

В составе костных остатков преобладают различные части черепа, прежде всего нижние челюсти, а также отдельные, выпавшие из альвеол резцы и коренные зубы. На долю этих частей скелета приходится примерно 2/3 общего количества костных остатков, и лишь около 1/3 составляют кости посткраниального скелета.

Если обычно обнаруживаемые в кухонных остатках кости свиней принадлежат главным образом молодым особям в возрасте до полутора лет, то в материале из раскопок «Изяславля» наблюдаются несколько иные соотношения. Так, например, определение возраста использованных в пищу животных на основании состояния системы коренных зубов, произведенное на 1077 нижних челюстях, дало следующие результаты:

возраст до 6 месяцев — 2,4 %;

возраст от 6 до 12 месяцев — 11,2 %;

возраст от 12 до 20 месяцев — 27,0 %;

возраст старше 20 месяцев — 59,4 %.

Мы видим, таким образом, что почти 60 % животных имели возраст старше полутора лет, а особи старше годовалого возраста в совокупности составляли более 86 % общего количества. Объяснение этому явлению можно видеть, вероятно, в том, что в пищу были использованы все имевшиеся животные, включая маточное поголовье стада.

Для краниологической характеристики свиней «Изяславля» возможности очень ограничены. Можно лишь отметить свойственный всем древним домашним свиньям прямой профиль лобно-носовых костей. Обращает также на себя внимание укороченность слезных костей: нижняя длина их лишь немного превышает высоту в орбитальном крае, а иногда и уступает ей, так что кость имеет форму, приближающуюся к квадрату.

Сравнение биометрически обработанных измерений различных костей свиней из раскопок «Изяславля» с соответствующими данными по свиньям, разводившимся славянскими племенами в лесной полосе, обнаруживает значительное сходство между ними. Вряд ли можно говорить, таким образом, о сколько-нибудь существенных различиях между этими группами древних домашних свиней.

Лошадь

В материале из раскопок «Изяславля» лошадь по количеству костных остатков занимает третье место. В общем итоге были определены 3183 кости, происходящие минимально от 101 особи.

В остатках представлены все части осевого и периферического скелета, но явно преобладают кости конечностей. Наиболее многочисленные группы костных остатков образуют выпавшие из альвеол резцы и коренные зубы, а также метаподии, среди которых много хорошо сохранившихся экземпляров. Характерно, что среди неповрежденных костей имеются даже плечевые и бедренные, тогда как обычно они встречаются в кухонных остатках в виде обломков.

Основная масса костей происходит от взрослых особей. Как показывает изучение синостозирования на костях конечностей, около 90 % обнаруженных экземпляров принадлежит лошадям старше 3,5 лет.

По своим абсолютным и относительным размерам кости конечностей лошадей из «Изяславля» несомненно довольно близки костям древнерусских лесных лошадей. В ряде случаев сходство распространяется на пределы изменчивости, величины модальных классов и средние арифметические значения изученных признаков. Вскрываются, однако, и остеологические особенности лошадей из «Изяславля», для освещения которых необходимо остановиться на рассмотрении изменчивости некоторых костей конечностей, которым обычно отводят наименьшее значение в типологическом изучении древних лошадей.

Мы получим довольно показательные результаты, если воспользуемся при изучении лошадей из «Изяславля» предложенной А. А. Браунером градацией современных и субфоссиальных лошадей по относительной ширине диафиза пястных костей у них (Браунер 1916). По этому признаку лошади, пястные кости которых обнаружены в культурном слое «Изяславля», разделяются следующим образом (табл. II).

Таблица II. Сравнение пястных костей лошадей из раскопок «Изяславля» и древнерусских лесных лошадей

	Лошади из раскопок «Изяславля», n = 119	Древнерусские лесные лошади, n = 164
Крайнетонконогие (ширина диафиза менее 13,5 %)	2,5	3,7
Тонконогие (ширина диафиза 13,6–14,5 %)	10,1	25,6
Полутонконогие (ширина диафиза 14,6–15,5 %)	37,8	48,2
Среднетонконогие (ширина диафиза 15,6–16,5 %)	39,5	21,3
Полутолстоногие (ширина диафиза 16,6–17,5 %)	9,2	1,2
Толстоногие (ширина диафиза более 17,5 %)	0,9	–
Всего	100 %	100 %

Мы можем констатировать на основании приведенных данных, что «изяславльские» лошади в интересующем нас отношении чрезвычайно разнообразны и превосходят в этом

смысле древнерусских лесных лошадей. Среди них встречаются все известные группы, от крайнетонконогих до толстоногих включительно. Однако распределение животных по отдельным группам весьма неравномерно. Преобладают над всеми остальными *полутонконогие* и *среднетонконогие* лошади, в совокупности составляющие более 77 % общего поголовья. Гораздо менее многочисленны тонконогие и полутолстоногие лошади, что касается крайнетонконогих и толстоногих, то они (в особенности последние) были редки и представлены совершенно незначительным процентом.

При сравнении данных по лошадям из раскопок «Изяславля» с аналогичными данными по лошадям лесной полосы Древней Руси можно отметить существенные различия. Толстоногих лошадей в лесной полосе нами вообще не было обнаружено (Цалкин 1956). Вместе с тем тонконогие и полутонконогие особи представлены среди древнерусских лесных лошадей заметно более высоким процентом, чем в «Изяславле». Что касается среднетонконогих и полутолстоногих, то они, наоборот, в лесной полосе значительно менее многочисленны, чем в рассматриваемом памятнике.

К аналогичным результатам приводит и сравнение плюсневых костей (табл. III).

Таблица III. Сравнение плюсневых костей лошадей из раскопок «Изяславля» и древнерусских лесных лошадей

Ширина диафиза	Лошади из раскопок «Изяславля», n = 82	Древнерусские лесные лошади, n = 154
Менее 10,0 %	1,2	–
10,1–11,0 %	3,7	11,7
11,1–12,0 %	34,1	61,0
12,1–13,0 %	53,7	24,7
Более 13,0 %	7,3	2,6
Всего	100 %	100 %

Если в серии лошадей лесной полосы самую многочисленную группу плюсен образуют экземпляры с шириной диафиза в пределах 11,1–12,0 %, то в серии из «Изяславля» она перемещается в класс 12,1–13,0 %.

В обоих случаях мы наблюдаем, следовательно, у «изяславльских» лошадей явственно проявляющуюся тенденцию к увеличению массивности костей. Статистически достоверных различий в данном случае установить не удастся, но отмеченное обстоятельство заслуживает серьезного внимания. По существу дела, мы сталкиваемся с явлением, аналогичным тому, которое было констатировано ранее при сравнении остеологических данных по крупному рогатому скоту.

Довольно различны были лошади «Изяславля» и по высоте в холке, приближенное определение которой возможно по длине длинных трубчатых костей конечностей (Витт 1952). Изучение распределения «изяславльских» лошадей по различным группам дает следующую картину (табл. IV).

Таблица IV. Распределения по высоте в холке лошадей из раскопок «Изяславля» и древнерусских лесных лошадей

	Лошади из раскопок «Изяславля», n = 310	Древнерусские лесные лошади, n = 548
Очень мелкие (высота в холке 112–120 см)	–	1,5
Мелкие (высота в холке 120–128 см)	11,6	23,7
Малорослые (высота в холке 128–136 см)	53,2	46,0
Средние (высота в холке 136–144 см)	31,9	25,0
Рослые (высота в холке 144–152 см)	3,3	3,3
Крупные (высота в холке 152–160 см)	–	0,5
Всего	100%	100%

Как показывают приведенные цифры, большинство лошадей из раскопок «Изяславля» (около 85 %) были малорослыми и средними, высотой в холке 128–144 см. Значительно меньше было среди них мелких лошадей, а рослые вообще представляли довольно редкое явление. Древнерусские лесные лошади в этом отношении были разнообразнее, поскольку в их числе встречены как очень мелкие, так и крупные. Впрочем, как те, так и другие представлены крайне незначительным процентом. Констатированное большее разнообразие лесных лошадей объясняется тем, что для их характеристики нами были использованы материалы из раскопок не одного, а целого ряда археологических памятников Древней Руси, расположенных в различных районах лесной полосы Восточной Европы (Цалкин 1956). Как и в «Изяславле», наиболее многочисленную группу среди лесных лошадей составляют малорослые. Что касается мелких, то они были более многочисленны, а средние, наоборот, представлены меньшим процентом, чем в «Изяславле».

В среднем рост в холке у древнерусских лесных лошадей составляет $132,56 \pm 0,28$ см, а у «изяславских» — $134,16 \pm 0,31$ см. Полученные цифры очень близки, особенно если учесть весьма относительную точность, которую допускают современные методы реконструкции роста древних лошадей.

Таким образом, лошади Северной и Южной Руси (поскольку о последних можно судить на основании материалов из раскопок «Изяславля») мало отличались друг от друга. Возможно лишь, что у южнорусских скелет был несколько более массивным.

По показаниям древних литературных источников хорошо известно, насколько широко распространено на Руси пополнение конского поголовья за счет приобретения лошадей у населения степной полосы. Тысячные табуны степных коней пригонялись для продажи на Русь. Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что более или менее значительная часть лошадей, остатки которых мы находим при раскопках археологических памятников Древней Руси, принадлежат подобным выходцам из степей.

Вероятно, именно это обстоятельство и определяет констатированное нами значительное сходство, обнаруживающееся при остеологическом изучении лошадей из северных и южных районов Древней Руси.

Мелкий рогатый скот (овца и коза)

В остатках из раскопок «Изяславля» мелкий рогатый скот занимает очень значимую долю, хотя по количеству найденных костей уступает каждому из рассмотренных ранее видов. Определены 2734 кости, происходящие минимально от 401 особи.

Самую многочисленную часть остатков образуют нижние челюсти и их фрагменты, а также отдельные коренные зубы, выпавшие из альвеол. Кости конечностей составляют примерно 1/3 общего количества костных остатков этих видов и представлены главным образом элементами их проксимальных и средних отделов. Кости дистальных отделов конечностей немногочисленны и иногда представлены только единичными экземплярами.

Ниже приводятся данные о возрастном составе использованных в пищу овец и коз, полученные при определении его по состоянию коренных зубов у 462 хорошо сохранившихся нижних челюстей:

- возраст до 3 месяцев — 0,6 %;
- возраст от 3 до 9 месяцев — 23,0 %;
- возраст от 9 до 18 месяцев — 18,8 %;
- возраст старше 18 месяцев — 57,6 %.

Остеологически овцы из «Изяславля» не отличаются от древнерусских лесных, обнаруживая сходство с ними как по абсолютным размерам, так и по строению костей. Впрочем, восточноевропейские овцы во II тыс. н. э. географически вообще довольно однородны, и на общем фоне их резко выделяются лишь гораздо более крупные степные овцы, известные по раскопкам памятников Волжской Булгарии и Золотой Орды (Цалкин 1958; 1967).

Насколько можно судить на основании длины пястных и плюсневых костей (Цалкин 1961), овцы из «Изяславля» могли иметь высоту в холке в пределах 57–65 см, и лишь немногие из них были крупнее или мельче этих размеров. Средний рост овец из «Изяславля» был $60,96 \pm 0,58$ см. Такой же рост имели овцы в лесной полосе Древней Руси и в средневековой Прибалтике (Цалкин 1962: 97–140), а из современных к ним близки в указанном отношении северные длинношестехвостые овцы.

Кости коз, обнаруженные в культурном слое «Изяславля», дают очень мало для остеологического изучения этого вида. Подобно овцам, они не обнаруживают существенных отличий от других домашних коз, которые в настоящее время известны по раскопкам археологических памятников II тыс. н. э. на территории Восточной Европы.

Для изучения хозяйства населения «Изяславля» определенный интерес имеет выяснение численных соотношений между овцами и козами. Обращаясь к изучению интересующего нас вопроса на поддающихся видовому дифференцированию костях посткраниального скелета, мы обнаруживаем, что количество экземпляров, принадлежащих козам, относительно очень невелико и составляет всего 5–7 %. Видимо, козы у жителей «Изяславля» были весьма немногочисленны и основную массу поголовья мелкого рогатого скота составляли у них овцы.

Верблюд

В остатках из раскопок «Изяславля» найдены три кости верблюда, принадлежащие, вероятно, двум особям.

Вид этот крайне редок в памятниках Древней Руси. Он был обнаружен нами еще в остатках из раскопок Суздаля. О верблюде упоминает И. Г. Пидопличко в перечне видов,

найденных им в остатках из раскопок поселения на горе Киселевке (Киев) (Підоплічко 1956). Этим, видимо, исчерпываются все известные в настоящее время факты обнаружения костей верблюда в древнерусских памятниках II тыс. н. э.

Совершенно очевидно, что верблюд не принадлежал к числу местных домашних животных, и не приходится говорить о его значении в хозяйстве населения Древней Руси, оно было ничтожным.

Появление остатков верблюда в древнерусских памятниках связано, надо полагать, с монгольским нашествием. Так, повествуя об осаде Киева Батыем в 1241 г., летописец сообщает «И не бе слышати от гласа скрипания телег его, множества ревения велблуд его и рѣжания от гласа стад конь его...» (ПСРА II 1908: стб. 784).

Собака

Были определены 467 костей собак, происходящих минимально от 66 особей. Как это обычно наблюдается в древнерусских памятниках, кости собак отличаются очень хорошей сохранностью, свойственной видам, мясо которых не использовалось в пищу (рис. 2).

Рис. 2. Скелет собаки, обнаруженный в западной части «посада» в 1961 г.

Домашняя кошка

Кошка представлена всего одной костью, доказывающей существование этого вида в «Изяславле». Домашняя кошка встречена во многих памятниках Древней Руси, но повсюду немногочисленна, сильно уступая в этом отношении собаке (Підоплічко 1956; Цалкин 1956).

Дикие животные

В материале из раскопок «Изяславля» обнаружены также костные остатки 10 видов диких млекопитающих, перечень которых приведен в табл. 1. Все они, несомненно, служили объектами охоты для населения «Изяславля». О значении в этом смысле отдельных видов позволяют судить приводимые ниже цифры, характеризующие численные соотношения между ними по количеству особей:

- кабан — 41,7 %;
- благородный олень — 34,2 %;
- лось — 8,8 %;
- косуля — 3,8 %;
- заяц русак — 3,8 %;
- медведь — 2,5 %;
- тур или зубр — 1,3 %;
- волк — 1,3 %;
- лисица — 1,3 %;
- выдра — 1,3 %.

Совершенно очевидно, что наиболее важными охотничьими животными были кабан и благородный олень, в значительно меньшей степени лось, составлявшие почти 85 % охотничьей добычи. Все остальные виды, насколько об этом можно судить на основании изучения костных остатков, попадались более или менее случайно. Около 90 % общего количества добытых диких животных приходится на долю копытных, и, следовательно, охота производилась в основном ради удовлетворения потребности в мясной пище.

Вместе с тем количество остатков диких животных в общей массе материала из раскопок «Изяславля» весьма невелико: к ним принадлежит всего 1,8 % общего количества костей и 3,9 % общего количества особей. Вряд ли в этих цифрах можно не видеть вполне определенное указание на крайне ограниченное значение, которое имела охота не только в питании, но и вообще в экономической жизни населения «Изяславля» (табл. V).

Таблица V. Соотношения между домашними и дикими животными по количеству особей в остатках из раскопок памятников Южной Руси

Памятник	Всего костей	Всего особей	В том числе костей домашних животных, %	В том числе костей диких животных, %
Киев, у Десятинной церкви (Підоплічко 1956)	1029	144	97,9	2,1
«Изяславль»	26 235	2042	96,1	3,9
Городище Витачев	88	11	90,9	9,1
Киев, усадьба Трубецкого (Підоплічко 1956)	11 643	386	90,4	9,6
Городище Воинь (Сергеев 1965)	47 464	1419	89,8	10,2
Городище Головно	112	16	87,5	12,5

Таблица V (окончание)

Памятник	Всего костей	Всего особей	В том числе костей домашних животных, %	В том числе костей диких животных, %
Городище Райковецкое (Підоплічко 1956)	4137	293	83,3	16,7
Киев, поселение на горе Киселевке (Підоплічко 1956)	5369	507	78,9	21,1
Вышгород (Підоплічко 1956)	4053	352	78,4	21,6
Городище Петровское (Підоплічко 1956)	204	73	46,6	55,4
Городище Карачевское (Підоплічко 1956)	400	92	44,6	55,4
Городище Любеч	237	61	41,0	59,0

Надо сказать, что археологические памятники Южной Руси, как правило, вообще не отличаются богатством остатков диких животных. Это обстоятельство очень наглядно выражается цифрами, приведенными в табл. V. Преобладание диких животных над домашними в этих памятниках явление очень редкое. Оно установлено только на городищах Петровском, Карачевском и в Любече, находящихся на северной Украине (современные Харьковская, Сумская и Черниговская области), причем размеры материала, исследованного из раскопок этих городищ, весьма невелики. Обилие остатков диких животных (53,4–59,0 % общего количества особей) резко выделяет три упомянутых городища на общем фоне памятников Южной Руси. В остальных памятниках, по которым мы располагаем данными изучения костных остатков, дикие животные чаще всего не превышают 20 % общего количества особей. Всего около 10 % составляют они в культурном слое городища Воинь, из раскопок которого определены более 40 тысяч костей. Но при всех условиях столь низкий процент диких животных, как в материале из раскопок «Изяславля», тоже не может считаться характерным для рассматриваемых археологических памятников, среди которых он в интересующем нас отношении занимает одно из первых мест.

Состав стада сельскохозяйственных животных у населения Южной Руси

Материалы из раскопок «Изяславля» дают серьезную основу также и для изучения состава стада сельскохозяйственных животных у населения Южной Руси. Определяя соотношения между видами сельскохозяйственных животных по количеству особей, мы обнаруживаем, что почти половину их составляли свиньи (табл. VI).

Гораздо меньшим, но близким процентом особей представлены крупный и мелкий рогатый скот. Наконец, последнее место по количеству особей принадлежит лошади, на долю которой приходится лишь немногим более 5 %.

Таблица VI. Соотношения между видами сельскохозяйственных животных по количеству особей в остатках из раскопок памятников Южной Руси

Памятник	Всего костей	Всего особей	Крупный рогатый скот, %	Мелкий рогатый скот, %	Свинья, %	Лошадь, %
«Изяславль»	25 764	1894	24,9	21,2	48,6	5,3
Вышгород (Підоплічко 1956)	3607	263	34,6	21,8	32,8	10,8
Киев, усадьба Трубецкого (Підоплічко 1956)	11 452	319	39,5	30,1	23,6	6,8
Киев, у Десятинной церкви (Підоплічко 1956)	1002	135	45,9	20,8	18,5	14,8
Киев, поселение на горе Киселевке (Підоплічко 1956)	4870	303	26,7	33,7	34,7	4,9
Городище Карачевское (Підоплічко 1956)	124	31	29,0	32,3	32,2	6,5
Городище Петровское (Підоплічко 1956)	204	34	41,2	20,6	26,4	11,8
Городище Воинь (Сергеев 1965)	43 217	1414	44,6	20,4	25,0	10,0
Городище Райковецкое (Підоплічко 1956)	3763	234	30,8	22,2	26,9	20,1
Городище Витачев	52	8	50,0	12,5	25,0	12,5
Городище Головно	108	14	21,4	14,3	57,2	7,1
Городище Любеч	97	20	40,0	25,0	36,0	10,0

Совершенно тот же видовой состав сельскохозяйственных животных встречаем мы и во всех без исключения археологических памятниках Древней Руси, так что различия между этими последними в интересующем нас отношении вскрываются только при изучении количественных соотношений между отдельными видами. Соотношения же эти весьма изменчивы, и относительная численность того или иного вида в остатках из раскопок рассматриваемых памятников колеблется в очень широких пределах. Оставим в стороне такие из них, как городища Карачевское, Петровское, Витачев, Головно и Любеч, поскольку количество костей сельскохозяйственных животных из раскопок их незначительно и обнаруживаемые в них численные соотношения между отдельными видами могут иметь чисто случайный характер. Но по остальным памятникам интересующие нас материалы достаточно велики, а по таким из них, как «Изяславль» или Воинь, — огромны, насчитывая десятки тысяч экземпляров. Тем самым есть основания считать, что полученные при изучении их результаты характеризуют специфические особенности местного животноводства.

Однако и в этих условиях, оперируя статистически более надежными данными, мы сталкиваемся с очень широкими различиями в относительной численности отдельных видов

сельскохозяйственных животных. Так, например, крупный рогатый скот составляет от 24,9 («Изяславль») до 45,9 % (Десятинная церковь) от общего количества особей сельскохозяйственных животных, мелкий рогатый скот — от 20,4 (Воинь) до 33,7 % (поселение на горе Киселевке), свинья — от 18,5 (Десятинная церковь) до 48,6 % («Изяславль»), лошадь — от 4,9 (поселение на горе Киселевке) до 20,1 % (Райковецкое городище). Наиболее сильно колеблются, как видим, проценты особей свиней и особенно лошадей.

Как правило, первое место по количеству особей в остатках из раскопок южнорусских памятников занимает крупный рогатый скот, отступающий в «Изяславле» на второе, а в поселении на горе Киселевке даже на третье место. Мелкому рогатому скоту обычно принадлежит третье место, и только в памятниках на территории Киева (особенно на усадьбе Трубецкого и на поселении на горе Киселевке) роль его более значительна. Подобно мелкому рогатому скоту, свинья занимает второе или третье место, но в двух памятниках Южной Руси — поселении на горе Киселевке и в «Изяславле» оказывается преобладающим по численности видом. Что касается лошади, то в костных остатках она чаще всего представлена весьма невысоким процентом особей, неизменно занимая среди сельскохозяйственных животных последнее место.

Рассматривая с этой точки зрения данные, полученные при изучении остатков из раскопок в «Изяславле», мы убеждаемся, что среди них первое место принадлежит свиньям, на долю которых приходится почти 50 % особей сельскохозяйственных животных. Мы не знаем какого-либо другого памятника Южной Руси, в остатках которого свиньям принадлежало бы подобное же место. Даже в поселении на горе Киселевке количество их не превышает примерно 1/3 количества особей. Все это, конечно, должно рассматриваться как указание на очень высокое развитие свиноводства у населения «Изяславля». Второй характерной особенностью состава костных остатков из раскопок «Изяславля» является весьма низкая численность крупного рогатого скота, которому принадлежит всего около 1/4 особей. Только в поселении на горе Киселевке наблюдается примерно такое же явление, в остальных же известных нам памятниках Южной Руси количество крупного рогатого скота гораздо выше. По относительному количеству мелкого рогатого скота «Изяславль» почти не отличается от многих других южнорусских памятников, из которых только два поселения на территории Киева характеризуются несколько более высоким процентом овец и коз. Лошадей в остатках из «Изяславля» очень мало, и он принадлежит, вместе с поселением на горе Киселевке, к числу самых бедных ими памятников.

Таким образом, характерной особенностью состава сельскохозяйственных животных из раскопок «Изяславля» должен считаться весьма высокий процент свиней при малочисленности крупного рогатого скота и лошадей. По всем этим признакам «Изяславль» стоит ближе всего к поселению на горе Киселевке, весьма сильно отличаясь от таких городищ, как Воинь и Райковецкое.

Литература

- Браунер 1916 — Браунер А. А. Материалы к познанию животных России: лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии. Одесса, 1916. 184 с. (Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России. Т. 86. Кн. I).
- Витт 1952 — Витт В. С. Лошади пазырыкских курганов // СА. 1952. Т. XVI. 163–205.
- Підоплічко 1956 — Підоплічко І. Г. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. Вип. 2. Київ: Вид-во АН УРСР, 1956. 237 с.

- ПСРА II 1908 — Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорскою археографическою комиссиею. Том II: Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908.
- ПСРА II 1923 — Полное собрание русских летописей, издаваемое Гос. Археографическою комиссиею Российской АН. Том II: Ипатьевская летопись, вып. 1. Изд. 3-е. Петроград: 1-я Петроградская трудовая артель печатников, 1923.
- Сергеев 1965 — *Сергеев Е. С.* Фауна района древнерусского города Воишь // Природная обстановка и фауны прошлого. Вып. 2. Киев: Наукова думка, 1965. С. 120–123.
- Цалкин 1956 — *Цалкин В. И.* Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. По данным изучения костных остатков из раскопок археологических памятников лесной полосы Европейской части СССР. М.: АН СССР, 1956. 184 с. (МИА. № 51).
- Цалкин 1958 — *Цалкин В. И.* Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. М.: АН СССР, 1958. С. 221–281. (МИА. № 61).
- Цалкин 1960 — *Цалкин В. И.* Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюл. МОИП. Отдел биологии. 1960. Т. LXV (1). С. 109–126.
- Цалкин 1961 — *Цалкин В. И.* Изменчивость метаподий у овец // Бюл. МОИП. Отдел биологии. 1961. Т. LXVI (5). С. 115–132.
- Цалкин 1962 — *Цалкин В. И.* К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. М.: 1962. 130 с. (МИА. 1962. № 107).
- Цалкин 1967 — *Цалкин В. И.* Домашние животные Золотой Орды // Бюл. МОИП. Отд. биологии. 1967. Т. LXXII (1). С. 114–130.

Summary¹

The history of research into the fortified settlement at the village of Gorodishche in the Shepetovka District of the Khmel'nitsky Region of Ukraine (A. A. Peskova)

The fortified settlement near the village of Gorodishche (in the Shepetovka District of the Khmel'nitsky Region, Ukraine), which has been familiar on the archaeological map of the Volhynia Province since as long ago as the end of the 19th century, was the subject of wide-scale excavations undertaken in 1957–1964 by the Galicia-Volhynia Architectural and Archaeological Expedition of the Leningrad Department of the Institute for the History of Material Culture affiliated to the USSR Academy of Sciences and Leningrad State University, led by Mikhail Karger (Fig. 1). The tragic fate of the Early Rus' small fortified town, devastated and burnt to the ground as a result of Tartar-Mongol incursions in the mid-13th century, led to the emergence at that location of a unique cultural layer complete with numerous artefacts. Almost half the area of the fortified settlement was investigated over the course of eight years and a collection of archaeological and anthropological materials was assembled totalling many thousands of items (Fig. 2–6, 9).

During the first year of excavation work, M. Karger identified the fortified settlement with the town of Izyaslavl' mentioned in the chronicles, which had perished when stormed by the troops of Khan Baty in the winter of 1240–1241. That was the name under which the site was recorded in the archaeological literature over many years. At the present time that hypothesis is being called into doubt. Since new versions of the name have not been adequately substantiated, in this volume we have used the name in inverted commas — “Izyaslavl’”.

The area of the fortified settlement, which has been fully investigated, consisted of two parts, referred to by M. Karger as the *Detinets* (or citadel) and the *Posad* (the suburb surrounding it). Last name did not quite correctly, so, in the future, we will quote the word “*Posad*”. Together they occupy an area of approximately 3.6 hectares (Fig. 8). It had been enclosed within a multi-row system of ramparts and ditches. Under the inner rampart surrounding the fortified settlement remains were found of burnt storerooms made of logs.

The researchers were confronted by a picture of the destruction of a small fortified town. Side by side with human remains lay not only household objects, numerous agricultural implements, blacksmiths' and jewellers' tools, but also fragments of bells, expensive weapons and hurriedly hidden silver jewellery. Using a range of techniques, the researchers dated these remains to the second half of the 12th and first half of the 13th century.

The archaeologists were not able to trace a precise plan of the dwellings and outbuildings and therefore of the structure of the settlement as a whole. It sometimes proved possible to restore parts of the plan on the basis of the distribution of household objects and human skeletons,

¹ Перевод на английский язык Катрин Юдельсон.

which had been found near the remains of stoves (*Fig. 10–14*). Starting out from observations of this kind M. Karger drew a conclusion — open to debate — to the effect that the dwellings in this settlement were standing structures of a mud-hut type without vertical posts dug into the ground for support.

M. Karger regarded the fortified settlement he and his team were investigating as for the most part, a single-level site, but he accepted that long before the Early Rus' population had appeared in that location, an earlier settlement had existed there, dating from the first centuries AD. He was of the opinion that the earlier cultural layer had been badly damaged by the Early Rus' buildings.

The archaeological materials collected during field work, which consisted of thousands of items, were divided up into groups so that they could be studied by specialists and stored in several different academic institutions. The bulk of the archaeological finds was transferred to the State Hermitage Museum in 1971–1976. A small range of finds was made over to the repositories of the Artillery Museum in Leningrad and to the Museum of the Local History of the Khmel'nitsky Region (in the town of Khmel'nitsky, Ukraine). Field-reports with identical contents are kept in academic archives in Moscow (covering the period 1957–1959), in Kiev (covering the period 1957–1963) and in Saint-Petersburg (covering 1964). Copies of the reports for all the above-mentioned years of excavation work also survived in M. Karger's personal archive in the Department for Slavonic and Finnish Archaeology.

The anthropological materials collected at the fortified settlement were transferred for research purposes during the first two years of the expedition's work to the First Leningrad Medical Institute and then moved to the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (*Kunstkamera*, Saint-Petersburg, Russia). Materials collected during the first two years were investigated by a group of scholars led by Dmitrii Rokhlin: these were published in summary form in 1965. A large amount of the anthropological materials is still awaiting its researchers in the repositories of the Museum. Faunal and plant remains were transferred for analysis to the Moscow Laboratory of the Institute for the History of Material Culture affiliated to the USSR Academy of Sciences (since 1959 the Institute of Archaeology), where they are being analysed and identified by Veniamin Tsalkin (archaeo-zoologist) and Aleksei Kiryanov (archaeo-botanist). The results of their investigations have as yet not been published.

A final report on the excavations carried out at the fortified settlement was delivered by Mikhail Karger at the I International Congress of Slavonic Archaeology in Warsaw in 1965. He gave a general account of the site and briefly described the main categories of finds, focusing attention on the unique importance of the fortified settlement for the history of Early Rus'. On the basis of the conclusions published in the abstracts pertaining to this report, this site was then included in virtually all general archaeological and historical works treating Early Rus' fortified urban settlements in general. The discovery of the Late Roman settlement was hardly remarked upon at all.

Accounts of these developments by his contemporaries make it clear that Mikhail Karger had been planning to publish a monograph by a team of authors dedicated to the town and the various categories of finds. These plans, however, did not reach fruition, although certain categories of finds were soon investigated and introduced into the academic literature by other members of the expedition. Objects connected with weaponry were studied by Anatolii Kirpichnikov (*Fig. 4e, 5b, 6b, 1b*), Leningrad Department of the Institute of Archaeology affiliated to the USSR Academy of Sciences, and published in general both in summaries of archaeological sources and also in separate articles, but a large section of A. Kirpichnikov's work written up in 1966–1967 nevertheless remained unpublished. The research carried out by Oleg Ovsyannikov (*Fig. 15*) in 1962–1967, Leningrad Department of the Institute of Archaeology

affiliated to the USSR Academy of Sciences, devoted to the pottery finds was also not published. Later on Mark Miroljubov, State Hermitage Museum, published a survey of the collection of agricultural implements and also of the items made by blacksmiths for various purposes and the tools of their trade.

After the abstracts published by M. Karger in 1965, the next attempt to analyse the materials and bring together the research findings which had been assembled by the end of the 1980s was the dissertation written by Anna Peskova in the Leningrad Department of the Institute of Archaeology affiliated to the USSR Academy of Sciences for her Candidate's Degree, which was entitled *The Early Rus' town of Izyaslavl' in the 12th and 13th centuries (based on materials from the fortified settlement at the village of Gorodishche near Shepetovka)* and was also not published. In it the fortified settlement excavated by M. Karger was interpreted as a military-cum-feudal fortified centre with a distinctly urban culture. It had been built in keeping with a single overall plan as an outpost to consolidate the power of the Volhynian prince, Roman Mstislavovich, at the eastern edge of Volhynia in the 1190s and was in existence until the middle of the 13th century.

Yet, in the course of the subsequent study of the collection a few objects were identified as dating from the mid-13th to the late-13th or 14th centuries and some finds even to the 14th–16th centuries: as a result it was suggested that the annihilation of the settlement could have been bound up not only with the attack by Baty's troops in 1241, but also, perhaps, with that of Burundai's troops in 1259.

The historical destiny of the "Izyaslavl'" region was determined to a large extent by its position on the border where the Kievan, Volhynian, Galician and Bolokhov Lands met and by its dangerous proximity to the steppes. At least two traditional communication routes passed through this territory, leading from Kiev to the West via Vladimir and via Galich. More often than not these routes can be traced with the help of information found in the chronicles concerning the military detachments of princes fighting amongst themselves. Yet there is no doubt that these routes were also used for trade and by pilgrims. The building of fortified centres in the region was the result of — among other things — the need to ensure the safety of those extremely important communication routes. It was along those routes that Baty's troops moved westwards in the winter of 1240/1241 via Kolodyzhin, Kamenets, Izyaslavl', Kremenets and Danilov.

At the present time several researchers include "Izyaslavl'" in the orbit of towns in the Bolokhov Land mentioned in the chronicles and they even consider it to have been the main administrative centre in the Bolokhov Land. The reason given for this is the unusual multi-row system of fortifications of the Bolokhov type and the town's geographical location in the immediate vicinity of the Bolokhov Lands but not actually inside them. Modern researchers are inclined to extend considerably the hypothetical borders of the Bolokhov Lands in the first half of the 13th century: from Dorogobuzh and Vozvyagl' in the North to Mezhibozhye and Buzhsk in the South and to Kotelnich and the Raikovetskoye fortified settlement in the East. On such a map the Shepetovka fortified settlement appears at the western border of the territory. Archaeologists, meanwhile, note the existence within the outlined territory at the same time of other fortified settlements some with an arrangement of their fortifications which is not typical (fortified settlements of the Bolokhov type) and others with the usual arrangement found all over Russia. The appearance in this region of unusual fortified settlements is explained by scholars in various ways: one explanation implies that inhabitants of the steppes possibly left their homes to participate in the construction work. If there had been diverse ethnic groups making up the population, then this should have been reflected not only in the nature of the fortifications duly erected, but also in other elements of the local material culture. Certain "steppe" elements are to be observed in the

materials from the Shepetovka fortified settlement, but the degree to which the former steppe-dwellers had found their way into the population of the small town still needs to be ascertained.

Specialists have turned their attention on several occasions to the materials excavated in the fortified settlement. Some categories of finds, such as small stone icons for example, silver icons with niello decoration, bell fragments, bronze portable censers and reliquary-crosses were still being studied by experts and appearing in separate publications and summaries. Seventeen hoards of silver jewellery were published and also an assemblage of pilgrimage objects and lead seals unique for an Early Rus' town. Publications appeared devoted to defensive installations at the fortified settlement. Specialists in Kiev investigated techniques involved in the production of certain groups of items made of ferrous metal (knives, scissors, scythes and sickles).

Today the list of articles referring to the publication and analysis of the materials obtained through the excavations described above already exceeds 100 and these are to be found in the appendix with the bibliography. Yet the scattered nature of the published materials, and the haphazard and incomplete selection of their contents mean that they cannot provide an integrated picture of this site: this is also bound to give rise to a situation in which the interpretations of the town's history will be highly contradictory.

To this day a significant proportion of the materials from the excavations of the fortified settlement remains unknown even to specialists. These include some of the most important and mass-scale categories of finds from the fortified settlement: pottery vessels, items of weaponry and bone materials, which had been studied in detail as long ago as the 1960s. It is these studies which make up the core of this book. They are supplemented here by an article about items of fishing tackle which O. Ovsyannikov also wrote originally all those decades ago.

The results of the work carried out in those early years, despite the time gap, are of considerable interest for modern researchers working on medieval towns in general and, in particular, on the site of "Izyaslavl" and the surrounding region. These writings broaden the source base for our understanding of the economic, social and cultural life of the fortified settlement and provide the core of this book.

In addition to the investigations of medieval materials, the book also includes a short but very important survey article by Galina Romanova written in the 1980s and providing an idea of the revealing finds dating from the Late Roman period. Those finds bear witness to a very different era. Yet they also deserve the attention of specialists, since they constitute an integral part of the archaeological site in question.

The preparation of this book for publication proved possible thanks to the involvement of the authors, who have provided manuscripts and materials from their personal archives — A. Kirpichnikov, O. Ovsyannikov and G. Romanova. Work on this book was carried out with support of the Russian Foundation for Basic Research, Project № 18-09-00753 aimed at facilitating the broadest possible introduction of material from the excavations of the medieval fortified settlement near the village of Gorodishche not far from Shepetovka into the academic literature.

The preparation of the various texts for publication and commentaries on these were the work of Anna Peskova with the assistance of Kirill Mikhailov (working on the manuscripts of A. Kirpichnikov and O. Ovsyannikov) and Olga Shcheglova (working on the manuscript of G. Romanova), Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg. Most of the drawings of the finds were the work of the authors themselves and they were prepared for printing by Ekaterina Kononovich, while the plans were prepared for publication by Evgenia Nikitina. Wide use was made of photographs from the Photographic Department of the Academic Archive of the Institute for the History of Material Culture affiliated to the Russian Academy of Sciences: those of us preparing this publication should like to express

our gratitude to the staff of the above photographic department for their help in our work. Photographs were also made available from the personal archives of A. Kirpichnikov and M. Karger.

Late Roman layer of a medieval fortified settlement near the village of Gorodishche (G. A. Romanova)

While the medieval materials from the fortified settlement immediately attracted interest from the academic community, traces of an earlier settlement were almost lost in the mountain of medieval finds. The Late Roman part of the collection, however, is of major interest for researchers. After looking through the illustrations from the Mikhail Karger archive and the albums accompanying the annual reports about the excavations, on the basis of the inventories of materials from the fortified settlement and also the collection itself Galina Romanova attempted to reconstruct the types of dwellings in the early site (Fig. 1, 3: 1, 6), the territory they occupied and the arrangement of buildings within it. Finds of weapons, spurs and certain types of amphorae have not been examined in this article.

The bulk of the finds from the Late Roman period do not differ from the Early Rus' materials with regard to their stratigraphy and were recorded as having been found at a depth of between 20 and 60 cms below the modern ground surface. The clusters of pottery and other items from the Late Roman period within the territory of the fortified settlement make it possible to single out several assemblages from that time. One of them consists of three hand-moulded reconstructed vessels (Fig. 2). In another spot a fibula (Fig. 7: 4; Fig. 8: 3) was found with the pottery. A third assemblage consisted of collapsed material from the plaster covering of a dwelling (Fig. 3: 1), of which the north-western corner had survived, and more than 30 weights from a vertical loom and fragments of same (a total of 73 specimens) (Fig. 3: 2; 4).

In situations when a detailed inventory of finds has been compiled, it has proved possible to differentiate between the hand-moulded and wheel-made pottery (Fig. 2, 5). Within the *Detinets* (citadel) the pottery was concentrated in the southern and south-eastern parts of the area. The range of hand-moulded pottery included burnished fragments, some with a rough, uneven surface and others with indentations made using finger-nails. Within the territory of the suburban area ("*Posad*"), in its northern part, hand-moulded pottery from an early layer was found at all levels and throughout the river-bank zone of the settlement. Towards the South and West only isolated early finds were encountered. In the central part of the "*Posad*" clusters of pottery were recorded: one of these had been situated near the north-western part of the collapsed plaster from a mud structure over 24 metres long (Fig. 6).

The collection of artefacts and pottery from the early level of the settlement was clearly different from sites of the Chernyakhov culture in this area, in that there were distinctive vessel shapes in the assemblage of hand-moulded pottery. There are parallels for these shapes of hand-moulded pottery to be found in vessels of the Lubowidz and Cecele phases of the Wielbark Culture. Five hand-moulded and three wheel-turned vessels have been reconstructed (Fig. 2, 5). The fragments of wheel-turned burnished pottery and hand-moulded burnished pottery with indented geometric decoration — some of it consisting of indentations formed by finger-nails — and with the rough, uneven surface make it possible to classify the settlement at the village of Gorodishche as a site of the Wielbark Culture.

Ten specimens of fibulae (1 iron and 9 bronze items) were found in the fortified settlement (Fig. 7; 8; color photo 4: 1).

The earliest stage in the life of the settlement has been indicated by the find of a bronze fibula (A.126), which has lost its spring and pin (Fig. 12: 3; Colour plate 4: 1): it has been classified as belonging to the type of comb fibulae (period B2/C1 according to the Kazimierz Godłowski classification system, 1974). Another bronze fibula (A.178 — Fig. 12: 2) is of the same age or slightly more recent: it dates from the period C1a in general European chronology. Both items belong to the range of North-European fibulae. An iron hinged fibula with an arched back and a slightly widened foot of the Black-Sea/Danube region type (Fig. 7: 1; 8: 1) also dates, broadly speaking, from the C1 period. A bronze fibula decorated with rings of flat wire is also of North-European origin, but the period from which it might stem is of wider extent — from C1 to the end of C3 (Fig. 7: 2; 8: 2).

The spread of fibulae decorated with coils of notched wire and with a catch-plate that is triangular or rhomboid in section and has punched decoration on the back (4 bronze specimens) took place in the period C2 and C3 (Fig. 7: 3–6; 8: 3–5, 7) and they are associated with the Wielbark Culture.

Two bronze fibulae with facets on the back (Fig. 7: 7; 8: 6, 12: 1) are the latest types in the assemblage dating from Period C3. One of these measures over 8 cms in length (Fig. 12: 1) and possibly originated from the Baltic region: if so it could be assigned a date in Period C1. Starting out from the chronology of the fibulae found at the site, it would be possible to date the ancient settlement to a period from the end of the 2nd to the 4th century AD. In view of the fact that it has proved possible to date certain fibula types more accurately in recent years, it has now become clear that there were possibly two layers of antiquities in the materials at the fortified settlement near Shepetovka from the Late Roman period: an early one linked to the phase of European chronology classified as B2/C1 (end of the 2nd and beginning of the 3rd century) and a later one — disappearing by the 4th century — associated with the phase C2. The lack of reliable assemblages of materials, however, means that all that researchers can offer in this respect are suggestions.

Bone combs confirm the proposed date for the site: a one-part comb from the period B2/C1, Type 1 (Fig. 9: 6) and a triple-layered comb from the period C1/C3, Type I (according Thompson) (type I^{”B}” according Nikitina) (Fig. 9: 7). As in the situation with the fibulae and taking recent research into account, it can be said that the two combs from the collection under discussion represent both the earliest and the latest types of Velbar combs.

Two Roman denarii were discovered in the early level of the fortified settlement: a Titus denarius (79–82 AD) and a Marcus Aurelius one (minted in 145–160 AD) (Fig. 10). Among the fragments of glass vessels there are a few of Late Roman glass. A fragment from a phiale has survived which is decorated with polished ovals, circles, and indented lines (Fig. 12: 4). The phiale originated from the Cologne workshops, but it differs from other vessels of a similar kind manufactured in the Pontic region because of the better quality turning and the more complex decoration. It dates from the period C1/C2.

Parallels for the finds dating from the Late Roman period discovered during excavations of the fortified settlement are to be found, first and foremost, among German antiquities in Northern Europe. The type of buildings discovered within the territory of the suburb surrounding the citadel — the *Posad* — was widespread in settlements of the Chernyakhov culture. It is, however, the first time that such a long building of this type has been found — 24/26 metres. Parallels for dwellings of this kind have only been found in Northern Europe — at sites in Pomerania and the Jutland peninsula. Many features of the ancient settlement at the village of Gorodishche are to be found in sites already recorded in the literature: next to the village of Viknine (Cherkassy Region, Ukraine) and Lepesivka (Khmelnitsky Region, Ukraine). A distinguishing feature of

these settlements is the presence amongst vessels of Wielbark hand-moulded pottery, of items originating from Northern Europe and also items typical for the German tradition of long houses. All three of these settlements appeared no later than the beginning of the 3rd century AD and existed until the middle of the 4th century AD: in the late stage of their existence they were completely transformed into settlements of the Chernyakhov Culture.

Weaponry from medieval “Izyaslavl” (A. N. Kirpichnikov)

The author of this account Anatolii Kirpichnikov was a participant in the excavations of the fortified settlement near the village of Gorodishche (Shepetovka District, Khmelnytsky Region, Ukraine) — the “Izyaslavl” according to M. Karger, who headed the excavations during all the field seasons (1957–1964). Items found during the excavations of 1957–1962, were used, with the permission of M. Karger, in the doctoral thesis “Russian close-combat weapons of the 10th–13th centuries” (Kirpichnikov 1963). In that work some “Izyaslavl” items (but by no means all of them) were taken into account only statistically and therefore it cannot be considered as an investigation of the issue under discussion. All these items were subsequently included in the collected archaeological sources on Early Rus’ weapons (Kirpichnikov 1966; 1966a; 1971; 1973). A comprehensive and complete study of the weapons from the Early Rus’ site “Izyaslavl”, written in 1966–1967 but not published at that time for reasons beyond the author’s control, is today being presented to readers for the first time. The drawings for this section were made by A. Kirpichnikov and their digital processing was carried out by E. Kononovich. Photographs: Photographic Department in the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture.

Introduction

The collection of military antiquities discovered during the excavations of the fortified settlement occupies a special place among the materials relating to the history of Early Rus’ weapons on account of its size and completeness. The relatively short duration of the town’s existence, its catastrophic destruction and the archaeological clearing of the entire area of the settlement — taken together — created special conditions for the comprehensive study of the material culture of medieval “Izyaslavl”, including its military significance. A total of 1.500 metal objects relating to military activity were discovered: they make up one of the most significant and striking categories of finds from the settlement. As far as we know, the number of weapons from the 12th and 13th centuries make medieval “Izyaslavl” the outstanding phenomenon among similar sites in Early Rus’ and Central and Western Europe of that period. The horsemen’s weapons and equipment found in the fortified settlement can be expressed in the following figures: spearheads — 2, battle-axes — 12, sword blades, some with handles — 4, sword pommels — 3, cross-guards from swords — 4, terminals from sword sheaths — 14, part of a sabre blade with a handle — 1, sabre blades (fragments) — 3, sabre pommels — 4, cross-guards from sabres — 13, cuffs for fastening the upper part of a blade to a cross-guard — 3, rings from sabre sheaths — 3, rods for fixing rings to sheaths — 9, terminals from sabre sheaths — 3, dagger — 1, maces (bronze and iron) — 22, bronze, iron, bone and stone bludgeons — 9, iron arrowheads 977, arrowheads from bone arrows — 17, bone facing for a bow handle — 1, bone loop from a quiver — 1, ring for drawing a bowstring — 1, terminals of crossbow bolts — 17, hook for tightening/tensioning a crossbow — 1, helmets — 2, face-shield mask — 1, shirt of mail — 1, chain mail pieces — 10, spurs — 280, stirrups — 44, bone and bronze pommels for whips — 3.

The above list shows that most of the military finds were not single items. They happened to be scattered randomly throughout the whole area of the settlement. Neither the central *Detinets* (citadel) nor the adjoining territory (“*Posad*”) stood out sharply, as regards the range of types of weapons found. It was not, as a rule, possible to associate the military finds with specific dwellings, warehouses or production premises, with the exception of the storerooms. All the whole swords, terminals of sword sheaths as well as spears, crossbow bolts, pairs of spurs, some maces, bludgeons and many arrows were found in the area of defensive installations.

The items found do not — and did not — constitute a complete urban arsenal and this can be explained by the circumstances of a military catastrophe. Some of the weapons remaining after the battle could have become trophies for the attackers and some could have been used by those who later cleared the surface of the town area. For the most part, archaeologists obtained broken items or those, which had accidentally survived in the ruins and rubble of the buildings. Some objects were damaged at the time of the battle and the fire. Some of the scrap metal and the fighting can, perhaps, be dated not to the time of the destruction of the town and fighting in subsequent centuries, but to the period of peaceful life before 1241. These items show signs of having been well-used, worn or damaged and sometimes they were whole parts of objects or production waste. Many of them were no longer being used at the time of the siege and we should exclude them when determining the number of the military personnel locally available in 1241. Taking into account the reservations outlined above, it would have been possible to arm about 35–40 people with the close-combat weapons (spears, swords, maces, bludgeons and axes) which have come down to us. Judging by the number of intact spurs, the number of professional mounted warriors could have been 100–150, which in relation to the total population is 3–5 %. Due to the emergency situation, along with mounted members of the town’s militia, it is most likely that ordinary infantrymen and citizen soldiers, who had no spurs, also participated in the defence of “Izyaslavl”. Whatever the strength of the townspeople, they numbered at most a few hundred and would have been unable to resist the large Mongol horde for long. Let us now proceed directly to the survey of the archaeological material.

Weapons from the late Roman period

A distant predecessor of “Izyaslavl” was the settlement dating from the first centuries AD located in the same area. Among the weapons of the large fortified settlement, a number of weapon forms from that period have been identified (*Fig. 1*). All of them were found re-deposited in the same layer as objects of the 12th–13th centuries. The weapons of the Roman period number among rare finds in Eastern Europe. The closest parallels to these finds were discovered in the distribution area of the Pshevor Culture and they relate to the Late Roman period — more precisely to the 3rd century AD. There is, of course, no direct link between them and the history of Russian technical advances.

Medieval weapons

Spears

Spearheads (40 specimens) are near the top of the list with regard to quantity (Table I). Spears were, apparently, the most popular and widespread weapons used for close combat, which met most adequately the requirements of military practice in the 12th–13th centuries. Among the spears the lightest and most manoeuvrable ones were pikes (Type I, 29 specimens) (*Fig. 2*; 3: 2–3, 5–6, 9). They served as a specialized weapon for cavalry combat and were designed to pierce armour. Pikes were widely used in Early Rus’, especially in the 12th and early-13th centuries

in areas close to the steppes peopled by nomads. In the towns of Southern Rus' pikes invariably outnumbered spearheads of other shapes. Spears of elongated triangular shape could serve both for combat and hunting. They are divided into three varieties: Type II, four specimens; Type IIA, two specimens; Type IIB, one specimen (*Fig. 2; 3: 1, 4, 7–8*). While the first two varieties are found in towns and villages, the third is typical for castles, residences of feudal lords and burials of warriors. Consequently, we are talking here about military weapons adapted from universal weapons. The heavy bear-spear with a spearhead in the shape of a bay-leaf and with a faceted sleeve (Type III, one specimen, bent in a fire) stands out among the finds from the Gorodishche site (*Fig. 2; 3: 1*). The bear-spear was an innovation of the 12th century and the only type of spear mentioned in the chronicles as a weapon of war, but it was also used for hunting large beasts. Thus, the entire range of piercing weapons indicates the presence of horsemen in the settlement, primarily warriors and then hunters.

Battle-axes

The twelve battle-axes found at the site should be classified mainly as infantry weapons (Table II). Only one of the items — a mint-hatchet — specially designed for combat, could be used for equestrian warfare (Type I) (*Fig. 4; 5: 4*). Axes with a “beard-shaped” or elongated blade, widening slightly towards the edge, were a universal field and combat weapon (Type II — 6 specimens and Type III — 5 specimens) (*Fig. 4; 5: 1–3*). The axes of both the above-mentioned types repeated completely the shapes of working axes, which are widely represented among the finds from the Gorodishche site but are smaller and lighter than the latter and have a hole in the blade intended for attaching their cover. The fact that the universal and production axes from the Gorodishche site have been fashioned identically would indicate that they had both been made locally. In general the battle-axes found at “Izyaslavl” represent the three main forms of this weapon, associated typologically to some extent with working examples (for Types II and III), which were widespread in the 12th and 13th centuries throughout the territory of Early Rus'.

Swords

The number of sabres, judging by the fragments of blades and cross-guards found separately, the minimum number of swords that existed beyond doubt in “Izyaslavl” was eight. If we take into account the sheath terminals numbering at least 14 (9 of which are fragmentary), then the possible number of blades corresponding to those terminals could be increased to 10 or 12. The fragmentary nature of the material and its incompleteness oblige us to discuss not only whole specimens, but also their parts: blades, pommels, cross-guards and also sheath terminals (Table III; *Figs. 8, 9*). The four surviving blades had been exposed to fire and they are bent and broken, but they are perfectly adequate for study and can be compared with each other. Three of the blades still have a handle or their handles can be reconstructed on the basis of their remains (*Fig. 6: 1, 3; 7: 1, 3*). The handle of the fourth sword is either completely missing or it must have been made of organic material (bone, wood or leather) and not have survived for that reason. Examination of the swords from the Gorodishche site revealed the existence of two sets of sword parts different in shape and origin. What is relevant here is not where specific objects were manufactured but the areas in which the types themselves came into being. In addition to blades, knights' swords (*Fig. 6: 2, 3; 7: 2, 3*) throughout Europe also included: disk-shaped pommels (Type III, 3 specimens) (*Fig. 8*), cross-guards (Types II and III, 5 specimens) (*Fig. 8*), U-shaped iron sheath terminals (Type II, at least 14 specimens) (*Fig. 8; 9: 5–6*). On one of the

blades after mechanical cleaning of the surface, there appeared on one of its sides the Latin inscription SNEX NEX. NEX. NS inlaid with yellow metal and, on the other side, what seemed to be a depiction of a sphere and a cross (Fig. 6: 2; 7: 2). In the groove along the blade of another sword from “Izyaslavl” the remains of a gold inlaid figure – apparently a cross (Fig. 6: 3) – were found. Swords of the 12th–13th centuries, the distribution of which is confined to Eastern Europe, include, in addition to a sword with a three-part pommel — Type II (Fig. 6: 1; 7: 1), two bronze five-part pommels of Type I (Fig. 8; 9: 1–2), a bronze slightly curved cross-guard of Type I and also two decorated bronze sheath terminals of Type I (Fig. 8; 9: 5, 6).

Sabres

The number of sabres, judging by the fragments of blades and cross-guards, was approaching 14, i.e. almost twice as many as the firmly established number of swords found at the Gorodishche site. The general predominance of sabres over swords is evidently typical of “Izyaslavl” as a town of Southern Rus’, close to the steppes. There were probably more than 8 swords in “Izyaslavl”, as mentioned above, and also sabre cross-guards (13 specimens), which were mainly used for counting purposes and did not always match their blades. All the sabre *полосы* (4 specimens) came down to us in a broken state (Fig. 10). One blade had survived with its pommel, one bracket from which it could be suspended and the terminal of its sheath (Fig. 10: 2; 11).

Also relating to sabre blades were three cuffs, attached to the ephesus and providing supports for the cross-guards (Fig. 12, bottom row, central depiction). “Izyaslavl” is to date the only place where all cross-guard shapes have been found which have been recorded in Rus’ of the 12th and 13th centuries (Fig. 12, middle row, Table IV). Cross-guards were the most flexible element in the structure of a sabre. All the other parts were far more stable. This would apply to the five pommels (Type I) (Fig. 12, top row) and the three sheath terminals (Fig. 12, bottom row, right depiction). Decoration was confined only to copper-plating of the surface (there are also indications that there could have been similar decoration on some of the cross-guards) or figured carving of edges. The rings (3 specimens) found at the site related to the sheaths, as did the special rods with ends bent at right angles (9 specimens) making possible the fixed fastening of the rings to the wooden base of the sheath (Fig. 12, bottom row, middle depiction). The final item in the gallery of cold weapons from “Izyaslavl” is a rare double-bladed dagger (Fig. 13) not typical for the period.

Maces

Impact weapons are represented by specimens of almost all of the types which had existed in Early Rus’ of the 12th and 13th centuries. The most widespread category of finds is that of iron maces in the shape of a cube with truncated corners (Type I — 14 specimens) (Fig. 14; 15: 1–2) and there is one iron pommel with eight smoothly protruding convex facets (Type IV) (Fig. 14; 15: 6). There is no doubt that they belong to the category of weapons used by the common people. Wealthy men-at-arms probably preferred more elegant and finely decorated bronze pommels with eight or twelve pyramid-shaped spikes (Type II — 2 specimens; Type III — 3 specimens) (Fig. 14; 15: 4). All the castings which have been found differed in their details, which means that they must have been made using different moulds and perhaps in different workshops. Regardless of where the “Izyaslavl” bronze maces were made, whether they were imported items or copies of the latter, they reflect the influence of Kievan craftsmen and characterize Russian serial casting and the distribution of its finished products.

Bludgeons

All the bludgeons found at the site can be divided into three types, between which there is not always a clear-cut difference (Fig. 14; 15: 7–12, Table V). The most numerous are bronze and iron weights round in shape (Type I — 5 specimens) (Fig. 14; 15: 7–9). They have a number of approximate parallels among Early Rus' objects, but the bronze and iron flattened weights of angular outline and with elongated loops (Type II — 2 specimens) have not so far been found anywhere else and were evidently made locally (Fig. 14; 15: 10–11). Isolated finds are the decorated bone and slate ovoid bludgeons (Type III) (Fig. 14; 15: 12). In general, the local character of many of the bludgeons from the Gorodishche site, particularly those with the elongated loop rare among 13th century finds, is difficult to deny.

Bows and arrows

When turning to weapons for long-range combat, it should be noted that bone objects were found at “Izyaslavl” which were typical parts of an East-European complex bow: a medial overlay from a bow handle, a loop for the quiver and a ring for pulling back the string. These items match up well with the shapes widespread in Early Rus'. The Mongols either did not leave their weapons behind in “Izyaslavl” or we are unable to identify them as they are so similar to those of Early Rus'. Arrowheads, however, are an exception to this rule. Approximately two thirds of all the arrowheads found were concentrated near the gate-tower of the “Posad”. In view of the fact that the arrows — judging by their distribution within the cultural layer — had not constituted some kind of stockpile for the defenders of the town and had not come from abandoned quivers, but had been lying in the upper part of the layer together with remnants of burnt wood, charcoal and stoves, were burnt and, in some cases, bent and had been found where the medieval entrance had been, against which the Mongols would usually focus their attack when seizing a Russian town, it can be assumed that they had been shot by the enemy towards the walls of the town, in other words that they were Tatar arrows. Arrowheads similar to those found by the gate were also discovered inside the territory of the town, including the *Detinets* (citadel). A reliable criterion for deciding whether arrows found at Gorodishche had been Mongol ones (apart from the topography of the finds) can be gleaned from their repeated distortion and its position, which indicate how far the arrows were able to penetrate into the structure of the wall. Of the 977 arrows found at the site 157 were bent (all incidentally in the gate area) and 144 of the arrowheads had a blade bent in one and the same place and frequent traces of burning (Figs. 16–17). The damaged arrows at Gorodishche are of types which account for 748 of the arrowheads and virtually all the assault arrows discovered (Figs. 16–17, Table VI). Yet, it is important to remember that one and the same types of arrowheads were used by both the Russians and the Tatar-Mongols: differences, if they existed, were only to be observed in minor structural details. Among the arrowheads found at “Izyaslavl” there were Russian ones as well. An example of these is provided by some arrows from one and the same quiver which had all been burned into a single mass (Fig. 18). It proved possible to separate out these arrows and it emerged that, although they were similar to those, which we should like to refer to as Mongol, they differed from the latter both in their proportions and in the outlines of their plumage. The total numbers of arrow-heads found at “Izyaslavl” were 977 made of iron and 17 bone ones. On the basis of their shape and other features they have been divided up into ten main types (I–X, including variants) and four rare ones (XI–XIV): finally there are two types (A and B) which take into account the bone arrowheads (Fig. 19, Table VII). According to their ethno-geographic characteristics, arrowheads of types IA, II, IIB, XII — possibly Type A — and some arrowheads of Types I, IIA, III, IV, V, VI and VIII

(Table VIII) have been classified as specifically Mongol or Asian. All the listed shapes have either been borrowed unchanged from Asia (sometimes in Eastern Europe as well) or were modified somewhat for specific military tasks (Types I, II, IV). Types IB, VI and VII have been classified as Russian and some arrowheads of Types I, IIA, III, IV, V, VA, VB, VIII, IX, XI and B. Many of the arrows concerned are ones typically used by hunters (Types V–IX, XI and B) and would have been commonplace for the settled farming population. Attention should also be drawn to arrows of a type which would have been unfamiliar to the Tatar-Mongols as they originated from western parts of Early Rus' and Western Europe (Types X, XIII and XIV).

Most of the arrowheads found at the site were obviously those designed for combat (in "Izyaslavl" Types I–IV, X and A — a total of at least 775 specimens), which can cause great damage and penetrate deeply. Precisely these combat types of arrow are those constituting the largest series of identical shapes. This was an example of mass-produced arrows which — to judge from the available evidence — were manufactured over a short period of time by professional armourers. The arrows from Gorodishche demonstrate an impressive range of shapes and functions. For the production of arrows there obviously existed well-developed specialization. Archer warriors and huntsmen would have had in their quivers and would have used a range of different arrows. The range of arrow shapes would have been typical for the 13th century (Types IA, II, IIB, VA, X, A and to a lesser extent Types I, VI and IX). A sign of the 13th century is the widespread use of armour-piercing arrows, narrow-blade cutters, arrows with chisel-heads and lance-shaped arrowheads. In short, the wide range of arrows used at "Izyaslavl" was in step with the technical experiments and innovations of those times.

Crossbows

Among the mass of arrows found at the Gorodishche site there were 17 crossbow bolts of three different types (Type I — 11 specimens; Type II — 5 specimens; Type III — 1 specimen) (Fig. 21; Table IX). Another pointer to the presence of the crossbow is an iron belt-hook for drawing the bow-string (Fig. 21, right; 22). The "Izyaslavl" belt-hook is a technical innovation dating approximately from the first half of the 13th century and the earliest drawing device for use with a cross-bow which has come down to us from the medieval period in Europe. The "Izyaslavl" drawing hook is unique among European, including Russian, antiquities from the Early Medieval period.

Chain-mail armour and helmets

Defensive armour is represented by ten pieces of chain mail and one complete suit of chain mail (albeit in a fragmentary state), two helmets and a face-shield mask (also in a fragmentary state). The chain mail 'woven together' from flat rings consists of fragments damaged in the flames of battle and melted together forming a hard mass incorporating earth, bones etc. (Fig. 23). Both the helmets have come down to us in pieces as well: one of them is complete with a half-mask and a beak-shaped nose-guard (Figs. 24, 25), while only random plates have survived from the other. Both helmets originally belonged to dome-shaped combat head-covers, which were invented and used in Early Rus' during the last century prior to the Mongol invasion. A particularly interesting find is the face-shield used in conjunction with a helmet — a mask that served as a visor (Fig. 26). The question as to its origin remains controversial. In general the range of defensive armour found at Gorodishche testifies to the fact that there were prosperous heavily-armed warriors in the town equipped for the specific conditions pertaining to military combat in the 13th century, a time when armour protected the bodies of those wearing it more thoroughly and reliably.

Bits and horse-shoes

Both individual items of weaponry and everything that is associated with the equipment of a war horse bear witness to the existence of a detachment of armed cavalry in “Izyaslavl” — bits, horse-shoes, currycombs, girth buckles which were used for both peace-time and military activities. We shall confine ourselves here to short comments relating to bits and horse-shoes. A total of 193 intact (15 specimens) and broken bits were found — all of the same type — common for the whole of the Early Medieval period, 32 horse-shoes (only one was intact) and many horse-shoe nails. The horse-shoes varied in size but were of the same type: a laminar semi-circle with spikes at the ends, a wavy outside edge and six (less frequently eight) holes punched through it for nails (*Fig. 27: 1–7*). The military purpose of these Early Medieval horse-shoes is open to debate.

Spurs

Medieval spurs indicated the presence of mounted warriors organized along feudal lines: they were a sign of knightly rank and status. At no other medieval site in Europe have so many spurs dating from more or less the same period been found as in “Izyaslavl” (270 specimens). The identified types of spurs from Gorodishche (*Fig. 28; 29, Table X*) bear witness to the fact that their owners were acquainted with the most up-to-date European technical innovations. Moreover, a number of spur shapes were even recorded in “Izyaslavl” earlier than in West-European castles (Types III, V, and to some extent IVA). The diverse range of spurs indicates well-developed specialization and adaptation for a lightly or heavily armed horseman (Types II and III). The collection of “Izyaslavl” spurs indicates the high degree of military culture achieved by urban mounted militias.

Whips

In “Izyaslavl” one bronze and two bone whip terminals have been found (*Fig. 30*). Similar items have been found occasionally in other Russian towns, such as Novgorod, and in nomads’ burial mounds of the 12th–13th centuries. The whips in question here are used to control a horse “eastern style” without resorting to spurs. This method of riding “eastern style” was introduced into Early Rus’ by neighbours from the steppes and became particularly widespread in the post-Mongol period. In places it has survived to this day.

Stirrups

Like spurs, stirrups were an essential prerequisite for a mounted warrior. Like spurs again, they varied in their structure according to the various tactical purposes for which they were designed and so for a particular group within a military force (*Fig. 31; 32, Table XI*). Heavily-armed warriors would most probably have used stirrups with a straight or slightly concave tread and an arched frame with a rectangular and trapezoid ridge for the loop (Type I — 15 specimens). Stirrups of the type under consideration can be traced back to shapes dating from the 10th–11th centuries but in the 12th and early-13th century they were a characteristic and distinct feature of East-European and Russian antiquities. Closely related to those shapes were stirrups with a straight tread and a frame in the shape of a rounded triangle (Type IA — 2 specimens), which were fairly widespread and easy to manufacture, making them popular in Europe for at least 200 years. Ring-shaped stirrups, which were lighter than all other forms (Type II — 26 specimens) date from the late-12th and early-13th century. The fact that a combination of different types was found at the Gorodishche site indicates that the different shapes were not just

the result of passing fashions but linked to tactical requirements, which brought local Russian features into line with international ones.

Conclusions

The “Izyaslavl” arsenal, despite its incomplete and somewhat random nature, can be assessed as typical for a town of Early Rus’ and for its times. It enables us to form a general picture of the state and evolution of weaponry in the 12th–13th centuries. It sheds light on the rapid advance of technical innovations and their active introduction. Many of the objects found were relatively new and linked to the evolution of European and Asian weapons in the period 1150–1250. Examples of these advances were the bear-spears (12th and early-13th century), disk-shaped sword pommels with carved edges (post 1180), cross-guards of Romanesque swords (mainly between 1200 and 1270), a series of sabre guards (early-13th century), maces with a short protruding beak-shaped bar (‘trunk’), which has fan-shaped facets on its knob terminal (early-13th century), certain bludgeons with a long loop (early-13th century), arrows with an elongated triangular blade and rectangular ridges forming their ‘shoulders’ and armour-piercing tanged arrow-heads (neither of these can be assigned a date earlier than the 13th century), pike-shaped crossbow bolts (evidently of a date no earlier than the 1230s), a belt hook for tightening the string of a crossbow (early-13th century), a helmet with a half-mask (1150–1250), a mask attached to a helmet and wide flat chain-mail rings (early-13th century), spurs in the shape of a letter Z in profile and a wide laminar cuff (1200–1250), wheel spurs (1230s), ring-shaped stirrups, ring-shaped stirrups with a keel-shaped arch (1150–1250). Almost all the identified technical innovations date from the first half of the 13th century. In “Izyaslavl” innovatory weapons were found which would be important throughout Rus’ and Europe: the tightener hook for crossbows, maces with a beak-shaped hook, pike-shaped crossbow bolts, Z-shaped spurs with a laminar cuff and a small wheel. Some of these innovations were recorded in “Izyaslavl” earlier than anywhere else. The town was the place where, in the wake of an attack, Asian-Mongol, Russian and West-European arrows were found mixed up together. The proximity of the steppe serves to explain the popularity of the sabre and the presence of certain forms of equipment for the mounted warrior – stirrups and whips. Yet, in the main, “Izyaslavl” represents not eastern traditions of weaponry or those of nomads, but European ones. In general, the finds from Gorodishche constitute an original technical ‘beacon’ in the history of Russian and Romanesque weaponry, setting standards from the chronological, typological and tactical points of view. The weapons found at Gorodishche fall into one of two groups as regards their form, structure and weight. The light pike and the massive bear spear, the mint-hatchet and the heavier infantry axe, the lighter East-European sword and the heavier Romanesque one, light and heavy sabres, arrows and bolts, light and heavier spurs and stirrups — such is the gallery of the contrasting weapons. This combination of items of so many different kinds, although all with a combat purpose, can be explained by the very different demands made on Russian fighting men, who were up against both galloping steppe-dwellers and also European knights weighed down by heavy armour. The various types of weapon found testify to the different tactics required of Russians in combat and the distinct groups of fighting men needing different varieties of equipment ranging from that of lightly armed bowmen and heavily-armed warriors wielding lances.

In “Izyaslavl” weapons were discovered which had clearly belonged to a well-organized militia: pikes, mint-hatchets, sabres, swords, bludgeons, spurs, stirrups, remains of chain mail and helmets. At the same time some of the spears, axes, maces and crossbow bolts tell us about the

equipment used by the infantry and members of the citizens' militia. The predominant force was that of the mounted warriors — archers and men armed with lances. Among the finds from Gorodishche there were some which must have been intended for children given their smaller than normal size (1 pike, 2 sabre cross-guards, 3 arrows, 7 spurs, 1 stirrup). This indicates that in "Izyaslavl" there must have been an establishment providing military training for the children of the men from the militia.

In short the combat equipment used by the men of "Izyaslavl" indicates that its population constituted an advanced feudal society with a fighting force of men with specialist skills for the use of a range of weapons and with experience in training horses for combat. To judge by the weapons found, the various strata and groups to be expected within a well-developed early-medieval militia defending a well-established feudal society were all represented in "Izyaslavl". It would seem to us that this is a key element which needs to be borne in mind when the type of the "Izyaslavl" settlement is being defined together with the socio-economic nature of its population.

Pottery from medieval "Izyaslavl" (An attempt to classify the clay vessels from a medieval Rus' town) (O. V. Ovsyannikov)

The section was written by Oleg Ovsyannikov, who took part in the 1957 excavations as a student and again in 1962–1964, as a laboratory assistant in the Slavonic and Finnish Archaeology Group at the Leningrad Department of the Institute of Archaeology affiliated to the USSR Academy of Sciences. The pottery from "Izyaslavl" was his main preoccupation in 1962–1967. This section of the publication is an extended essay on the unique pottery collection, which includes approximately 300 whole vessels — a collection from a town in which archaeological investigations have been completed (*Fig. 1*). The dramatic and sudden end of the settlement meant that researchers had the chance to identify and analyse the complete range of clay vessels from the mid-13th century found at this site, thus shedding light on the culture of its everyday life.

The pottery items found in medieval "Izyaslavl" were examined in the following groups.

Pots make up the majority of the pottery artefacts (over 90 %), which total 19,500 fragments. Complete vessels were the subject of detailed analysis, as were the more intact of the fragments. They were subdivided into two groups: pots, which can be classified as "ordinary" ones from the pre-Mongol era with a sloping, straight or oval neck and an out-turned rim (Group 1) and pots with a cylindrical neck, which either narrows or, on the contrary, widens out (Group 2). The rim was the basic feature taken into consideration for the classification of Group 1 pots: Type I — 12.9 %, Type II — 8.8 %, Type III — 15.4 %, Type IV — 29 %, Type V — 3.7 % and Type VI — 23.8 % (*Fig. 7–15*). The first two types (I–II) were general East-European or Early Rus' types. Most of the parallels for Types IV, V and VI came from the Galicia-Volhynia Lands.

Group 2 was made up of pot-like vessels with a cylindrical neck, clearly marked off from the body (184 rim fragments). Within the territory of Early Rus' they are not encountered in large quantities. They have a good deal in common with vessels from Group I: the composition of the clay used, the nature of the firing, the decoration and profile of the body. What separates the two groups is only the way their upper part is fashioned. Four types of rims can be distinguished among the vessels of Group II (*Fig. 17–18*). The first three rim types account for most of the

vessels. The vessels of this appearance occupy a transitional possession between pots and various varieties of jug-shaped vessels.

Ceramic containers are represented by vessels designated for the storage of various liquid and loose products and for their transportation. Jugs make up a small group of the “Izyaslavl” pottery articles: three hand-moulded jugs and 50 neck fragments (Color photo 1, fig. 19). Approximately a third of these vessels was found in the citadel and two thirds in the settlement around it.

All the jugs stood out from the rest of the pottery from medieval “Izyaslavl”, because they had been more carefully finished and were richly decorated. Four different types of jugs stood out from each other and most of them had been made by local potters.

The vessels with a cylindrical neck and a ridge on the neck formed a distinct group (9 complete vessels and 545 fragments (Fig. 20; 21). These precisely fashioned jug-shaped vessels with a carefully worked surface were in most cases covered with a pale slip and richly decorated. Sometimes the ridge was decorated as well. Despite the varying sizes of the vessel, traces of standardization were clearly visible. On the basis of the neck shape, certain variants could be singled out: vessels with a vertical neck, with a neck sloping slightly inwards (slightly conical) and a neck widening out towards the top. There were four types of rims found in conjunction with various neck types. This pottery was produced locally and it was typical for the Galicia-Volhynia Lands.

The vessels with a cylindrical neck and loops were few in number (7 complete vessels, 8 large fragment and 37 loops). Most of the specimens were covered with slip which, as a rule, was white. All the vessels were decorated (Fig. 22; 23). Two variants could be identified on the basis of the body shape. They were widespread in the Kiev Lands and to the west of Kiev.

Small jug-shaped vessels with a narrow neck and a wide flaring rim (“lahen” or “bottle-shaped”) were represented by 23 complete vessels and 32 fragments (Fig. 24–27). Among these it was possible to single out sub-types or variants, but the similar overall shape, method of manufacture and functional purpose make it possible to examine them together as a single group. A special feature of their shape is their narrow neck with a wide out-turned rim (the diameter of the neck was almost always half that of the widest part of the body), thick walls and an asymmetrical body. The lower part of these vessels was usually large and heavy. The group can be sub-divided into two: Subgroup I — vessels with cup-like rims; Subgroup II — vessels with a funnel-shaped rim. They too were typical for the western lands of Early Rus’.

Large pithos-shaped vessels for storage (*korchagi*) with a fairly narrow neck and a high conical body were represented by 238 fragments. It proved possible to restore completely only two of these vessels (Fig. 28–29). The upper part of the vessel would be covered with decoration — sometimes a large part of the body and the ridge — and a considerable proportion of the fragments was covered with slip. Large vessels of this kind would appear to have been made from three large strips of clay. The ridge on the body of some of these vessels covered the lower join and served as a kind of clay hoop.

A total of 750 amphora fragments, similar to those from the Byzantine range, were found, one complete amphora and a large part of another amphora (Fig. 30–31; color photo 2; 4: 4). It was possible to identify five types of these vessels and on some of the specimens there were graffiti and dipinti.

Type I (5 fragments) (Fig. 30: 4). The clay was of a light-red shade and the quality of the clay and the firing were good. The clay was homogenous and without any conspicuous admixtures. The main features were the following: a clearly defined neck which rose up to the level where the upper end of the handles and the small rim join together to form a flattened ridge. The handles are

small, flattened and in the shape of brackets. They could have a small degree of relief work in section. The body of the vessel, to judge from the available wall fragments, was covered with fluting.

Type II (135 fragments) was represented by pear-shaped, slightly elongated vessels with large handles, which were oval or almost circular in section and raised high above the neck (*Fig. 30: 3*). At the top of the neck there was a not very prominent rim, which was slightly out-turned. The walls of the amphorae were thick large and covered with deep fluting. The surface of the amphorae was often covered with a pale slip. The clay of the vessels was red, sometimes with a raspberry tinge, and it contained visible organic admixtures: sometimes these would be complete with a whitish mineral admixture — that of lime.

Type III (597 fragments and one complete vessel) consisted of vessels with a pear-shaped body and sides which widened out towards the top (*Fig. 31; color photo 2 (?)*). The composition of the clay was of good quality and the vessel was evenly fired. A large proportion of the fragments was covered with slip. The walls were thinner than those of Type II vessels. The handles — oval or slightly flattened in section — were raised high above the neck. In this group there were more fragments with graffiti and three fragments bore markings — dipinti.

Type IV (11 fragments) differs from the rest of the amphora material as regards the quality of the clay (the clay contains a significant share of limestone by way of admixture, used as a thickener), its uneven firing (the clay was red along the edges and dark-grey in the middle) and the shape of the handles, which had a rather intricate figured profile in section (*Fig. 30: 1*).

Type V (2 fragments) is represented by small amphoriskoi approximately 14 cms high with a maximum body diameter of 10 cms. These small vessels are pear-shaped and elongated. They are covered with fluting. Of all the amphorae found within the fortified town and then duly examined they stand out as having been manufactured from low-quality clay (inside breaks in the sherds the clay is grey-red in colour and porous: there is a large amount of quartz and limestone admixtures and the firing is uneven) (*Fig. 30: 2*).

A large proportion of the amphora material at this site is from amphorae of Type III and the next largest group is that of Type II vessels. Types I and IV are only represented by isolated fragments. In the citadel only two types of vessels have been recorded — Types II and III, while in the surrounding suburb all amphora types are represented. These finds reflect the intensive economic links which the town enjoyed.

Clay lids also make up quite a significant proportion of the pottery items — 185 complete specimens and fragments. Typologically they can be divided into three groups: flat cylindrical lids (89 specimens), conical and semi-spherical lids (92 fragments) and lids resembling up-turned bowls (3 fragments) (*Fig. 32; 33*).

Six complete small scoops were found in “Izyaslavl” and also 26 wall fragments with handles and 108 handle fragments (*Fig. 34*). These are small vessels of a squat shape and, as a rule, with one handle. They were made of grey or reddish clay. As thickeners, quartz and lime were added to the clay and, less frequently, mica. A large quantity of the scoops had been covered in slip, which was usually white but only rarely decorated. It is possible to single out variants of these items.

Miniature bowls resemble the main variants of scoops and have similar rim variants. There are 32 complete vessels of this kind, including large fragments amounting to more than half an original vessel (*Fig. 34*). There are few decorated vessels among them.

The collection of stamps on vessel bases is large — 292 stamps all together. As at other sites, the percentage of stamped vessels is very small, which makes the hypothesis that stamps reflected

who owned or manufactured vessels far from likely. The stamps can be divided into 19 groups (Fig. 35). Quite a large number of the stamps (68 specimens) turned out to be difficult to define, so they could not be allocated to any of the groups. Almost half of the stamps consisted of the drawing of a circle, or a circle with certain additions (a cross inside a circle, a 'sun' and so on). As regards other drawings, crosses of various kinds were the ones which predominated. Various signs associated with the dynasty of Rurikids were only found on 9 occasions. Stamps with drawings of a circle and a cross are to be observed in territories of the Western Slavs, which makes it possible to talk of a local group of Galician-Volhynian stamps. Territorial features of stamped vessels mainly manifest themselves not in the drawings but in the numerical correlations between the stamp types.

There was little glazed pottery: it was represented by 8 complete vessels and 17 fragments with monochrome glaze — green, yellow or brown in colour (Fig. 37; color photo 3). Glazed table-ware was to be found in the form of miniature jars and jugs (21 examples — both complete vessels and fragments) and it was usually made of red clay — sometimes with the addition of sand — and evenly fired. It is possible that the items had been designed to hold cosmetics or as children's toys. The fragments of the larger vessels designed as tableware were not numerous. Miniature glazed vessels could have been of local production, while the tableware consisting of glazed pottery could have been made in Kievan workshops.

Painted pottery is only represented by two shreds from a single vessel. The clay has been fired unevenly and quartz and lime admixtures have been used as thickeners. The overall background of the front surface of the sherds is white, consisting of a slip, and has been thoroughly burnished. Against this background a stripe of plant (?) pattern has been applied in thick brown paint (color photo 4: 2–3).

Local vessels were manufactured on various kinds of potter's wheels with an axis that was sometimes fixed and sometimes moveable, sometimes using flat or convex discs and sometimes with stamps already cut out. The diverse nature of the traces on the bases of the vessels indicates the variety of technical methods used by the potters. The poor quality of the clay was the result of its brief and not very thorough preparation. Elutriation was only used for certain groups of "Izyaslavl" vessels.

Decorative patterns were applied carelessly. Slip was often applied: it was usually white and used for 65–70 % of all the vessels produced. The outer surface of the vessels bore slip applied over their whole surface. There are no data making it possible to mention craftsmen or pottery workshops with a style all of their own, yet we can speak of standardization for this pottery production as a whole.

The unusual character of the pottery assemblage from medieval "Izyaslavl" can to a large extent be explained by its geographical position. This small town situated almost on the border between the Volhynian and the Kievan lands, must undoubtedly have experienced the influence of the cultural traditions of both Kiev — on account of the glazed and painted pottery items it imported which would have been manufactured using complex techniques — and also those of the Galician and Volhynian lands and the western world beyond.

General East-European or Early Rus' traditions come to the fore most clearly in the mass-scale production — pots with rims of Types I and II (21.7 %), but pots of the Galician-Volhynian types (together accounting for 52.8 %), which exhibit some parallels with production of the Western Slavs, predominate. The jug-shaped vessels which have a cylindrical neck with a ridge on it are also typical for Galicia-Volhynia. Western traditions found expression in the production of vessels such as the small jugs with a narrow neck and a wide out-turned rim and also in the wide distribution of pottery lids.

Fishing Equipment from the medieval fortified settlement of “Izyaslavl” (O. V. Ovsyannikov)

This section was also written by Oleg Ovsyannikov. Among the numerous items found in the fortified settlement of medieval “Izyaslavl” used by the inhabitants to ply their trades, the fishing equipment items form quite an interesting collection. The range of these tools is the same as at the other medieval Rus’ sites from that period which have been investigated — fishing spears or harpoons, fishing hooks, spoon baits, pottery and lead sinkers — and they provide an idea of certain fishing techniques in medieval “Izyaslavl”. It is possible to gain an idea of the kinds of fish caught by the “Izyaslavl” fishermen from the fish bones, of which there are, however, only a small number. The fish bones, which have been identified, are from sturgeon or carp species. Fish bones were identified by junior researcher, N. Yermolova, from the Leningrad Department of the Institute of Archaeology affiliated to the USSR Academy of Sciences. The items of fishing equipment found in medieval “Izyaslavl” were found both within the citadel or settlement (*Detinets*) and within fortified settlement around it (“*Posad*”).

Only three fishing hooks were found at the site: one in the citadel (*Detinets*) and one in the fortified settlement around it (“*Posad*”). They are of two different types. Type 1. An iron hook with a shank oval or rectangular in section, a sharp point and a barb projecting backwards. The spot where the hook is attached to the line is slightly flatter. Two of the hooks are of this type: one is small, only 3.5 cms long and oval in section, while the other is 7.2 cms long and rectangular in section (*Fig. 1: 4–5*). Type 2. The larger hook is 9.5 cms long and its shank is roughly rectangular in section: it has a sharp point, a barb projecting backwards and a top part in the shape of a loop (*Fig. 1: 6*). Large fishing hooks were used by professional fishermen to catch larger fish.

Only one spoon bait was found in the fortified settlement. It was a large iron plate 12.2 cms long with a slightly curved back: the barb on the hook was clearly visible, although its upper end had broken off (*Fig. 1: 7*). This spoon bait is most likely to have been used by fishermen in a boat or a canoe. The medieval fishermen could have used the spoon bait to attract pike, cat-fish and various kinds of perch.

The harpoon spears found in the urban settlement (7 specimens) are single-spike or double-spike harpoons: they are oval or roughly triangular in section with a sharp point and a barb projecting backwards. The end of the foot is usually bent backwards at right angles. The lengths of the single-spike harpoons were 13.5 cms and 10.2 cms respectively (*Fig. 1: 8–9*) and the third single-spike harpoon did not survive intact. The double-spike fishing harpoons were, as a rule, large and longer than the single-spike ones, ranging from 16.1 cms to 19.8 cms in length (*Fig. 1: 10–13*). The spikes were oval or roughly rectangular in section: sometimes one spike would be oval in section and the other roughly rectangular. No harpoon spear with three spikes was found at the site.

Not many sinkers were found at the site. One was made of pottery and cylindrical in shape with oval edges (*Fig. 1: 3*). Another sinker was made of lead. It was small and had a hole in the centre (*Fig. 1: 2*).

Examination of this collection of fishing tackle indicates that the medieval fishermen from “Izyaslavl” were acquainted with the main methods then used to ply this trade. Fishing, however, only played a modest, subsidiary role in the economy of the small town in comparison with agriculture and animal husbandry.

Fauna from the excavations at the medieval settlement of “Izyaslavl” (V. I. Tsalkin)

This section was written by Veniamin Tsalkin (1903–1970). Excavations carried out for a number of years at the medieval settlement of “Izyaslavl” revealed a cultural layer at this site with a large number of faunal remains. The material collected over the years consisted of more than 35.000 animal bones in a good state of preservation: these included bones of cattle, sheep/goat and pigs, the meat of which was used for food. The percentage of well-preserved long bones, which in such cases would usually be fragmented artificially, was much higher at “Izyaslavl” than in the materials from excavations at other archaeological sites of Early Rus’.

The identified mammal bones totalled 26.699 and they originated from at least 2.042 individuals. The individuals belonged to 18 species, of which 8 were domestic and 10 wild (Table I). As the figures in the table show, the faunal remains were distributed unevenly among the represented species. While some species (this applies to most of the wild animals and the camel and cat among the domestic ones) were represented only by single specimens, others, on the contrary by many thousands of bones.

The amount of wild animal remains in the total material from the excavations at “Izyaslavl” is very limited: they comprise only 1.8 % of the total number of bones and 3.9 % of the total number of individuals (Table V). In these figures it is possible to see quite a clear indication of the extremely limited significance that hunting had not only for food, but also in the economic life of the population of “Izyaslavl” in general.

Materials from the excavations at “Izyaslavl” also provide a useful basis for studying the composition of the herd of farm animals in the population of Southern Rus’. When determining the correlations for the species of farm animals based on numbers of individuals, we find that in “Izyaslavl” almost half of them were pigs. Cattle and sheep/goat are represented by a slightly smaller but comparable percentage of individuals. Finally, the last place in the number of individuals is that of horses, which account for only a little more than 5 %.

We find exactly the same species composition of farm animals at all archaeological sites of Early Rus’ without exception. Differences between the sites are only revealed through study of quantitative correlations between individual species of animals, which are far from consistent. For example, the figure for cattle is 24.9 % (“Izyaslavl”) to 45.9 % (Kiev, near Desyatinnaya Church — “Church of the Tithes”) of the total number of farm animals, sheep/goat from 20.4 % (Voin) to 33.7 % (settlement on Kiselyovka Hill in Kiev), pigs from 128.5 % (near the “Church of the Tithes”) to 48.6 % (“Izyaslavl”) and horses from 4.9 % (settlement on Kiselyovka Hill) to 20.1 % (Raikovetskoye settlement). The percentage of pig individuals and especially that of horse individuals fluctuate most, as is clear from the figures.

Usually the first place, regarding the number of individuals in the remains from excavations at Southern Rus’ sites, is that of cattle, which goes down to second place, however, in “Izyaslavl”. Sheep/goat is usually in third place. Pigs, like sheep/goat, are in second or third place. Horses are most often represented by a very low percentage of individuals: they have consistently occupied the last place among agricultural animals.

In “Izyaslavl”, the first place belongs to pigs, which account for almost 50 % of the remains of farm animals. We do not know of any other site in Southern Rus’, where pigs would occupy a similar place in the faunal remains. This, of course should be regarded as an indication of the high development of pig-breeding among the population of “Izyaslavl”. The second

characteristic feature of the composition of faunal remains is a very lower number of cattle, accounting for only about a quarter of the individuals. At most of the sites known to us in Southern Rus' the amount of cattle is much higher. The relative amount of sheep/goat at "Izyaslavl" is almost indistinguishable from that at many other Southern Rus' sites. Very few horse bones were found in the remains from "Izyaslavl". According to this indicator, it numbers among the poorest, in horse bones, of the Early Rus' sites.

A very high percentage of pigs alongside a small number of cattle and horses should be considered a characteristic feature of the composition of the agricultural animal range from the "Izyaslavl" excavations. On the basis of all these features, "Izyaslavl" resembles most closely the settlement on Kiselyovka Hill in Kiev and differs greatly from such settlements as Voin (previously Poltava Region, Ukraine, now flooded by the Kremenchuk Reservoir of Dnieper River) and Raikovetskoye settlements, Zhytomir Region, Ukraine.

List of illustrations

The history of research into the fortified settlement at the village of Gorodishche in the Shepetovka District of the Khmelnytsky Region of Ukraine

Fig. 1. Portrait of Mikhail Karger from the 1960s (Photographic Dept of the Academic Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences [PD AA HIMC RAS]: Negative 176721).

Fig. 2. Diagram showing locations of fortified settlements near the village of Gorodishche in the Shepetovka District, Khmelnytsky Region, Ukraine: (1) Large fortified settlement at “Valy” (“Izyaslavl” of the Chronicles): (2) Small fortified settlement at Vysokoe (after: Peskova 2009: Illustration 1).

Fig. 3. View of the Large Fortified Settlement at Shepitovka from the North-East (Photograph from M. Karger’s personal archive).

Fig. 4. Expedition life: (a) Excavations in the citadel, 1957 (foreground, right: Mariana Malevskaya); (b) Clearing clusters of bones; (c) Washing and packing away bones; (d) Anatolii Kirpichnikov photographing a stove, 1958; (e) Clearing wooden structures, 1957; (f) Topographical survey (Photograph from M. Karger’s personal archive).

Fig. 5. Mikhail Karger at excavations in the fortified settlement, 1958; (a) Expedition leader deep in thought; (b) In discussion with Anatolii Kirpichnikov; (c) Taking photographs; (d) Demonstrating how to hold a spade; (e) Setting out to Izyaslav (?) on a day off (Photograph from M. Karger’s personal archive).

Fig. 6. Members of the Expedition team: (a) 1957 (front row, third from the left — Mark Miroljubov); (b) 1964 (top row in the centre — core members of the team: Leonid Fligelman, Valentin Bulkin, Oleg Ovsyannikov, Anatolii Kirpichnikov; first on the left in the bottom row — Vasili Bulkin) (Photograph from M. Karger’s personal archive).

Fig. 7. “Izyaslavsky” archaeological micro-region (after: Demidko 2017: Fig. 4).

Fig. 8. Plan of the fortified settlement including the base frames laid out under its inner rampart (after: Peskova 2009: Illustration 11).

Fig. 9. Plan of the fortified settlement showing excavation trenches and the years they were studied (field sketch prepared by E. Nikitina).

Fig. 10. Remains of burnt hollow log-buildings along the western line of fortifications (Photograph from M. Karger’s personal archive).

Fig. 11. Traces of the town’s destruction: (a) skeletons of those who perished; (b) pile of bones (after hygienic burial) (Photograph from M. Karger’s personal archive).

Fig. 12. Unearthed complexes: (a) remains of dwelling structures; (b) household utensils.

Fig. 13. Stain left from a building after unfinished excavation (Photograph 6 from album prepared to accompany M. Karger’s 1962 report, held in Kiev).

- Fig. 14. Excursion to the fortified settlement (Photograph from M. Karger's personal archive).
 Fig. 15. Oleg Ovsyannikov, early 1960s (from O. Ovsyannikov's personal archive).
 Fig. 16. Anatolii Kirpichnikov, early 1960s (Photograph from A. Kirpichnikov's personal archive).

Late Roman layer of a medieval fortified settlement near the village of Gorodishche

Fig. 1. Arrangement of Buildings № 1 and № 2 from the Roman period within the area of the fortified settlement (Drawing by E. Nikitina).

Fig. 2. Hand-moulded vessels found in a cluster of pottery articles in Quadrant Г-9 within the fortified settlement: (1) bowl (ГД-58/5890; (2) bowl (ГД-58/5891); (3) pot (ГД-58/5889). The inventory numbers are in accordance with the current deposition in the State Hermitage Museum (Photograph by A. Kononovich, drawing (1,2) — by G. Romanova; (3) — by E. Kononovich based on a sketch by G. Romanova).

Fig. 3. Remains of building №1 with a discarded pile of loom weights: (1) Plan of building № 1; (2) Clay loom weights from building № 1 (Drawing by E. Nikitina, Photograph from the PD AA HIMC RAS, Print O.2567-69).

Fig. 4. Loom weights from building №1 held in the collection of the State Hermitage Museum: (1) ГП-58/5510; (2) ГП-58/5509; (3) ГП-58/5513; (4) ГП-58/5510 (Photograph by A. Litvinenko).

Fig. 5. Pottery from the Late Roman period: (1–2) — wheel-made (un-numbered); (3–5) — hand-moulded cups (3 — ГП-59/2956; 4 — ГД-58/5762; 5 — ГП-60/4472) (1, 2, 3, 5 — Photographs from PD AA IHMC RAS, album O.2567; 4 — Photograph by A. Kononovich).

Fig. 6. Remains of building № 2 (Drawing by E. Nikitina).

Fig. 7. Fibulae: (1) ГД-58/7880; (2) ГД-58/896; (3) (un-numbered); (4) ГД-58/7881; (5) ГД-58/7882; (6) ГД-58/7879; (7) (un-numbered). (1) — iron; (2–7) — bronze; (1–7) — Photographs from the PD AA IHMC RAS: Negative II78796.

Fig. 8. Fibulae: (1) ГД-58/7880; (2) ГД-58/896; (3) ГД-58/7881; (4) ГД-58/7882; (5) (un-numbered); (6) (un-numbered); (7) ГД-58/7879.

Fig. 9. Articles made of bone: (1–5) — styluses and burnishers; (6, 7) combs (Drawings by E. Kononovich based on sketches by G. Romanova; photographs by A. Kononovich).

Fig. 10. Roman coins: (1) Titus denarius (79–82 AD); (2) Marcus Aurelius denarius (145–160 AD) (1–2) — silver. Photographs from PD AA IHMC RAS: Negative 154379, 154380, 154964, 154965.

Fig. 11. Clay spindle whorls. Photographs by A. Kononovich. Drawings by E. Kononovich.

Fig. 12. Dating small objects: (1–3) — fibulae (1 — ГП-61/200; 2 — ГП-60/10; 3 — ГП-61/169); (4) fragment of the phial ГП-64/965. (1–3) — bronze; (4) — glass (Drawings by G. Romanova).

Weaponry from Medieval “Izyaslavl”

Fig. 1. Weapons and spurs from the Late Roman period: (1–2) spurs; (3–7) spearheads; (1–7) iron.

- Fig. 2. Typology of spearheads. Types I–III.
- Fig. 3. Spearheads: (1) — Bear-spear; (2–3, 5–6, 9) — pikes; (4, 7–8) — spearheads; including 1 and 4, which were distorted spearheads (1–9) iron.
- Fig. 4. Typology of battle-axes. Types I–III.
- Fig. 5. Battle-axes: (1–3) — Type II; (4) — Type I. (1–4) iron.
- Fig. 6. Swords: (1) of East-European origin; (2, 3) — of West-European origin (Blade of sword № 2 bears a Latin inscription); (1–3) — steel.
- Fig. 7. Swords prior to restoration.
- Fig. 8. Typology for sword parts: pommels (top row), cross-guards (middle row), sheath terminals (bottom row).
- Fig. 9. Sword parts: (1–2) — pommels of Type I swords; (3–4) — sheath terminals of Type II swords; (5–6) — sheath terminals of Type I swords; (1–2), (5–6) — bronze; (3–4) — iron.
- Fig. 10. Examples of sabres (drawing from the personal archive of A. Kirpichnikov).
- Fig. 11. Sabre with an ornamental blade. Steel.
- Fig. 12. Typology for sabre parts: pommels (top row), cross-guards (middle row), detail of a sling and sheath terminals (bottom row).
- Fig. 13. Dagger. Iron.
- Fig. 14. Typology for maces and bludgeons: maces (top and middle rows); bludgeons (bottom row).
- Fig. 15. Examples of maces and bludgeons: (1–6) — maces; (7–12) — bludgeons; (1–3, 6, 11) — iron; (4–5, 7–10, 12) — bronze.
- Fig. 16. Main types of arrows with indication of distortion areas.
- Fig. 17. Examples of distorted arrows: (1–20) — iron.
- Fig. 18. Early Rus' arrows from a single quiver set. (1–7) — iron.
- Fig. 19. Typology for arrowheads: (I–XIV) — iron; A–B — bone.
- Fig. 20. Bone arrowheads: (1–3) — Type A; (4–6) — Type B; (7–16) — arrowhead fragments.
- Fig. 21. Typology for crossbow bolts and a crossbow hook.
- Fig. 22. Crossbow hook. Iron.
- Fig. 23. Chain-mail with an encolpion cross inside it. Iron.
- Fig. 24. Helmet with aventail (*barmitsa*). Iron.
- Fig. 25. Military half-mask with a beak-shaped nose-plate. Iron.
- Fig. 26. Anthropomorphic combat mask: (1) — Photograph from PD AA IHMC RAS, Negative I 54213); (2) Photograph by K. Mikhailov (current condition); (3) Drawing from A. Kirpichnikov's archive.
- Fig. 27. Different types of horse-shoes: (1–7) — horse-shoes with a wavy edge; (8) horse-shoe with a smooth edge. Iron.
- Fig. 28. Typology of spurs.
- Fig. 29. Examples of spurs: (1–2, 5–6) — Type V (spurs with a small wheel); (3–4, 7–8) — Type II; (9–10) — Type IV (encrusted spurs); (11–18) — Types III–IV.
- Fig. 30. Bone whip pommels.
- Fig. 31. Typology for stirrups.
- Fig. 32. Examples of stirrups: (1–3) — Types I and IA; (4) — Type II. Iron.

Pottery from medieval “Izyaslavl”

- Fig. 1. Intact and restored pottery vessels from the excavations in the fortified settlement: (1) found in 1957–1958; (2) found in 1959 (the amphora shown in the foreground came from

excavations at Galich); (3) found in 1960 (one vessel is from the Late Roman period) (PD AA IHMC RAS): Prints O.2566.22, 32, 73).

Fig. 2. Assemblages of pottery vessels originating from dwellings: (1–3) Quadrant Φ -43 ($\Gamma\Delta$ -58); (4–7) — Quadrant Ψ in Quadrant-34, Quadrants IIIII in Quadrants — 36–37 ($\Gamma\Delta$ -59); (8–11) — Quadrant H in Circle-15 ($\Gamma\Delta$ -58). Photograph from M. Karger's archive.

Fig. 3. Assemblages of pottery vessels originating from dwellings: (1–3) — Quadrant III in Circle — 83 ($\Gamma\Pi$ -62); (4–7) — Quadrant Ψ -88 ($\Gamma\Pi$ -59). Photograph from M. Karger's personal archive.

Fig. 4. Assemblages of pottery vessels found at the line of defensive logs (storerooms) in the "Posad": (1–3) — Quadrant δ - μ -99–102 ($\Gamma\Pi$ -57); (4–6) — Quadrant $\alpha\beta$ -101–102 ($\Gamma\Pi$ -57, 59). Photograph from M. Karger's personal archive.

Fig. 5. Assemblages of pottery vessels found at the line of defensive logs (storerooms) in the "Posad": (1–5) — Quadrant $\alpha\beta\gamma$ -97 ($\Gamma\Pi$ -57); (6–10) — Quadrant Δ 3 in Circle-112–113 ($\Gamma\Pi$ -62). Photograph from M. Karger's personal archive.

Fig. 6. Assemblage of pottery vessels found at the line of defensive logs (storerooms) in the *Detinets* (citadel): Я-43-44 ($\Gamma\Delta$ -57): (1–2) — vessels; 3 — outdoor photograph of the assemblage. View from the South-West. Photograph from M. Karger's personal archive.

Fig. 7. Rim types of pots from the first group (diagram).

Fig. 8. Pots of the first group, Type I: (1) — $\Gamma\Pi$ -57/2011; (2) — $\Gamma\Pi$ -61/3262; (3) $\Gamma\Pi$ -59/2942; (4) un-numbered; (5) $\Gamma\Delta$ -57/7643; (6) $\Gamma\Pi$ -61/3982; (7) $\Gamma\Pi$ -62/983; (8) un-numbered; (9) Γ -59/Galich(?); (10) $\Gamma\Delta$ -58/9106; (11) $\Gamma\Pi$ -57/9647 or $\Gamma\Pi$ -64/1639; (12) un-numbered; (13) $\Gamma\Pi$ -61/1953 or $\Gamma\Pi$ -59/2961; (14) $\Gamma\Delta$ -58/3563; (15) $\Gamma\Pi$ -61/1956; (16) un-numbered; (17) $\Gamma\Delta$ -58/6416.

Fig. 9. Pots of the first group, Type I (continuation): (1) un-numbered; (2) $\Gamma\Delta$ -58/8917; (3) un-numbered.

Fig. 10. Pots of the first group, Type II: (1) $\Gamma\Delta$ -59/3573; (2) $\Gamma\Pi$ -62/987; (3) $\Gamma\Pi$ -58/5288; (4) $\Gamma\Pi$ -57/9492; (5) $\Gamma\Pi$ -62/1762; (6) $\Gamma\Pi$ -61/?; (7) $\Gamma\Pi$ -60/8065; (8) $\Gamma\Pi$ -59/2951; (9) $\Gamma\Pi$ -60/5867; (10) $\Gamma\Pi$ -60/5314; (11) $\Gamma\Delta$ -57/3491; (12) $\Gamma\Pi$ -60/2537; (13) $\Gamma\Pi$ -59/2980; (14) $\Gamma\Pi$ -63/541; (15) $\Gamma\Pi$ -60/2535; (16) $\Gamma\Pi$ -59/2956; (17) un-numbered; (18) $\Gamma\Pi$ -59/2944; (19) $\Gamma\Delta$ -57/?.

Fig. 11. Pots of the first group, Type II (continuation): (1) — $\Gamma\Pi$ -59/6398; (2) $\Gamma\Pi$ -59/9108; (3) $\Gamma\Delta$ -57/9643; (4) $\Gamma\Pi$ -62/1000; (5) un-numbered; (6) $\Gamma\Pi$ -62/2993; (7) un-numbered; (8) $\Gamma\Pi$ -62/2934.

Fig. 12. Pots of the first group, Type III: (1) — $\Gamma\Pi$ -62/908; (2) $\Gamma\Delta$ -57/7633; (3) $\Gamma\Pi$ -62/991; (4) $\Gamma\Pi$ -59/2950; (5) $\Gamma\Pi$ -57/9401; (6) $\Gamma\Pi$ -62/2940; (7) $\Gamma\Pi$ -59/2947; (8) $\Gamma\Delta$ -58/5875; (9) $\Gamma\Pi$ -59/3358; (10) $\Gamma\Delta$ -58/9882; (11) un-numbered.

Fig. 13. Pots of the first group, Type III (continuation): (1) $\Gamma\Delta$ -58/11229; (2) un-numbered; (3) $\Gamma\Pi$ -62/1004; (4) $\Gamma\Pi$ -62/2947.

Fig. 14. Pots of the first group, Type IV: (1) $\Gamma\Pi$ -62/992; (2) $\Gamma\Delta$ -58/?; (3) $\Gamma\Delta$ -58/5881; (4) $\Gamma\Pi$ -62/990; (5) $\Gamma\Pi$ -57/9646; (6) $\Gamma\Pi$ -57/9649; (7) $\Gamma\Pi$ -57/9593; (8) $\Gamma\Pi$ -57/9589; (9) $\Gamma\Pi$ -62/1003; (10) $\Gamma\Delta$ -59/5042; (11) $\Gamma\Pi$ -62/1062.

Fig. 15. Pots of the first group, Types V-VI and individual shapes: (2, 4) — Type V ($\Gamma\Pi$ -62/989; $\Gamma\Delta$ -58/3565); (5, 6) — Type VI ($\Gamma\Pi$ -57/9594, $\Gamma\Pi$ -63/544); (1, 3) individual shapes (dating from the late-13th or 14th century) ($\Gamma\Pi$ -62/989, $\Gamma\Delta$ -58/3565).

Fig. 16. Rare forms of decoration on pots of the first group (1) $\Gamma\Pi$ -57/7633; (2) $\Gamma\Pi$ -60/7329; (3) $\Gamma\Pi$ -62/2946; (4) un-numbered. Photograph from M. Karger's personal archive.

Fig. 17. Decorative motifs on pots of the second group (with a cylindrical neck) (diagram).

Fig. 18. Rim types from pots of the second group (vessels with a cylindrical neck): (1–20) — rim types; (21) — vessel fragment (ГД-57/9809).

Fig. 19. Jugs: (1–14) — neck fragments (ГП-63/9503; ГП-57/6661; ГД-57/873; ГП-62/1332; ГП-63/9598; ГП-61/2844; ГД-57/1437; ГП-61/4950; ГП-60/3149; ГП-63/10151; ГП-62/2954; ГП-64/1508; ГД-58/5873; ГП-61/2295); 15 — jug with a wide cup-like rim (ГП-64/1643); (16) jug with a wide conical rim (ГД-58/3567).

Fig. 20. Jug-shaped vessels with a cylindrical neck with a ridge: (1) ГП-59/2943; (2) ГП-57/9596; (3) ГП-57/9595; (4) ГП-63/538; (5) — un-numbered; (6) ГП-59/2945; (7) ГП-60/2598; (8) ГД-58/3571; (9) ГД-58/3566. Photograph from M. Karger's personal archive.

Fig. 21. Jug-shaped vessels with a cylindrical neck with a ridge: (1) ГП-59/2943; (2) ГП-57/9596; (3) ГП-57/9595; (4) ГП-63/538; (5) un-numbered; (6) ГП-59/2945; (7) ГП-60/2598; (8) — ГД-58/5775; (9) — ГП-61/1952; (10) — ГД-58/3571; (11) — ГД-58/3566; (12) — ГД-58/5121; (13) — ГП-59/5330; (14) — ГД-58/3622.

Fig. 22. Jug-shaped vessels with a cylindrical neck and loops: (1–8) ГД-58/5879; ГД-58/3564; ГП-61/1958; un-numbered; ГП-62/997; un-numbered; ГД-57/2616; ГП-61/1959; un-numbered).

Fig. 23. Jug-shaped vessels with a cylindrical neck and loops: (1) ГД-58/5879; (2) ГД-58/3564; (3) ГД-57/2616 (or 2618); (4) ГП-61/1959; (5) un-numbered; (6) ГП-62/997; (7) ГП-59/2946. Photograph from M. Karger's personal archive.

Fig. 24. Jug-shaped vessels ("lahen"): (1–16) intact vessels (ГП-62/2942; ГД-58/5874; ГД-58/3575; ГП-60/5868; ГП-59/2955; ГП-62/994; ГП-57/9591; ГП-62/982; un-numbered, ГД-57/9604; ГП-62/993; ГП-60/2538; ГП-57/9489; ГД-57/9490; ГД-58/3570; ГД-58/5290).

Fig. 25. Jug-shaped vessels ("lahen"): (1–12) intact vessels and fragments: (ГП-62/2320; ГП-60/6581; ГП-59/3051; ГП-62/2300; ГП-60/6581; ГП-59/2999; ГД-58/3574; ГП-60/5869; ГП-59/3000; ГП-63/?; ГП-59/5981; ГП-57/9590).

Fig. 26. Jug-shaped vessels ("lahen"): (1–13) (ГД-57/9604; ГП-59/2954; ГП-59/2955; ГД-58/3574; ГП-62/982; ГП-62/994; ГП-64/1638; ГП-57/9642; ГД-58/5874; un-numbered; ГП-57/9489; ГП-60/2538; ГД-58/3562). Photograph from M. Karger's personal archive.

Fig. 27. Jug-shaped vessels ("lahen"): (1–10) (ГП-62/993; ГП-60/5869; ГП-64/1642; ГП-57/9590; ГП-60/5868; ГП-58/3575; ГП-57/9591; ГД-58/3570; ГП-60/2539; ГД-57/9490). Photograph from M. Karger's personal archive.

Fig. 28. Pithos-shaped vessel (un-numbered). Photograph from M. Karger's personal archive.

Fig. 29. Fragments of pithos-shaped vessels: (1–16) — rim types; 17–24 — large vessel fragments: (17–18) ГП-62/1886; (19) ГП-60/9023; (20) ГД-58/8665; (21) ГД-58/5376; (22) ГД-58/11045; (23) ГП-64/1600; (24) ГП-62/2843.

Fig. 30. Fragments of amphorae: (1, 2, 5 — small examples of Types IV and V (ГД-57/7466; ГП-63/11249; ГП-61/4832); (3) — Type II (ГП-60/8068); (4) — Type I (ГП-61/3943).

Fig. 31. Amphora of Type III: (1) complete amphora ГП-62/2945; (2) magnified fragment of the same amphora bearing a graffiti (no scale provided). Photograph from M. Karger's personal archive.

Fig. 32. Pottery lids: (22–28) — Type I (ГП-61/3607; ГП-60/7671; ГД-57/1686; ГП-60/3883; ГД-57/7517; ГД-58/4081; ГП-61/3809); (1–12) (ГП-63/12534, ГД-58/5190; ГП-59/5022; ГП-61/1585; ГД-58/?; ГД-58/78805; ГД-58/10309; ГП-57/4233; ГП-60/3276; ГП-60/6897; ГП-63/12514; ГП-63/5841) and (14–20) — Type II (ГП-57/7937; ГП-63/7855; ГД-57/9434; ГП-59/3359; ГД-58/4382; ГП-60/8305; ГП-59/5204; (13, 21) — Type III (ГП-64/1548; ГП-63/9637).

Fig. 33. Pottery lids of different types: (1) ГП-59/3359 (lid) and ГП-59/4181 (vessel) from different assemblages; (2) ГП-59/7029; (3) ГП-61/3809; (4,5) ГП-60/3883. Photograph from M. Karger's personal archive and photograph by A. Kononovich.

Fig. 34. Small bowls (1, 2, 6) ГД-58/5883; ГД-59/2962; ГП-61/1957) and small scoops (3, 4, 5, 7–13) ГП-63/12637; ГП-57/9495, ГП-57/9493; ГП-62/2903, ГП-59/4060; un-numbered; ГД-58/3572; un-numbered). Photograph from M. Karger's personal archive and photograph by A. Kononovich.

Fig. 35. Group of wheel-turned pottery stamps (19 groups, diagram).

Fig. 36. Types of vessel bases with stamps (diagram).

Fig. 37. Glazed pottery vessels: (1–8) miniature pots and jars (ГД-58/5918; ГП-61/6873; ГП-61/2766; ГД-58/5919; ГД-58/3581; ГП-63/12532 (unglazed); ГД-58/5920; ГП-60/8066); (9–11) — small jugs (ГД-57/9587; ГП-63/980; ГД-58/5921; (12–16) — fragments of miniature vessels (ГП-61/2341; ГП-60/11858; ГП-63/12535; ГД-57/13030; ГП-63/12533); (17–18) — faceted hollow handles with traces of glaze (ГД-58/4451; ГД-58/9723).

Fishing Equipment from the medieval fortified settlement of “Izyaslavl”

Fig. 1. Fishing tackle from excavations at the medieval site “Izyaslavl”: (1) — needle for making nets; (2–3) — weights; (4–6) — hooks; (7) — spoon bait; (8–13) fishing spears; (1) bone; (2) lead; (3) clay; (4–13) — iron. The drawings were made by O. Ovsyannikov and their digital processing was carried out by E. Kononovich.

Fauna from the excavations at the medieval settlement of “Izyaslavl”

Fig. 1. Skeletons of domesticated animals, which perished during the destruction of the town: (1) — skeletons of a cow and a horse found during excavations in the citadel in 1958; (2) — skeleton of a cow found in the western part of the *Detinets* (citadel) in 1957; (3) — skull and long bones of a horse found in the western part of the “*Posad*” (suburb) in 1964; (4) skull of a horse found in the north-western part of the “*Posad*” in 1960. Photograph from M. Karger's personal archive.

Fig. 2. Skeleton of a dog found in the western part of the “*Posad*” in 1961. Photograph from M. Karger's personal archive.

Colour plates

1. Jugs: (1) ГП-60/6574; (2) ГД-58/3560; (3) ГД-58/3567; ГП-64/1643. Photograph by A. Kononovich.

2. Amphora of Type III (ГП-62/2945). Photograph by A. Kononovich.

3. Miniature glazed vessels: (1) ГД-58/3579 (without glaze), (2) ГД-58/5918, (3) ГД-57/9587, (4) ГД-58/5920, (5) ГД-58/5921, (6) ГД-58/3569 (without glaze). Photograph by A. Kononovich.

4. Miscellaneous objects: (1) — fibula (ГП-61/169); (2, 3) — fragments of painted vessels (ГП-59/3149; ГП-59/4878); (4) small amphora fragment (ГД-58/5877). Photograph by A. Kononovich.

Список сокращений

АДУ	—	Археологія і давня історія України. Київ
АН	—	Академия наук
АО	—	Археологические открытия. М.
АП УРСР	—	Археологічні пам'ятки Української радянської соціалістичної республіки. Київ
АС	—	Археологический съезд
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
Бюл. МОИП	—	Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВУАК	—	Всеукраїнський археологічний комітет
ГИМ	—	Государственный исторический музей. М.
ГУ	—	Государственный университет
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж
ИАК	—	Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИИМК РАН	—	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИРГО	—	Императорское Русское географическое общество
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИАУ	—	Краткие сообщения Института археологии АН Украины. Киев
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Академии наук СССР. М.; Л.
КСИЭ	—	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет
ЛОИА	—	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИИМК АН СССР	—	Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАР	—	Материалы по археологии России. СПб.
МДАПВ	—	Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ, Львів
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАЛ	—	Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. Рига
МКАС	—	Международный конгресс археологов-славистов

Сокращения

НА ІА НАНУ	—	Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України. Київ
НА ІА РАН	—	Научный архив Института археологии РАН. М.
НА ИИМК РАН	—	Научный архив Института истории материальной культуры РАН. СПб.
НЗІМК	—	Наукові записки Інституту історії матеріальної культури АН УРСР. Київ
НнНЗИА	—	Новгород и Новгородская земля. Исто- рия и археология. Вел. Новгород
ОАК	—	Отчеты Археологической комиссии
ОИРК ГЭ	—	Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа
ПГНИАЦ	—	Псковский государственный научно-исследовательский археологический центр
ПГОИАХМЗ	—	Псковский государственный объединенный историко- архитектурный и художественный музей-заповедник
ПСРА	—	Полное собрание русских летописей
РА	—	Российская археология. М.
РАН	—	Российская академия наук
РИБ	—	Русская историческая библиотека
РО	—	Рукописный отдел
СА	—	Советская археология. М.
САИ	—	Свод археологических источников. М., Л.
СИААМЗ	—	Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник
СПбДА	—	Санкт-Петербургская духовная академия
ТД	—	Тезисы докладов
Тр. ГИМ	—	Труды Государственного исторического музея. М.
УРСР	—	Українська радянська соціалістична республіка
УССР	—	Украинская советская социалистическая республика
ХАМ	—	Хроніка археології та мистецтва. Київ
РА	—	Pam'atky archeologické. Praha
ZSAK	—	Zeitschrift für Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. Basel
ZWK, NF	—	Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde, Neue Folge. München-Berlin

Об авторах

Кирпичников Анатолий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, научный руководитель Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН и старейший сотрудник ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК РАН (с 1955 г.). Исследователь памятников истории и культуры Древней Руси, один из ведущих специалистов в области военного дела и фортификации Руси и сопредельных стран, автор более 700 научных работ. Руководитель крупных археологических экспедиций, проводивших археологические раскопки древнерусских городов и крепостей в Великом Новгороде, Пскове, Порхове, Велье, Острове, Гдове, Ивангороде, Копорье и др. Многолетний руководитель Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН (с 1972 г.), внесший огромный вклад также в дело сохранения и реставрации архитектурных памятников Старой Ладоги.

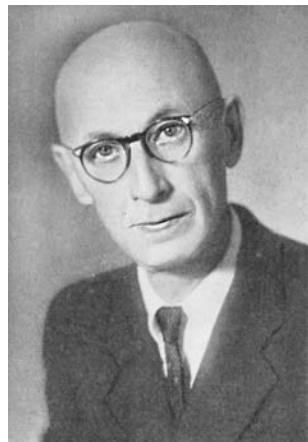
Овсянников Олег Владимирович — доктор исторических наук, один из старейших сотрудников ЛОИА/ИИМК РАН (с 1962 по 2001 г.). Автор более 300 научных статей и монографий, изданных в России, Англии, Норвегии и Финляндии. Один из ведущих специалистов в области историко- и архитектурно-археологического изучения городов и поселений, могильников и святилищ Северной Руси, Западной Сибири и хозяйственного освоения Европейской Арктики в широком хронологическом диапазоне с IX по XVIII в. В ходе полевых исследований выявил и раскопал множество археологических памятников на пространстве от Ленинградской области до Кольского полуострова и от Архангельска до Нижней Печоры. В 1998 г. переехал с семьей в Германию, где проживает и в настоящее время, продолжая активно работать по избранной проблематике.

Романова (Усова) Галина Александровна — сотрудник ЛОИА/ИИМК РАН с 1968 по 1991 г. Будучи постоянным участником Днепровской Левобережной экспедиции, руководимой Е. А. Горюновым, целенаправленно занималась изучением памятников черняховской культуры Днепровского Левобережья. В декабре 1991 г. переехала с семьей в США. Много лет работала на раскопках Национального фонда сохранения истории. Более 20 лет является сотрудником Университета Стони Брук, штат Нью-Йорк, последние 15 лет на факультете Молекулярной медицины и иммунологии.

Цалкин Вениамин Иосифович (1903–1970) — видный представитель археологической палеонтологии, известный советский зоолог широкого профиля и морфолог-систематик, доктор биологических наук (1947), профессор. Автор более 200 научных работ, в том числе восьми монографий по исследованию костных останков, происходящих из археологических раскопок. Будучи доцентом биологического факультета МГУ (1941–1950 гг.), одновременно стал сотрудником Московского отделения Института истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР (с 1946 г.), где в 1950 г. основал палеозоологический (остеологический) кабинет камеральной лаборатории, поставив тем самым изучение костных остатков животных из археологических раскопок в ИИМК на надлежащую высоту. Заведовал кабинетом до конца жизни (1970 г.).

Содержание

Предисловие	5
А. А. Пескова. История изучения городища у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области, Украина.....	7
Публикации, касающиеся материалов из раскопок Большого Шепетовского городища.....	30
Г. А. Романова. Позднеримский слой древнерусского городища у с. Городище близ Шепетовки (подготовка текста и комментарии О. А. Щегловой)	40
А. Н. Киртичников. Вооружение древнего «Изяславля» (подготовка текста и комментарии К. А. Михайлова)	53
От автора	53
Вступление.....	53
Оружие позднеримского времени.....	57
Средневековое вооружение	59
Копья	59
Боевые топоры.....	61
Мечи	63
Сабли.....	69
Булавы.....	72
Кистени.....	76
Лук и стрелы	77
Самострел	91
Кольчуги и шлемы	93
Удила и подковы.....	96
Шпоры	97
Плети	105
Стремена	105
Общие итоги.....	108
О. В. Овсянников. Керамика древнего «Изяславля» (Опыт классификации глиняной посуды средневекового русского города) (подготовка текста и комментарии А. А. Песковой)	117
От автора	117
Введение	120

Горшки.....	122
Тарная керамика	145
Кувшины и кувшинообразные сосуды.....	145
Большие пифосообразные сосуды для хранения (корчаги)	164
Амфорная керамика	166
Глиняные крышки	173
Ковшки	177
Мисочки.....	179
Гончарные клейма	180
Поливная и расписная керамика.....	186
Технологическая характеристика керамики древнего «Изяславля»	189
Заключение	192
О. В. Овсянников. Орудия рыболовства с городища древнего «Изяславля» (подготовка текста и комментарии К. А. Михайлова)	203
В. И. Цалкин. Фауна из раскопок на городище древнего «Изяславля» (подготовка текста, иллюстраций и комментарии К. А. Михайлова).....	211
Крупный рогатый скот	214
Свинья	217
Лошадь	217
Мелкий рогатый скот (овца и коза).....	221
Верблюд	221
Собака	222
Домашняя кошка	222
Дикие животные	223
Состав стада сельскохозяйственных животных у населения Южной Руси	224
Summary	228
The history of research into the fortified settlement at the village of Gorodishche in the Shepetovka District of the Khmelnytsky Region of Ukraine (A. A. Peskova)	228
Late Roman layer of a medieval fortified settlement near the village of Gorodishche (G. A. Romanova)	232
Weaponry from Medieval “Izyaslavl” (A. N. Kirpichnikov)	234
Pottery from medieval “Izyaslavl” (An attempt to classify the clay vessels from a medieval Rus’ town) (O. V. Ovsyannikov)	242
Fishing Equipment from the medieval fortified settlement of “Izyaslavl” (O. V. Ovsyannikov).....	246
Fauna from the excavations at the medieval settlement of “Izyaslavl” (V. I. Tsalkin)	247
List of illustrations	249
Список сокращений	255
Об авторах	257

Contents

Preface.....	5
<i>A. A. Peskova. The history of research into the fortified settlement at the village of Gorodishche in the Shepetovka District of the Khmelnytsky Region of Ukraine</i>	7
List of publications devoted to the materials found during excavations of the Large Shepetovka Fortified Settlement.....	30
<i>G. A. Romanova. Late Roman layer of a medieval fortified settlement near the village of Gorodishche (prepared for the publication and comments by O. A. Shcheglova)</i>	40
<i>A. N. Kirpichnikov. Weaponry from medieval “Izyaslavl” (prepared for the publication and comments by K. A. Mikhailov)</i>	53
From the author	53
Introduction.....	53
Weapons from the Late Roman period	57
Medieval weapons	59
<i>Spears</i>	59
<i>Battle-axes</i>	61
<i>Swords</i>	63
<i>Sabres</i>	69
<i>Maces</i>	72
<i>Bludgeons</i>	76
<i>Bows and arrows</i>	77
<i>Crossbows</i>	91
<i>Chain-mail armour and helmets</i>	93
Bits and horse-shoes.....	96
Spurs.....	97
Whips	105
Stirrups	105
Conclusions	108
<i>O. V. Ovsyannikov. Pottery from medieval “Izyaslavl” (Attempt to classify the clay vessels from a medieval Rus’ town) (prepared for the publication and comments by A. A. Peskova)</i>	
From the author	117
Introduction	117

Classification of the “Izyaslavl” pottery	
Pots	122
Container ceramics	145
<i>Jugs and jug-like vessels</i>	145
<i>Large vessels for storage</i>	164
<i>Amphorae</i>	166
Pottery lids	173
Small scoops	177
Small bowls	179
Stamps	180
Glazed and painted pottery	186
The technology of production for wheel-turned pottery in ancient “Izyaslavl”	189
Conclusions	192
O. V. Ovsyannikov. Fishing equipment from the fortified settlement of medieval “Izyaslavl” (<i>prepared for the publication and comments by K. A. Mikhailov</i>)	203
V. I. Tsalkin. Fauna from the excavations at the medieval settlement of “Izyaslavl” (<i>prepared for the publication and comments K. A. Mikhailov</i>)	211
Cattle	214
Pig	217
Horse	217
Small cattle (sheep and goat)	221
Camel	222
Dog	222
Domestic cat	222
Wild animals	223
The composition of the herd of farm animals in the population of Southern Russia.....	224
Summary	228
The history of research into the fortified settlement at the village of Gorodishche in the Shepetovka District of the Khmelnytsky Region of Ukraine (<i>A. A. Peskova</i>)	228
Late Roman layer of a medieval fortified settlement near the village of Gorodishche (<i>G. A. Romanova</i>)	232
Weaponry from medieval “Izyaslavl” (<i>A. N. Kirpichnikov</i>)	234
Pottery from medieval “Izyaslavl” (An attempt to classify the clay vessels from a medieval Rus’ town) (<i>O. V. Ovsyannikov</i>)	242
Fishing Equipment from the medieval fortified settlement of “Izyaslavl” (<i>O. V. Ovsyannikov</i>).....	246
Fauna from the excavations at the medieval settlement of “Izyaslavl” (<i>V. I. Tsalkin</i>)	247
List of illustrations	249
Abbreviations	255
About the authors	257

Фото 1. Кувшины: 1 — ГП-60/6574; 2 — ГД-58/3560; 3 — ГД-58/3567; 4 — ГП-64/1643.
Фото А. Ю. Кононович

Фото 2. Амфора III типа (ГП-62/2945).
Фото А. Ю. Кононович

Фото 3. Миниатюрные поливные сосуды: 1 — ГД-58/3579 (без поливы); 2 — ГД-58/5918; 3 — ГД-57/9587; 4 — ГД-58/5920; 5 — ГД-58/5921; 6 — ГД-58/3569 (без поливы).

Фото А. Ю. Кононович

Фото 4. Разное: 1 — фибула (ГП-61/169); 2, 3 — фрагменты расписных сосудов (ГП-59/3149; ГП-59/4878); 4 — амфоры маломерной фрагмент (ГД-58/5877).
Фото А. Ю. Кононович

Научное издание

**Летописный «Изяславль»
Большое Шепетовское городище
в свете археологии**

Том 1

Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 годов
в исследованиях 1960–1980-х годов

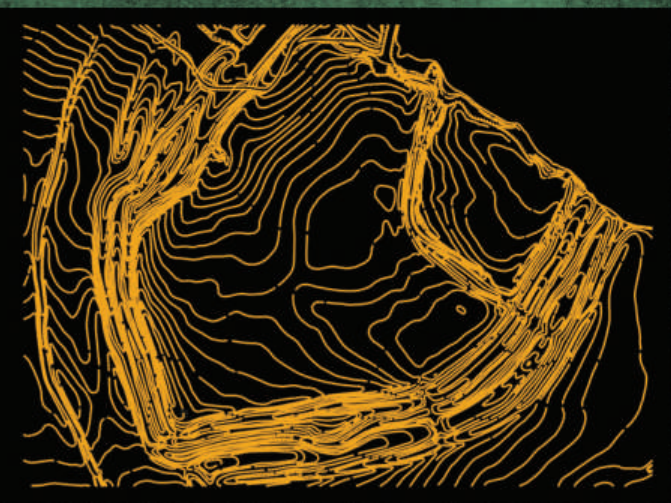
Ответственный редактор-составитель
А. А. Пескова

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *Е. В. Новгородских*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 25.04.2020.
Формат 60×90 ¹/₈. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 30,5
Тираж 300 экз. Заказ № 2043

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812) 235-15-86

Значение памятника для истории древней Руси накануне монгольского нашествия исключительно. Это единственный древнерусский город, раскопанный полностью и потому позволяющий с небывалой полнотой представить все стороны его материальной и духовной культуры

С потрясающей силой раскрылась трагическая судьба этого города, население которого подверглось тотальному уничтожению татаро-монгольскими полчищами.

М. К. Каргер.

Древнерусский Изяславль в свете археологических исследований...

ISBN 978-5-4469-1696-2

9 785446 916962